

ГОНТЕР ГЕРЕКЕ

Я БЫЛ
КОРОЛЕВСКО-
ПРУССКИМ
СОВЕТНИКОМ

МЕМОАРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДЕЯТЕЛЯ

GÜNTER GEREKE

**Ich war
königlich-
preussischer
Landrat**

**UNION VERLAG
BERLIN**

ГЮНТЕР ГЕРЕКЕ

Я БЫЛ
КОРОЛЕВСКО-
ПРУССКИМ
СОВЕТНИКОМ

МЕМОУАРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДЕЯТЕЛЯ

Перевод с немецкого Д. Е. Мельникова
Вступительная статья и редакция З. С. Шейниса

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1977

Гюнтер Гереке, автор книги «Я был королевско-прусским советником», прошел сложный жизненный путь. Он был министром в годы Веймарской республики, и его даже прочили в канцлеры Германии. В годы гитлеровской диктатуры, по настоянию президента Гинденбурга, он был включен в кабинет нацистского диктатора, но его резко негативное отношение к гитлеровскому режиму привело к тому, что Гереке оказался в застенках гестапо. В послевоенный период Гюнтер Гереке играл заметную роль в политической жизни ГДР и ФРГ, порвал с правительством Аденауэра и до конца своих дней связал свою жизнь с ГДР — вел большую государственную и общественную деятельность, был членом Президиума Национального совета Национального фронта демократической Германии, президентом Центрального ведомства коневодства. Гереке не раз бывал в Советском Союзе.

Книга Гюнтера Гереке — это не просто мемуары политического деятеля, поведавшего о своей сложной жизни. Это яркий и важный политический документ. Ибо эта книга говорит с громадной убедительностью о том, что путь реваншизма и реакции — гибельный для немцев путь, что будущее за демократией, социальным прогрессом и мирным сотрудничеством народов Европы.

Редакция литературы по научному коммунизму и международным отношениям

© Издательство «Прогресс», 1977,
перевод с немецкого

© Издательство «Прогресс», 1977,
вступительная статья

Г $\frac{11101-074}{006 (01)-77}$ 42-77

Свидетельство перед лицом истории

Вступительная статья

Судьба автора этой книги, бывшего прусского помещика Гюнтера Гереке, сложна и необычна. Он играл заметную роль в годы Веймарской республики, и его даже прочили в канцлеры Германии; был весьма близок с такими известными политическими деятелями, как один из руководителей рейхсвера майор Шлейхер, ставший вскоре генералом. Он был близок и с канцлером Брюнингом, другими лидерами Германии двадцатых — начала тридцатых годов.

Политическая деятельность Гереке, его связь с крупнейшими магнатами проложили ему дорожку и в резиденцию президента Германии фельдмаршала Гинденбурга, кумира германской буржуазии в годы первой мировой войны, да и после нее. И если такой прожженный политикан и интриган, как Франц фон Папен, «сатана в цилиндре», как его окрестил немецкий пролетариат, зачастую пробирался в резиденцию президента через потайную садовую калитку, то Гюнтер Гереке входил в президентские апартаменты с парадного входа, причем часто в сопровождении сына Гинденбурга, Оскара. Разумеется, эти встречи со Шлейхером, Брюнингом, Гинденбургом не были визитами вежливости: за закрытыми дверями обсуждались важные события, строились политические комбинации, готовились закулисные сделки в интересах немецкой буржуазии. Об этом необходимо сказать читателю сразу, дабы он, перелистав перед чтением книгу, как это обычно делает-

ся, и увидев фото автора с первым президентом Германской Демократической Республики Вильгельмом Пиком, с Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным, не решил, что перед ним чуть ли не пролетарий, пробившийся старанием на высокую иерархическую лесенку.

Сразу же после прихода нацистов к власти Гюнтер Гереке оказался членом правительства Адольфа Гитлера, правда ненадолго. Гереке, как он об этом пишет, был «автоматически включен в кабинет, как имперский комиссар по трудоустройству», на этом настоял президент Гинденбург. Встреча с новоиспеченным рейхсканцлером Германской империи не закончилась победной сделкой. Гереке весьма нелицеприятно сказал фюреру, что он думает о сотрудничестве с ним и его ближайшим окружением. Гитлер предложил Гереке вступить в нацистскую партию. «Если вы примкнете к нам, перед вами откроется большая карьера. Ну а если нет, то в один прекрасный день вы об этом сильно пожалеете», — заявил нацистский главарь. Гереке ответил, что об этом не может быть и речи. Кстати, это свидетельство весьма важно. Оно говорит о том, как неуверенно чувствовал себя на первых порах фюрер, оказавшийся в кресле рейхсканцлера. В ту пору единство действий против нацистов могло оказаться более эффективным, чем в последующие годы, когда немецкий народ уже был тотально одурманен и борьбу против фашизма в Германии вели немецкие коммунисты и лишь отдельные представители других политических партий веймарских времен. Но социал-демократические лидеры, в силу своей ограниченности не желая понять, к каким трагическим последствиям приведет их политическая слепота, отвергли все предложения немецких коммунистов о единстве действий в борьбе против нацистов.

Что же касается Гюнтера Гереке, то его вскоре бросили в гестаповскую тюрьму, через некоторое время выпустили на свободу, но он снова и не раз оказывался в руках гестаповцев, однако уцелел, хотя и был близок к участникам заговора 20 июля 1944 года и даже за несколько дней до взрыва бомбы, подложенной графом Клаусом фон Штауффенбергом в «Волчьем логове» — ставке Гитлера, имел тайное свидание с одним из руководящих деятелей заговора фельдмаршалом Витц-

лебеном. Гюнтер Гереке уцелел и в те последующие дни после неудавшегося заговора, когда на плахе рубили головы не только руководителям заговорщиков, но хватали всех в бессильной ярости перед неизбежным концом.

У читателя может возникнуть вопрос: как мог уцелеть Гюнтер Гереке в кровавом месиве фашистского режима? На этот вопрос ответит книга, которую, надо думать, прочтут с неослабевающим интересом все, кто возьмет ее в руки. И здесь не понадобятся никакие домыслы или предположения, а тем более категорические утверждения вроде «повезло» или «вытянул лотерейный билет». Вскоре после захвата власти нацистами Гереке ушел в частную жизнь, и, хотя фашистская клика и ее карательные органы проявляли к помещику и бывшему королевско-прусскому советнику повышенный «интерес» и не раз бросали его за решетку, все же он не представлял для них первостепенной опасности. Отсюда и «везение».

Неизмеримо важнее другое — свидетельство Гюнтера Гереке перед лицом истории, ибо это свидетельство при всей его половинчатости, а подчас и недоговоренности проливает дополнительный, и притом все же беспощадный, свет на тех, кто привел Гитлера к власти и был пособником юнкерской и монополистической верхушки, посадившей нацистского главаря в седло. Свидетельство Гереке разоблачает политиканов Веймарской республики, так трусливо уступивших власть Гитлеру, предавших немецкий народ и ставших, в сущности, соучастниками тех, кто залил кровью Европу и был повинен в гибели пятидесяти миллионов человеческих жизней, расовом изуверстве, уничтожении громадных материальных и культурных ценностей.

На этих свидетельствах мы остановимся несколько ниже, а пока кратко охарактеризуем дальнейший жизненный путь Гюнтера Гереке.

После краха гитлеровского режима Гереке вновь начинает играть довольно видную роль в жизни послевоенной Германии. И здесь снова начинаются зигзаги его политического пути. Непонимание ряда явлений новой жизни в бывшей Советской зоне оккупации, усугубившееся личной обидой, толкает Гереке к переходу в Западную Германию. Там он занимает высокие посты в земельных правительствах, играет видную роль в

Христианско-демократической партии Аденауэра и становится его серьезным соперником.

Новый взлет карьеры не был продолжительным. Гереке сталкивается в Западной Германии с такими явлениями, как возвращение бывших нацистов на руководящие посты, диктаторские замашки Аденауэра, преследование инакомыслящих. Все это заставляет его еще раз задуматься над дальнейшей судьбой своего отечества и народа. И над собственной судьбой. Посоветовавшись со своей совестью, Гереке принимает окончательное решение: навсегда порвать с теми силами в ФРГ, которые ничего не забыли и ничему не научились. Он переселяется в Германскую Демократическую Республику. Там Гереке провел последние годы своей жизни, активно работая на благо подлинно демократического немецкого государства. Гереке был избран членом Президиума Национального совета Национального фронта демократической Германии. Последняя глава книги посвящена деятельности Гереке на посту президента Центрального ведомства коневодства ГДР. В русском издании эта глава опущена ввиду ее сугубо профессиональной специфики. В последние годы своей жизни Гереке приезжал в Советский Союз в качестве гостя Министерства сельского хозяйства, посетил конезаводы, бывал на Кавказе; читатель найдет в этой книге фотографию, запечатлевшую эту поездку.

Скончался Гюнтер Гереке в 1970 году в возрасте семидесяти семи лет как признанный деятель Германской Демократической Республики. Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии посвятил ему некролог, в котором есть следующие строки:

«В лице доктора Гереке граждане ГДР, объединенные в Национальном фронте демократической Германии, потеряли стойкого патриота и борца, глубоко убежденного и честного человека, который весь отдался служению делу мира и гуманизма, делу всемерного укрепления ГДР и роста ее международного престижа.

Правильно осознав уроки прошлого и участь на опыте собственной жизни, доктор Гереке всецело включился в борьбу за то, чтобы навсегда покончить с тяжелым прошлым, против вовлечения немецкого народа в чуждые его интересам войны. Он был истинным пат-

риотом и демократом. Вопреки клевете, преследованиям и репрессиям, которым он подвергался при гитлеровской диктатуре и при правительстве Аденауэра, Гереке непоколебимо продолжал выступать за мир, демократию и социальный прогресс».

* * *

Время, отраженное в книге Гюнтера Гереке,— это шесть десятилетий: от начала первой мировой войны до конца шестидесятых годов нашего века — целая эпоха. Эпоха бурная, заполненная множеством исторических событий в Германии и во всем мире. Это в первую голову Великая Октябрьская социалистическая революция, определяющая все дальнейшее поступательное движение человечества.

Для Германии прошедшие десятилетия отмечены крушением кайзеровской империи, Ноябрьской революцией 1918 года, рождением Веймарской республики, ее бесславной кончиной в 1933 году, возникновением нацистского рейха, просуществовавшего двенадцать лет и рухнувшего под тяжестью своих преступлений,— рейха, разгромленного Красной Армией, спасшей человечество от фашистского порабощения. Значительное место в книге занимают события, имевшие место в Германии после второй мировой войны: оккупация этой страны союзными державами в первый период после безоговорочной капитуляции, возникновение двух германских государств с противоположным общественным строем.

События истекших десятилетий нашего века описаны во многих мемуарах авторов из ГДР и ФРГ, выпущенных в свет на русском языке Издательством иностранной литературы и его преемником издательством «Прогресс». Из этих работ прежде всего следует упомянуть книгу Вильгельма Герста «ФРГ под властью Аденауэра», мемуары Вольфганга Путлица «По пути в Германию», Манфреда фон Браухича «Без борьбы нет победы» и Бруно Винцера «Солдат трех армий». Три последние упомянутые работы принадлежат перу авторов, которые, как и Гюнтер Гереке, многие годы жили в Западной Германии. Но не могли, не захотели смириться с обстановкой, царившей там. Как и Гереке, они подвергались гонениям со стороны аденауэров-

ского режима, порвали с ФРГ и стали гражданами Германской Демократической Республики.

В мемуарах этих авторов — широкое полотно политической жизни; они трактуют военные, социальные и моральные проблемы. Каждая из указанных работ по своему интересна, отмечена индивидуальностью автора, отражает пережитое, личное. И, как работа каждого мемуариста, та же принята считать, написана для оправдания перед историей, современниками и потомками.

Надо полагать, что работа Гюнтера Гереке также преследует эту цель. Но ее отличают важные моменты: охват событий в ней шире, проникновение за кулисы германской политики неизмеримо глубже, разоблачительная сила острее. Это объясняется тем местом, которое Гюнтер Гереке занимал в политической жизни своей страны на протяжении многих десятилетий, его близостью к тем, кто стоял у руля германской политики, у штурвала экономики, из-за кулис направлял эту политику. Все это дало ему возможность рассказать соотечественникам о многом, чего не могли или не хотели рассказать другие. Осознав уроки прошлого, как это отмечает некролог ЦК СЕПГ, и участь на опыте собственной жизни, Гереке по-новому осмыслил и оценил политические события последних десятилетий, трагических для немецкого народа, остро увидел всю фальшь, преступность, антинародность, беспринципность немецких политиканов, стоявших у власти. При этом нельзя забывать, что Гереке был прусским помещиком, что на протяжении десятилетий он выполнял волю своего класса, что он был одним из руководящих деятелей буржуазии, боролся за буржуазный правопорядок, был руководителем кампании за избрание архиреакционера фельдмаршала Гинденбурга на пост президента Германии, в то время как Коммунистическая партия предупреждала, что тот, кто выбирает Гинденбурга, голосует за Гитлера. Жизнь многому его научила, но старая закваска осталась, да и не могла не остаться. Отсюда и однозначная оценка таких деятелей, как Брюнинг и Штресеман, как крупнейший помещик Шланге-Шенинген. Симпатии к ним и другим представителям тех кругов, с которыми Гереке был близок, то и дело высказываются и подчеркиваются автором. Читатель, даже не искушенный в хитроспле-

тениях германской политики прошлых десятилетий, сумеет в этом разобраться. Что же касается Гереке, то он не пытается быть крепок задним умом, не следует по пути иных мемуаристов, которые, кривя душой, поспешно отрешаются от старых симпатий и стараются быть святее папы Римского, уверяя всех и вся, что всегда были демократами. Такой подход представляется нам более честным.

Что же нового найдет читатель в мемуарах королевско-прусского помещика?

Особый интерес вызовут страницы, посвященные германо-советским отношениям в двадцатых годах. Эта тема довольно широко отражена в материалах историков. Гереке дополняет ее важными деталями.

Ландрат и помещик, для которого «Пруссия была синонимом порядка и чувства долга, означала подчинение личности государству», эта Пруссия уже в юные годы отождествлялась в его сознании с «мужественным германо-русским союзным договором Йорка фон Вартенбурга, с традициями Бисмарка, проводившего умную политику мира в отношении России», Разумеется, Гереке тогда не задумывался над подлинными причинами политики Бисмарка, «страха коалиций». Существенно было другое, что Бисмарк — против войны с Россией. И это понимание важности укрепления связей с Россией прошло через всю жизнь Гереке, ярко отражено в его мемуарах. Он понял опасность антисоветских Локарнских соглашений, подписанных министром иностранных дел Штреземаном с Западом. Кстати, Штреземан настойчиво предлагал Гереке перейти на службу в министерство иностранных дел и прочил ему блестящую будущность дипломата. Гереке отказался.

Не будучи формально связанным с деятелями типа профессора Гётча, президента немецкого Общества по изучению России, Гереке в середине двадцатых годов уже как депутат рейхстага выступает за сближение с Советской Россией и пристально следит за этой тенденцией, которая находит все большее понимание в среде не только политических деятелей, но и крупнейших германских промышленников, даже таких зубров германского монополистического капитала, как Крупп фон Болен унд Гальбах, Август Борзиг, Петер Клекнер. «Эти промышленники, — пишет Гереке, — были очень

заинтересованы в торговле с Советским Союзом и поддерживали линию на более тесные экономические отношения с СССР, которая была определена Ратенау и Виртом в Рапалло. При этом они никак не отказывались от своего враждебного отношения к советскому строю».

Отвергая антикоммунизм, Гереке уже в те годы приходит к следующему реалистическому выводу. «Сотрудничество двух великих государств,— подчеркивал он,— всегда благоприятно сказывалось на судьбах мира в Европе. К тому же антикоммунистические аргументы не могли произвести на меня ни малейшего впечатления, так как еще в Торгау я на собственном опыте убедился, что коммунисты — честные партнеры».

Во второй половине двадцатых годов симпатии к СССР проникли в самые широкие слои немецкого населения. За расширение экономических связей с СССР ратовали и либерально-буржуазные круги. Послевоенная экономическая стабилизация шла к концу, а Советский Союз становился все более мощным и надежным партнером в торговых отношениях с другими странами.

К сожалению, в высоких политических сферах веймарской Германии значение и роль СССР недооценивались. Эта недооценка была характерна и для канцлера Германа Брюнинга, которому Гереке уделил немало места в своих мемуарах и весьма идеализирует человека, с которым был в самых тесных отношениях. «Я не только был дружен с Германом Брюнингом,— пишет Гереке,— не только высоко ценил его, но и считал, что могу оказывать на него влияние». Лишь через многие годы, испив горькую чашу до дна, Гереке констатировал, что Брюнинг был слугой и выразителем интересов крупной германской буржуазии и не сумел понять ни опасности надвигавшейся в конце двадцатых годов экономической катастрофы, ни пагубной роли нацистской партии, которая рвалась к власти.

В сущности, ведь не кто иной, как канцлер Брюнинг, в те годы явился инициатором предоставления многомиллионной субсидии из государственных средств для содействия немецким аграриям, запутавшимся в долгах, все сделал для того, чтобы помочь юнкерам,

чьи поместья находились в восточной части Германии, близ польской границы. На этих громадных субсидиях за счет немецких трудящихся основательно нагрели руки не только бароны, и среди них крупнейший земельный магнат Шланге-Шенинген, бывший друг Герекке, «оздоровившие» свои поместья, но и вся помещичья клика, поддерживавшая Гитлера и его партию. Соответствующая сумма была тогда подброшена и сыну президента Гинденбурга, Оскару, которому помещики «преподнесли» имение Лангенау, находившееся по соседству с фамильным имением Гинденбургов — Нойдеком.

Недооценка роли СССР, политическая слепота, обусловленная классовыми интересами, была характерна не только для канцлера Брюнинга, но и для тех, кто возглавлял германские правительства в годы Веймарской республики до Брюнинга и после него — для Лютера, Маркса, Штрэземана и других. Погрязшие во внутрипарламентской грызне, все больше погружавшиеся в трясину антикоммунизма, они в силу своей классовой ограниченности не могли да и не хотели понять, что Германия катится к пропасти. Этот факт через многие годы с горечью констатировал бывший рейхсканцлер Германии Иозеф Вирт, который в 1922 году вместе с министром иностранных дел Вальтером Ратенау стал на путь нормализации отношений с Советской Россией.

«К великому сожалению, — говорил он, — Германия впоследствии сошла с пути, на который мы встали в Рапалло. Это принесло немецкому народу несчастье и катастрофу. История с неумолимой логикой доказала, что дружба и сотрудничество Германии с Россией жизненно необходимы немцам»*.

Политика антикоммунизма принесла неизмеримые страдания немецкому народу и плачевно закончилась для тех, кто не был в состоянии понять, куда катится страна. Экс-канцлер Германии Брюнинг был вынужден эмигрировать из Германии, а последнего канцлера Веймарской республики генерала Шлейхера, носивше-

* Из беседы автора этих строк с бывшим рейхсканцлером Германии Иозефом Виртом в 1955 году. Опубликовано в: «Новая и новейшая история», 1968, № 4, стр. 44, очерк «В Генуе и Гааге».

гося с идеей «национального объединения» и кокетничавшего с теми кругами, которые мечтали о «прусско-милитаристском социализме», застрелил эсэсовец.

Политическая слепота, однако, оказалась очень живучей болезнью для иных политиков послевоенной Западной Германии. Конрад Аденауэр был особенно поражен этой болезнью. Он был убежден, что соотношение сил в мире будет меняться в пользу капитализма и, разумеется, Западной Германии, которая на первых порах своего развития переживала значительный экономический подъем, а история развивается по предначертаниям, выношенным и разработанным в Бонне. НАТО, а с этим агрессивным блоком и Западная Германия, как его ведущая сила, будут укрепляться и заставят социалистический мир пойти на уступки. Руководствуясь этими иллюзорными планами, Аденауэр заявил 1 марта 1952 года: «Я представляю себе развитие событий следующим образом: когда Запад будет сильнее, чем Советская Россия, тогда наступит день для переговоров с Советской Россией».

Как известно, политика Аденауэра и его сторонников потерпела позорный провал. Произошло неизбежное, о чем предупреждали многие, в том числе трезво мыслящие политические и общественные деятели Западной Германии. «Страстное желание широких кругов населения ФРГ к достижению длительного мира может стать столь неодолимым, что большинство избирателей отвернутся от бундестага и федерального правительства, которые ничего не сделали для того, чтобы всеми силами служить делу мира на земле»*.

Эти размышления банкира и профессора Франкфуртского университета Гарольда Раша оказались пророческими: на выборах 1969 года правительство ХДС было сметено с арены. Последующие правительства ФРГ с решающим участием социал-демократов стали на реалистический путь, приведший к значительной нормализации отношений между ФРГ и СССР, ФРГ и другими социалистическими странами Европы, что, несомненно, способствует делу укрепления мира в Европе и во всем мире в полном соответствии

* Harold Rasch, Die Bundesrepublik und Osteuropa. Pahl-Rugenstein Verlag, Köln. Гарольд Раш. Куда идет Западная Германия? Издательство «Прогресс», М., 1965, стр. 138.

с Заключительным актом Совещания в Хельсинки. Тем самым восторжествовали и доказали свою жизненную силу тенденции и политика, за которую ратовали трезво мыслящие немецкие деятели, среди них и Гюнтер Гереке, в двадцатых годах нашего века.

* * *

Несомненно, внимание читателя привлекут страницы книги, в которых описана история заговора 20 июля 1944 года.

В опубликованных в Западной Германии работах по этому вопросу, как и в широкоизвестной книге Курта Финкера «Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга», вышедшей в свет на русском языке в издательстве «Прогресс» в 1975 и 1976 годах, имя Гюнтера Гереке упоминается в качестве кандидата на пост министра внутренних дел от Христианско-национальной крестьянско-земледельческой партии после устранения Гитлера.

Гереке, однако, вряд ли можно причислить к той группе политических и военных деятелей, которые принимали решающее участие в плане устранения Гитлера, да он и не претендует на это. Гереке не был непосредственно связан с политическим лидером заговора, бывшим обер-бургомистром Лейпцига Герделером. Это, вероятно, можно объяснить и тем обстоятельством, что Герделер являлся сторонником заключения союза с Западом для продолжения войны против Советского Союза. Несомненно, зная о политических взглядах Гереке, он не считал возможным привлечь его в ту узкую группу заговорщиков, которые разделяли его, Герделера, взгляды. Герделер и Гереке не виделись одиннадцать лет. Гереке свидетельствует: «Последний раз я видел его [Герделера.— З. Ш.] в 1933 году и с тех пор с ним не встречался».

Ни в какой степени Гереке не был связан с графом Клаусом фон Штауффенбергом, самой яркой и прогрессивной фигурой в среде заговорщиков. С полковником Штауффенбергом был в контакте лишь очень узкий круг людей из числа военных и политиков. В этот круг Гереке не входил, хотя его взгляды были близки к взглядам и программе Штауффенберга, который ратовал за установление контактов с борцами

коммунистического подполья в Германии, решительно выступал за прекращение войны не только против западных союзников, но и против СССР, считая, что установление нормальных отношений с Советским Союзом жизненно важно для Германии. Это сходно с замыслами Гереке, который пишет: «Я пытался посредничать между заговорщиками и антифашистами из среды рабочего движения, надеялся, что успех покушения даст импульс к образованию антифашистского народного фронта, и был готов действовать именно ради достижения этой цели».

Так что же нового вносят свидетельства Гюнтера Гереке в историю заговора 20 июля 1944 года?

Несомненно, интересен тот факт, что Гереке прочли в министры внутренних дел правительства Герделера после убийства Гитлера. По этому вопросу с Гереке вел переговоры доктор Попитц, весьма близко связанный с Герделером. Гереке вместе с Попитцем и еще одним участником заговора, Лангбенем, составил проект воззвания к населению, которое предполагалось опубликовать после убийства Гитлера. В этой связи большой интерес представляет и свидетельство Гереке о переговорах с фельдмаршалом Витцлебенем, с которым Гереке обсуждал проект воззвания.

Что же касается характеристики, которую дает Гереке различным группам заговорщиков и их взглядам, то они, в общем, совпадают с оценками крупнейших прогрессивных историков. Однако никак нельзя согласиться со следующим утверждением автора, который пишет, что «часть промышленников, особенно представители тяжелой индустрии, была недовольна тем, что Гитлер отдает предпочтение магнатам химии», а по-сему, дескать, были сторонниками свержения нацистского главаря.

Подобная трактовка далека от исторической истины. Такие крупнейшие магнаты индустрии, как Рейш, фон Вильмовски, Бош, после Сталинграда и Курской дуги поняли, что война проиграна. Но они шли с Гитлером до конца, и их высказывания в узком кругу, отражавшие страх перед неизбежным концом, никак нельзя принять за «оппозицию» гитлеровскому режиму. Впрочем, к этому выводу далее приходит и сам Гереке. «Но они... никак не хотели уничтожения старых общественных структур», — пишет он, то есть хо-

тели перелицевать буржуазную диктатуру на лад, приемлемый для Запада, и продолжать войну против СССР.

Справедлив другой вывод, к которому пришел Гюнтер Гереке: «Не могло быть никакого сопротивления гитлеровской клике на пути, который исключал бы участие коммунистов из этого движения». Как вообще невозможно ни одно прогрессивное движение без участия коммунистов в наше время, добавим мы. Это показал и доказал весь ход истории с момента опубликования «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса.

* * *

Значительное место в заключительной части книги автор отвел политическому развитию его родины после второй мировой войны.

И здесь, как и в предыдущих главах книги, перед читателем проходит целая галерея лиц, оказавшихся на авансцене политической жизни на Востоке и на Западе Германии. Автор дает широкую панораму важнейших политических событий за послевоенный период.

Гереке недолго оставался в Советской зоне оккупации, где начались исторические преобразования — земельная реформа и отчуждение предприятий военных преступников в собственность народа, денацификация, школьная реформа и другие демократические преобразования, предопределившие весь дальнейший поступательный ход развития ГДР.

Бывший королевско-пруссский советник и помещик Гюнтер Гереке передал свое имение крестьянам, включился в процесс демократизации, но не сразу мог понять все происходящее. Он признает это: «Может быть, я в то время слишком чувствительно реагировал на некоторые события и чересчур пессимистически смотрел в будущее». Нелегко было психологически перестроиться человеку, проведшему более полувека в условиях патриархального помещичьего быта, связанного всеми корнями с вековыми устоями реакционнейшего прусского королевства. В начале лета 1946 года Гереке переезжает в Западную Германию и остается там шесть лет. Его принимают с распростертыми объятиями — ведь ему до этого слали пригласительные письма из

высоких инстанций, сулили золотые горы и сразу предложили министерский пост. Вскоре он назначается заместителем премьер-министра крупнейшей западно-германской земли Нижняя Саксония и лидером ХДС в этой земле. Но вот его горькое признание: «Я, конечно, не подозревал, что опять — в последний раз — оказался во власти иллюзий. Через сравнительно короткое время я в этом вновь мог убедиться...»

Да, это были шесть лет разочарований и политической борьбы с теми, кто снова толкал Германию, на этот раз Западную, на путь реакции, реванша, «холодной войны» и антикоммунизма.

Действительность постепенно раскрыла ему глаза на многое. Он убедился в том, что предначертания Потсдамской декларации в Западной Германии не осуществлены и не будут осуществлены.

Конечно, после двенадцатилетнего господства нацизма и катастрофической для Германии войны эту политику пытались маскировать, убедить массы в том, что Западная Германия идет по пути прогресса. Находившийся у руля политической жизни Христианско-демократический союз во главе с Аденауэром в январе 1947 года приступил к разработке так называемой Аленской программы, которая должна была представить ХДС широким массам населения как партию крупных социальных реформ. В разработке этой программы в городе Алене принимал участие и Гюнтер Герек.

На совещании в Алене Герек и его друзья из левого крыла ХДС, как он утверждает, считали, что «главная задача состоит в том, чтобы окончательно сломить власть крупных монополий... Мы также решительно выступили за проведение аграрной реформы в интересах мелких крестьян...».

Герек и его сторонники «хотели бы, в частности, чтобы в нее был включен пункт о национализации ключевых отраслей промышленности». Их предложение было отклонено. Однако общую характеристику Аленской программы Герек не дает. Поэтому здесь необходимо внести уточнение, ибо оценка отдельных положений этого документа не раскрывает его классовую сущность и назначение.

Аленская программа, по замыслу Аденауэра и всей западногерманской реакции, преследовала совершенно определенную цель — обмануть массы, заставить их поверить в то, что ХДС является их защитницей и способна к социальным преобразованиям. В преамбуле к Аленской программе было признано, что капиталистическая система хозяйства уже не отвечает жизненным интересам народа и что необходима коренная перестройка экономики. Но в последующих пунктах программы лидеры ХДС прибегли к демагогическому трюку, заявляя, что период фашизма, во время которого монополии наиболее последовательно и жестоко осуществляли свое неограниченное господство, был «государственным социализмом». В программе ни слова не сказано о том, что гитлеровское государство было государством монополий, крупнейших капиталистических спрутов. Тем самым Аленская программа стремилась доказать, что монополистический капитал не первопричина фашизма, а его «жертва».

Герекке и его друзья подписали Аленскую программу, хотя, как он пишет, с ее некоторыми формулировками не были согласны. Вскоре они убедились в том, что «даже далеко не радикальные принципы Аленской программы были отброшены, быстро забыты».

Так одно разочарование следовало за другим. Шантаж, преследования, которым подвергся Герекке в Западной Германии, заставили его более трезво взглянуть на окружающую действительность. А остракизм, которому он подвергся за стремление наладить экономические отношения с Германской Демократической Республикой, был последней каплей в горькой чаше испытаний. И тогда бывший королевско-пруссский советник, бывший прусский помещик, бывший министр германских правительств, теперь уже шестидесятилетний Гюнтер Герекке, много выдавший и много испытавший, обратил свой взор на восток, где, пройдя через все испытания, крепло, набирало силы, мужало, все больше утверждая себя на международной арене, первое немецкое государство рабочих и крестьян.

Свидетель перед лицом истории сжег за собой все мосты, отряхнул прах прошлого и избрал социализм.

Книга Гюнтера Герекке — это не просто мемуары политического деятеля, поведавшего о своей сложной

жизни. Это яркий и важный политический документ. Ибо эта книга с громадной убедительностью говорит о том, что даже в архибуржуазной среде начинают понимать, что старый мир не имеет перспектив, что он исторически обречен. И рвут с ним. Так поступили племянник фельдмаршала Браухича Манфред фон Браухич; бывший кадровый офицер вермахта, а затем бундесвера Бруно Винцер; отпрыск стариннейшего дворянского рода барон Вольфганг Путлиц. Так поступил бывший помещик и королевско-пруссский советник Гюнтер Гереке.

Это ли не знамение времени!

З. Шейнис

Борьба за пост ландрата* в Торгау

Прессель, ноябрь 1918 года

На улице бушевал осенний шторм. А в комнате было как-то особенно тепло и уютно. Я лежал в постели. Мне не разрешали вставать, вновь дали о себе знать ранения, полученные во время войны, зимой 1914 года. У меня было время подумать. Итак, один барьер взят. Позади экзамены на занятие правительственного поста при королевском прусском правительстве. Они прошли весьма успешно. В октябре я стал ассессором. Причем — после сдачи экзаменов — «дипломированным ассессором». Через несколько дней мне наверняка разрешат выходить.

Очень тихо отворилась дверь. Молча вошла моя мать.

— Что-нибудь новое? — спросил я.

Она все еще молчала, но казалась взволнованной. Что же могло случиться?

Невольно я забеспокоился. Может быть, министерство внутренних дел отменило мое назначение в Ост-пригнитц, о котором я хлопотал? Или, напротив, меня как «дипломированного ассессора» уже назначили прямо в министерство?

Мать подошла к постели и протянула мне газету. Я нетерпеливо отложил ее в сторону.

— Читай, Гюнтер, — сказала она. — Посмотри, о чем пишут газеты. — Я в недоумении уставился на газетную полосу. «Мятеж матросов в Киле» — гласил кричащий заголовок.

* Ландрат — советник окружного органа власти. — *Здесь и далее — примечания редакции.*

Да, я знал, что еще год назад среди матросов начались волнения. Война продолжалась вот уже четыре года. Снабжение становилось все хуже и хуже. Коррупция и развал в тылу армий, отчасти и во всей стране, стали непреложным фактом. Высокомерие и спесь офицеров вызывали у солдат глухое раздражение. Все это неизбежно вело к ослаблению дисциплины и в конечном счете к открытым проявлениям недовольства. Будучи ландратом на правах комиссара в Киритце, я сам вел борьбу против неполадок, мне было также известно, какое отрицательное влияние на население оказывал бюрократизм и непонимание нужд народа со стороны государственных органов.

— Это не обычный мятеж, — услышал я голос матери. — В Киле матросы не только разоружили офицеров, они начали брататься с солдатами гарнизона и с рабочими верфей. Образовали Советы рабочих и солдатских депутатов, заняли тюрьмы и выпустили всех заключенных. Это революция, Гюнтер!

Я встревожился. Занятый всецело своими личными делами, я почти забыл о том, что творится в стране. Теперь мне хотелось быстрее выздороветь и начать работу на посту, на который меня назначат.

Я попытался успокоить мать!

— Пруссия вне опасности. Наши войска стоят во Франции и на Украине. Несколько сот матросов и рабочих не могут сокрушить кайзеровский рейх!

Пруссия! Для меня Пруссия была синонимом порядка и чувства долга, означала подчинение личности государству. Пруссия — это Фридрих Великий, самый просвещенный монарх своего века, друг Вольтера и других духовных отцов французской революции. Пруссия в моем представлении отождествлялась с мужественным германо-русским союзным договором Йорка фон Вартенбурга, с традициями Бисмарка, проводившего умную политику мира в отношении России, политику, которая могла бы, наверное, предотвратить и эту ужасную войну. Пруссия была для меня символом повиновения и смирения и вместе с тем символом здравого смысла, выдержки и честности, энтузиазма и прилежания, дисциплины и бережливости. Эту Пруссию не должна была разрушить революция! В ней вообще не могло быть революции! Бесспорно, социальное положение в стране стало напряженным, но я никак не мог

представить себе, чтобы рабочие сумели управлять государством.

Долго лежал я с открытыми глазами. Я был далек от мысли, что Пруссии вдруг не станет. Лишь позже я с болью понял, что господствующие круги, осуществлявшие фактическую власть в стране, особенно в период вильгельмовской империи, все дальше отходили от прусского идеала.

Детство в Груна и Пресселе

Дети, у которых нет братьев и сестер, обычно причиняют много забот родителям. Я явился на свет в 1893 году. Роды у матери были тяжелые, младенец весил целых десять фунтов. После родов стало ясным, что мать не сможет больше иметь детей.

Я рос под неусыпным надзором родителей. Мать, например, не разрешала мне играть с деревенскими ребятами. Она боялась, что со мной случится беда, боялась также, что я перейму простонародный говор. Место моего рождения Груна находилось недалеко от границы между Пруссией и Саксонией.

Когда мне исполнилось пять лет, я начал заниматься с домашней учительницей. Это имело свои преимущества — учиться можно было быстрее и лучше, но вместе с тем повлияло на мой характер — у меня появилась замкнутость, свойственная многим детям, которые выросли в окружении одних только взрослых.

С отцом меня связывали сердечные отношения. Правда, он был строг и требовал хороших отметок в школе, но готов был исполнить любое желание. Он обладал великолепным чувством юмора. Я вспоминаю эпизод, приключившийся во время каникул, незадолго до его смерти. Мой двоюродный брат, одного со мной возраста, обычно приезжал на каникулы в Груна. Я всегда с удовольствием проводил с ним время.

Во многих отношениях, однако, двоюродный брат был прямой противоположностью мне. Но, как известно, противоположности сходятся. В это же время в Гру-

на гостила преподавательница французского языка, которую мы, мальчики, не любили, так как она постоянно к нам придиралась. Особенно неохотно сопровождала она нас в конюшню, так как, по ее мнению, от лошадей дурно пахло. И вот однажды мы хитростью заманили учительницу в коровник, рассказав ей, что там сейчас чудо-теленоч, на которого она обязательно должна взглянуть. В то время коров кормили отходами картофеля, которые поставлял спиртовой завод, расположенный вблизи. Отходы эти способствуют перистальтике у животных. Когда корова, которую накормили подобной пищей, начинает «кашлять», нередко метровая струя покрывает все вокруг.

Я и Герберт все заранее подстроили: фрейлейн Шиллер оказалась позади одной из коров, доярку мы посвятили в свой замысел, и та дала корове дополнительную порцию корма. Мы с восторгом начали расписывать достоинства коровы и предложили фрейлейн Шиллер осмотреть ее еще раз сзади. Один из нас встал справа, другой слева от учительницы, и тут ожидаемое произошло. Корова подняла хвост, и струя угодила прямо в вырез платья фрейлейн Шиллер, забрызгала ей очки, рот и нос. С криком: «Я задыхаюсь!» — добрая душа упала в обморок. Герберт притащил ведро воды и вылил ее на голову и на грудь фрейлейн Шиллер. В испуге я прибежал к отцу, ибо не знал, что делать с потерявшей сознание женщиной. Отец сразу же отнес фрейлейн Шиллер из коровника в дом и передал ее на попечение матери, которая приготовила для учительницы ванну и как могла успокоила ее. Отец, конечно, догадался, что это наша с Гербертом проделка. Но не стал читать нам нотацию, зная, как плохо мы относимся к фрейлейн Шиллер. Мы были ему за это очень благодарны.

Еще маленьким мальчиком я строил честолюбивые планы. Я мечтал стать помещиком, гусаром или лесничим. Такой выбор был естествен, ибо с младенчества я не слезал с лошади, учился стрелять и увлекался ботаникой. В конце концов я сообщил бабушке, которая жила с нами, что хочу стать ландратом в Торгау. (У бабушки было одиннадцать внуков и внучек, но я считался ее любимцем.) Трезвые родители возразили на это: поучись-ка сначала, кончи гимназию, а там видно будет!

Отец мой умер, к сожалению, очень рано, мне тогда едва исполнилось двенадцать лет. Незадолго до смерти он подарил мне на день рождения лошадь-полукровку, купленную на прусском конном заводе в Бебербеке и ружье калибра 20 мм. Моими любимыми занятиями в детстве была верховая езда, стрельба и плавание. Они заполняли все мое свободное время, которого, правда, было не столь уж много — ведь мне приходилось усердно учиться.

Мои родители отличались строгим нравом и большой энергией. Помню, что как-то я убежал к бабушке и стал жаловаться, я никак не мог взять в толк: как у двух таких строгих родителей появилась столь кроткая овечка, как я.

Мой отец очень хорошо разбирался в сельском хозяйстве. Накопив основательные практические знания, он поступил в университет в Галле, где изучал сельское хозяйство, кстати, вместе с будущим фельдмаршалом фон Макензеном, знатоком своего дела, офицером запаса, поступившим лишь позже на активную военную службу.

Отец выгодно продал местному сахарному заводу наше маленькое имение Гренинген, размером примерно 80 гектаров, принадлежавшее Герекам в течение трех поколений. Это позволило ему заарендовать имение обанкротившегося помещика в Нидерглаухе. Используя современные методы обработки земли — тогда начали применять искусственные удобрения, дававшие именно на такой земле значительное повышение урожайности, — мой отец буквально возродил хозяйство. Имение Нидерглаух принадлежало старому прусскому дипломату Морицу графу фон Гогенталю в Гогенприснитце. У него же мой отец арендовал и обширное поместье Груна. Благодаря неустанному прилежанию и трудолюбию отец сумел добиться значительных успехов в хозяйствовании и вскоре отказался от аренды имения Нидерглаух, решив купить небольшое имение Прессель в районе Торгау. Оно вошло как хутор в имение Груна.

После ранней смерти отца на плечи матери легли заботы о моем воспитании. Она передала аренду Груна своему брату и оставила за собой Прессель.

Затянувшееся учение

В 1912 году я успешно выдержал экзамен на аттестат зрелости. Теперь надо было окончательно решить вопрос о выборе профессии. Я остался верен мечте, о которой когда-то рассказал бабушке: стать королевско-прусским ландратом.

Для этого необходимо было изучить государственное право и национальную экономику. Ну, что ж, чем больше предметов, тем лучше, полагал я тогда. Я знал, что только при обширных знаниях смогу рассчитывать на место служащего в прусской администрации. Ведь у меня не было ни дворянского титула, ни достаточных средств — две предпосылки, дававшие огромные преимущества человеку, избравшему административно-чиновничью карьеру в Пруссии. Отсутствие подобных «преимуществ» я мог компенсировать только блестящими успехами, пытаюсь таким образом обогнать кандидатов, пользовавшихся привилегиями или протекцией.

Я был зачислен в Лейпцигский университет. Город, известный своей ярмаркой, был расположен недалеко от Пресселя, и первое время я мог жить дома. В начале учебного года я верхом отправлялся до станции Ротесхаус, там оставлял лошадь и поездом следовал дальше в Лейпциг. Но в конце концов эти ежедневные поездки мне надоели; лучше все же, решил я, снять комнату в Лейпциге.

Юридический факультет в Лейпциге пользовался доброй славой. Среди прочих профессоров там преподавал знаменитый профессор Зом. Я не пропустил ни одну из его интереснейших лекций. Помню, как однажды в очень жаркий день профессор снял пиджак и при этом заметил:

— Господам мужчинам рекомендую также снять пиджаки, от дам я, конечно, этого требовать не могу.

Две девушки в аудитории (больше женщин на факультете вообще не было) густо покраснели. Было известно, что Зом ярый противник женского образования.

Наш старый домашний врач, с которым мы дружили, тайный советник доктор Рамдор из Дюбена когда-

то числился активным членом студенческой корпорации, его лицо «украшали» следы прежних дуэлей. Его сын Эберхардт, студент медицины и член корпорации «Лузатиа» в Лейпциге, также был восторженным сторонником корпорации. Для сына, как и для отца, студент вообще чего-то стоял лишь в том случае, если он был членом какой-либо студенческой корпорации. Поэтому оба всячески уговаривали меня и мою мать, чтобы и я стал «корпорантом». Только так, заявляли они, можно завязать необходимые для дальнейшей карьеры связи. Я принимал приглашения на различные вечеринки, устраивавшиеся корпорациями в Лейпциге, чтобы самому составить себе представление о хваленной «корпоративной» жизни. Но какое разочарование мне пришлось испытать! Неужели это и есть пресловутое сборище «элиты нации», думал я. Пиво поглощалось в неслыханном количестве, одна рюмка «горячительного» следовала за другой. Разговоры были крайне банальными; более низкого уровня нельзя было себе представить. Хвастались своими победами! Было принято в течение по крайней мере трех семестров оставаться членом одной и той же корпорации при одном и том же университете. В этот период главной задачей студента было отнюдь не регулярное посещение лекций, а наслаждение жизнью. Необходимые для первого экзамена знания можно было быстро приобрести, наняв репетитора, чтобы окончательно не провалиться. Впоследствии бывшие члены корпорации, уже пообтершиеся на службе, придут на выручку и ты сделаешь себе карьеру.

Вскоре я решил ни под каким видом не вступать в корпорацию и не принимать на себя обязательства оставаться связанным с одним определенным университетом.

Как бы ни была интересна для меня жизнь в Лейпциге, я все же рассудил, что как студенту мне надо увидеть как можно больше и по возможности каждый семестр проводить в другом университете. Для следующего семестра я выбрал университет в Баварии, чтобы лучше узнать людей, о которых постоянно говорили, что они страдают «антипруссским комплексом». Меня зачислили студентом в Мюнхенский университет.

В Мюнхене на каждой улице сдавались комнаты студентам. Об этом говорили объявления, вывешенные

на окнах. Когда я пришел к хозяйке, чтобы осмотреть комнату, которую решил снять, она спросила меня на баварском диалекте:

— А подружка у вас есть?

Она была ужасно разочарована, когда выяснилось, что я слишком плохо знаю баварский диалект, чтобы понять ее вопрос. Но все же покровительственно сказала:

— Не бойтесь, водить сюда знакомых не опасно!

Моя хозяйка очень внимательно меня опекала в течение полугода, которые я провел в Мюнхене. С одним она никак не могла «примириться» — прежние ее квартиранты после обильного потребления пива возвращались домой часа в два-три ночи, а я обычно уже вставал в три часа и вместо зарядки бегом преодолевал расстояние от дома до ипподрома в предместье Мюнхена. На ипподроме я подружился с несколькими участниками конных соревнований. К ним принадлежал Рудольф граф Шпрети, будущий руководитель знаменитого конного завода Вальдфрид. С самого раннего утра я в течение нескольких часов выезжал чистокровных лошадей и успевал своевременно прибыть к началу лекции в университет. Рядом со мной жил в то время знаменитый американский историк, известный сегодня как противник германского империализма, профессор Георг Халльгартен. Он рассказывал мне, что не раз видел, как я совершал свои утренние пробежки.

К учебе я относился очень серьезно, так как намеревался в самый короткий срок, то есть уже после шестого семестра, сдать свой первый юридический экзамен и получить звание референдаря. В Мюнхене я не выпил ни кружки пива, хотя несколько раз обедал в пивной «Хофброй хауз». От пива толстеешь, становишься неповоротливым. Я не мог допустить этого, ибо хотел при первой же возможности на правах любителя принять участие в конных соревнованиях.

Но все произошло иначе, чем я предполагал, хотя пиво тут было ни при чем. Незадолго до окончания летнего семестра я во время тренировки на ипподроме в предместье Мюнхена — Риме сломал левую ключицу. Хотя такого рода переломы быстро заживают, но верховую езду до поры до времени пришлось бросить.

Из аудитории на войну

Когда в конце июля 1914 года, к началу летних каникул, я вернулся в Прессель, тучи на политическом горизонте все больше сгущались. Еще будучи в Мюнхене, я узнал об убийстве австрийского наследника престола в Сараеве. С тех пор я особенно внимательно следил за развитием политических событий.

Мои надежды на то, что, несмотря на убийство эрцгерцога, мир будет сохранен, не оправдались.

Когда же 1 августа разразилась война, я воспринял ее как взрыв разбушевавшейся стихии — грандиозный и непознаваемый. Я считал, что враг угрожает мне лично, и безоговорочно — как этого требовали традиции моей семьи — стал на сторону моей родины — Пруссии и Германии. Враг, который угрожает мне, рассуждал я, угрожает и Германии. От угрозы надо обороняться, война — это самооборона.

Лишь много лет спустя я понял, что первый глобальный военный конфликт в нашем веке не был оборонительной войной, а войной империалистической, что в эту войну наш народ был вовлечен своими правителями столь же беззащитно, как и народы Австрии, России, Франции и Англии.

В первые же августовские дни 1914 года я вступил добровольцем в гусарский полк в Торгау. Полк уже погружался в вагоны для отправки на фронт, на Запад.

Обучение добровольцев отличалось суровостью, не оставившей у нас никакой иллюзии о военной службе. Строевая служба, муштра, казарменный тон офицеров — все это мне претило, но я говорил себе, что это неизбежно и необходимо, чтобы научиться защищать родину, на которую, как мы полагали, напали.

Командование как-то объявило, что ищет добровольцев для разведывательной и патрульной службы. Надо было быть хорошим наездником и метким стрелком. Отобранные по этому принципу зачислялись в 25-й запасной корпус, который как раз формировался.

Меня манил соблазн избавиться от отупляющей строевой службы. Я был хорошим наездником и метким стрелком, ибо у себя в Груна, можно сказать, вырос на лошади и с оружием в руках. Как и мои товарищи, я боялся прийти к «шапочному разбору», хотел отличиться на войне.

Я решил использовать благоприятное стечение обстоятельств, чтобы поскорее оказаться на фронте; не пройдя предусмотренное для добровольцев длительное обучение, я подал заявление и был зачислен в часть.

На Восточном фронте восьмая прусская армия под командованием генерала фон Притвитца потерпела в то время чувствительное поражение. Командование армией поручили 66-летнему генералу Паулю фон Гинденбургу. Начальником его штаба стал Эрих Людендорф. Обоим генералам удалось остановить наступление русских войск под Танненбергом и нанести им поражение.

Я прибыл в начале октября с несколькими моими товарищами в Восточную Пруссию и принял участие в заключительном сражении у Мазурских болот.

Наш запасной корпус был подчинен 17-му армейскому корпусу под командованием генерала Августа фон Макензена. Корпус этот сыграл важную роль в победе над русской армией под Вильно, нынешним Вильнюсом. Вскоре после этого мы получили приказ нанести удар в направлении Варшавы через город Торн. Русским армиям удалось после сражения при Львове совершить глубокий прорыв австрийского фронта. На юге русские также далеко отеснили австрийскую армию к Галиции.

Нашим запасным корпусом командовал генерал фон Шеффер-Бойадель. Ему же была подчинена 3-я гвардейская дивизия генерала Литцмана.

В то время со мной приключился первый неприятный инцидент на войне. Наша часть была погружена для отправки в Восточную Пруссию. В районе Торна нам приказали выгрузиться, и мы получили время на отдых. Стояла прекрасная осенняя погода. Наши лошади были поставлены в местных амбарах, и я вместе с моим двоюродным братом Гербертом и еще двумя товарищами отправились на прогулку.

— Черт возьми! Здесь много зайцев,— сказал я.— Не попробовать ли нам поохотиться за ними?

Мои товарищи высказали сомнения, совместима ли такая охотничья прогулка с правилами поведения на войне.

— Тогда я сам позабочусь о нашей кухне,— ответил я.

Не задумываясь, взял свой карабин и отправился на охоту на зайцев. Мне удалось подстрелить пятерых, правда, одного из них не в поле, а на помещицьем лугу. Я собрал свою добычу и поволок свой тяжелый груз, ожидая, что меня встретят с ликованием. Но когда мы вернулись в лагерь, то оказалось, что там была объявлена тревога. Ротмистр был вне себя от ярости. Он бушевал, называл меня «сумасшедшим» и успокоился лишь, когда я ему наивно объяснил, что хотел только пополнить запасы нашей кухни. Так я отделался лишь несколькими сутками ареста. Но мне не пришлось отбыть их на гауптвахте, так как на следующий вечер мы переменили дислокацию.

После нескольких дней марша поступил приказ выслать вперед патруль. Я вызвался добровольно отправиться на разведку. На возвышенности с опушки леса нас обстрелял противник, но мы вернулись невредимыми и сообщили, что вошли в соприкосновение с врагом. Когда наша пехота развернулась широким фронтом, передовой отряд противника отступил и мы беспрепятственно продолжили наш путь.

Несколькими днями позже возникла необходимость передать срочное сообщение в штаб-квартиру командующего 25-го запасного корпуса. Я вновь вызвался выполнить это поручение. Получив текст донесения и штабную карту, я отправился в район Кутно.

Вахмистр велел мне захватить с собой копьё, которым к началу войны была вооружена кавалерия. Оно мешало каждому моему движению и прибавляло груза моему коню. Выехав за пределы части, я решил избавиться от копья, прислонив его к первому попавшемуся дереву, и продолжал свой путь.

Вдруг я увидел перед собой — время было далеко за полночь, небо ясное при ущербном месяце — пятерых всадников. Я остановил коня, всадники сделали то же самое. По головным уборам я и с далекого расстояния определил: то были русские. Правда, они двигались с запада на восток.

При маневренной войне не трудно было просочиться патрулям или связным через линию фронта противника. Я увидел, как русские всадники пришпорили коней и начали приближаться ко мне. Бежать было бы бессмысленно, так как лошадь очень устала и не могла выиграть соревнование. Но столь же нежелательным для

меня было, чтобы меня пронзили копьем или взяли в плен. Надо было действовать немедленно. Я спрыгнул с коня, вскинул карабин и начал стрелять по приближающимся теням. Один из всадников упал. Я вновь выстрелил, теперь уже сознательно целясь в всадника, который был впереди. Еще один всадник упал. Оставшиеся повернули коней и скрылись в темноте. На этот раз мне повезло. Я снова выстрелил вслед ускокавшим всадникам, но не видел, попал в цель или нет.

Сохраняя предосторожность, я приблизился к упавшим телам. Оба всадника были мертвы. Их лошади стояли вблизи. И что же я увидел?! Один из убитых оказался человеком большого роста в генеральской форме. Недалеко от него лежал убитый казак. У генерала я обнаружил штабную карту и документ, который не мог прочесть, так как не владел русским языком. Я мог лишь заметить, что на карте несколько мест было отмечено крестиками. Я взял с собой карту и документы. Хотелось забрать и лошадей, особенно одну из них; удивительно красивый вороной конь, по всей видимости, принадлежал генералу. Моя низкорослая восточнопрусская лошадка выбилась из сил, я взобрался на вороного коня, взял свою лошадь под узду, и мы отправились дальше. Вторая лошадь, повинаясь стадному инстинкту, следовала за своим вороным другом. В расположение своих войск я прибыл еще затемно.

Я сразу же попросил доложить о себе дежурному офицеру, велел разбудить его, указав, что дело важное. Мне ответили, что это можно отложить до утра. Но я вел себя совсем не по-военному. Я вступил в громкую перебранку с солдатом, пока не появился адъютант, явно собиравшийся меня вытолкнуть силой. В конце концов все же пришел офицер более высокого ранга. Он отвел меня к генералу фон Шефферу-Бойаделю, которому я доложил о случившемся. Позвали переводчика, который перевел документы. Оказалось, что убитый генерал был командующим только что прибывшей сибирской дивизии. Из добытых бумаг и штабной карты с крестиками можно было составить себе представление о расположении русской артиллерии. Очевидно, генерал и сопровождавшие его лица после осмотра новых артиллерийских позиций слишком далеко продвинулись на запад. В ту же ночь был отдан приказ нашей артиллерии открыть

на рассвете огонь по русским позициям. Ориентиром служила карта, которую я добыл.

Неожиданно я стал «героем дня». Меня упомянули в приказе по дивизии, наградили как первого добровольца во всей армии «Железным крестом» и назначили ефрейтором и кандидатом в офицеры. Случай превратил меня в «героя войны». Я отнюдь не чувствовал себя счастливым, меня обуревали тяжелые мысли. Впервые в жизни я стрелял в других людей, причем в людей, которые мне не причинили никакого зла. Мог ли я нести ответственность за это перед богом и перед собственной совестью? В конце концов я успокоился, решив, что совесть моя чиста, ибо я по-прежнему полагал, что мы ведем справедливую войну и защищаем нашу родину.

В ноябре 1914 года германским войскам удалось совершить прорыв русского фронта на узком участке в направлении Бржезини; развернулась знаменитая битва при Бржезини, в которой и мы понесли тяжелые потери. В этой битве моему двоюродному брату гранатой оторвало голову; из всей нашей группы в девять человек я единственный остался в живых. Но в конце концов дело дошло и до меня. Пуля, пущенная, по-видимому, с далекого расстояния, ударила мне в лоб и сбросила меня с лошади. Другая пуля попала в руку, но это было не опасно. Осколок гранаты ранил меня в левое колено, однако и это не было серьезным ранением. О моих ранениях напоминали лишь старые рубцы.

В сражениях в районе Лодзи в начале декабря я получил сразу четыре ранения осколками гранат. Ранение от пули, застрявшей в легких, от второй, попавшей в бедро. Пуля, попавшая в левый сустав ноги, угрожала тяжелыми последствиями. Меня отправили на санитарной повозке в тыл. Мое состояние внушало тревогу, и оптимистические слова моих друзей не могли меня успокоить. Как охотник, я знал, что когда сочится светлая кровь при ранении легких, то это, как правило, признак смертельного исхода. Если мне удавалось во время охоты ранить самца косули так, что по следам бегства его обнаруживались светлые следы крови, то я мог быть уверен, что скоро ему конец.

На перевязочном пункте, по-видимому, мое положение оценили именно так. Меня поместили в хлев и на грудь положили мешок с песком, на этом была завершена врачебная помощь. По-видимому, мое положение счи-

тали безнадежным. Было много других раненых, помощь которым казалась более нужной и перспективной. Гереке, вероятно, считали уже конченным человеком.

Очнувшись от глубокого обморока, я убедился, что кровотечение прекратилось. Важно было теперь выбраться из хлева и из этой местности, куда в любое время могли прийти войска неприятеля. Я категорически потребовал, чтобы меня отправили в тыл. В конце концов меня поместили в думпкар, затем положили в телегу и мы двинулись в тыл.

Лишь в лазарете мне была оказана врачебная помощь.

Поезд, на котором меня отправили в тыл, прибыл в Берлин перед самым рождеством. Нас выгрузили на вокзале «Зоопарк» и отвезли на повозке в лазарет на Аугсбургерштрассе. Я смог сообщить встречавшей меня сестре милосердия адрес матери и вновь впал в беспамятство.

Во время длительного пребывания в больнице меня пичкали множеством медикаментов. Особенно охотно военные врачи прописывали касторку. Миловидная сестра из Красного Креста, которой я, по-видимому, приглянулся, приносила мне касторку в большом стакане с коньяком, чтобы приятнее было пить. С того времени я неохотно пью коньяк, ибо даже пятьдесят лет спустя ощущаю при этом вкус касторки. Если уж пить, то я предпочитаю водку.

Двойной экзамен

Весной 1915 года меня выписали из больницы, но велели продолжать лечение дома. Для меня лично война кончилась. Врачи констатировали: негоден к военной службе. Я вернулся в Прессель, оставаясь и дальше под врачебным наблюдением. Мне разрешили продолжать учебу, и я записался слушателем в университет Галле. В связи с войной студентов было немного, причем около половины — женщины. Экзамены на референдария* я сдал с отличием и в сентябре 1915 года поступил на работу в высший земельный суд в Наумбурге.

В то время молодые референдарии обязаны были пройти практику в судебном учреждении в течение де-

* Референдарий — советник местного органа власти.

вяти месяцев, затем они получали назначение — кто в прусскую администрацию (что особенно было трудно), кто на должности судьи, адвоката или синдика в промышленное объединение. По моей просьбе меня направили на должность референдаря в суд в Дюбене. Это было удобно, ибо я мог жить в Пресселе и продолжать там лечение. В одноконном экипаже я ежедневно отправлялся в Дюбен; с верховой ездой на первых порах было покончено. В Дюбене у меня оказался дружелюбный и отзывчивый начальник — советник суда Штутцбах. Он был председателем суда в Эйленбурге, но во время войны по совместительству руководил судом и в Дюбене, который находится неподалеку от Эйленбурга.

В то время судья, к которому прикреплялся начинающий судебный референдарий, постепенно вводил его в курс обязанностей. Я вспоминаю случай, происшедший со мной однажды перед разбирательством в суде присяжных. Все уже собрались — обвиняемый, его защитник, представитель прокуратуры и присяжные. Мы ждали лишь судью. Но он все не приходил, а затем нам сообщили, что позвонил советник суда Штутцбах и просил передать, что он заболел и, к сожалению, приехать не может.

Что же было делать? Отменить суд? Прокурор был в нерешительности. Он не знал, что делать. Тогда я решил заменить судью.

— У вас против такого решения возражений нет? — обратился я к прокурору. Тот удивленно ответил:

— Но разве вы справитесь, господин референдарий?

Хотя мне до тех пор приходилось присутствовать лишь на одном судебном разбирательстве, я с юношеской самоуверенностью ответил:

— Если у вас возражений нет, то мы можем начать заседание суда, — и облачился в судейскую мантию.

Началось заседание. Присяжные — крестьяне из окрестных деревень, — обвиняемый и его защитник облегченно вздохнули. Моим антибюрократическим решением я завоевал их симпатии.

Церемония судебного разбирательства прошла нормально. Трудности для меня возникли при вынесении приговора. Я, конечно, сознавал, что приговор был с юридической точки зрения сомнительным и мог быть отменен. Поэтому при поддержке присяжных я принял

поистине соломоново решение, которое устраивало как обвиняемого и его защитника, так и прокурора.

Против этого приговора ни одна из высоких судебных инстанций не заявила протеста. Но добрый советник суда Штутцбах нередко — с несколько неодобрительным подтекстом — поддразнивал меня, говоря, что я его заменил, о чем он не просил. Правда, после проверки всех материалов судебного разбирательства он признал, что и сам не мог бы найти лучшего решения. Так, ничем не омраченная, шла моя работа в Дюбене. Мне тяжело было расстаться с советником суда Штутцбахом, от которого многому смог научиться; мы очень ценили друг друга и даже подружились.

Меня всегда особенно привлекала возможность действовать на собственный страх и риск. Мой коллега Штутцбах, женившийся на дочери нашего домашнего врача доктора Рамдора, дал мне блестящий отзыв. Он писал, что вполне правомерно направить Гереке на работу в прусскую администрацию и, возможно, даже в прусское правительство. Это мне льстило и вполне соответствовало моим желаниям. Я ведь стремился стать ландратом.

Было, конечно, трудно надеяться на то, что меня сразу направят на работу в правительственное ведомство Пруссии, ибо я имел лишь чин судебного референдаря. В земельных округах Пруссии, которым было предоставлено право иметь референдаря, действовал так называемый «нумерус клаузус», то есть строгие ограничения при поступлении на работу в правительственные учреждения. К тому же прусская провинция, как правило, имела лишь один округ. Наконец, принятые на службу референдарии в обязательном порядке должны были утверждаться прусским министром внутренних дел. Поэтому отбор был очень строгим и количество кандидатов ограничено, хотя претендентов было много, причем социальное положение кандидатов играло немалую роль. Кандидат-буржуа имел меньше шансов, чем кандидат-дворянин. У меня не было дворянского титула, я ранее не состоял в студенческой корпорации, не был богат, не имел связей. Решающее значение могли иметь лишь благоприятные свидетельства. Конечно, определенные шансы давал мне мой «Железный крест» и фронтовые ранения. Но за это я уже дорого заплатил.

Я подал заявление в прусско-королевское правительство в Потсдаме, сказав матери, что начну с того, что труднее всего достигнуть, то есть с Потсдама. Я надеялся, что все же добьюсь своей цели и поступлю на прусскую государственную службу если не в Потсдаме, то в Познани или Кёльне. Что касается Кёльна, то дополнительную трудность создавало мое протестантское вероисповедание. Наименьший конкурс был в Познани.

Регирунгспрезидентом в Потсдаме был некий господин фон Шуленбург. Он считался «неприступным» прусским дворянином, не допускавшим к государственной службе «буржуазных парвеню» и строго учитывавшим дворянские титулы. При неимении дворянского титула известные шансы давала принадлежность во время учебы к студенческой корпорации. Он разговаривал со мной ледяным тоном.

— Фон Гереке? — спросил он, когда я к нему явился.

— Нет, господин регирунгспрезидент, просто Гереке.

— Так, так... Мы запишем вашу фамилию, вы ведь как-никак были на фронте. Посмотрим, найдем ли мы для вас место.

Мне было велено еще раз прийти. По существу, это был отказ, у меня не было никаких надежд быть принятым.

Все же я пришел еще раз.

Когда я вошел в кабинет регирунгспрезидента, меня встретил некий господин фон Шверин. Он вежливо просил меня присесть. Шверин тщательно просмотрел мои бумаги и свидетельства и даже мою дипломную работу на юридическую тему, которую я также подал вместе с бумагами. У него не было вопросов относительно приставки «фон», «Железного креста» или принадлежности к студенческой корпорации.

Что же произошло? Оказалось, что господин фон дер Шуленбург был назначен обер-президентом провинции Бранденбург, а на его место сел бывший регирунгспрезидент в Оппельне фон Шверин. В противоположность Шуленбургу Шверин принадлежал к совершенно иному типу королевско-прусского чиновника. Он был дальновидным представителем своего класса и пытался приспособить свои воззрения к новому развитию событий, сознавая, что современным индустриальным государством нельзя управлять бюрократически, полагаясь лишь

на титулы, и что решающее значение следует придавать способностям. Этими установками он руководствовался и в обхождении со своими сотрудниками. Он был умен и очень любезен. В тот день Шверин сказал мне:

— Гереке, вы мне нравитесь, ваши отметки превосходны, в таких людях мы нуждаемся!

Я был очень обрадован такой похвалой. Но Шверин тут же добавил:

— Видите ли, Гереке, у нас сейчас свободных мест нет. Я не могу отказать кому-то и вас назначить на его место. К тому же вы не дворянин и не были даже в студенческой корпорации. Правда, и я не состоял в корпорации, мне были противны пивные пирушки.

И, заметив мою растерянность, он продолжал:

— Дело тут не только в дворянском титуле. У других кандидатов тоже неплохие отметки, хотя они и не могут идти ни в какое сравнение с вашими. Именно потому, что вы мне нужны, мне хотелось бы, чтобы вы получили более фундаментальное юридическое образование.

Поняв его намек, я ответил:

— Но господин регирунгспрезидент, ведь это очень трудно, ведь нельзя так быстро сдать экзамен.

Шверин заметил:

— До сих пор вы проявляли много инициативы и настойчивости. Вам надо получить звание доктора*. Когда у вас будет это звание, я смогу, учитывая ваши отметки, отдать вашей кандидатуре предпочтение перед другими кандидатами. Но учтите, что вы должны подать бумаги не позже 4 апреля 1916 года, ибо это последний срок, когда мне надлежит доложить господину министру внутренних дел о тех кандидатах, которых я избрал на должность референдариев.

— Господин регирунгспрезидент, я попытаюсь выполнить ваше условие. Могу ли я надеяться, что если мне это удастся, то ваше обещание взять меня сохранит свою силу?

— Вы храбрый человек, Гереке. Вы не должны ставить условия. Но вы мне нравитесь. Можете верить моему обещанию.

— Спасибо, господин регирунгспрезидент.

* В Германии степень «доктор» всегда была равна примерно кандидатской степени в некоторых других странах.

— Гереке, вам ведь не удастся уложиться в срок, вы не сможете этого сделать.

Я действительно не знал, как мне справиться с такой задачей.

Лишь когда я вышел на улицу, мне стало ясно, что я натворил. Был ноябрь 1915 года. До апреля будущего года оставалось четыре месяца. К счастью, в дубенском суде работы было немного. Можно было, следовательно, засесть за книги.

Я выбрал тему «Возмещение убытков за браконьерство». Эта тема была мне знакома, ибо я прилежно собирал все предписания по этому вопросу. Я давно уже стремился защитить докторскую диссертацию. Но сейчас все решилось слишком быстро, сроки оказались необычайно сжатыми, да к тому же мне надлежало получить докторскую степень как по юридической, так и государственно-правовой науке. Возник вопрос, где же лучше всего защитить диссертацию. Может, при каком-то университете в Пруссии? Но там надо пройти сложную процедуру защиты, что отняло бы много времени. Может быть, быстрее удастся защитить диссертацию в Южной Германии? Со студенческих времен я знал и очень ценил профессора Мендельсона-Бартольди в Вюрцбурге. Я поехал к нему и откровенно изложил ситуацию. Будучи типичным баварцем, он сначала обрадовался, что к нему обратился пруссак, убедившийся в менее бюрократических порядках в Баварии по сравнению с Пруссией.

— Ну, господин Гереке, по каким же предметам вы хотите держать экзамены? Вашим прусским господам, по-видимому, недостаточна степень доктора юридических наук, и они хотят, чтобы вы еще стали доктором государственно-правовых наук. Не объединить ли защиту на двух наших факультетах.

Я сразу же согласился. На раздумье не осталось времени. Надо было идти напролом, и чем больше была нагрузка, тем лучше. Экзамены были назначены на 3 апреля — то был самый ранний из возможных сроков защиты.

На профессоров обоих факультетов я, по-видимому, произвел хорошее впечатление. Я ведь был ранен в боях, все еще ходил с палочкой, к тому же был пруссак, избравший Баварию для защиты диссертации. И я

выдержал экзамены, причем не только, как говорится, с грехом пополам, а с блеском.

В тот же вечер я ночным поездом отправился в Берлин и на следующее утро записался на прием к регирунгспрезиденту в Потсдаме. Он с удивлением взглянул на меня:

— Господин Гереке, неужели вы защитили диссертации?

— Да, господин регирунгспрезидент.

— Это невозможно!

Я показал ему свои дипломы.

— Гереке!

Он встал и обнял меня.

— Гереке, вы тот человек, который мне нужен. Я знал, что вы способный парень, и отдаю предпочтение вашей кандидатуре. Вы блестяще справились со своей задачей. Поздравляю!

Так я стал референдарием при прусском королевском правительстве в Потсдаме. Моя диссертация на государственно-правовую тему была опубликована и даже принесла мне небольшой доход.

Нелюбезный прием в Мейенбурге

Официально уволившись в Дюбене, я переехал в Потсдам и приступил там к работе. Фон Шверин поручил мне также помочь принцу Августу Вильгельму, четвертому сыну кайзера, продолжить свое образование. Принц числился на должности референдария в Потсдаме. В то время он находился на фронте, но ему предстояло сдать экзамен на занятие должности правительственного асессора, и для этой цели он должен был получить краткосрочный отпуск.

— Принц никоим образом не должен провалиться, вы меня поняли? — строго заметил фон Шверин.

Я понял и принял поручение.

Работа молодого референдария мне очень нравилась; к тому же господин фон Шверин покровительствовал мне как никому другому. Мне было разрешено заходить прямо к нему в кабинет, минуя приемную, где всем, включая вице-президентов, надо было заранее записываться.

— Гереке,— как-то сказал мне Шверин,— запомните мои слова: для королевско-прусского референдария нет ничего невозможного. Нет таких задач, которые могли бы оказаться ему не по плечу. Это должно стать вашим девизом. Как только принц сдаст свои экзамены, вы будете назначены на работу вне Потсдама. Вам надо много увидеть и узнать.

Я часто сопровождал регирунгспрезидента, когда он выезжал в служебные командировки, и узнал при этом многое, что я не мог бы узнать из учебников. Мы говорили с ним, конечно, и о конном спорте, о чистокровных лошадях и т. д. Во всем этом он ничего не смыслил. Мы вместе ходили также на скачки в Груневальд. Когда я уже работал в Кирицце, Шверин прислал мне очень милое письмо, в котором, между прочим, писал, что теперь ему не хватает моих «уроков». Действительно, было очень жаль так скоро расстаться с ним.

Среди бумаг, присланных мне на обработку, особое мое внимание привлекли документы, связанные с так называемым «делом Мейенбург». Мейенбург был городом, в управлении которым были обнаружены большие злоупотребления. Бургомистр был уволен в отставку, а теперь надо было послать туда специального правительственного комиссара для расследования дела. Этот маленький городок в районе Остпригнитца, на границе с Мекленбургом, входил в наш округ. Полагалось, что такой комиссар имел бы чин не ниже регирунгсрата или в крайнем случае дипломированного асессора. Тем не менее выбор Шверина пал на меня.

— Гюнтер,— сказал он, обращаясь ко мне, как это иногда бывало, на «ты»,— послушай меня хорошенько. Я решил послать тебя комиссаром в Мейенбург.

— Я слушаю, господин регирунгспрезидент!

— Гереке, я полагаю,— продолжал он, переходя уже на «вы»,— что вас там встретят далеко не дружелюбно, комиссаров вообще не жалуют. Разберитесь в ситуации. Помните мой девиз: для королевско-прусского правительственного референдария нет ничего невозможного.

Я, конечно, помнил эти слова. Так я оказался в Мейенбурге.

В Мейенбурге меня встретили более чем холодно. Группа пожилых граждан, депутатов городского собрания, открыто выражала свое недовольство:

— Зачем нам нужен этот зеленый юнец из Потсдама?!

На следующий день я созвал заседание магистрата. Чувствовал я себя весьма неуютно, как в свое время в Дюбене. Дело в том, что я еще никогда не участвовал в подобного рода заседаниях. А теперь надо было не только участвовать в таком заседании, но руководить им и к тому же пытаться в ходе его наладить отношения с членами магистрата. Я старался быть вежливым, но атмосфера оставалась прохладной. Обстановка осложнялась еще тем, что надо было урегулировать некоторые неприятные дела, относившиеся к прошлому. Поэтому я перед заседанием решил нанести визиты наиболее влиятельным членам магистрата и городского собрания, причем каждому из них в отдельности. Это вызвало благоприятную реакцию. Один из моих собеседников, разыгрывавший из себя «старого волка» и решивший демонстративно вести беседу на мекленбургском диалекте, пытался «перепить» меня. Это был с его стороны не очень благородный поступок. Но я оказался на высоте положения. Хотя подобного рода шутки мне были не по душе и особого опыта на этом поприще в Потсдаме я приобрести не смог, все кончилось благополучно: потчевали меня, к счастью, не пивом, а водкой «Доорнкаат».

Помогла мне также кампания пожертвований в фонд Гинденбурга. В августе 1916 года Гинденбург стал начальником большого генерального штаба. Пропаганда, имевшая цель создать своего рода культ «спасителя Восточной Пруссии», носила характер национального мифотворчества. Верховное руководство армией сразу же после назначения Гинденбурга обнародовало новую директиву по вопросам военного хозяйства, так называемую «программу Гинденбурга»; цель программы заключалась в том, чтобы мобилизовать дополнительные резервы для продолжения войны.

Осенью 1916 года рейхстаг принял закон о патриотической вспомогательной службе, за который голосовали также и социал-демократы, включая многих руководителей профсоюзов. В дополнение к нему было принято решение, чтобы ландраты и бургомистры собирали среди крестьян сало. Были уже установлены нормы на каждый район. Все это не могло у меня вызвать никакой симпатии. В Мейенбурге я еще никакого положения не

завоевал, многие встретили меня там сдержанно или даже с недоверием. И теперь мне надо было потребовать от них пожертвований. Чем же это кончится?! С юношеской беззаботностью я решил воспользоваться несколько странной идеей.

В Берлине я купил несколько больших пакетов с конфетами. Затем я обратился к земледельцам и крестьянам города Мейенбурга и его окрестностей с призывом пожертвовать в фонд Гинденбурга сало или шпиг. Я предложил, чтобы молодые жители города в установленные часы приносили эти жертвоприношения на мейенбургскую молочную ферму. На этой ферме я собственной персоной выдавал всем дочерям и сыновьям мейенбургских граждан конфеты в соответствии с размером пожертвования. Успех был потрясающим. Для Мейенбурга это была сенсация, которая оказала свое действие особенно на дамскую половину общества: сам комиссар распределяет конфеты! Сбежались барышни-подростки и приносили с собой больше, чем можно было ожидать. Так, «подсластив» горечь пожертвований, я завоевал много симпатий среди молодежи, что не могло не сказаться на отношении ко мне родителей. В Мейенбурге было собрано больше сала, шпига и ветчины, чем во всем районе Остпругнитц. Господин фон Шверин, которому я послал отчет об этой операции, был в восторге. Я получил диплом, на котором было выведено каллиграфическим почерком: «Лучшему сборщику пожертвований в фонд Гинденбурга».

Моя выдумка с конфетами снискала мне большие симпатии женской половины города, что было мне отнюдь не неприятно. В дальнейшем я стал предлагать свои услуги молодым дамам как режиссер и автор пьес — предложение, которое было встречено с восторгом. Вскоре мы начали показывать в самом большом зале города маленькие пьески, разумеется, сугубо «патриотического» содержания. Это и не могло быть иначе — в то время я был еще твердо убежден в победе кайзеровской армии.

Бургомистр Мейенбурга по традиции выполнял одновременно функции начальника бюро регистрации актов гражданского состояния. Поэтому мне как правительственному комиссару пришлось также выполнять эти функции. Это было для меня хотя и не очень сложной, но совершенно новой областью деятельности. Пер-

вой молодой парой, которая явилась ко мне регистрировать брак, оказались поляк и полячка. Они были сельскохозяйственными рабочими и происходили из тех областей, которые тогда принадлежали еще царской России, а следовательно, имели русское гражданство. Оба почти ни слова не понимали по-немецки. Два свидетеля также были поляками и очень плохо владели немецким языком. Я пытался объяснить им значение регистрации брака и растолковать необходимость подписаться под протоколом. Я старался также разъяснить жениху — Йозефу, что, после того как он подпишет протокол, он только с Марушкой и никакой другой женщиной может «крутить любовь». Но они моих слов не могли понять. Молодая пара и оба свидетеля молча продолжали стоять перед моим большим столом в ожидании, что бракосочетание завершится каким-то торжественным актом. Тогда я подал им знак стать на колени. На колени опустились все четверо. Но двум свидетелям я велел встать. Молодая же пара подписала протокол, стоя на коленях. Я горячо поздравил их, усиленно жестикулируя, и молодая пара покинула ратушу в приподнятом настроении. Свидетели рассказывали затем своим польским коллегам, что они и раньше много слышали о церемонии бракосочетания в Германии, но никогда еще не присутствовали на таком торжественном акте с коленопреклонением. Впоследствии мне приходилось выслушивать немало шуток по поводу моей деятельности в качестве начальника бюро по регистрации актов гражданского состояния в Мейенбурге.

Настроения в Мейенбурге коренным образом изменились в мою пользу. Никто уже не называл меня «зеленым юнцом» из Потсдама. Я пытался помогать всем как только мог. И вот недавно — в день моего 70-летия — я получил дружеское письмо от одной жительницы Мейенбурга. Передо мной возник образ очаровательной девушки с роскошными черными косами. Я помог ее отцу, у которого военные власти отобрали лошадь, получить замену из конюшни для больных лошадей в Перлеберге. Мне удалось также добиться через правительство в Потсдаме разрешения на побывку для многих солдат-фронтовиков, братьев и сыновей жительниц Мейенбурга.

В то время практиковали контрольную проверку состояния лошадей в отдельных общинах с целью изыска-

ния дополнительных резервов тягловой силы для фронта. По поручению регирунгспрезидента Потсдама я проводил эту проверку в северной части района Остпригнитц, потом в Мейенбурге. Но поскольку разверстка в этом городе была уже выполнена, мне удалось добиться того, что жителям города были оставлены их лошади — оставлены на основании оценки состояния лошадей, предпринятой их молодым бургомистром-комиссаром. Я тогда убедился в том, как произвольна может быть оценка комиссии по отбору, как необъективна иногда бывает эта оценка и какое значение имеет при этом мнение того, кто оказывает на эту комиссию наиболее сильное влияние.

Через три месяца после моего прибытия в Мейенбург там состоялись выборы нового бургомистра городским собранием. Не спросив моего согласия, собрание единодушно выдвинуло мою кандидатуру на этот пост. При всей моей любви к городу я с этим, конечно, согласиться не мог. Моей целью отнюдь не было стать бургомистром в Мейенбурге. Я поэтому попытался объяснить городскому собранию, что хотя и чувствую себя польщенным его доверием, но не могу принять предложения, так как был послан в Мейенбург правительственным комиссаром лишь временно, до избрания нового бургомистра. Городское собрание обратилось тогда к регирунгспрезиденту, настаивая на утверждении им их решения. Вскоре в Мейенбург прибыл лично господин фон Шверин, чтобы разъяснить, что я нужен ему в Потсдаме. На прощание городское собрание избрало меня почетным гражданином города и назначило одновременно представителем Мейенбурга в крейстаге района Остпригнитц в городе Киритце. Тем самым собрание выразило свою заинтересованность в сохранении связи со мной. Мне осталось лишь поблагодарить за избрание.

После возвращения в Потсдам Шверин, поздравив меня с успехом, сообщил, что, так сказать, в знак признания моих заслуг он направляет меня задолго до положенного срока на должность референдаря в земельный совет, причем в совет в Киритце, где заседает также районный совет, членом которого я уже являюсь после избрания меня почетным гражданином Мейенбурга. Там я вновь смогу общаться с любимыми мною гражданами Мейенбурга, но уже на более высоком уровне.

Винтерфельд ретируется

Так в порядке продолжения практики я приступил к новым обязанностям в земельном совете в Киритце. Ландратом там был господин фон Винтерфельд, ставший впоследствии председателем фракции Немецкой национальной партии в прусском ландтаге.

Однажды, всего лишь через несколько дней после начала моей службы в Киритце, Винтерфельд не явился на работу. Мне позвонили и просили срочно прийти в соседнюю с земельным советом виллу ландрата. Оказалось, что Винтерфельд заболел. Он сообщил, что врач рекомендовал ему уйти с работы примерно на год. Я был озадачен: что же делать? Я тут же позвонил в Потсдам.

— Винтерфельд заболел? — спросил меня Шверин. — Ну что ж, это не катастрофа. Передайте ему мой привет и пожелания скорого выздоровления. Но комиссара мы в Киритц не направим, руководить земельным советом придется вам так, как вы руководили городским советом Мейенбурга. Приступайте к работе, господин «исполняющий обязанность ландрата».

Затем Шверин подал мне несколько советов:

— Во-первых, дорогой Гюнтер, не давайте уполномоченным районного совета слишком сильно вмешиваться в ваши дела. Они, конечно, по закону представители ландрата на местах, но один из них — барон цу Путлиц в Гросс-Панкове — человек, с которым довольно трудно иметь дело: он высокомерен. Рекомендую вам поэтому ориентироваться на второго уполномоченного, а именно господина доктора фон Далльвитца, учтите, что, помимо того, что Далльвитц двоюродный брат министра внутренних дел, он еще и мой личный друг. Да, к тому же у него знаменитая коллекция фарфора! Вы с ним найдете общий язык. Желаю вам успеха. Скоро приеду к вам в Киритц на ревизию!

В Киритце я поселился в гостинице «Черный орел», владелец которой держал чистокровных лошадей в одной из конюшен в Хоппегартене. Часто я бывал в имении господина фон Далльвитца в Торнове, недалеко от Киритца. Там для меня была оставлена маленькая комната.

Я понимал, что работа у меня будет нелегкая. Хозяевами земель в близлежащих районах были дворяне,

земельные советы возглавляли: в соседнем районе Руппине некий фон Кнезебек, в районе Ратенау — фон Бредов, в районе Науэн — господин фон Ханке. Я был единственным руководящим чиновником без дворянского титула, и мне пришлось бы очень туго, если бы я не пользовался благорасположением регирунгспрезидента фон Шверина. Именно оно во многом облегчило мою работу. В моей деятельности на посту ландрата я был целиком предоставлен самому себе, и мне пришлось войти в широкий круг своих обязанностей очень быстро, без обычной стажировки. В этот круг входило также руководство отделом налогов, которое позже перешло к центральным финансовым ведомствам. В связи с огромным расширением военного сектора экономики деятельность ландрата усложнилась. Возрос объем работы в земельном совете. Все чаще мне приходилось засиживаться до глубокой ночи. В одну из таких ночей полицейский, заметив свет в кабинете ландрата, решил проверить, что же происходит в здании земельного совета. Он вошел в дом, воспользовавшись запасным ключом. Но обнаружил он в кабинете не преступника, а всего лишь засидевшегося ландрата. Я поблагодарил его за бдительность, выкурил с ним сигарету и предложил выпить рюмку водки.

Наиболее влиятельными людьми в районе были крупные помещики, такие, как Дирке-Зильмерсдорф, Кеттер-Буллендорф или Крехер-Бабе. Наряду с ними членами крейстага были директор банка Блок и советник юстиции Херинг из Притцвалька. Сугубо личные интересы этих людей во многом определяли результаты голосования в крейстаге. Можно привести следующий пример. В декабре 1917 года обсуждался вопрос о строительстве узкоколейной железной дороги. Дорога проходила через владения одного из помещиков — членов крейстага. Этот помещик стал энергично выступать за то, чтобы вести линию как можно ближе к его поместью, так как это давало возможность дешевле перевозить по ней его продукцию. Общеэкономические соображения его совершенно не интересовали.

Несмотря на большой объем работы в самом Киритце, мне удавалось все же выезжать и на места. При этом я неизменно бывал в домах общинных старост, правительственных старост и представителей помещичьих общин. Я рассчитывал таким путем завязать

более тесные контакты с ними, а также с населением в общинах и на помещичьих землях. Особенно охотно я посещал общины, в которых имелись конные заводы. Владельцами ценных конных заводов были Мюллер-Тетчендорф и фрау фон Клитцинг в Демертине. Фрау фон Клитцинг была очаровательной и вместе с тем очень энергичной женщиной, вдовой. У меня с ней установились хорошие отношения. Как-то мне было поручено вручить ей орден «за заслуги перед отечеством». Когда я прибыл в Демертин, оказалось, что там собралось по этому поводу все население. Мне было предложено произнести патриотическую речь. Это было довольно неприятно, но я не хотел осрамиться перед столь большим скоплением народа. Хотя я очень волновался, все сошло лучше, чем я ожидал. Впоследствии мне часто приходилось выступать в районе Киритца экспромтом, почти без всякой подготовки. Это мне много дало для моей последующей деятельности.

В общем, период деятельности в Киритце на посту исполняющего обязанности ландрата я вспоминаю охотно. Ведь это были годы моей юности. К сожалению, они проходили под знаком войны, которая обрекала на нужду и лишения большинство населения. Если в начале войны господствовал патриотический подъем, то впоследствии он все больше сменялся чувством смирения и разочарования.

В начале 1918 года в различных крупных городах рейха недовольство масс тяготами войны вылилось в крупные забастовки. В Потсдаме забеспокоились. В телеграммах, разосланных регирунгспрезидентом, рекомендовалось всем ландратам не разрешать демонстрации и призывы к забастовкам и запрещать деятельность всякого рода комитетов действий. Дословно в них говорилось: «Там, где не хватает полицейских, надо привлекать унтер-офицеров — служащих вермахта и в случае нужды не останавливаться перед применением военной силы». Я спокойно мог сдать это распоряжение в архив, так как в Киритце не было никаких забастовок. Но рекомендованные меры мне показались крайне неподходящими, чтобы предотвратить возможные беспорядки. По моему мнению, такую цель можно было бы скорее достигнуть путем спокойного разъяснения общей обстановки и убедительных доводов, что беспорядками ситуацию никак исправлять невозможно.

В 1917 году в России разразились две революции. В стране бушевала гражданская война. Все это было мне, разумеется, известно. Но Россия была далека, и во всем был виноват сам царь. Бесхозяйственность, коррупция, пренебрежение к нуждам населения — рабочих и крестьян, глупость — все это подорвало позиции царского режима. По моему убеждению, в Германии такого случиться не могло. Прусский порядок и дисциплина в сочетании с гибкостью и благоразумием обеспечат, как я полагал, безболезненный переход к парламентской монархии, ставшей необходимой. Казалось, что лидеры профсоюзов и руководители социал-демократов были готовы идти по этому пути. Правда, препятствием на таком пути служила позиция таких неисправимых и антинародно настроенных аристократов, как господин фон Шуленбург. Но, с другой стороны, существовали и такие люди, как фон Шверин и фон Далльвитц, то есть представители тех кругов, которые могли бы, по моему мнению, вести отечество по новому пути. Надо было надеяться, что кайзер прислушается к их советам. Под властью таких политических иллюзий я вернулся из Кирица в Потсдам весной 1918 года. Господин фон Шверин после выздоровления ландрата фон Винтерфельда выдал мне столь блестящую аттестацию, что было сочтено возможным ограничиться одним годом практики вместо двух. Мне разрешили в этом же году участвовать в экзамене на звание правительственного асессора при министерстве внутренних дел. Этот экзамен с полным основанием считался наиболее трудным из всех. В отличие от экзамена на звание судебного асессора здесь требовались знания не только в области юриспруденции, но и государственного права и национальной экономики. Конечно, большое значение имели отзывы о прохождении официальной практики в качестве референдаря, которые выдавал соответствующий регирунгспрезидент.

Сокращение срока практики меня обрадовало, ибо мне очень не хотелось работать еще целый год в окружном управлении Потсдама. Моим начальником в этом управлении оказался господин фон Узедом, ограниченный человек, бюрократ, без чувства юмора и способности к самостоятельным решениям. Не прошло и 14 дней нашей совместной работы, как в моем деле появилась заметка Узедома «с.с» — «строптивный сотрудник». Узедом

дом был не так уж неправ! для него и ему подобных я действительно всегда был «строптивым сотрудником», Я сообщил об этом регирунгспрезиденту фон Шверину, который хорошо меня понял и утешал:

— Потерпите еще немного. Скоро вы с блеском сдадите свой экзамен и станете правительственным асессором.

Я уже упомянул о том, что в то время я по своим взглядам был настоящим пруссаком, но не в смысле «верноподданного», которого так блестяще описал и разоблачил Генрих Манн. Образ мещанско-прусского верноподданного с его подхалимничаньем перед начальством, с одной стороны, и упрямым бюрократизмом — с другой, глубоко претил мне, противоречил моему мировоззрению и пониманию задач и норм поведения прусского государственного служащего. Ограниченным чиновникам, которые были способны лишь приказывать, но не умели убеждать подчиненного, я должен был казаться «строптивым», если не «опасным». Но если подобные окостенелые в своем консерватизме прусские чиновники полагали, что мы настроены «революционно», то это можно было назвать лишь плодом недоразумения, полным непониманием нашей позиции. Мы, так же как они, были пруссаками и тогда еще к тому же монархистами. Мы чувствовали себя националистами в том смысле, как мы тогда понимали национализм, и были противниками всякого переворота. Но мы хотели идти вперед и были полны желаний содействовать поискам новых путей развития.

Таковы были мои жизненные правила, которым я остался верен в течение всей моей жизни: честность и прямота; не останавливаться ни перед какими препятствиями; идти в передовой шеренге прогрессивного развития в интересах родины. Этих принципов я придерживался и в последующие пятьдесят лет жизни, хотя мое понимание того, что такое «прогресс», соответствующий интересам родины, к старости и частично в итоге горького опыта коренным образом изменилось.

В октябре 1918 года я сдал экзамены на звание правительственного асессора «с отличием» и получил назначение в земельный совет района Остхафельдланд в Науэне. Я сам ходатайствовал о таком назначении: как дипломированный асессор, я имел право высказать свои пожелания перед распределением.

Мне не хотелось работать в министерстве, где я мог бы занять должность либо государственного советника, либо министерского советника. Я считал, что это лишь свяжет меня с бюрократическим аппаратом и я окажусь в подчинении, по всей вероятности, ограниченных и профессионально мало подготовленных начальников. На посту же ландрата я буду обладать свободой действия и самостоятельностью в принятии решений, смогу «скакать впереди», как хорошая чистокровная лошадь. Но особенно важным для меня была возможность контакта с населением, ибо я всегда испытывал удовлетворение, служа и помогая ему.

Мне удалось к этому времени справиться в основном с последствиями тяжелого ранения, но я продолжал энергично лечиться, чтобы побороть и некоторые побочные явления, связанные с ранением. Напряженная работа в связи с досрочной сдачей экзаменов на звание правительственного асессора все же сильнее сказалась на моем здоровье, чем я полагал. Открылась рана в легких — результат пулевого ранения. Мне пришлось прибегнуть к врачебной помощи. Я вернулся поэтому в Прессель, где в течение нескольких недель должен был соблюдать постельный режим.

Осуществление юношеской мечты

Несколько сот рабочих и матросов не могут сокрушить германский кайзеровский рейх!

Такова была моя первая реакция на тревожные сведения, которые передала мне мать, придя ко мне в комнату в тот бурный осенний день 1918 года. Но уже очень скоро я понял, что повсюду заколебалась почва под германской монархией.

Четвертого ноября в Киле был образован Совет рабочих и солдатских депутатов. Днем позже начались восстания в Любеке и Брунсбюттеле. 6 ноября газеты сообщили об образовании Советов рабочих и солдатских депутатов в городах Гамбург-Альтона, Бремен, Вильгельмсхафен, Куксхафен, Фленсбург и Росток. В Берлине в тот день было еще спокойно, но на следующее утро картина переменилась и там. Повсеместно, в том числе

и в нашем окружном городе Торгау, возникли Советы рабочих и солдатских депутатов.

Сила революционного взрыва меня испугала. Это не был просто бунт нескольких недовольных матросов и рабочих, а восстание, которое я считал в Германии исключенным. Я никогда не мог себе представить, что кайзеровский рейх так внезапно может рухнуть. Добрые прусские традиции, которые в своем юношеском неведении я считал опорой государства и ради которых я сам, как и бесчисленное количество моих сверстников, добровольно пошел на войну, оказались лишь вывеской, скрывававшей устаревшие догмы, отсталость и коррупцию. Впервые я стал задумываться над вопросом, какую долю ответственности за все это несет кайзер и его советники и насколько они повинны в хаосе, в который был ввергнут народ. Жажда к господству кайзера Вильгельма II и его дилетантизм сыграли трагическую роль. Правда, я был еще далек от того, чтобы понимать, что все политические и социальные проблемы по сути своей являются проблемами классовыми.

Вскоре пришло известие: кайзер свергнут. События неслись со стремительной быстротой. Революционные Советы рабочих и солдатских депутатов возникли во всех городах. Рабочие не захотели больше оставаться гражданами второго сорта, они в полный голос заявили о своем праве на решающее участие в управлении государством, — праве, на которое они уже давно могли претендовать. Я был далек от того, чтобы одобрить подобные политические претензии Советов рабочих и солдатских депутатов, но все же считал, что мы должны коренным образом изменить наше отношение к рабочим. Со своей стороны я был готов честно с ними сотрудничать. Такая противоречивая позиция помешала мне осознать, что интересы народа могут быть наиболее надежным образом защищены лишь рабочим классом и что крупная буржуазия давно уже предает интересы нации, ставя превыше всего свои прибыли.

Ничто уже больше не могло меня удержать дома. Как только представилась возможность, я выехал в Науэн, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей в земельном совете. Ландрат Ханке был в полном отчаянии. К нему ведь особенно благоволил кайзер. Поэтому для него рухнул целый мир, приспособиться к но-

вому развитию он был уже не в состоянии. Вскоре он подал в отставку. Вновь мне было поручено заменить ландрата в силу правительственного распоряжения. Моим партнером оказался Совет рабочих и солдатских депутатов в составе четырех социал-демократов и трех представителей Независимой социал-демократической партии. В отличие от Киритца Науэн состоял не сплошь из сельского населения, а, будучи индустриальным центром, имел сильную прослойку революционных рабочих. С Советом рабочих и солдатских депутатов у меня вскоре установились хорошие отношения. Я тщательно избегал всяких споров о компетенции Совета. Это помогло мне успешно сотрудничать с ним. Продовольственное положение в районе было катастрофическим. Что же могло быть важнее задачи совместно пытаться исправить дело? Рабочие голодали, их семьи нуждались в хлебе насущном, это касалось всех. Мы совещались по поводу того, какие меры следует принять, невзирая на всякого рода устаревшие юридические установления. Такой широкий подход сообразно со здравым смыслом помог нам выработать необходимые решения. Сотрудничество хорошо наладилось.

Однажды ко мне в кабинет пожаловал доктор фон Далльвитц.

— Как ты живешь, Гюнтер? Как ты сотрудничаешь с Советом Р и С?

— Прекрасно!

Затем Далльвитц изложил мне предложения, с которыми ко мне пришел:

— Переводись к нам в Киритц. Ландрат фон Винтерфельд ушел в отставку. Нам нужен новый ландрат. Тебя у нас все хорошо знают. Ты депутат нашего крейстага, почетный гражданин Мейенбурга, все к тебе хорошо относятся. Окажи нам услугу, вернись в Киритц и простиись с Науэном!

В конце концов я уступил этому нажиму. Крейстаг в городе Остригнитце выдвинул мою кандидатуру на пост ландрата. Но это выдвижение не было признано законным. Нужно было сначала выбрать новый крейстаг, так как старый крейстаг был сформирован на основании устаревшей «трехклассовой» избирательной системы. Новый крейстаг весной 1919 года подтвердил решение старого крейстага. Я поехал в Берлин и направился в министерство внутренних дел Пруссии.

После Ноябрьской революции в этой самой большой германской земле — Пруссии — было образовано социал-демократическое правительство. Меня принял новый министр внутренних дел, социал-демократ Гейне.

— Мне уже известно, доктор Гереке, что крейстаг Остпригнитца выразил пожелание, чтобы вас назначили ландратом, а вы сами хотите поехать в Киритц?

— Да, господин министр. Меня об этом многие просили.

— Жаль, очень жаль! Видите ли, Науэн — очень трудный орешек. Вы хорошо сработались с Советом рабочих и солдатских депутатов, и мы вами очень довольны. Мы хотели бы, чтобы вы там остались. Но если вы сами желаете перевестись, я не стану чинить вам препятствий. Я согласен.

Так я вернулся в Киритц.

К тому времени в Торгау произошло печальное событие. Ландрат Торгау, тайный советник Визанд, покончил жизнь самоубийством. Визанд, несомненно, был хорошим работником и знающим юристом, но человек старого закала, его методы работы были для меня неприемлемы. Он руководил своим районом, скрупулезно соблюдая все параграфы законов, бюрократически, без понимания политических реальностей и без всяких контактов с населением. После резкого столкновения с Советом рабочих и солдатских депутатов в Торгау в начале мая он застрелился в своей вилле из охотничьего ружья.

Когда в Киритце мне стало известно о самоубийстве Визанда, я сразу же отправился домой, в Прессель. Кто станет обвинять меня в том, что мне захотелось осуществить свою юношескую мечту — стать ландратом в Торгау? Я решил выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах в крейстаг от родного района.

Коммунальные выборы в то время проходили еще не по спискам, выставленным отдельными партиями, но были уже пропорциональными и тайными. Избирателю предлагались бюллетени различных партий, из них он должен был выбрать бюллетень той партии, за которую решил голосовать. Этот бюллетень нужно было положить в соответствующий конверт, который председатель избирательной комиссии опускал в урну.

В день выборов в Пресселе встретились у избирательных урн различные кандидаты. Наряду со мной

пришли представители Немецкой национальной рабочей партии, СДПГ и Независимой социал-демократической партии. Они предлагали избирателям бюллетени своих партий. Только на бюллетене, который я предлагал избирателям, было напечатано: «Правительственный асессор, доктор Гюнтер Гереке». Я не принадлежал ни к какой партии, был беспартийным. В Пресселе проживало 700 человек, из них 365 имели право голоса. Подсчет голосов дал неожиданный результат: все 365 голосов были поданы за мою кандидатуру!

Это был мой первый политический успех в новой республике. Многие населенные пункты района, особенно по инициативе вновь образованного районного объединения крестьян, предложили после этого выставить мою кандидатуру на выборах ландрата. Отдельные граждане, бургомистры и председатели общин обратились с такой же просьбой к прусскому министерству внутренних дел. Из Берлина, однако, ответа не последовало. Поэтому в соответствии с принятой процедурой, которая была определена в Положении о крейстаге, был созван крейстаг. Заседание его состоялось 4 июня 1919 года. Подавляющим большинством голосов я был избран на нем ландратом.

После выборов меня вызвали в министерство внутренних дел. Меня вновь принял Гейне. Несколько удивленно он заметил:

— Господин Гереке, вы самый молодой из правительственных асессоров в Пруссии, и именно вас избирают ландратом сразу в двух районах и третий — Науэн — заявляет, что хотел бы вас сохранить у себя. Как вам это удалось? Мы хотели бы в нашей молодой республике не назначать ландратами в отдельных районах людей, которые там проживают, то есть имеют там земельную собственность. Так было раньше, но это должно измениться. И вот первый и к тому же еще самый молодой ландрат, избрание которого я должен утвердить, как раз проживает в том же районе, где его избрали!

— Господин министр, у нас теперь демократия, в которой решающее значение имеет воля избирателя. Прошу утвердить мое избрание ландратом в Торгау именно потому, что это мой родной район.

— Но вас же, господин Гереке, рекомендовали нам как дипломированного асессора, вы можете работать в министерстве, разве у вас нет желания стать сотрудни-

ком министерства внутренних дел? Ведь перед вами откроются широкие возможности для карьеры!

Но такой цели у меня не было. В качестве референта в министерстве внутренних дел у меня не могло быть той свободы действий, которой я обладал бы на посту ландрата. Поэтому я вежливо, но решительно отклонил предложение министра. Лучше быть первым в деревне, чем вторым или третьим в городе. Об этом я подумал, но не высказал свои мысли вслух.

Гейне согласился со мной. Он выполнил мою просьбу и назначил меня официально исполняющим обязанности ландрата в Торгау. При этом он добавил:

— Так как ваше избрание крейстагом произошло до того, как вашу кандидатуру утвердило министерство, придется в соответствии с правилами еще раз ее подтвердить.

Первый опыт

Так я стал руководить моим родным районом Торгау. Мое желание исполнилось, правда в совершенно иных условиях, чем это мне представлялось раньше. Я начал с того, что созвал всех моих будущих сотрудников и заявил им:

— Дамы и господа, как вы знаете, я назначен исполняющим обязанности ландрата. Я сознаю, что среди вас я самый молодой, что многие из вас могли бы быть моим отцом или даже дедом. Готовы ли вы искренне со мной сотрудничать?

— Да, господин ландрат!

— Конечно, господин ландрат!

— Я буду очень стараться, продолжал я, работать с вами дружно. Каждый из вас может приходить ко мне со своими просьбами и заботами.

Я решил прежде всего посетить Совет рабочих и солдатских депутатов. Когда я поднялся по лестнице, направляясь в кабинет председателя Совета, я увидел, что мне навстречу стремглав бежит моя собака Бобби с большим бутербродом в пасти. Позади нее мчался по лестнице взбешенный владелец бутерброда.

— Паршивая скотина, — кричал он, — ну, погоди!

— Что случилось господин...

— Доймер! Эта проклятая собака украла у меня бутерброд!

— Моя фамилия — Гереке.

— А, господин ландрат? Это ваша собака?

— Да, это мой пес! Но зайдите, пожалуйста, в кабинет, Доймер!

Господин Доймер и был председателем Совета рабочих и солдатских депутатов. Я извинился и объяснил, что как раз направлялся в Совет, чтобы представиться.

— Разрешите предложить вам мой завтрак, так сказать, в компенсацию украденного бутерброда, господин Доймер!

— Спасибо, Гереке, в этом нет никакой необходимости.

— Пожалуйста, Доймер, нельзя же разорять Совет рабочих и солдатских депутатов!

— Тогда разделим ваш завтрак, господин ландрат.

— Согласен, Доймер, это и послужит началом нашего хорошего сотрудничества.

— Ну, это мы еще посмотрим, господин ландрат.

Мы покурили и выпили по рюмке водки. Со времени этой встречи, начавшейся столь бурно, мы в течение ряда лет очень хорошо сотрудничали с Доймером и остались с ним друзьями и после того, как он ушел с поста председателя Совета рабочих и солдатских депутатов. Я мог всегда рассчитывать на его поддержку во время выборов и в других случаях и тогда, когда он перешел из Независимой социал-демократической партии в Коммунистическую партию Германии.

Первое заседание нового крейстага состоялось в сентябре 1919 года. Через несколько месяцев, работая исполняющим обязанности ландрата, я, естественно, стал уже известным в нашем районе человеком. Поэтому, когда моя кандидатура на пост ландрата вновь была поставлена на голосование в крейстаге, я получил еще больше голосов, чем во время первых выборов. За меня голосовало 29 депутатов, только два представителя Демократической партии отдали голоса за своего собственного кандидата.

Район Торгау имел 127 общин, государственных и помещичьих округов, включая пять городов. Это был один из самых больших районов в округе Галле-Мерзе-

бург и во всей провинции Саксония. Первой моей задачей было установить контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов, второй — наладить связь с бургомистрами, общинными старостами и представителями государственных и помещичьих округов. Я всех их пригласил на собрание и произнес вступительную речь. Я обещал всегда советоваться с ними по всем важным проблемам и особенно подчеркнул мою готовность не реже одного раза в год на открытых собраниях в общинах или помещичьих округах отчитываться перед населением о своей деятельности и поддерживать с ним как можно более тесный контакт. То, что кажется нам сегодня в нашей республике само собой разумеющимся делом, тогда вызывало улыбку недоверия и удивления у многих слушателей.

Свое обещание я честно выполнял. Не реже одного раза в год я бывал во всех общинах и округах. Это требовало, конечно, непрерывных разъездов. Три раза в неделю необходимо было выступать на собраниях в общинах. Такие открытые собрания, на которые, помимо официально приглашенных представителей, мог прийти любой житель общины, обычно начинались в 14 часов. Сначала выступал я, а затем происходил оживленный обмен мнениями по поводу пожеланий и забот населения. А таких пожеланий и забот было немало, особенно что касалось продовольственного снабжения. Часто в тот же день я выезжал еще в одну или две общины, и иногда собрания затягивались до полуночи. Жителям, конечно, нравилось, что я сам к ним приезжаю. Мой предшественник не делал этого. Вскоре мне удалось таким путем завоевать доверие среди населения, а также в профсоюзных кругах, в Социал-демократической партии и в гораздо более многочисленной Независимой социал-демократической партии, члены которой почти полностью перешли вскоре в Коммунистическую партию Германии.

На том же заседании крейстага, на котором я таким подавляющим большинством был избран ландратом, избирались также правительственные старосты для отдельных правительственных округов. Правительственные старосты руководили полицией в своих округах, состоявших в зависимости от размеров из четырех или пяти общин. Кандидатуры на пост таких старост выдвигал крейстаг. Эти кандидатуры должны были утверж-

даться ландратом. Правые партии и организации, иными словами представители Немецкой национальной партии, Немецкой народной партии и районного объединения крестьян (впоследствии — Земельного союза) вместе со мной, числившимся тогда еще беспартийным, располагали в крейстаге абсолютным большинством голосов. Им противостояли 12 депутатов от СДПГ и один — от Демократической партии. Правое крыло в крейстаге имело таким образом возможность назначать всех без исключения правительственных старост. С предложением самим определять кандидатуры на все посты и обратились ко мне депутаты от Немецкой национальной партии и Немецкой народной партии. Я обсудил это предложение с моими друзьями из районного объединения крестьян и добился того, что было принято решение согласовывать каждую кандидатуру предварительно с депутатами СДПГ и Независимой социал-демократической партии и затем совместно голосовать за эту кандидатуру. Лишь с депутатом от Демократической партии такого соглашения достигнуто не было.

Соглашение вызвало нападки на меня местных газет Немецкой демократической партии. Они писали, что Гереке, мол, «красный ландрат», поддерживающий тесную связь с коммунистами. Несмотря на эти нападки, выборы прошли успешно и все, за исключением депутата от Немецкой демократической партии, были удовлетворены. Правительственным старостой в округе, в который входил, например, конный завод в Градитце, естественно, стал владелец этого завода граф Лендорф. Столь же естественным было, что ряд старших лесничих был назначен старостами в округах, богатых лесом. В общинах, которые нельзя было называть чисто аграрными и в которых имелась какая-то промышленность, на посты правительственных старост были выдвинуты члены Независимой социал-демократической партии.

Крейстаг должен был избрать также двух районных депутатов: по старому уложению эти депутаты должны были замещать ландрата в его отсутствие в решении срочных дел. Я добился того, что первым депутатом был избран представитель районного объединения крестьян, мой друг Вильгельм Бергер из Мокритца, а вторым — адвокат из Лейпцига, член Независимой социал-демократической партии доктор Бартель. Бартель был свое-

образной личностью. Он был перегружен работой как адвокат и к тому же состоял депутатом городского собрания Лейпцига от Независимой социал-демократической партии. Бартель приобрел небольшое охотничье имение в Зитценроде в районе Торгау. Там он проводил свой уик-энд. Бартель проявлял большой интерес к развитию политических событий в районе Торгау. Он все активнее принимал участие в работе Совета рабочих и солдатских депутатов. Это был человек, обладавший большим ораторским талантом, в своих речах он доходил, правда, иногда до слишком резких и обидных выпадов против своих противников.

Когда я приступил к работе в земельном совете в Торгау, некоторые старые сотрудники, среди них замечательный работник, но большой педант Грампе, главный секретарь исполнительного комитета района, предупредили меня настоятельно против общения с Бартелем, который, по их мнению, был чрезвычайно опасным человеком. С моим предшественником, тайным советником Визандом, у него неоднократно были резкие столкновения — последнее из них произошло за день до самоубийства Визанда.

Через несколько дней после того, как я приступил к исполнению своих обязанностей, прибежал взволнованный Грампе, узнавший, что ко мне на прием должен был явиться доктор Бартель. Он спросил, не следует ли ему присутствовать при разговоре, чтобы ничего плохого со мной не случилось. Я поблагодарил господина Грампе за его заботу, но указал, что в подобного рода случаях, и особенно когда речь идет о ситуациях трудных или опасных, я сам намерен вести переговоры.

Так появился в моем кабинете доктор Бартель. Я увидел человека, который одной своей полнотой производил импозантное впечатление, с интеллигентной внешностью и весьма причудливо одетого. На нем был мундир капитана времен минувшей войны, галифе, высокие сапоги со шпорами, на его тужурке красовался «Железный крест», а пиджак был усеян пятнами, оставшимися, наверное, еще с войны. Он носил лайковые перчатки, что должно было, очевидно, подчеркнуть официальный характер его визита. Наша беседа оказалась очень интересной. Она продолжалась почти три часа. Когда мы распрощались, ко мне в кабинет явился ряд

сотрудников, захотевших узнать, о чем мы так долго говорили. Я им сказал, что им нечего беспокоиться: я не застрелюсь на следующий день.

Бартель был избран от Независимой социал-демократической партии правительственным старостой в Зитценроде. Руководя полицией в своем округе, он в борьбе с контрабандной торговлей на границе между Пруссией и Саксонией принимал иногда гораздо более крутые меры, чем мне бы этого хотелось.

Бартель любил объезжать свой округ верхом на лошади. Однажды он в лесу недалеко от прусско-саксонской границы встретил женщину с кошелкой, которую сразу же заподозрил в том, что она хочет незаконно перенести через границу нормированные товары. Он велел ей открыть кошелку, обнаружил там несколько кусков масла и прочитал ей большую нотацию. Затем Бартель отправил ее обратно в Зитценроде и приказал посадить ее в пожарное депо. Оказалось, что женщина была акушерка, которая находилась в пути к роженице. Мне позвонили, и я срочно на машине отправился из Торгау в Зитценроде к доктору Бартелю. Выяснив обстоятельства, я освободил акушерку и пытался сгладить разбушевавшиеся страсти. Все же в газете «Шильдауэр цейтунг» появилась статья под заголовком «Разбойник на большой дороге», в которой в сильно преувеличенном виде была рассказана вся эта история. Пресса Демократической партии во всем округе перепечатала ее и не преминула подчеркнуть при этом, что это результат хозяйничанья правительства в Торгау и сговора между «молодым консервативным ландратом» и «лейпцигским коммунистом». Конечно, доктор Бартель не был коммунистом и в моих глазах даже и не социалистом.

Отправляясь на заседание ландтага провинции в Мерзебург, я должен был решить вопрос о том, кто из районных депутатов будет замещать меня. По согласованию с моим другом Бергером-Мокритцем я предложил, чтобы замещал меня на несколько дней не он, а доктор Бартель. Тот охотно согласился. Я был рад тому, что мои сотрудники и многочисленные посетители земельного совета, которые приходили ежедневно на прием лично ко мне, познакомятся с другим ландратом, несравненно более энергичным, чем я. Но когда я через три дня вернулся, все сотрудники земельного совета были весьма довольны, что я опять на своем посту.

Я становлюсь членом Земельного союза

Передо мной встал вопрос, не примкнуть ли мне к какой-либо политической партии. Но в какую партию вступить? Конечно, ни в одну из рабочих партий. Можно было сотрудничать с ними, но лишь как с партнерами, с которыми у меня установились неплохие отношения. Демократическая партия меня не привлекала. Среди этих либералов, которые после революции стали называть себя демократами, я встречал в районе Торгау очень мало людей, вызывавших у меня симпатии. В основном это были люди без твердых политических установок. Правда, к двум политикам из рядов Немецкой демократической партии — Вальтеру Ратенау* и Вильгельму Кюльцу — я относился с большим уважением. Особенно высоко я ценил за мужество и прозорливость Вальтера Ратенау, убитого в 1922 году деятелями «фрейкора» («добровольческого корпуса»).

В то время во всех районах возникли районные объединения крестьян, в которых сильные позиции заняли представители Немецкой национальной партии и отчасти также Немецкой народной партии. Как человека, выросшего в сельской местности, меня больше всего заинтересовали в политическом и экономическом отношении крестьянские объединения, и поэтому я вступил в один прекрасный день в Объединение крестьян района Торгау в Пресселе.

На первых выборах в провинциальный ландтаг крестьянские объединения, образовавшие Земельный союз, и Немецкая национальная рабочая партия выставили единый список кандидатов. Земельный союз формально не примкнул еще к партии, оба партнера включали в список собственных кандидатов на паритетных началах. В ландтаге, однако, мы образовали единую фракцию — фракцию Немецкой национальной народной партии. Так я официально стал членом этой партии и остался в ней до 1928 года. Но внутри партии я считал-

* Ратенау, Вальтер (1867—1922) — министр иностранных дел Германии. В качестве делегата Германии на Генуэзской конференции подписал в 1922 году Рапалльский договор с Советской Россией. Был убит националистами, противниками сближения с СССР.

ся всегда представителем Земельного союза, и именно он выставлял мою кандидатуру на выборах.

В Немецкой национальной народной партии имелись две группы, между которыми существовали немалые разногласия. Это, с одной стороны, была группа Гельфериха и Гугенберга, представлявшая интересы крупных промышленников, и, с другой стороны, группа членов Земельного союза. Мы тогда еще надеялись на то, что нам удастся стать руководящей силой в партии или по крайней мере сохранить внутри нее свою автономность. Люди, подобные Гельфериху и Гугенбергу, Шпрингору и Люббертцу, придерживались пангерманских, антинародных и шовинистических взглядов. В то время они образовали наиболее правую группировку в Германии, и поэтому не удивительно, что в последующие годы они немало сделали, чтобы помочь гитлеровцам прийти к власти.

В тот период я начал подвергаться ожесточенным нападкам, причем не со стороны социал-демократов, независимых или коммунистов, а со стороны Немецкой демократической партии, которая была представлена в рейкстаге лишь двумя депутатами. Эти два ведущих деятеля партии — промышленник Мартин и адвокат Эллинг — попеременно старались при поддержке партийной печати добиться моей отставки. Как-то ко мне явился господин Мартин и пожаловался на то, что все решения в районном исполнительном комитете и в рейкстаге принимаются якобы Земельным союзом и «коммунистами», то есть тем большинством, которое против голосов обоих представителей Немецкой демократической партии выбрало меня ландратом. Оправдывая свое отрицательное отношение ко мне на посту ландрата, господин Мартин заметил:

— Нам не нравится, что вам всего лишь 25 лет, поэтому мы голосовали против вас.

Я притворился удивленным.

— Но, господин Мартин, ведь одним из главных требований нового правительства как раз и является требование, чтобы молодежь шире привлекалась к руководству государством!

— Это так, — возразил господин Мартин, — но вы же член Немецкой национальной партии и, следовательно, реакционер, а мы нуждаемся в демократически настроенном ландрате.

Я посоветовал представителям Немецкой демократической партии организовать на открытом собрании в любом месте в нашем районе дискуссию со мной. Тогда они узнают истинные умонастроения населения. Господин Мартин ушел. Вскоре против меня вновь была развернута ожесточенная кампания в печати и посыпались жалобы на мой слишком свободный стиль руководства и на одностороннюю партийную ориентацию. Меня даже заподозрили в том, что я тайно сотрудничаю с коммунистами. Это считалось самым тяжким моим грехом.

Но все это меня мало волновало. Чем резче выступали против меня газеты Немецкой демократической партии, тем больше росла моя популярность среди населения. Конечно, в тяжелой ситуации того периода у меня было много забот, особенно связанных с продовольственным положением. Процветала пышным цветом спекуляция, с которой трудно было бороться. Запрещения и штрафы не давали особого эффекта.

Прусское правительство издавало одно распоряжение за другим. Все они были сочинены за письменным столом в отрыве от жизни и на практике часто не имели никакой цены. К такого рода распоряжениям относилось и постановление, что на каждую лошадь должно быть отпущено на корм не более трех фунтов овса в день. Любое нарушение постановления должно было жестоко преследоваться. Мой предшественник в связи с этим даже дошел до того, что мобилизовал против крестьян прокуратуру. Постановление было неумным хотя бы потому, что при норме в три фунта овса лошади не были в состоянии справляться с тяжелыми полевыми работами, а кто же из крестьян владел в то время трактором? Тем более недостаточны были три фунта овса для чистокровных лошадей в Градитце — при такой поре нельзя было их по-настоящему тренировать и выводить на скачки. Поэтому я решил на довольно смелую акцию.

На большом собрании, где присутствовали представители всех общин района в лице общинных старост, председателей объединений крестьян и правительственные старосты, я заявил, что для обеспечения весеннего сева и снятия урожая необходимо иметь крепких лошадей. Поэтому я вполне могу понять, что лошадям надо дать более трех фунтов овса в день, вопреки действующей

щему предписанию. Я также готов как ландрат нести ответственность за последствия нарушения этого предписания, но при условии, что крестьяне помогут ликвидировать спекуляцию на черном рынке. Овес, яйца, масло и все зерно, которое не потребляется в собственном хозяйстве, должны, согласно закону, сдаваться государству с тем, чтобы снабжать им население, которое не занято в сельском хозяйстве, то есть в первую очередь жителей городов и индустриальных районов.

Это был правильный психологический ход. Успех превзошел все мои ожидания. Уже очень скоро объем поставок чрезвычайно возрос и район Торгау оказался по поставкам далеко впереди остальных районов Саксонии. Конечно, полностью ликвидировать спекуляцию не удалось, но мы смогли ее значительно ограничить. Немецкая демократическая партия и на этот раз попыталась меня дискредитировать, но успеха не добилась. В земельном правительстве поняли, что важнее всего — результаты, и поэтому были склонны смотреть сквозь пальцы на мои самовольные действия. Прокурора, занявшегося этим делом, скоро перевели в другое место, а с его преемником я очень хорошо наладил сотрудничество. Мне удалось даже достигнуть с ним согласия по поводу того, что впредь при мелких правонарушениях законам и распоряжениям будет дано более широкое истолкование, чем раньше, причем в ряде случаев правонарушителю будет дана возможность публичного раскаяния в виде добровольного взноса определенного количества продуктов в фонд благотворительности, созданный мною.

Так я пытался внедрить у себя в районе новый стиль работы. Особое внимание я уделял социальным проблемам. Одной из основ моих политических воззрений было понимание необходимости активной деятельности в социальной области, принятие решительных мер по улучшению условий жизни бедных слоев населения, в частности и на основе благотворительности. Еще в Остпригнитце я пытался создать небольшой фонд благотворительности. Это было тогда нелегким делом, и мне пришлось встретиться как с непониманием, так и с прямым сопротивлением моим планам.

Я твердо верил в то, что в условиях республики мои планы найдут поддержку. В старом бюджете вовсе не были предусмотрены ассигнования на нужды благоотво-

рительности. Вместе с тем вследствие военных тягот, роста цен и экономической разрухи условия жизни именно среди наиболее бедных слоев населения значительно ухудшились. Они нуждались в помощи со стороны общества. Необходимо было срочно что-то предпринять, чтобы облегчить положение населения. Надо было создать дома призрения, детские ясли и сады и т. д. Ведь еще в конце XIX столетия подобные планы начали осуществляться некоторыми дальновидными представителями протестантской церкви — я думаю при этом хотя бы о Бодельшвинге, — а также представителями католицизма на основе широкой благотворительности. Такие планы были мне как христианину особенно близки. С подобной же инициативой выступил и обер-президент провинции Саксония социал-демократ Отто Херзинг.

К осуществлению своего плана я привлек сотрудника обер-президиума в Магдебурге, которая, как я знал, проявляла интерес к работе в области социального обеспечения. Вместе мы создали в Торгау первое бюро по вопросам благотворительности в нашей провинции. Теперь нам надо было найти подходящего человека, который мог бы руководить таким учреждением. Ведь в жизни важно уметь судить о человеке не по его словам, а по его делам. Мои поиски увенчались успехом. По рекомендации из Магдебурга я обратился к фрейлейн Альвине фон Шютц, учительнице, которая до войны работала воспитательницей. Ее я и назначил руководительницей бюро. Мой выбор был единодушно одобрен районным исполнительным комитетом.

Наше бюро по делам благотворительности стало образцовым для всей провинции. Мы организовали широкую сеть детских консультаций, пунктов помощи и профилакторий для больных туберкулезом, занимались воспитательной работой среди детей и юношества, уделяли большое внимание организации досуга молодежи в самом широком смысле слова. По нашей инициативе были организованы спортивные соревнования, образованы ансамбли народного танца, созданы передвижные киноустановки и библиотеки. Фрейлейн фон Шютц с большим энтузиазмом принялась за работу. Мы разделили район на пять округов и в каждый из них назначили человека, ответственного за дела благотворительности.

Через некоторое время нам удалось создать в этих округах не только детские сады, но и ясли.

Но вскоре мы столкнулись с несколько странным препятствием в нашей работе. Некоторые старые дамы из так называемого высшего общества, полностью находившиеся в плену кастовых предубеждений, полагали, что благотворительность — сугубо частное дело, в которое не должно вмешиваться государство, и в частности ландрат. Такие люди нам только мешали. Нам нужны были сотрудники, которые действительно болели душой за дело, служили ему честно и беззаветно.

Я время от времени с удовольствием посещал детские ясли и сады. Средства многих «грешников» помогали нам иметь в своем распоряжении достаточно денег. Мне доставляло также удовольствие участвовать вместе с молодежью в деревенских празднествах, потанцевать, смотреть представления, организованные в старом традиционном стиле. Я пользовался подобными поводами, чтобы обращаться с небольшими речами к собравшимся, речами, носившими, разумеется, политический оттенок. В них я подчеркивал необходимость совместными усилиями преодолевать наиболее вопиющие проявления социальной несправедливости. Я действительно верил в то, что путем разумной политики в социальной и коммунальной областях возможно ликвидировать противоречия системы. Лишь десятилетия спустя я понял, насколько тогда заблуждался. Моя деятельность обеспечивала мне все растущую поддержку среди населения.

Меня часто называли «нашим ландратом», приглашали в крестьянские дома, на семейные праздники или на охоту. Это, конечно, требовало времени. После обеда мне редко приходилось задерживаться за письменным столом в моем бюро. Несмотря на это, работа шла нормально и между мной и моими сотрудниками установились гармонические отношения.

С особым удовольствием я вспоминаю период лета и осени 1929 года. Еженедельно устраивалась тогда охота на куропаток, фазанов и кроликов, за этим последовала большая охота на зайцев. Меня приглашали на них наперебой. Я был хорошим стрелком и часто оказывался королем охоты. Не последовать приглашениям на охоту хотя бы после обеда или вечером значило бы обидеть того, кто меня приглашал. Накануне рождества состоялась серия охот на зайцев. Я принес с них большое ко-

личество трофеев. Во время рождественского вечера, который ежегодно отмечался с моего прихода в нашем управлении, я распределил эти трофеи среди сотрудников. Это был рождественский подарок, особенно приятный для жен моих сотрудников.

С успехом моей деятельности в районе усиливалось влияние моих друзей, к большому огорчению моих противников. Мы точно выполняли план поставок, а иногда и перевыполняли его. Мы построили образцовую службу благотворительности. Поэтому, несмотря на усиливавшиеся нападки на меня прессы Демократической партии, я в конце года получил благодарственное письмо от обер-президента Херзинга, в котором я был назван лучшим ландратом провинции.

Безуспешные поиски

Вскоре на молодую республику обрушились серьезные испытания. Я не могу сказать, что в то время я безраздельно одобрял новый режим. Это было бы искажением моих тогдашних политических установок. На меня произвел, однако, впечатление тот факт, что в знаменательный день 13 марта 1920 года, когда был организован капповский путч* против правительства, выступили как раз те люди, которые были хорошо известны мне со времен моей службы в Потсдаме, известны как реакционно и антинародно настроенные элементы. Это были люди типа фон дер Шуленбурга и Узедома, Каппа и Лютвитца. Поэтому я решительно стал на сторону республики. Для меня уже не было пути назад — к временам царствования Вильгельма II. Я отказался поэтому поддержать капповские планы реставрации монархии. Любая попытка подобного рода, если своевременно не обезвредить ее, должна была, по моему мнению, закончиться катастрофой.

Сведения о путче мы получили по телеграфу и телефону. Генеральный директор сельского хозяйства Капп из Восточной Пруссии и генерал фон Лютвитц, опира-

* В. Капп — реакционный политик, организатор контрреволюционного путча в 1920 году. После провала путча бежал в Швецию.

ясь на помощь бригады Эрхарда и значительной части рейхсвера, заняли Берлин. Имперское правительство спешно эвакуировалось в Штутгарт. Профсоюзы и рабочие партии призвали к генеральной забастовке. События быстро развивались; в Берлине, как казалось первоначально, надежно закрепились мятежники, они заняли министерства и оттуда начали рассылать свои приказы.

В пределах моей компетенции я сразу же принял самые решительные меры против путчистов. Я тут же пригласил к себе остальных членов районного исполнительного комитета и объявил им в категорической форме, что я в качестве ландрата не намерен следовать никаким приказам из Берлина и буду на стороне законного правительства. Все члены исполнительного комитета, то есть два представителя рабочих партий и четыре представителя Земельного союза и Немецкой национальной партии, заявили, что полностью поддерживают меня. Вскоре к нам поступили первые телеграфные и телефонные распоряжения путчистов, но мы их оставили без внимания. Но днем я получил приказ, который заставил меня призадуматься. Дело в том, что он был направлен одновременно всем представителям рейхсвера и полиции. Меня об этом информировал наш старший лесничий Ренч, человек уже молодой и очень порядочный. Он сообщил, что получил указание вступить в контакт с рейхсвером и немедленно арестовать секретаря Коммунистической партии.

— От меня, господин старший лесничий, вы такое поручение не получите, — сказал я.

— Но, господин ландрат, приказ получен от высшей инстанции, из министерства в Берлине, я не могу не исполнить его.

— Поступайте, как вам повелевает долг, до свидания!

Новый секретарь районной организации КПП Хемпель недавно лишь прибыл в Торгау, но мы успели уже познакомиться. Через надежного моего молодого сотрудника из Дебериха Отто Лемана я передал ему просьбу встретиться со мной. Он тут же явился. Надо было принять спешные меры.

— Добрый день, господин ландрат, зачем вы меня вызвали?

— Господин Хемпель, вам известно, что произошло в Берлине?

— Известно.

— Так вот, я только что получил приказ немедленно вас арестовать.

— Но вы лишь сегодня утром выступили против путчистов, господин ландрат, или...

— Ваши друзья вас хорошо информируют, господин Хемпель, это действительно так.

— Вы прикажете меня арестовать?

— Я и не подумаю об этом, а, напротив, должен организовать вашу охрану, ибо в этой дикой обстановке я ни за что не могу поручиться. Теперь не время для длинных бесед! Предлагаю вам пройти со мной в резиденцию ландрата, рейхсвер и полиция будут вас везде искать, только не в моей квартире.

В вилле нас встретила молодая и красивая экономка из Пресселя.

— Фридрихен, проводи, пожалуйста, этого господина в маленькую комнату в подвале. Я должен вас сразу же покинуть.

— Господин Хемпель, следуйте за фрейлейн Кегель. Она самая красивая женщина в районе Торгау и хорошо позаботится о вашем пропитании. Но ни при каких обстоятельствах не покидайте этот дом. Я должен идти на работу и вернусь поздно, тогда мы сможем продолжить беседу.

Я пришел домой вечером. Вскоре явился ко мне старший лесничий Ренч с двумя солдатами, чтобы сообщить мне, что он ищет секретаря КПП, но до сих пор не смог его обнаружить. Не могу ли я ему посоветовать, где продолжать поиски.

— Но, господин Ренч, я ведь сегодня днем сказал, что от меня вы не имеете никакого поручения арестовать секретаря КПП. Так что продолжить поиски вы должны один вместе с вашими двумя солдатами!

Когда эта тройца покинула виллу, я спустился ниже этажом в комнату Хемпеля, чтобы рассказать ему, как близко от него находились его преследователи. Мы немного посмеялись, хотя, вообще говоря, нам было не до смеха — в эту ночь нельзя было с уверенностью сказать, сколько еще будут находиться у власти путчисты, и наша проделка в случае неблагоприятного поворота событий могла нам стоить головы.

Благодаря решительным единым действиям рабочих, объявивших генеральную забастовку, царствование господ Каппа и Лютвитца быстро было ликвидировано. Рабочие вновь показали, что могут действовать как класс быстро и решительно. Все почувствовали в те дни их мощь. Я же в эту пору находился в одном лагере с ними. Я был твердо убежден в правильности моих действий, хотя мои друзья из Земельного союза и высказали в решающие моменты разворачивания событий большие сомнения по этому поводу. Мои отношения с представителями КППГ с тех пор стали еще более дружественными. Я никогда не поддерживал политические цели КППГ, считая их программу социального преобразования Германии политически нереальной. Но мне импонировала решительность, с которой КППГ выступала за социальную справедливость, и по этому вопросу я всегда пытался найти общий язык с представителями КППГ. Комплекс антикоммунизма, который был особенно широко распространен в моих кругах, я всегда считал глупым и вредным. В этом смысле я никогда не был сторонником Немецкой национальной партии.

Отдельные части рейхсвера, которые в эти дни были сосредоточены в промышленном районе Биттерфельд, вернулись в свои казармы в Торгау. В этой связи возникла угроза, что возмущенные рабочие, овладевшие оружием, хранившимся в казармах, обстреляют солдат или, во всяком случае, встретят их весьма враждебно. Этого мне тоже хотелось избежать — в моем районе не должна была литься кровь. Я сел в открытую машину вместе с Хемпелем и моим другом Эрнстом Доймером и поехал навстречу мятежникам по шоссе Зюптлиц — Прессель, чтобы сопроводить их по пути обратно в казармы.

Так я добился того, что в районе Торгау — в отличие от соседних районов — не была пролита кровь и не было никаких арестов.

После капповского путча была организована чистка прусского аппарата управления. Жертвами ее оказались несколько ландратов в округе Галле-Мерзебург. Так, например, были уволены господина фон Мантейфель в Делицше, барон фон Боденхаузен в Биттерфельде, фон Бокке в Либенверда и фон Хельдорф в Кверфурте. Как свидетельствуют эти имена, в прусском аппарате после 1918 года мало что изменилось. Все эти господа поддер-

жали более или менее открыто путч или, во всяком случае, проявляли к нему благожелательный нейтралитет. Обер-президент Херзинг приказал тщательно проверить поведение каждого из ландратов во время путча. С этой целью он запросил их характеристики у местных представителей партий правительственной коалиции. Как бы ни враждебно ни относились ко мне представители Немецкой демократической партии, они все же не смогли найти в моем поведении поводов для обвинения в симпатии к путчистам. Херзинг лично выразил мне свое удовлетворение по поводу моей позиции во время путча. В дни путча он позвонил мне из Магдебурга и попросил сведения об обстановке в районе Торгау. Я сообщил ему в соответствии с договоренностью с моими коллегами, что мы поддерживаем законное правительство и попытаемся предотвратить кровопролитие и массовые аресты.

Новые препятствия и интриги

Вскоре после капшовского путча произошел следующий случай: перед зданием ведомства ландрата женщины города Торгау устроили демонстрацию, требуя увеличения норм масла и сала. Выполнить их требования было невозможно, так как мы обязаны были твердо придерживаться действующих установлений и к тому еще должны были участвовать в снабжении жирами соседнего индустриального района Биттерфельд и отчасти также Лейпцига. Делегация женщин направилась в мой кабинет, чтобы изложить свои требования. Я разъяснил ей сложившееся положение. Тогда делегация попросила меня самому выступить перед собравшимися на улице женщинами и объяснить им причины отказа, что в создавшейся обстановке увеличить нормы масла и сала невозможно.

Мы вместе отправились на рыночную площадь Торгау. Я влез на фонтан и заявил, что сделаю все, чтобы облегчить тяжелое продовольственное положение в районе. Но даже если меня самого зажарят — а я всегда был очень худым, — то вряд ли получают много дополнительного жира. Это вызвало смех среди женщин. Мой друг Доймер заметил после окончания митинга, что мне

удалось найти правильный тон для разговора с женщинами: их пока что удалось успокоить.

Столь же тяжелое положение, как и в продовольственном снабжении, создалось в снабжении населения обувью. После демонстрации женщин мне удалось получить для населения района от одной гамбургской фирмы по дозволенной еще максимальной цене дополнительно тысячу центнеров сала. В то же время одна обувная фирма в Вейсенфельсе согласилась дополнительно поставить нам партию обуви, если мы отпустим несколько центнеров сала для рабочих и служащих фирмы. Я посоветовался относительно этого предложения с моими друзьями из Земельного союза и представителями рабочих партий и профсоюзов. Нам следовало выделить из тысячи центнеров сала, которую мы получили из Гамбурга, 50 центнеров для коллектива фирмы. Для населения Торгау осталось, таким образом, дополнительно еще 950 центнеров, и вместе с тем мы получили возможность снабдить обувью беднейших граждан, срочно нуждавшихся в ней. Поэтому я приказал районному мясному комбинату отправить небольшую часть сала, полученного из Гамбурга, в Вейсенфельс. К сожалению, один из сотрудников комбината решил отправить эту партию сала под видом «отходов кожи». Эта подмена была обнаружена контролем. Так наши «демократы» получили наконец в свои руки материал о «спекуляции», с помощью которого они решили «свалить» ландрата.

Сразу же была подана жалоба на то, что ландрат якобы вместе со своими коммунистическими друзьями занимается спекуляцией кожей и салом. Дело в том, что я привлек к осуществлению всей операции профсоюзное объединение, чтобы предотвратить всякие злоупотребления. В нем, естественно, были и коммунисты. Привлечением профсоюзов я хотел получить гарантию, что сало и обувь действительно попадут к тем, кто особенно в них нуждается. Нам в конце концов удалось разъяснить правительству в Мерзебурге и обер-президенту Херзингу истинное положение вещей. Господин Херзинг официально подтвердил нам, что мы не занимались спекуляцией, а предприняли меры, необходимые для того, чтобы облегчить положение населения.

Но как только эта атака была отбита, нашелся новый повод для нападков: на реке Эльбе между городами

Градитц и Кранихау случилась авария — столкнулись два грузовых парохода, груженных дефицитным кусковым сахаром. Пароходы следовали из Чехословакии в Гамбург. Они затонули, и создавалась угроза, что сахар погибнет. Я сразу же на машине отправился к месту аварии. Население уже начало грабить ценный груз. Уговорами мне удалось предотвратить дальнейший грабеж. Я срочно затребовал двух жандармов для охраны затонувших кораблей. Были мобилизованы профсоюзы, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие из окрестных деревень, чтобы как можно быстрее разгрузить сахар. За разгрузкой в дальнейшем наблюдал Эрнст Доймер. В кратчайшее время сахар на грузовых машинах был доставлен в города, в первую очередь Торгау и Бельгерн, где был распределен среди населения.

И опять началась старая песня: Гереке совместно с независимыми социалистами и коммунистами обделывает общие делишки. Ландрат грабит груз с сахаром! Пора, наконец, снять ландрата!

Инициатором всех этих нападков вновь выступала Демократическая партия. Ее представители никак не хотели мириться с тем, что ландрат так решительно вмешивается в дела продовольственного снабжения населения района и держит под контролем общественности некоторые довольно сомнительные деловые операции. Им претило также мое сотрудничество с профсоюзами в области благотворительности. Что касается снабжения населения салом и обувью, то они охотнее видели бы, что оно осуществляется частными фирмами. Теперь же ведомство ландрата осуществляло совместно с профсоюзами контроль как над совершением сделок, так и над распределением продуктов. К тому же дополнительные доходы от этих сделок текли теперь не в карманы дельцов из Демократической партии, а шли на пользу благотворительной организации района.

Недовольство некоторых предпринимателей, близко стоявших к Демократической партии, вызвало также мое предложение об организации общественных работ, которое единодушно было принято исполнительным комитетом района. Дело в том, что в нашем районе часть дорог находилась в плачевном состоянии. Много земельных общин не было связано с районным городом шоссейными дорогами. Ряд общин не был также подключен к центральной электростанции, то есть не имел

электрического света. Все это противоречило потребностям современного развития экономики. По моей инициативе были начаты работы по устранению этих недостатков, причем работы были так распределены, чтобы добиться максимального эффекта от вложенного труда. Были даны указания районной сберегательной кассе щедро предоставлять кредиты общинам для финансирования этих работ. Демократы вновь подняли в своей окружной прессе шум по поводу того, что среди проектов строительства новых дорог значился и проект постройки шоссе между Торгау и Биттерфельдом. Шоссе проходило мимо Пресселя. Итак, говорили демократы, наш ландрат запланировал постройку шоссе к своему имению в Пресселе!

Мои противники хотели обвинить меня в коррупции, внушить общественности, что я человек, заботящийся лишь о собственном кармане. Иными словами, обвиняли меня как раз в том, чего добивались сами демократы: прикарманить деньги, которые должны были идти на общественные нужды. Демократы во весь голос кричали: «Держите вора!» — только потому, что добыча уплывала из их рук!

Дальнейшим объектом нападок служил районный детский сад. Утверждали, что в его существовании вообще нет нужды, писали также, что он обходится слишком дорого. С пеной у рта один из авторов статей, направленных против меня, доказывал, что я заодно с коммунистами и лидерами профсоюзов. Меня, мол, даже видели в одном ресторанчике в обществе коммунистов. Я договаривался с коммунистами об организации взрыва железнодорожного моста близ Торгау!

Все эти выдумки противоречили простому здравому смыслу. Но представители определенных кругов теряли всякую способность здраво мыслить, когда, по их мнению, создавалась угроза размерам собственных прибылей. С подобной же кампанией клеветы мне впоследствии пришлось встретиться в 1933 году, когда я боролся за осуществление программы общественных работ, финансируемых государством.

Я еще раз вспомнил события в Торгау через много лет — после 1947 года в ФРГ, когда развернулась дискуссия вокруг вопроса об осуществлении Аленской программы ХДС. И тогда предложения, социальные последствия которых вполне укладывались в рамки бур-

жуазных реформ, осуществленных в других странах — например, в США во времена «новой эры» Рузвельта, — и которые ничего общего не имели с социализмом, считались в кругах крупной германской буржуазии «большевицскими».

Мои коллеги в соседних районах, вступившие после капповского путча в ряды Социал-демократической и Коммунистической партий и намеревавшиеся провести подобные же меры в социальной области, что и я, встретились с сопротивлением тех же групп.

Мой коллега Штаммер, ландрат в Биттерфельде, бывший парикмахер, член Независимой социал-демократической партии, должен был вести ожесточенную борьбу с бюрократией в своем собственном ведомстве ландрата. Не имея опыта работы в управленческом аппарате, он обращался часто ко мне за помощью. Я охотно оказывал ему эту помощь. Мы договорились, что будем встречаться каждые две недели либо в Торгау, либо в Биттерфельде, чтобы обсуждать с точки зрения действующих правил управления те мероприятия, которые он хотел бы провести в своем районе. Эта дружба продолжалась годами и сохранилась и после того, как мы уже не занимали более посты ландратов.

Зеленые и серые конверты

В феврале 1921 года состоялись выборы в прусский ландтаг, в ландтаг Саксонии и в крейстаг. Депутаты провинциального ландтага старого созыва были избраны в 1919 году не прямым голосованием, а соответствующими крейстагами. В свое время крейстаг в Торгау единодушно голосами как правых, так и левых депутатов избрал меня членом провинциального ландтага. Но теперь депутаты провинциального ландтага должны были избираться прямым голосованием. Я возглавлял совместный список кандидатов Земельного союза и Немецкой национальной народной партии по избирательному округу Торгау для выборов в провинциальный ландтаг. Список, в котором я значился, собрал наибольшее количество голосов по сравнению со всеми другими избирательными округами по провинции Саксония. За

этот список в округе Торгау было подано три четверти всех голосов. Всего в провинциальный ландтаг было избрано 23 депутата, значившихся в списке Немецкой национальной партии, из общего числа 110 депутатов. Фракция Немецкой национальной партии заняла второе место в ландтаге после фракции СДПГ, насчитывавшей 25 депутатов. На третьем месте в ландтаге оказалась фракция КППГ, насчитывавшая 17 депутатов. Число депутатов Демократической партии уменьшилось до десяти человек.

В районе Торгау Демократическая партия потерпела наиболее серьезное поражение. Избирательная борьба в районе носила особенно ожесточенный характер, причем нападки на меня Демократической партии играли в этом не последнюю роль. В течение нескольких недель, предшествовавших выборам, я каждый день выступал на предвыборных митингах. Обычно первый митинг начинался в 14 часов, за ним в 16 часов последовал второй, в 18 часов — третий и в 20 часов — четвертый.

Характерным для этой предвыборной борьбы было то, что коммунисты и я, которые в коммунальных вопросах придерживались совместной линии, отдавали дань уважения друг другу. Первый секретарь районной организации КППГ Хемпель, которому я помог скрываться от преследователей во время капшовского путча, заявил на одном из вечерних митингов, во время которого он резко критиковал демократов:

— Голосуйте за КППГ, но если вы не хотите этого, то отдайте свои голоса по крайней мере нашему ландрату.

Я отблагодарил за эту рекомендацию, высказавшись в пользу КППГ на другом из предвыборных митингов, на котором участвовало много рабочих каменноломен.

Более 30 лет спустя я выслушал подобную же рекомендацию. Это было на большом собрании Немецкой социальной партии в Люнебурге. Я тогда выступил с обоснованием своей позиции в отношении контактов с руководителями ГДР. В качестве заместителя министр-президента земли Нижняя Саксония я в то время нанес визит тогдашнему заместителю председателя Совета Министров ГДР Вальтеру Ульбрихту. На упомянутом выше собрании представитель КППГ призвал присут-

ствовавших голосовать за свою партию и прибавил: если же вы этого не хотите, то голосуйте хотя бы за доктора Гереке. Но это не пошло мне на пользу, как в свое время в Торгау. На следующий день появился плакат, на котором значилось: «Тот, кто выбирает Гереке, выбирает Москву! Гереке — агент Москвы!»

Листовки и плакаты использовались в предвыборной борьбе и в то время, о котором сейчас идет речь. Вспоминаю плакат с несколько необычной надписью: «Дамы выбирают кавалеров! Все молодые и красивые девушки нашего района выбирают сегодня нашего ландрата!» Можно посмеяться сегодня над таким предвыборным плакатом, но тогда он сулил успех. Кто из молодых девушек не хотел быть красивой и кому бы не хотелось отдать свой голос за молодого, приятной внешности ландрата! Бюллетени по выборам в прусский ландтаг, провинциальный ландтаг и крейстаг вкладывались в конверты разного цвета, прежде чем опускались в урну. Одна из листовок в этой связи гласила: «На бюллетене в сером конверте пусть стоит фамилия Боэса, а в зеленом конверте — фамилии Гереке и Фойерштейна!»

Боэс был председателем окружного Земельного союза и кандидатом в депутаты прусского ландтага, Фойерштейн — председателем местного отделения Земельного союза и кандидатом в депутаты крейстага.

Звонок обер-президента

В марте 1921 года в Мерзебурге собрался провинциальный ландтаг. В это время в округах Мерзебург и Мансфельд-Эйслебен возникла ситуация, похожая на гражданскую войну. Обер-президент провинции Саксония Отто Херзинг 19 марта 1921 года отдал приказ о посылке сильных полицейских соединений в эти два округа, считавшиеся опорными пунктами КПП. Целью его было спровоцировать рабочих на выступления против правительства. Двумя днями позже против этой провокации была объявлена всеобщая забастовка. Дело дошло до кровавых столкновений между вооруженными отрядами рабочих и полицейскими соединениями. Подобного рода меры, направленные против опорных пунктов КПП, я считал опасными и неумными. В глазах ра-

бочих это выглядело явной провокацией. Поэтому не удивительно, что, учитывая тогдашнюю внутривнутриполитическую ситуацию, рабочие решили прибегнуть к оружию и, в частности, встать на защиту предприятия «Лёйна-верке» против наступавших на него полицейских.

Я откровенно высказал свои сожаления председателю провинциального Земельного союза господину фон Вильмовски, который раньше был ландратом в Мерзебурге. Он заметил, что вряд ли Херзинг действовал на собственный страх и риск. Эта акция, по его мнению, наверняка была согласована с господами из «Бадише анилин унд сода-верке» (им принадлежал завод по производству аммиака в Лёйна), нервы которых опять не выдержали. Что касается меня, то я не был намерен поддержать господина Херзинга в его безумных мерах против КПГ лишь на том основании, что несколько директоров и прочих бюрократов из «Лёйна-верке» не сумели найти с рабочими общий язык.

Когда я вернулся после этих бурных событий из Мерзебурга в Торгау, мне сообщили, что в районе столкновений населения с полицией в Эйслебене, Мансфельде и Лёйна были арестованы сотни бастующих рабочих. Много рабочих было убито во время столкновения, часть из них поставили к стенке и расстреляли.

Как-то в эти дни мне позвонил из Магдебурга в Торгау обер-президент Херзинг и отдал мне личное распоряжение «конфисковать у всех коммунистов велосипеды». Но в Торгау не произошло никаких событий, которые могли бы оправдать подобную меру. Там не было никаких боев, не была пролита кровь. Проведение подобной меры могло лишь спровоцировать беспокойство среди населения. А может быть, в этом и был смысл распоряжения Херзинга?

Мне казалось, что обер-президент окончательно лишился рассудка. Ему было мало того, что уже произошло в Мерзебурге, Эйслебене и Мансфельде. Осторожно, но достаточно категорически я ответил ему, что в нашем районе нет необходимости в проведении предложенной им меры.

— Значит, вы отказываетесь выполнить мое распоряжение, господин ландрат?

— Никак нет, господин обер-президент. Но ваше распоряжение не подходит для Торгау. Здесь все спо-

койно, и мне не хотелось бы искусственно вызывать беспорядки!

— Пока еще обер-президент я и мои распоряжения должны выполняться всеми ланддратами, господин доктор Герекел!

— Этого никто не отрицает, господин обер-президент. Но в нашем районном исполнительном комитете хорошо сотрудничают друг с другом представители всех партий, и осуществление вашего приказа нарушило бы это деловое сотрудничество.

— Господин ландрат, вам надлежит выполнить мой приказ без всяких рассуждений!

Я был потрясен. Обер-президент, по всей видимости, был глупее, чем я предполагал. Не мог же я отобрать у рабочих велосипеды лишь на том основании, что они коммунисты. Рабочие дорого за них заплатили, крайне в них нуждались для поездок на работу и с работы. Попытку лишить рабочих такого важного средства передвижения нельзя было иначе квалифицировать, как политическое легкомыслие и безответственность. Эту мою точку зрения я изложил господину Херзингу в письменном виде.

Затем я созвал районный исполнительный комитет и сообщил о создавшейся ситуации. Я заявил, что осуществление приказа было бы неоправданной провокацией и вызвало бы волнения среди населения. И вряд ли можно было бы найти более глупый мотив, чем тот, который официально выставлялся, а именно что этой мерой якобы должна была быть ликвидирована тайная курьерская связь коммунистов с политическими заключенными в тюрьме Лихтенбург.

Новый противник

Районный исполнительный комитет единодушно поддержал мою позицию. Приказ Херзинга в нашем районе не выполнялся. Но тем самым я приобрел нового опасного противника. Против меня единым фронтом выступали теперь не только демократы, но и господин Херзинг и его партийные друзья. Теперь открыто говорили о том, что я заодно с коммунистами. Изобрели даже новую кличку для меня: «Правый спартаковец Герекел».

В округе Галле-Мерзебург КПП в то время была наиболее сильной рабочей партией в отличие от округов Магдебург и Лейпциг, где господствовали социал-демократы. В Торгау на последних выборах в крайстаг было избрано всего лишь два депутата СДПГ и 10 депутатов КПП.

Тем временем в Пруссии было образовано новое правительство. После выборов в ландтаг в Пруссии происходили сложные переговоры об образовании коалиционного правительства. Образовать правительство, которое опиралось бы на парламентское большинство, так и не удалось. В конце концов было создано правительство во главе с депутатом партии Центр Адамом Штегервальдом, занявшим пост министр-президента Пруссии, с участием демократов. Но оно не имело большинства в ландтаге. Правительство существовало всего полгода. Министром внутренних дел в нем был господин Доминикус, председатель Демократической партии. С его назначением начался последний этап моего пребывания на посту ландрата в Торгау, этап открытых атак против моей дальнейшей работы в Торгау.

Кампания против меня была открыта 21 мая 1921 года газетной заметкой. В ней требовалось, чтобы «товарищ обер-президент Херзинг занялся бы поближе правым спартаковцем, ландратом Гереке». Гереке ведет себя вызывающе по отношению к правительству, не выполняет распоряжений обер-президента, издевательски называя их «смешными и бессмысленными». Наконец, этот же ландрат, которому едва минуло 27 лет, осмеливается выступать за снижение денежного вознаграждения депутатам ландтага и за более экономное расходование средств на нужды управления, что, по его мнению, способствовало бы уменьшению бюджетного дефицита Пруссии.

Министр внутренних дел Доминикус при поддержке обер-президента Херзинга сразу же распорядился, чтобы было начато подробное расследование этих обвинений.

Едва придя к власти, демократы активно начали мстить мне за политическое поражение, понесенное ими в Торгау. На закрытом совместном заседании представителей Немецкой национальной партии, Немецкой народной партии и Земельного союза я в своем отчете о сессии провинциального ландтага, депутатом которого я

состоял, позволил себе сделать ряд критических замечаний по поводу бессмысленного приказа Отто Херзинга о конфискации велосипедов. На следующий день газета «Торгауэр цайтунг» в сенсационном виде опубликовала эти критические замечания под кричащим заголовком: «Гереке критикует Херзинга». Министр внутренних дел Доминикус тут же распорядился, чтобы регирунгспрезидент Мерзебурга господин фон Герсдорф начал подробное расследование всех обстоятельств дела. Герсдорф был представителем старой реакционной группы политических деятелей. Он сумел сохранить свой пост, вступив в Демократическую партию.

Вновь было вытащено на свет божий старое измышление о том, что Гереке, этот правый спартаковец, совместно со злодеями коммунистами пытался взорвать железнодорожный мост близ Торгау и заодно гусарские казармы!

Я действительно поддерживал хорошие личные отношения с функционерами КППГ, а также профсоюзного объединения в Торгау. Но измышления о том, что кто-то намеревался взорвать железнодорожный мост, звучало настолько смешно, что я первоначально даже отказывался поверить в возможность выдвижения подобного обвинения. Но вскоре ко мне явился депутат ландтага от Демократической партии Делиус и подтвердил обвинение, добавив, что я, насколько ему известно, вообще «пляшу под дудку коммунистов».

Я тогда был молод и еще не привык к подобным формам политической борьбы. Лишь позже я познал на собственном опыте, как часто политическая ложь и клевета использовались моими противниками в борьбе со мной и как серьезно следовало относиться к подобного рода приемам. Тридцать лет спустя западногерманское ведомство по охране конституции не остановилось даже перед тем, чтобы публично назвать меня «русским агентом». В 1950 году господин Хан-Бутри из ведомства по охране конституции тщетно пытался доказать перед земельным судом в Ганновере, что я занимался «агентурной деятельностью». И точно так же тщетно господин Делиус в 1921 году пытался придать своим утверждениям хоть видимость правдоподобия.

Господин Делиус распорядился еще об одном расследовании — расследовании обвинений в том, что я якобы в 1919 и 1920 годах использовал служебные со-

вещания для предвыборной пропаганды в пользу моей кандидатуры в члены ландтага. Кроме того, меня заподозрили в том, что я был якобы подкуплен пезависимыми социал-демократами и по их наущению выступал за введение государственного контроля над экономикой района в ущерб частным фирмам. Двенадцать лет спустя на меня вновь обрушилась подобная же кампания клеветы. Это было в феврале 1933 года, когда я отказался вступить в ряды нацистской партии и продолжал отстаивать программу трудоустройства безработных, противоречившую целям нацистов.

Конечно, с высоты сегодняшнего опыта отчетливо видны различия в двух этих кампаниях. Но методы, при помощи которых они велись, удивительно похожи друг на друга. В 1933 году моим делом занялся суд. В 1921 году — комиссия по расследованию. В обоих случаях был вынесен такой «приговор», который был, по сути дела, призван отстранить меня от всякой политической деятельности.

Показания свидетелей

Ниже я приведу ряд свидетельств, взятых из источников того времени. Возможно, они покажутся читателю слишком пространными, но мне хотелось бы, чтобы он сам мог составить себе представление о тех порядках, которые сегодня многим людям могли бы показаться неправдоподобными.

Комиссия по расследованию моего дела, созданная регирунгспрезидентом в Мерзебурге, не смогла найти доказательств, подтверждавших обвинения, выдвинутые против ландрата в Торгау. В деталях это выглядело следующим образом.

Председательствовал регирунгспрезидент фон Герсдорф.

— Господин ландрат, вас обвиняют в том, что вы на служебной машине ездили по своим личным делам, например на предвыборные собрания и на охоту.

— Машина, на которой я езжу, господин регирунгспрезидент, моя личная собственность.

— Господин ландрат, вы в своих выступлениях на собраниях общин призывали крестьян объявить заба-

ставку и отказываться от поставок молока и, кроме того, разрешали им расходовать на корм лошадей более трех фунтов овса в день.

— Господин регирунгспрезидент, вам ведь должно быть известно, что мы всегда перевыполняли наши обязательства по поставке молока, так же как и по поставке овса. Господин обер-президент Херзинг за это письменно выразил мне свою благодарность.

— Это правильно, господин Гереке, но вы без нужды продлили общественный контроль над деловой жизнью и этим нанесли ущерб частным предпринимателям.

Я не смог сдержать невольную улыбку, ибо понимал, что именно в этом обвинении суть дела.

— Господин регирунгспрезидент, в соседних районах обязательства по поставкам периодически не выполнялись, но никто из ландратов в этих районах не был привлечен к ответственности только потому, что они члены Демократической партии.

— Господин Гереке, это — измышление, которое я категорически отвергаю.

— Господин фон Герсдорф, это не измышление, а правда.

Господин регирунгспрезидент нервно стал перебирать листы моего дела.

— Видите ли, господин Гереке, вас ведь обвиняют не только в этом. Вам ставят в вину, что вы слишком тесно сотрудничали с коммунистами и левыми социал-демократами.

— Мой долг, господин регирунгспрезидент, состоит в том, чтобы сотрудничать со всеми партиями. Почему же мне не сотрудничать и с коммунистами.

— Это так, господин Гереке, но ведь эти люди вас подкупили.

— Господин регирунгспрезидент, вы забываетесь!

— Но ведь так гласит обвинение.

— Тогда призовите свидетелей, господин регирунгспрезидент.

— Пожалуйста, вызовите господина городского советника Альфреда Неймана из Торгау.

Вот что заявил Нейман:

Я хорошо знаю господина ландрата доктора Гереке, и мне известно также, какие обвинения выдвинуты против него. Будучи членом СДПГ, я могу лишь заявить, что эти обвинения не соответствуют фактам. Наш ланд-

рат всегда руководствовался в своей работе интересами дела и всего населения. Я осуждаю выдвижение подобных обвинений против господина доктора Гереке, ибо в основе их лежит личная неприязнь.

За Нейманом последовал другой свидетель Макс Шрейер из Торгау:

Я член районного правления Демократической партии в Торгау. Я всегда с беспокойством наблюдал за тем, как делопроизводитель нашего правления господин Ресснер из личной неприязни к ландрату предпринимал действия, которые наносили ущерб репутации нашей партии. Но тесть господина Ресснера — главное лицо, финансирующее нашу партию в Торгау, и поэтому с ним не хотели ссориться. Газета «Торгауэр цайтунг» проводит реакционную линию и хочет заработать на сенсации. Но то, о чем она пишет, не соответствует характеру поведения нашего ландрата, который всегда заботился о хорошем сотрудничестве с населением и поэтому пользуется среди него большим авторитетом.

Еще один свидетель, господин Альберт Вагнер из Бельгерна, заявил:

Я депутат крэйстага от СДПГ и как член комиссии по контролю за заготовками могу подтвердить, что ландрат всегда предпринимал самые энергичные меры против попыток спекуляции. Хотя господин Гереке с точки зрения партийно-политической является нашим противником, я могу засвидетельствовать, что во всех своих выступлениях в качестве ландрата, на которых я присутствовал, он по-деловому освещал проблемы экономики и административные проблемы, не используя эти выступления для партийной полемики. Его деятельность в области социального обеспечения снискала ему благодарность среди рабочих. Обвинения, выдвинутые против него моим товарищем, советником медицины доктором Дешпом, несправедливы.

Следующим свидетелем был генерал-майор в отставке Шмидт-Клевитц, председатель общины в Пресселе. Он подчеркнул:

Я категорически должен заявить, господин регирунгспрезидент, что ландрат всегда выступал по-деловому. Если он призывал к экономии, то делал он это по обязанности. Я уверен также, что это было в интересах государства. Социал-демократ Дешпе занимается ничем иным, как подстрекательством.

— Благодарю вас, ваше превосходительство. Прошу следующего свидетеля господина Эрнста Доймера.

— Господин Доймер, вы были председателем Совета рабочих и солдатских депутатов и членом Независимой социал-демократической партии?

Да, господин регирунгспрезидент. Я потребовал от господина министра внутренних дел Гейне в 1919 году, чтобы в Торгау назначили ландратом социал-демократа. Но господин министр внутренних дел рекомендовал нам доктора Гереке, так как он считался превосходным работником, хотя ему было всего тогда 25 лет, то есть он был еще очень молод. Мы последовали этому совету, и все получилось как можно лучше. Мы решили на заседании фракции единодушно голосовать за господина Гереке как кандидата на пост ландрата. Наш ландрат в последующие месяцы так хорошо справлялся с социальными проблемами, как вряд ли лучше справлялся бы с ними любой социал-демократ. При этом он далеко не всегда сходил с нами во мнениях. Господин Гереке умел примирять противоречия между правыми и левыми, сосредоточивая усилия всех на достижении общей цели и соблюдении интересов района. В конечном счете такие усилия поддерживались всеми членами районного исполнительного комитета. Хотя господин Гереке не был членом какой-либо партии, входящей в правительственную коалицию, он никогда на собраниях, носивших служебный характер, против правительственных партий не выступал. Ему приходилось в интересах населения района и соблюдения порядка и спокойствия в нем принимать решения, которые — как, например, в случае с приказом о конфискации велосипедов — расходилось с требованиями обер-президента. Но мы ему за это можем быть лишь благодарны. Я могу заявить об этом и от имени профсоюзов.

— Заслушивать представителей КПП, — заметил в заключение господин фон Герсдорф, — совершенно бессмысленно.

Приговор predetermined

Учитывая эти показания свидетелей, регирунгспрезидент не смог оправдать ожидания министра внутренних дел и вынужден был отказаться от выдвижения требо-

вания о моем снятии. Но министр внутренних дел Доминикус еще раз вмешался в ход событий. Он распорядился, чтобы расследование продолжалось. Был даже назначен специальный «комиссар по делу ландрата доктора Гереке» в министерстве внутренних дел, некий господин Денк. Он пригласил в качестве свидетелей в министерство внутренних дел 28 июля 1921 года фабриканта Ресснера, единственного депутата Демократической партии в крейстаге Мартина, ландрата Фогля, а также генерал-майора Шмидта-Клевитца и бургомистра города Бельгерна Ледербогена. Таким отбором свидетелей приговор был определен до всякого разбирательства дела. Пять свидетелей высказались против меня, два — в мою пользу. Тем не менее правительство решило меня... повысить! 20 августа мне присвоили чин регирунгсрата. «В этом новом качестве,— говорилось в приказе,— вы переводитесь на службу в государственное управление и командуетесь в распоряжение правительства Ганновера».

Итак, борьба, казалось, закончилась моим поражением, она была проиграна потому, что против меня выступил министр внутренних дел и обер-президент. Но я не желал капитулировать. Естественно, мое «повышение» вызвало большое недоумение в нашем районе. Мои друзья обратились к общественности и посоветовали мне не отступать. Я начал отчаянную контратаку.

29 августа 1921 года районный исполнительный комитет опубликовал заявление протеста, единодушно принятое всеми членами комитета. Правление районной организации Немецкой национальной народной партии на следующий день в публичном заявлении осудило перемещение мое с должности. Подобное же заявление опубликовала Немецкая народная партия. Хотя она была в нашем районе слабо представлена, но тем не менее занимала более сильные позиции, чем Демократическая партия. Меня посетили также представители КПП и советовались со мной, что предпринять, чтобы пресечь интриги Доминикуса. КПП не могла выступить с публичным заявлением в мою пользу, так как я состоял членом Немецкой национальной народной партии. Но меня заверили, что при любых возможных в дальнейшем голосованиях в районном исполнительном комитете и в крейстаге коммунисты окажут мне поддержку. Для

меня это было более ценно, чем любое публичное заявление.

Районная организация Земельного союза созвала большой открытый митинг протеста. В прусском ландтаге тайный советник доктор Дриандер сделал официальный запрос, требуя ответа от министра внутренних дел Доминикуса. В адрес министра Доминикуса и обер-президента Херзинга поступило много писем протеста от общин, государственных и помещичьих округов. Тексты этих писем часто принимались на публичных собраниях общин. Волнение росло, и районный исполнительный комитет оказался даже вынужденным опубликовать заявление, в котором призвал сохранять порядок и спокойствие и заверял, что с его стороны будет все сделано, чтобы приказ о моем перемещении был отменен. После этого обер-президент распорядился ввести в район полицейскую сотню, точно так же как он это сделал уже однажды, правда по другому поводу.

Под давлением общественности Доминикус должен был распорядиться о новом рассмотрении дела.

Опять меня допрашивал комиссар Денк.

— Господин ландрат, вы пренебрегли приказом обер-президента о конфискации велосипедов.

— А кому я этим причинил ущерб?

— Вы этим помогли коммунистам.

— Каким образом? Я помог лишь рабочим, они могли ездить на них на работу, а также, если хотите, и предпринимателям, ибо что они могут делать без рабочих?

— Господин ландрат, это полнейшая демагогия.

— Нет, господин Денк, это не демагогия, а реалистическое решение, подсказанное практикой. Я отвечаю за него с чистой совестью.

— А репутация обер-президента?

— К ней мы отнеслись с должной осторожностью.

— Господин ландрат, вы нанесли ей ущерб.

— Нет, это сделал сам обер-президент Херзинг, призвав полицию в Лейна и Мансфельд и издав приказ о конфискации велосипедов.

— Это коммунистическая пропаганда. Вы, господин ландрат, были обязаны ознакомить общественность с этим приказом.

— Так это мы ведь и сделали, господин Денк. Приказ был вывешен. Все, кто его читал, смеялись над ним,

ибо рабочие знали, что я не выполню его и буду при этом опираться на единодушную поддержку районного исполнительного комитета. В исполнительном комитете, как известно, были представлены как левые, так и правые партии, правда за исключением партии, к которой принадлежит господин Доминикус. Господин министр должен был бы как демократ подчиниться воле большинства избирателей, даже если она обернулась против его собственной партии.

— Это сотрудничество между членами КППГ, Земельного союза и Немецкой национальной партией явно противоестественно, за ним не может не скрываться что-то плохое.

— Это вы так думаете, господин Денк. Но, вообще говоря, вы должны были бы радоваться как представитель министерства внутренних дел, что хотя бы в одном из районов Пруссии был найден разумный компромисс между политическими партиями. Вы должны были бы быть довольны, что ради достижения общих целей и в интересах населения в этом районе осуществляется гармоническое сотрудничество между политическими партиями и отступают на задний план узкопартийные соображения, которые именно сейчас так вредно сказываются в прусском ландтаге на стабильности правительства.

— Обер-президент распорядился, господин ландрат, сместить со своих постов в общинах всех коммунистических старост, которые не захотели уйти по собственному желанию. Вы пренебрегли этим распоряжением!

— Господин Денк, коммунистические старосты в районе Торгау выполняли свою работу с усердием и осмотрительностью. На них не поступало никаких жалоб, не мог же я сместить их со своих постов только потому, что они были коммунистами. Это противоречило бы нашей конституции.

— Господин Гереке, вы, значит, признаете, что не считались с авторитетом государственных органов?

— Нет, я поддерживал его и строго соблюдал конституцию. Я могу лишь сожалеть о том, что старосты другими инстанциями все же были принуждены подать в отставку.

Беседа с господином Денком была относительно краткой. Он сказал мне, что было бы бессмысленным заслу-

шать еще какие-то показания жителей Торгау — все равно они выскажутся в мою пользу. Он доложит обо всем господину министру. На этом мы весьма холодно расстались.

Бросая ретроспективный взгляд на события в Торгау, я должен признаться, что рассматривал тогда политические проблемы почти исключительно в узкокоммунальном аспекте.

У меня в то время было еще далеко не полное представление об общих проблемах политики рейха и, разумеется, не хватало опыта. Конечно, «сотрудничество», о котором говорил господин Денк, отражало в то время лишь мою сугубо личную позицию, ибо найти тогда представителя Земельного союза, который поддерживал бы контакт с КППГ, было почти невозможно. Не могло быть и речи о таком сотрудничестве для Немецкой национальной народной партии, которая была ярой противницей КППГ.

Все ораторы, выступавшие на третьем районном съезде Земельного союза, на который были приглашены председатели общин и старосты государственных и помещичьих округов, а также представители прессы, призывали министра внутренних дел отказаться от своего решения. Многие из них резко нападали на него, нарушая правила такта. Раздавались даже голоса, требовавшие отказаться от поставок молока и призвать население к сопротивлению.

Я присутствовал на съезде в качестве гостя. Он происходил в тогдашнем Доме стрелков, в том самом зале, в котором почти 50 лет спустя я как член Президиума Национального совета присутствовал при подписании знаменитого воззвания, названного по месту его подписания — Торгау.

Меня смутило бунтарское настроение, господствовавшее на этом собрании Земельного союза. Я хотел бы избежать всякого рода забастовок, какими бы справедливыми мотивами они ни обуславливались, или волнений в моем родном районе, тем более что непосредственным поводом для них послужила бы моя деятельность. Поэтому я взял слово и произнес своего рода прощальную речь, благодарил всех за то большое доверие, которое они мне оказали, и за хорошее гармоничное сотрудничество со мной на благо нашего района. Мы сумели благодаря этому миновать волнений и кровопролития в рай-

оне Торгау в эти тяжелые и бурные годы, подчеркивал я, и теперь, несмотря на то пренебрежение, которое проявляется к почти единодушной воле населения, нам надо сохранять спокойствие. Пока еще нет окончательного решения министра внутренних дел Доминикуса, поэтому надо набраться терпения. Районный съезд крестьян принял резкую резолюцию протеста по этому поводу, которая была вручена министру внутренних дел двумя представителями съезда.

Приглашение к министру внутренних дел

Результаты расследования моего дела, по-видимому, не удовлетворили его инициаторов, и поэтому меня пригласили в министерство внутренних дел. Господин Доминикус принял меня холодно и надменно. Он остался сидеть за письменным столом и даже не пригласил меня сесть самому. Я не чувствовал себя, однако, ни обвиняемым, ни новобранцем, который должен стоять по стойке «смирно» перед своим командиром.

— Вы, надеюсь, ничего не имеете против, если я сяду, господин министр, — сказал я. С этими словами я сел напротив письменного стола.

Перед господином Доминикусом лежала папка, содержащая результаты последнего расследования.

— Большинство обстоятельств вашего дела и обвинений, выдвинутых против вас, мне ясны, — сказал Доминикус. Но один пункт мне хотелось бы выяснить. В прошлом году жена вашего предшественника на посту ландрата, фрау Визанд, вывесила из окна верхнего этажа виллы ландрата, где она до сих пор еще проживает, черно-бело-красный флаг с траурным крепом по случаю смерти жены бывшего кайзера. Вы не приняли никаких мер, чтобы это предотвратить!

Это заявление меня взорвало. Тот же господин Доминикус, обвинявший меня теперь в монархических симпатиях, ведь ни словом ни обмолвился как министр внутренних дел по поводу того, что на похоронах жены кайзера в Потсдаме официально участвовали соединения рейхсвера.

— Господин министр,— сказал я,— не могу же я проникнуть в квартиру пожилой женщины, чтобы удалить флаг. Никто в Торгау не воспринял это действие как провокацию. Пожилых людей нельзя так просто перевоспитать. Но вот я, кстати, могу вам показать интересную фотографию, которую я захватил с собой. На ней вы можете увидеть себя в самой середине снимка во время церемонии закладки здания гимназии в Шёнеберге, бургомистром которого вы тогда состояли. Снимок был сделан сразу после вашей речи в честь кайзера, в тот момент, когда вы восторженно размахивали над головой своим цилиндром. Эта речь произвела на меня сильное впечатление, и вы можете увидеть меня, ученика последнего класса шёнебергской гимназии, среди толпы, как я в таком же восторге присоединяюсь к вашей здравнице в честь кайзера. В чем же разница между нами? Вы как демократ очень уж быстро изменили свои взгляды, а я, по-видимому, гораздо медленнее.

Господин Доминикус сердито покачал головой, возвращая мне снимок. Я понял, что демонстрация снимка была для него весьма неприятна.

— Вы самый молодой из моих ландратов, но причиняете мне наибольшие неприятности.

— Мне очень жаль, господин министр. Но если вы согласитесь посчитаться с волей населения района Торгау, то вам этот район будет доставлять наименьшие неприятности. Я сознаю, к сожалению, что теперь вы властны диктовать свою волю и вопреки желаниям населения.

— Я еще посоветуюсь со своими друзьями. Вас известят о моем дальнейшем решении.

Этими словами наша беседа закончилась... Господин Доминикус поднялся и даже протянул мне руку.

Когда я вернулся в Торгау, я обнаружил, что в местной газете «Торгауэр цайтунг» не только в несколько сенсационном виде были поданы события на районном съезде Земельного союза, но и опубликован стихотворный памфлет против министра внутренних дел:

Долой злодея —
Хотя злодейства он не совершал.
Ни дисциплины он не соблюдает,
Ни увольнения не принимает.
Но вот, ура! Уж выход найден —
Мы Гереке с поста переместим!

Безжалостно... повысим мы его,
Для Торгау он нам слишком дорог.
На уровень правительства подыдем,
За то, что безупречно нами правил!
Так мы расправимся с героем,
И все останутся довольны!
Доминикус, Доминикус!
Никто диктату вашему не подчинится!
Герече мы оставляем здесь
И сами определим его судьбу!

Я еще официально оставался на посту ландрата, когда в бюллетене «Прейссишер прессединст» прочел следующее правительственное заявление: «Ландрат Герече, человек еще молодой, является способным служащим администрации, сумевшим завоевать всеобщую симпатию в своем районе. Все же прусское правительство решило его перевести в качестве регирунгсрата в Ганновер. Правительство пришло к выводу, что в ряде обстоятельств ландрат, к сожалению, не обнаружил достаточной политической зрелости». Этой поистине странной формулировкой бюллетеня «Прейссишер прессединст» было доведено до моего сведения об окончательном решении моего дела.

Районный исполнительный комитет немедленно же решил предпринять ответные меры. Он постановил не признавать нового ландрата, кого бы на этот пост ни назначили. Руководство коммунальным управлением района было поручено депутату крейстага Фойерштейну из Оберрауденхайна. Вилла ландрата, как собственность района, новому ландрату не предоставлялась. Было решено также отказать ему в служебной машине, не разрешать пользоваться помещениями коммунального управления района, а лишь официального ведомства ландрата, гораздо меньшими по площади. Кроме того, ему было отказано в возмещении служебных расходов за счет коммунального управления. Последнему же ландрату, то есть мне, было предложено занять пост советника с тем, чтобы я в этом качестве продолжал руководить всем коммунальным управлением района.

Мне пришлось разъяснить друзьям, сообщившим мне об этом последнем решении, что оно, хотя и исходит из самых дружеских побуждений, все же может лишь поставить меня в совершенно ложное положение. В таких условиях продолжать борьбу было бы бессмысленно. В конце концов обязательно возьмет верх новый ланд-

рат, облеченный государственными полномочиями, имеющий в своем распоряжении гораздо больше возможностей осуществлять свою власть в районе, чем я. Мне не хотелось бы столь плачевно закончить свою деятельность, основанную на добром сотрудничестве с населением района.

Первый кандидат, которого хотели назначить моим преемником в Торгау, просил не назначать его на этот пост, когда ему стало известно о позиции районного исполнительного комитета. В конце концов этот пост согласился занять некий господин Дреус. Будучи католиком, он примыкал к партии Центр. От своего намерения назначить члена Демократической партии на пост ландрата в Торгау министерство все же вынуждено было отказаться. Положение вновь назначенного ландрата в Торгау было затруднительным. По его просьбе я старался ему помочь установить более или менее дружественный контакт с ведущими деятелями в районе. Мне было жаль Дреуса: ведь во всем происшедшем он не был виноват. Все же он недолго выдержал на своем посту, его преемники также недолгое время оставались ландратами в Торгау. Годами позже прусский министр внутренних дел Зевелинг спросил меня как-то, кого бы мне хотелось видеть в своем родном районе на посту ландрата. Мы сошлись на кандидатуре члена Немецкой национальной партии Вера, который оставался ландратом в Торгау до прихода фашистов к власти. Но и ему не удалось установить действительно добрые отношения с населением. А именно такие отношения характеризовали время моего пребывания на этом посту в Торгау.

Я исключительно сердечно распрощался со своими сотрудниками в Торгау. Но поскольку я продолжал жить в своем родном районе, сохранялись, естественно, и возможности дальнейших контактов с населением. Я обещал, что не буду возражать против выставления моей кандидатуры на выборы в следующий крейстаг. Тем самым я смог бы и в дальнейшем оказывать известное влияние на развитие событий в Торгау. Для себя я твердо решил покинуть государственную службу в прусском управлении после того, как я потерпел поражение в борьбе за пост ландрата в Торгау.

Револьвер на письменном столе

Тем временем прусское правительство, пытавшееся править, не обладая большинством в ландтаге, ушло в отставку. Ушел с поста министра внутренних дел господин Доминикус. Его место занял социал-демократ Зеверинг. Обер-президентом в Ганновере стал Густав Носке. Я должен был ему вручить официальную просьбу об отставке и поэтому отправился в Ганновер.

Густав Носке, который меня принял, лишь недавно занял свой пост. Его имя с ненавистью произносилось представителями широких кругов рабочего класса. Еще недавно в его руках была сосредоточена огромная власть, которую он без зазрения совести употребил на подавление революции. В ноябре 1918 года ему еще удалось удержать восставших матросов от дальнейших акций, не принимая насильственных мер против них. В январе 1919 года он взял на себя ответственность за кровавое подавление восставших рабочих и тем самым также за убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Будучи затем назначен имперским министром обороны, Носке стал доверенным лицом генералов. Растущие протесты против его деятельности вынудили в конце концов социал-демократическое руководство убрать Носке с авансцены политики и назначить его на менее заметный пост обер-президента провинции Ганновер.

На письменном столе Носке лежал револьвер. Я с интересом уставился на него и затем спросил:

— Господин обер-президент, мы будем вести переговоры под дулом револьвера?

Носке стремился вести беседу в дружелюбном тоне.

— Никак нет, господин регирунгсрат. Револьвер лежит у меня здесь потому, что я не могу знать, какие люди ко мне могут проникнуть. Мы живем ведь в очень беспокойные времена. И у меня много противников. Вы хотите приступить к исполнению своих обязанностей у нас, господин регирунгсрат?

— Нет, господин обер-президент, я этого не хочу. Не было никаких причин отозвать меня с поста ландрата вопреки воле большинства населения моего родного района. Я останусь на государственной службе лишь в том случае, если будет признано, что это была ошибка.

Носке спокойно меня выслушал и доверительным тоном заметил:

— Насколько я наслышан о вас, доктор Гереке, я и не предполагал, что вы согласитесь работать здесь, даже если бы вам предложили скоро стать обер-регирунгсратом, то есть сделать быструю карьеру.

— Нет, господин обер-президент, я не намерен работать здесь. Я не чувствую за собой никакой вины и поэтому настаиваю, чтобы меня восстановили в должности ландрата в Торгау. Иначе мне придется отказаться от всяких предложений о «быстрой карьере». Я не хотел бы и засидеться в Ганновере. Совсем недавно, уже после отставки господина Доминикуса, представители района Торгау вновь обратились к вашему товарищу по партии, министру внутренних дел Зеверингу, с требованием выполнить желания населения района и восстановить меня на посту ландрата.

— Но господин Гереке,— сказал Носке все еще в дружеском тоне, но довольно резко,— от поста ландрата вам надо будет отказаться, как бы дорог он вам ни был и как бы хорошо вы ни управляли своим районом.

Далее он разъяснил, что не может изменить решение своего предшественника.

— Вы можете быть уверены,— сказал он,— что мы все вас ценим, в том числе и господин министр внутренних дел, который знает, что у него мало таких добросовестных ландратов, каким были вы. Но, наверное, вы были даже слишком добросовестны. На ваши решения слишком сильно влияли, по-видимому, политические соображения. Я вас прекрасно понимаю, дорогой Гереке.

Тон Носке стал еще более дружелюбным, и мне трудно было представить себе тогда, что этот человек шагал через трупы.

— Вы разве не считаете, что можете делать политическую карьеру, не возвращаясь обязательно в Торгау? Для ландрата у вас, по нашему мнению, слишком боевой темперамент. Но если вы хотите служить в администрации в качестве регирунгсрата, а вскоре, возможно, и обер-регирунгсрата, то против этого у нас не будет никаких возражений. Тут вы не сможете проявлять такую строптивость, как на посту ландрата. Видите ли, дорогой господин доктор, мы вас очень хорошо понимаем. Но вы должны и нас понять.

Однако мое решение было бесповоротным. Я заметил лишь на прощание, что свое заявление об отставке передам министру внутренних дел.

Когда я покинул кабинет Носке, взгляд мой еще раз остановился на револьвере, лежавшем на письменном столе — символе нечистой совести человека, которого в отличие от других социал-демократов нацисты впоследствии не только не подвергали никаким репрессиям, но которому они назначили даже высокую государственную пенсию.

В поезде, когда я возвращался в Лейпциг, у меня было достаточно времени на раздумье. За плечами у меня было почти шесть лет административной деятельности, но какие же большие изменения произошли за это короткое время! Я уже далеко не был тем молодым сорвиголовкой, который без долгих размышлений пришел к Шверину — без связей, не состоя даже в годы учебы в студенческой корпорации, не говоря уже об отсутствии аристократической приставки «фон». События в Мейенбурге и Киритце способствовали тому, что я стал более зрелым, лучше стал разбираться во многих проблемах, которые еще восемь лет назад, когда разразилась война, были для меня малопонятными. Но лучшим временем учебы были годы, проведенные в Торгау. В результате Ноябрьской революции у меня начало складываться новое представление о политике и о значении рабочего класса. В то время как многие люди моего происхождения, моего социального положения по-прежнему смотрели на рабочих свысока, я пытался наладить с ними искреннее сотрудничество. Казалось бы, буржуазные круги должны были быть мне ближе, чем рабочие, трудящиеся. Но на моем жизненном пути наибольшие страдания причиняли мне именно они, а не рабочие. Кличка «красный ландрат», которую мне присвоили мои враги, могла вызвать у меня в то время лишь улыбку — по своим убеждениям я никак не мог считать себя «левым». Но если под этим подразумевали то, что я не разделял широко распространенный в буржуазных кругах антикоммунизм, то слово «красный» действительно отражало мои истинные взгляды. Им я оставался верен и во всей своей дальнейшей деятельности.

Берлин — Потсдамерштрассе

Ноябрь 1928 года

Самым модным танцем был в ту пору чарльстон. В варьете, на танцульках всюду наслаждались периодом процветания. Мрачные времена инфляции были давно забыты. Так называемое добропорядочное общество, поглощавшее долларовые блага, получаемые по плану Дауэса, каждый вечер собиралось в салонах и клубах «высшего общества». Там устраивались интимные встречи, совершались спекулятивные сделки, велись политические переговоры. Через десять лет после революции 1918 года Берлин вновь стал центром буржуазного накопительства. Концерны процветали, курсы акций на бирже продолжали расти, универсальные магазины ломались от обилия товаров. Прибыли были сказочные, можно было позволить себе роскошь тратить деньги не считая.

В рейхстаг внесли законопроект о налоговых льготах. Одна политическая сенсация сменялась другой. Некий Геббельс, исходя ядовитой слюной, почти ежедневно печатал в газетенке «Ангрифф» антисемитские статьи, направленные против социал-демократического заместителя полицей-президента Берлина Вейса. Альфред Гугенберг, владелец огромного газетного концерна, добился наконец своего — стал руководителем Немецкой национальной народной партии (Дойч-национале фольксспартай). Граф Вестарп, разочаровавшись в политике «власть имущих», ушел в отставку. Опасное развитие? Вряд ли кто-нибудь в наших кругах задумывался об этом. Ведь в Германии по-прежнему был силь-

ный рейхспрезидент, существовало правительство большой коалиции. Социал-демократы, демократы, представители Народной партии и партии Центра смогли прийти к соглашению и выработать правительственную программу.

Вечером 15 ноября 1928 года банкетные залы отеля «Кайзерхоф» на Вильгельмплатц — напротив имперской канцелярии — были залиты светом. Я стоял у входа. Официанты в ливреях обносили гостей пивом и закусками. Как президент Германского конгресса земельных общин и Союза прусских земельных общин я выполнял роль хозяина на одном из традиционных парламентских «пивных» приемов. Недалеко от меня граф Вестарп беседовал со статс-секретарем профессором доктором Поппитцем.

— Добрый вечер, господин Гереке!

— Добрый вечер, господин президент рейхстага!

Кроме Пауля Лебе*, по моему личному приглашению на приеме присутствовал также доктор Рудольф Гильфердинг. В отель «Кайзерхоф» пришла и Тони Зендер, умная, симпатичная женщина, еврейка, которая служила мишенью для «Ангриффа» и его редактора Геббельса. Кстати, Тони Зендер оказалась впоследствии в числе лиц, подписавших воззвание с призывом приступить к созданию в Германии широкого народного фронта. Под этим воззванием значились и подписи Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта и Рудольфа Брейтшейда. Мы с Тони Зендер знали и ценили друг друга по работе в рейхстаге. Как член комиссии по налогам и бюджету, я провел немало оживленных дискуссий с Лебе, Гильфердингом и госпожей Зендер.

В зале появился тогдашний министр внутренних дел Зеверинг. Мы сердечно приветствовали друг друга. Помню, что несколько лет назад он утвердил мою отставку — я ушел тогда с поста ландрата в Торгау. Мы посмеялись над этим случаем.

— Теперь вы сами видите, — сказал он, — как можно ошибиться. Мне следовало разрешить вам работать на

* Лебе, Пауль — ведущий деятель СДПГ, тогдашний президент рейхстага. После 1945 года снова играл руководящую роль в СДПГ.

посту ландрата. Сегодня вы обладаете куда большей властью, чем в то время.

Прежде чем я успел ответить, к нам подошел Мулерт, президент Германского конгресса городов.

— Господин президент, доктор Аденауэр просит извинить его за отсутствие.

Этого можно было ожидать. Аденауэр, один из президентов Германского конгресса городов, так же как и Мулерт, был ярым соперником нашего Союза земельных общин. Будучи обер-бургомистром Кёльна, он был тесно связан с промышленными и финансовыми кругами, состоял членом тринадцати наблюдательных советов. «Бедные» земельные общины, даже когда речь шла о пригородах Кёльна, его мало интересовали.

Меня приветствовали фон Шланге-Шенинген, бывший имперский министр внутренних дел Мартин Шиле, президент Имперского земельного союза Карл Хепп и зять Круппа барон фон Вильмовски. На прием пришли также президент Рейхсбанка Яльмар Шахт и бывший рейхсканцлер доктор Ганс Лютер. Вскоре в зале появился и социал-демократический рейхсканцлер Герман Мюллер.

— Тебя можно поздравить, Гюнтер, — сказал мне доктор фон Дальвиц. — Сегодняшний вечер — большой успех, собралась вся элита. Интересно, примет ли твое приглашение «чернобурка»? От большинства твоих гостей он не будет в восторге, ты ведь знаешь, он не одобряет союз с социал-демократами.

Едва лишь речь зашла о «чернобурой лисе», как он появился собственной персоной. Так в то время звали Гугенберга. К моему удовольствию, пришел также Генрих Брюнинг. Мы с ним были представителями своих партий в комиссии рейхстага по налогам, очень тепло относились друг к другу. А вот и председатель Хозяйственной партии профессор Бредт и доктор Вильгельм Кюльц — представитель Демократической партии. Кюльц был два года имперским министром внутренних дел и в отличие от Доминикуса принадлежал к числу тех либералов, которые выступали за деловое сотрудничество всех партий.

Фон Койдель — преемник Кюльца на посту министра внутренних дел с улыбкой поклонился мне. Он был членом общего правления Союза прусских земель-

ных общин как представитель помещичьих округов.

В тот вечер в «Кайзерхофе» собралось свыше трехсот гостей: кроме уже перечисленных лиц, там были: Макс Фехнер от правления СДПГ, где он считался ведущим экспертом по коммунально-политическим вопросам, прусский министр внутренних дел Альберт Гржезински, который должен был на следующий день выступить на нашем Конгрессе земельных общин, Теодор фон Герард — имперский министр транспорта и один из ведущих деятелей партии Центра, старший правительственный советник доктор фон Дриандер — депутат от Немецкой национальной партии в прусском ландтаге, социал-демократ доктор Клеппер — президент прусской казны, его издалека можно было узнать по рубцам на лице — следам дуэлей, статс-секретарь доктор Ламмерс, граф фон Штольберг-Вернигероде, доктор фон Тадден-Триглаф — будущий президент Конгресса евангелических церквей, имперский министр Готфрид Тревиранус, генеральный директор барон фон Вангенгейм и — всеми замеченный — доверенный Гинденбурга, Элард фон Ольденбург-Янушау.

Словом, на приеме состоялась встреча депутатов ландтагов и рейхстага, высокопоставленных чиновников министерств, главных редакторов газет и журналов. Представители различных партий и групп на этом вечере вновь получили возможность установить контакты друг с другом, так сказать, в частном порядке. Приглашая гостей, я преследовал именно эту цель. Объединяющим началом во время встречи служил Германский конгресс земельных общин и Союз прусских земельных общин.

В тот день, 15 ноября 1928 года, земельные общины предстали перед общественностью как единое руководящее коммунальное объединение. До того как я покинул пост ландрата, мне удалось создать и укрепить Союз прусских земельных общин. Позже стало возможным собрать союзы общин в отдельных землях в Германский конгресс земельных общин. Наряду с Германским конгрессом городов мы являлись теперь наиболее значительным коммунальным объединением, в котором сотрудничали сторонники почти всех партий.

Визит, имевший серьезные последствия

После моего разговора с Носке в Ганновере в 1921 году стало ясным, что все попытки вновь назначить меня ландратом в Торгау потерпели неудачу. Мне пришлось покинуть прусскую государственную службу. И тогда передо мной встал вопрос, по какому пути идти дальше. Деятельность в собственном имении — площадью немногим более ста гектаров — не могла занять меня полностью. Правда, я с молодых лет проявлял интерес к сельскому хозяйству, особенно к животноводству, я считал себя достаточно компетентным для того, чтобы успешно и по-современному вести хозяйство в Пресселе. Но моя рано овдовевшая мать была еще в расцвете сил и вполне могла руководить претворением в жизнь наших общих замыслов. Кроме того, районное земельное объединение в Торгау нуждалось в моей помощи. Меня выбрали старшиной сословного объединения района и председателем районного Земельного союза — почетный пост, который я сохранял вплоть до прихода к власти нацистов.

Тем не менее бывшему референдариию правительства в Потсдаме должна была казаться слишком узкой его деятельность в Пресселе и в районе Торгау. Мой покровитель, бывший регирунгспрезидент Потсдама фон Шверин, писал мне: «Дорогой Гюнтер, я нахожу правильным Ваше решение покинуть государственную службу. Нельзя мириться с антидемократическими акциями: Вас наверняка когда-нибудь снова призвут на государственную службу, и тогда Вы будете занимать гораздо более высокие посты, чем занимают сегодня Ваши противники. Я всегда с неизменным интересом и сочувствием буду следить за Вашим продвижением — вплоть до высших постов в государственном аппарате».

Как-то раз ко мне в гости пришел доктор фон Далльвитц, относившийся ко мне по-отечески. Мы долго беседовали, и он изложил мне свое предложение.

— Как ты отнесешься к тому, чтобы взять на себя организацию земельных общин и государственных помещичьих округов в Пруссии? С точки зрения коммунальной политики это крайне необходимо, и ты как раз подходящий человек для этого.

Далльвитц был убежден, что в связи с борьбой вокруг вопроса о замещении поста ландрата в Торгау я стал популярен среди населения и в кругах парламентариев. Кроме того, я доказал, что обладаю достаточными организаторскими способностями, чтобы добиться объединения мелких союзов сельскохозяйственных общин, равно как более крупных промышленных общин и рабочих поселенческих общин в единый руководящий коммунальный орган.

То же пожелание высказали мне депутаты провинциального ландтага от Союза земельных общин. Особо настоятельно советовал мне взяться за выполнение этой важной политической задачи председатель провинциального Союза барон фон Вильмовски, зять Густава Круппа и председатель наблюдательного совета концерна Круппа, а также мои друзья из Торгау — Бергер-Мокритц, Иван фон Хейнитц, депутат прусского ландтага Боэс-Мокрена (последний был моим предшественником на посту председателя районного объединения крестьян), а также обер-бургомистр города Галле доктор Риве. Земельные общества, доказывали они, должны приобрести наконец то же влияние на правительство и на парламент, что и сверхмощное объединение городов, которое уже много лет проводит свою политику.

Профессиональные объединения выполняли в Веймарской республике важные функции, посредничая между интересами народного хозяйства и государства. Тенденция превращения их в органы, олицетворяющие слияние мощи экономики и государства, которая наметилась еще до первой мировой войны в Германии, усилилась после 1918 года. Союз, который мы задумали, также должен был превратиться в подобного рода посреднический орган.

Еще будучи ландратом в Торгау, я собрал земельные общины, государственные и помещичьи округа в районе в единый районный союз с тем, чтобы они лучше могли отстаивать общие интересы. В районе Остпригнитц еще за несколько лет до этого при моем содействии также произошло подобное объединение. С 1902 года в Германии выходил маленький журнал «Земельная община», который завоевал немалый круг читателей. Его издателем и главным редактором был Бруно Крей из Берлина. Он образовал из своих читателей Прусское объединение земельных общин, в противовес которому

после 1918 года возникли Объединение укрупненных прусских земельных общин и Союз прусских земельных общин. Эти три организации, конкурировавшие друг с другом, были слабыми и не имели настоящего политического руководства. Попытка слить их под эгидой Объединения укрупненных прусских земельных общин в Берлине потерпела неудачу. Большинство сельскохозяйственных общин, входивших в объединение Крея, не захотело подчиниться руководству назначаемых государством бургомистров. Таким образом, цель для меня была ясна — воссоединить соперников в единое и мощное объединение.

Трудные времена

Так предо мной открылось поле деятельности, которое дало мне возможность продолжить политическую карьеру. Без долгих колебаний я принялся за новую работу. Опираясь на организации земельных обществ в районах Торгау, Оспритнитц и Науэн, то есть в тех районах, где я был ландратом, я добился своего избрания исполняющим обязанности председателя Объединения земельных общин, созданного Креем. Сам Крей, пожилой человек с тяжелым характером, к тому еще не обладавший политическим чутьем, ограничил свою деятельность изданием журнала «Земельное общество».

С двумя другими объединениями начались переговоры о слиянии. Моими главными партнерами по переговорам стали Отто Ланге, бургомистр города Вейсвасер, и бургомистры городов Димитц и Нитлебен, близ Галле, доктор Бертольд и Гаммесльсбек. Я пытался внушить им, что только монолитное объединение общин сможет оказывать влияние на правительство и парламент. С бургомистром Ланге, умным, несколько слабохарактерным человеком, я быстро сумел найти общий язык. Труднее было с доктором Бертольдом из Димитца, который проявил желание следовать за демократами. Эрнст Доймер посоветовал мне вступить в переговоры с бургомистром города Унтертёйшенталь Бруно Беттге, он хорошо знал его по совместной работе в НСДПГ (Независимой социал-демократической партии Германии); по его мнению, Беттге наверняка не отка-

жет мне в содействии. Мой друг Доймер оказался прав. Бруно Беттге был человеком дела, я его очень ценил. С первых же минут мы отлично поняли друг друга и вплоть до захвата власти нацистами плодотворно сотрудничали. После 1933 года, когда он оказался в трудном положении, мне удалось ему помочь, а после 1945 года мы опять работали вместе в Галле, где Беттге сначала был председателем окружной организации СДПГ, а потом президентом ландтага.

Заранее подготовленные переговоры о слиянии под моим председательством протекали быстро и без трений. Беттге, который внимательно следил за борьбой вокруг поста ландрата в Торгау, сумел рассеять сомнения своих социал-демократических коллег в отношении меня. Сельские общины, государственные и помещичьи округа и без того меня поддерживали; таким образом, я был единогласно избран председателем вновь образовавшегося Союза прусских земельных общин.

Все это красиво выглядело на бумаге, но на практике мое положение оказалось довольно трудным. Несмотря на то что земельные общины формально были слиты в единое объединение, к нему примкнули едва ли десять процентов всех общин. Подавляющее большинство земельных общин стояло вне объединения, и их следовало вовлечь в него через общинные правительства. Лишь в том случае, если бы мы действительно представляли большинство земельных общин, можно было бы надеяться превратить Союз в важный внутриполитический фактор в Пруссии, в фактор, который мог бы сравниться по своему значению с другими крупными объединениями трех ведущих политических партий. Но это была задача далекого будущего. Одними циркулярными письмами и листовками никак не удалось бы привлечь на свою сторону отдельные земельные общины. Большинство общин, а именно сельские общины, можно было завоевать только прямым обращением к ним, взывая к их разуму. А для этого необходимо было организовать как можно более широкие собрания представителей каждого района. Но кто смог бы помочь в созыве таких собраний? Нам не хватало людей, и мне пришлось самому этим заниматься.

Согласно достигнутому соглашению, новое правление разместилось в бывшем бюро Союза земельных общин на Потсдамерштрассе, 22-а. Я переселился из Пресселя

в Берлин и жил сначала в помещении бюро, состоявшего из трех комнат. Спал я на диване в моем служебном кабинете; мой завтрак обычно составляли булочка и чай, который я сам заваривал. В этот самый тяжелый период инфляции членских взносов едва хватало, чтобы платить за аренду помещения. Остаток поступлений поглощали расходы на заработную плату самозабвенно трудившейся секретарше и Фрейгангу, очень толковому молодому человеку, которого я взял с собой из ведомства ландрата в Торгау. Собранные членские взносы оказывались обесцененными уже на следующий день, так что мы с трудом перебивались.

Моей матери я обо всем этом ничего не рассказывал, но она и без того не одобряла моего выбора. Конечно, я не хотел, чтобы она нуждалась. И питал честолюбивое желание добиться успеха без помощи родных или в худшем случае «доголодаться» до победного конца. При поддержке отдельных земельных объединений района, для которых я был авторитетом еще со времен Торгау, я как председатель одного из районных земельных объединений организовал сначала в провинциях Бранденбург и Саксония районные собрания государственных, общинных и помещичьих представителей. На них я выступал, причем весьма успешно: во всех случаях мне удавалось добиться, что общины присоединялись к нашему объединению. Эти общины также платили членские взносы, но, еще до того, как собранные деньги успевали поступить в Берлин, они уже оказывались обесцененными.

В поисках эквивалента для членских взносов, который не обесценивался бы столь быстро, я предложил собирать взносы не деньгами, а рожью. Сказано — сделано! Рожь — речь шла в большинстве случаев об одном-двух центнерах — сдавалась в районные кооперативные объединения, и там я мог ею распоряжаться. В результате мы могли выручать суммы, соответствовавшие продажной цене ржи в тот или иной период, и получать деньги лишь тогда, когда они нам требовались. Это было большим облегчением. Отныне мы могли финансировать деятельность нашего Союза. А когда Фрейганг за два или три дня до очередной поездки по местам, где должны были состояться собрания, покупал билеты, то мы опять-таки экономили деньги, так как цены на железнодорожные билеты повышались каждый

день. Эти очень трудные времена нам удалось пережить лишь с помощью моих друзей из земельных объединений, более того, мы достигли в ту пору больших успехов в организационной работе.

Чтобы по возможности избежать споров, мы разделили наш Союз на три отдела. Кроме меня — исполняющего обязанности председателя всего объединения, — в руководстве принимал участие бургомистр Отто Ланге — он выполнял функции председателя самых крупных земельных общин, управлявшихся штатными сотрудниками. Председателем основной массы сельских общин, управлявшихся выборными лицами, состоял мой старый друг Герман Штаффель из Бизена (район Остпригнитц), а отдел государственных и помещичьих округов возглавлял некий господин фон Бодунген из Померании, которого впоследствии сменил фон Эйкштедт из Тантова близ Штеттина (нынешнего Щецина).

Такое же разделение функций я ввел и в каждом провинциальном объединении в различных прусских провинциях. Позже там были учреждены правления в составе трех председателей наряду со штатным управляющим делами, причем чаще всего председательствовал председатель аграрных общин. В некоторых провинциях эту роль исполнял бургомистр, если он принадлежал к Социал-демократической партии. И здесь сказывался опыт моей работы в районе Торгау: пост бургомистра доверялся либо представителю земельного объединения, либо представителю социал-демократов. В целом мне удалось, таким образом, заложить основы организации, при которой я мог быть уверенным, что даже в исключительных обстоятельствах большинство поддержит меня.

Вскоре после начала моей деятельности я получил лестное предложение — стать доцентом в Высшей сельскохозяйственной школе в Берлине. Моя матушка полагала, что научная карьера более приятна, спокойна и выгодна, нежели ежедневные утомительные поездки и работа в Союзе. Первоначально я пытался соединить и то и другое, несмотря на сильнейшую перегрузку, я в течение двух семестров читал лекции в высшей школе по государственному праву и проводил соответствующие семинары. Но все-таки мне пришлось убедиться, что соединить работу с преподавательской деятельностью невозможно, учитывая еще, что ночи приходилось про-

водить в поездах. Либо Высшая школа, либо Союз должны были страдать от этого. Тем более что я уже был намерен кандидатом в депутаты рейхстага на следующих выборах, а это в свою очередь требовало непрерывных разъездов. Преподаватель высшей школы, даже если он считался ведущим специалистом в своей области, почти не имел в то время шансов добиться значительного политического влияния. Кроме того, отношения между отдельными профессорами были омрачены завистью и ревностью, что, впрочем, наблюдалось и в других областях общественной жизни.

Все это побудило меня заявить ректору Высшей сельскохозяйственной школы профессору Аребе, что, к моему сожалению, я должен отказаться от дальнейшей академической карьеры, так как загружен политической деятельностью. Мне казалось более важным участвовать в политической жизни Германии. Все же лекции и семинары, где я общался со студентами, которые были почти одного возраста со мной, доставляли мне много радости. Позже я охотно исполнял просьбу профессора Вуссова — читал лекции студентам университета имени Мартина Лютера в Галле по коневодству и всегда имел большой круг слушателей, интересовавшихся моим предметом.

Земельная община — «пасынок»

Теперь я вновь мог полностью сконцентрироваться на работе в Союзе. Конечно, эта работа не исчерпывалась поездками и рекламой, она требовала трудных и сложных переговоров в министерствах и парламентах. Земельные общины и округа находились в неблагоприятном положении по сравнению с городскими округами, иными словами, по сравнению с большими городами: это неравноправие постепенно надо было ликвидировать. Большие города — местонахождение крупных концернов и местожительство директоров концернов и ведущих чиновников — располагали огромными суммами, главным образом от отчисления налогов, притом что плата за коммунальные услуги давала относительно малый доход. Им было поэтому довольно легко решать свои экономические проблемы. В земельных общинах, где проживали крестьяне, сельскохозяйственные и промыш-

ленные рабочие, расходы на коммунальные и социальные нужды были очень велики. Вместе с тем налоги на заработную плату многих из них поступали в бюджет крупных городов, где находились большие предприятия, на которых они трудились. Эти предприятия и давали львиную долю налоговых поступлений. Поэтому доход от налогообложения в земельных общинах был невелик, хотя их социальные потребности не уступали, по сути, потребностям крупных городов. Даже дополнительных отчислений от налогов, составлявших иногда внушительную сумму, не хватало, чтобы покрыть расходы на самые неотложные коммунальные нужды. Справедливая финансовая система и система расходов должны были бы включать оказание помощи слабым в финансовом отношении земельным общинам.

В этих общинах надо было также более срочно, чем в крупных городах, решать и транспортную проблему. В целом сеть дорог в сельской местности была недостаточной, она не обеспечивала нормального развития хозяйства. Многие общины не имели даже возможности подключиться к общей сети электроэнергии. А какими примитивными выглядели сельские школы по сравнению с городскими! Однако к людям из деревни современное общество предъявляет те же требования, что и к городским жителям. Кто же мог бы им помочь ликвидировать это положение? Необходимо было браться за дело самим земельным общинам, создав свою крепкую организацию.

В конкурентной борьбе, бушевавшей в те годы, крупные города благодаря их политическому влиянию в парламентах и в правительстве имели большие преимущества. В городском районе, например, собрание городских депутатов избирало бургомистра, который мог быть снят с поста правительством лишь в одном случае — если против него официально возбуждалось дисциплинарное дело. В земельной общине же ландрат хотя и мог быть выдвинут районным советом (крейстагом), но назначался правительством; его имели право также отозвать против воли районного совета (крейстага). Что бы, скажем, произошло в Торгау, если бы сельский район имел те же права, что и городской? Меня никогда не смогли бы снять с поста.

После преодоления первоначальных трудностей организация земельных общин добилась заметных успе-

хов. В провинции Саксония почти все земельные общины, а также государственные и помещичьи округа присоединились к нам. Председательствовал в провинциальном Союзе представитель сельских общин Хильдебрандт из Ремкерслебена. Это был трудолюбивый пожилой крестьянин, он состоял председателем на общественных началах и у себя в общине отличался деловитостью и интеллигентностью. Кроме того, у земельных общин был и штатный председатель, а именно бургомистр города Унтертёйшенталь Бруно Бетте, пользовавшийся влиянием в СДПГ; это был один из моих самых верных союзников, человек очень решительный. Представителем государственных и помещичьих округов был мой дядя генерал-майор в отставке Шмидт-Клевитц, ведомственный руководитель в Пресселе. Это провинциальное объединение считалось в прусских провинциях образцовым.

Хорошо было организовано также провинциальное объединение в Бранденбурге. Во главе тамошних сельских общин стоял упоминавшийся ранее общинный председатель Герман Штаффель. Представителем общин, управлявшихся штатными работниками, был бургомистр фон Фельген из района Науэн, а государственные и помещичьи округа представлял ландрат в отставке фон Арним-Риттгартен.

Меня вполне устраивало такое положение в Ганновере. За два года почти все земельные общины были объединены, причем особо ценную поддержку мне там оказывали мои друзья: председатель общины Мюллер из Изернхагена, близ Ганновера, его коллега Брезе из Марведе, район Целль, равно как и общинный председатель Хинце из Ингельна.

Подобным же образом сложилась ситуация в провинции Шлезвиг-Гольштейн и в провинциальном объединении района Гессен-Нассау, который был из тактических соображений подразделен на окружные отделения Кургессен и Нассау. Примерно то же самое происходило и в земельном объединении Силезии; главную роль в нем играли чрезвычайно способный бургомистр Штеккель из Обершрайберхау и ландрат в отставке фон Рихтхофен.

В Померании мы первоначально встретились с большими трудностями, почти во всех районах мне лично приходилось выступать. Но потом все же дело пошло

на лад. Представителем крупных общин стал бургомистр Гарен из Фрауендорфа, близ Штеттина, по моим тогдашним понятиям, отличный человек; представителем государственных и помещичьих округов — граф Бисмарк-Остен. Оба они оказывали ценную поддержку деятельности Союза, а позже активно работали также в главном, Имперском союзе земельных общин. В пограничной области Гренцмарк, состоявшей из клочков бывших прусских провинций Познань и Западная Пруссия, Союз функционировал приблизительно, как в Померании.

Из-за напряженной работы я уделял не так уж много времени своему главному удовольствию — охоте. Однажды после удачного собрания земельной общины в Штеттине уже во второй половине дня меня пригласили на охоту; охотники устраивали облаву на фазанов и кроликов. Всего там было шесть стрелков, я получил лучшее место, и мне удалось убить наибольшее количество фазанов и кроликов. Когда я вторично выстрелил в летящего фазана — этим выстрелом я его убил, — слева раздался крик. Там стоял мой сосед охотник, им оказалась молодая и красивая графиня Блумберг. Что же произошло? Повинуясь естественному побуждению, графиня, несмотря на строгий запрет, покинула свое место и удалилась в кусты. Тем самым она оказалась в моем спектре обстрела, и дробинка, отскачившая, очевидно, от дерева, угодила ей в икру. Организатор охоты, староста фон Эйкштедт-Тантов, удалил дробинку охотничьим ножом, ловко сделал перевязку, и графиня смогла дальше участвовать в охоте. При облаве на кроликов условились стрелять только слева от себя. Стрелки поместились относительно недалеко друг от друга. Графиня осторожности ради заняла на этот раз место справа от меня. Когда сзади несколько кроликов покинули свои убежища и начали перебегать недалеко от меня, графиня открыла по ним огонь. Вокруг так и летали дробинки, но я остался целым и невредимым.

Выборы в рейхстаг

Напряженно работая в Союзе я в то же время занимался и политической деятельностью. Впервые моя фамилия попала в списки кандидатов в депутаты рейхста-

га, выдвинутых Немецкой национальной демократической партией. Это произошло в мае 1924 года во время выборов в рейхстаг второго созыва. В списке я фигурировал как представитель Земельного союза. Мою кандидатуру энергично поддерживали председатель провинциального Земельного союза фон Вильмовски, а также Вильгельм Бергер — Мокритц, Иван фон Хейнитц из Дрешкау (район Торгау) и большое число представителей сельских общин, входивших в наш Союз. Правление Союза прусских земельных общин охотно поддерживало мою кандидатуру, ибо нашей общей целью было иметь в рейхстаге и в прусском ландтаге как можно больше представителей земельных общин с тем, чтобы они могли там еще более энергично защищать интересы нашего Союза.

Чтобы стать депутатом, надо было добиться включения своей кандидатуры в список какой-либо партии. Моя фамилия встретила одобрение у всех членов правления Союза, в том числе у социал-демократов. Беттге заметил даже, что он будет очень рад, если в составе фракции рейхстага Немецкой национальной партии наконец-то появится разумный человек. Между Немецкой национальной народной партией и Земельным союзом было заключено соглашение, по которому выдвинутые Земельным союзом кандидаты будут значиться в выборном списке НННП. В мае 1924 года я впервые был избран депутатом рейхстага. Выборы в целом принесли большой успех Немецкой национальной народной партии и Земельному союзу, НННП совместно с земельным объединением (от которого было избрано 10 депутатов) получили наибольшее число мест, и они стали самой сильной фракцией рейхстага, опередив СДПГ. Эта фракция получила право назвать кандидата на пост президента рейхстага. Президентом стал Вальраф, бывший обер-бургомистр Кёльна, предшественник Аденауэра на этом посту.

Предвыборная борьба в значительной мере происходила под знаком плана Дауэса. Этот план в конечном итоге был следствием Версальского договора. Версальский договор, представлявший собой, без сомнения, диктат западных держав-победительниц, никогда не признававшийся молодой Советской республикой, по-прежнему был в центре страстей, раздиравших Германию. Все без исключения партии в Германии высказались

против этого диктата, правда по совершенно различным причинам. Договор был подписан под давлением держав-победительниц — факт, который на всем протяжении существования Веймарской республики служил поводом для внутривластной борьбы. Сперва Гельферих, один из виднейших представителей Немецкой национальной народной партии, а затем Гугенберг использовали Версальский договор для разнузданной националистической пропаганды. Они ввели в оборот выражение «политика повиновения». Более реалистическую позицию, как мне тогда казалось, занимал Штреземан — будучи рейхсканцлером, а позже — министром иностранных дел, он стремился путем согласия на выполнение договора в целом интегрировать Германию с Западом и тем самым добиться известных поблажек для Германии, особенно на хозяйственном поприще.

В начале апреля 1924 года в репарационную комиссию союзников был представлен меморандум экспертов, в котором предлагалось гарантировать германские платежи по репарациям главным образом с помощью соответствующих изъятий из государственного бюджета. Гельферих демагогически заявил, что таким образом будет сделан дальнейший шаг на пути «вечного порабощения Германии». Эту точку зрения разделяло большинство депутатов Немецкой национальной партии. Однако другая группа, за спиной которой стояла часть крупных промышленников, увидела в плане Дауэса новую возможность добиться окончательной стабилизации немецкой валюты, накопить капиталы и перенести конкурентную борьбу, вызванную стремлением к экспансии, из плоскости военно-политической в экономическую. Тем самым план Дауэса имел также антисоветскую направленность, что я в то время еще не мог понять.

Коммунистическая партия Германии выступила против меморандума экспертов, увидев в нем попытку переложить главную тяжесть репараций на плечи рабочего класса, что было равнозначно поощрению концернов.

В ННП люди, подобные Гугенбергу, Кваатцу или Рейхерту, были типичными представителями пангерманистски настроенных кругов тяжелой индустрии. Им противостояли в фракции представители Земельных союзов и христианских профсоюзов. Наша группа после победы на выборах ратовала за участие в правительстве и — учитывая сложившееся положение — за одоб-

рение плана Дауэса. Но сторонники Гугенберга одержали верх; опираясь на большинство во фракции, они отвергли план Дауэса, партия оказалась в оппозиции к правительству. Много заседаний фракции прошло в ожесточенных спорах.

В начале августа 1924 года на международной конференции в Лондоне, в которой участвовали и немецкие представители, было достигнуто соглашение о предварительных репарационных платежах на основе плана Дауэса. Решение это было зафиксировано в так называемом заключительном протоколе. Уже в середине августа на утверждение рейхстагу были представлены соответствующие законопроекты. Депутатам было представлено девять законопроектов на утверждение. Принятие их простым большинством голосов было обеспечено, поскольку все партии, кроме Немецкой национальной и Коммунистической партии Германии, высказались за их одобрение. С этой точки зрения отклонение законопроектов фракцией Немецкой национальной партии не представляло опасности, равно как и одобрение восьмисотмиллиардного займа, в котором были заинтересованы крупные германские промышленники.

Принятие одного из девяти предложенных законопроектов требовало, однако, большинства в две трети голосов, ибо он относился к категории влекущих за собой изменение конституции. Это был законопроект о передаче государственных железных дорог в ведение акционерного общества под международным контролем. Если бы фракция голосовала против законопроекта, президент Эберт, согласно статье 48 конституции, мог бы распустить рейхстаг, чем он открыто пригрозил. В свою очередь имперское правительство могло бы принять «чрезвычайный закон», само вопреки голосованию ввести в действие законопроект, и тогда для вторичного утверждения его потребовалось бы лишь простое большинство голосов. Но руководство Немецкой национальной партии хотело избежать новых выборов, ибо, учитывая острые разногласия внутри фракции, сомневалось в том, что на этих выборах оно достигнет таких же успехов, как на предыдущих. Группа членов нашей фракции, которую возглавлял посол доктор Леопольд Геш, депутат из Лейпцига, выступала за принятие законопроектов. К их числу принадлежал также князь Отто фон Бисмарк, внук бывшего рейхсканцлера; он и я

были самыми молодыми членами нашей фракции. Ряд промышленников пытался повлиять на позиции фракции в том же духе. Определенные круги, особенно в химической и электротехнической отраслях промышленности, настаивали на принятии плана Дауэса.

Разговоры со Шлейхером и Штреземаном

В эти бурные дни мне довелось познакомиться с майором Куртом Шлейхером, который в конце 1932 года стал последним канцлером Веймарской республики. Шлейхер был известен как так называемый «офицер-аппаратчик», в руководстве армии на Бендлерштрассе (имперское министерство обороны) он занимал в ту пору пост политического советника генерала Секта. Шлейхер официально поддерживал связь с различными партиями, как «референт имперского министра обороны по политическим вопросам».

Шлейхера принято изображать антиподом старого «аполитичного» офицера кайзеровской школы. Характеристика эта, безусловно, правильна, но требует дополнения: Шлейхер интересовался политическими проблемами лишь постольку, поскольку он принадлежал к той части офицерства в рейхсвере, которая хотела с помощью политики и в сфере политики вернуть немецкому офицерскому корпусу потерянные привилегии и вновь утвердить влияние милитаристской касты в стране. Только учитывая это обстоятельство, можно понять, почему Шлейхер, о котором говорили, что он поддерживает хорошие отношения с Эбертом и с социал-демократами, отбросил традиционно враждебное отношение рейхсвера, скажем, к профсоюзам и включил в свои тактические расчеты установление связи с руководителями профсоюзов, стоявших на почве признания Веймарской республики. Шлейхер принимал, таким образом, активное участие в укреплении тех мощных позиций, которые рейхсвер сравнительно рано занял в Веймарской республике. В имперском министерстве обороны было немало офицеров, поддерживавших майора фон Шлейхера. Назовем, к примеру, Хаммерштейна-Экворда и Маркса. Доктор Хэш и Мартин Шиле рекомендовали мне как-то поговорить при случае со Шлейхером, так как у него «конструктивные идеи».

Шлейхер, выступавший также за принятие плана Дауэса, зашел как-то ко мне в рейхстаг, он слышал, что я придерживаюсь той же точки зрения, что и он, и заявлял об этом на заседании фракции. Шлейхер был в штатском. Это удивило меня, так как большинство офицеров и сотрудников имперского министерства обороны всегда носили мундир. При более близком знакомстве он показался мне человеком очень живым, правда, юмор его временами имел несколько циничный оттенок. Шлейхер произвел на меня хорошее впечатление. Наша первая беседа подтвердила, что мы придерживаемся одинаковых взглядов и в отношении сотрудничества с социал-демократами.

В тот период у меня состоялось несколько интересных бесед и с доктором Густавом Штреземаном. С 1923 года Штреземан был министром иностранных дел и, кроме того, председателем Немецкой народной партии, представлявшей в значительной степени ту группу промышленников, которая была заинтересована в принятии плана Дауэса. Эти круги надеялись с помощью миллиардного займа модернизировать и рационализировать свои предприятия.

28 августа 1924 года, в день, когда предстояло окончательно решить судьбу законов, касавшихся плана Дауэса, у нас во фракции было решено из-за острых разногласий отказаться от фракционной дисциплины при голосовании. Поименное голосование предусматривало, что каждый депутат имеет право, опустив соответствующий бюллетень, высказаться либо «за», либо «против», либо, наконец, «воздержаться». Сорок восемь депутатов Немецкой национальной партии, в том числе и я, голосовали «за» и сделали, таким образом, возможным для правительства собрать две трети голосов, необходимых для одобрения законопроектов. После голосования мы получили ругательскую кличку «соглашателей». Экс-генерал Людендорф, тогдашний депутат Народной партии свободы, пришел в ярость; он, конечно, голосовал против законопроектов.

— Позор для Германии! Десять лет назад я выиграл битву при Танненберге*. Теперь они устроили нам еврейский Танненберг! — кричал Людендорф.

* Танненберг — город в бывшей Восточной Пруссии. В августе 1914 года в районе Танненберга произошло сражение между германской и русской армиями, начавшееся вторжением 2-й рус-

За год до этого Людендорф вместе с Гитлером организовал путч в Мюнхене; ярый антисемит, он был и оставался экстремистом, неспособным мыслить реалистически.

После голосования в рейхстаге ко мне подошел Штреземан и похвалил за то, что я занял правильную позицию. Министр иностранных дел был очень заинтересован в том, чтобы мы вступили в кабинет, руководимый представителем Центра Вильгельмом Марксом; он знал, что внутри фракции я буду выступать за это же. Кроме того, Штреземан стремился привлечь в свое довольно-таки окостенелое министерство людей помоложе, которых он считал способными политиками.

— Мне хотелось бы, — сказал он, — учитывая ваше юридическое образование, ваши способности и упорство, привлечь вас к работе в министерстве иностранных дел.

Мне было известно, что в том же духе он говорил с князем Бисмарком (князь поступил впоследствии в министерство иностранных дел и дослужился до ранга посла). На дипломатическую службу Штреземан привлек также доктора Вольфганга Ганса; барона цу Путлиц, племянника моего старого знакомого депутата района Остпригнитц Ганса барона цу Путлиц (Гросс Панков).

Предложение министра иностранных дел меня не прельстило. Я считал, что у меня еще большая работа впереди. С большим трудом удалось создать плацдарм в Союзе прусских земельных общин, опираясь на который можно было бы оказывать в дальнейшем воздействие на внутриполитическую жизнь империи. Мои друзья восприняли бы, наверное, мой уход как бегство с поля боя, о матери нечего было и говорить, она наверняка чувствовала бы себя несчастной, если бы мне пришлось годами жить за границей.

В конце концов я был фактическим хозяином Пресселя, хотя мои планы и распоряжения исполнялись различными лицами. От предложения Штреземана я вежливо, но твердо отказался. Штреземан был разочарован и шутливо заметил:

ской армии в Восточную Пруссию. Немецкой армии удалось тогда окружить 2-ю русскую армию, которой командовал генерал Самсонов, и частично уничтожить ее.

— Ведь вы когда-нибудь тоже могли бы стать министром иностранных дел! Это совсем не исключено.

— Однако, господин министр, как показывает ваш пример, министром иностранных дел можно стать и не будучи сотрудником министерства иностранных дел...

И далее я откровенно дал понять Штреземану, что наши взгляды принципиально различны.

— Господин Штреземан, ваше отношение к моей скромной персоне делает мне честь, но боюсь, что мои внешнеполитические взгляды не совсем сходятся с вашими. В соответствии с концепцией Бисмарка я считаю одной из первых заповедей разумной германской политики соглашение с Россией, пусть даже с Советской Россией, правда, это не должно помешать политике примирения с Францией, к которому вы стремитесь!

Штреземан задумчиво покачал головой, но от серьезного ответа на мои слова воздержался.

Ситуация внутри фракции Немецкой национальной партии рейхстага, сложившаяся после принятия плана Дауэса, осложнилась тем, что «соглашатели» и «твердолобы» по-прежнему враждовали друг с другом. В связи с тем, что мы одобряли план Дауэса, радикальная группа под руководством Гугенберга и барона фон Фрейтаг-Лоригхофена клеймила нас как «политиков повиновения» и тайных союзников социал-демократов.

В конце концов переговоры о формировании нового правительства окончательно зашли в тупик, и президент Фридрих Эберт в октябре 1924 года распустил рейхстаг, назначив новые выборы на 7 декабря. В тот же день должны были состояться выборы и в самой крупной германской земле — Пруссии. Земельный союз вновь выставил мою кандидатуру в рейхстаг, причем Вильмовски по поручению провинциального Земельного союза, а также мои друзья Хейтнитц и Бергер-Мокритц опять энергично поддержали меня. Эрнст Доймер заявил, что в районе Торгау по-прежнему «запрещен отстрел» доктора Гереке, иными словами, что со стороны районных властей Торгау на меня нападать не будут. Правлению Союза прусских земельных общин было ясно, что ему выгодно поддерживать любую кандидатуру одного из своих членов. Поэтому мы смогли добиться того, что в списке кандидатов в депутаты на выборах

в прусский ландтаг от ННП появились фамилии двух членов Союза — председателя провинциального объединения Ганновера Мюллера-Изернхагена и Босса-Мокрена.

Свободные министерские посты

В ноябре 1924 года во всю силу развернулась предвыборная борьба. Мне часто приходилось выезжать в различные районы на машине Земельного союза или на машинах друзей и выступать на собраниях. Однажды, уже под вечер, я выехал из Галле в Кверфурт. Был густой туман. Я спешил — мне надо было вечером выступать на собрании, — и водитель мчался на большой скорости. Некоторые участки дороги были скользкими — на полях убирали сахарную свеклу, погода стояла ненастная. Внезапно перед нами выросла отара овец, мы не смогли затормозить достаточно быстро, и машина угодила прямо в отару. Овцы эти принадлежали помещику, который был членом Земельного союза. Рассвирепевший пастух осыпал нас нецензурными ругательствами. Я старался успокоить его, но наша машина сбила трех овец, и они получили тяжелые увечья. Случилось так, что накануне вечером у меня было бурное собрание, на котором присутствовали мои политические противники из Немецкой демократической партии. Они распространяли на собрании листовку демократов, которую я захватил с собой. Взбешенному пастуху, требовавшему возмещения убытков, я сказал, что готов заплатить, но объяснил, что мы совершаем предвыборную поездку и поэтому должны спешить. Я охотно завербовал бы и его, добавил я, следуя внезапно пришедшей мне на ум мысли. Несмотря на инцидент, я хотел бы попросить его отдать свой голос Немецкой демократической партии. При этом я передал пастуху листовку. Пастух пришел в полное замешательство, наконец он бросил взгляд на листовку и отреагировал точно так, как я и ожидал.

— Вот еще, — закричал он, — ко всему я должен выбирать этих демократов? Сначала вы давите овец, а потом требуете, чтобы я вас выбрал! Сразу видно, что вы не из Земельного союза. Теперь уж я наверняка проголосую за их кандидата.

Должен заметить, что такого рода оригинальную тактику в предвыборной борьбе я применил лишь потому, что сам был, естественно, взволнован, очень спешил и хотел побыстрее уладить конфликт. Вообще же эта тактика отнюдь не соответствовала моим взглядам.

Выборы принесли Немецкой национальной партии и Земельному союзу успех; Немецкая народная партия сумела удержать свои позиции. Народная партия свободы и демократы получили в избирательном округе, где я баллотировался, значительно меньше голосов, чем раньше. Социал-демократическая партия добилась значительного прироста голосов, ее фракция стала теперь самой сильной в рейхстаге, более сильной, чем фракция Немецкой национальной партии. Таким образом, президента рейхстага на этот раз выбрали из числа социал-демократов. Им стал Пауль Лебе.

После длительных внутрифракционных дискуссий наша группа наконец добилась решения об участии НННП в правительстве. Немецкая национальная партия получила три министерских поста — портфели министра внутренних дел, экономики и финансов. Больше всего споров вызвала кандидатура на пост министра внутренних дел. Часть фракции поддерживала Койделля, бывшего ландрата района Кенингсберг-Неймарк, другая часть хотела видеть на посту министра внутренних дел Мартина Шиле. Шиле арендовал большое имение «Шоллене» в округе Бранденбург. Он был отличным хозяином, членом нашего союза, но не имел навыков работы в области управления; Шиле принадлежал к нашей группе. На пост министра внутренних дел выдвинули и мою кандидатуру, самого младшего во фракции, так как я имел опыт работы в государственном аппарате. Я, однако, не задумываясь отказался. Мне хотелось добиться прежде всего успеха в деле организации земельных общин. И я выступил в поддержку моего друга Шиле, кандидатура которого на пост министра внутренних дел была в результате принята подавляющим большинством голосов.

Рейхсканцлером стал теперь доктор Ганс Лютер, бывший обер-бургомистр Эссена. Он был близок к Немецкой народной партии и имел обширные личные связи с рейнско-рурской группой промышленников, разумеется, также с концерном Круппа и с Конгрессом германских городов. Кроме Мартина Шиле, от Немец-

кой национальной партии в кабинет вошли Отто фон Шлибен — министр финансов и Альберт Нейхауз — министр экономики. Шлибен имел чин министриал-директора и был ведущим чиновником министерства финансов. Теперь он как министр стал начальником бывшего министра, профессора Конитца, оставшегося на посту статс-секретаря.

Мое переизбрание в рейхстаг и назначение в особо важную комиссию по налогам, которая, в частности, решала вопросы распределения финансового бремени между землями, районами и общинами, свидетельствовало о том, что наш Союз приобретает все больший вес.

По сравнению с другими ведущими коммунальными объединениями мы оказались впереди, возрос и наш авторитет во внутривнутриполитической области. Число членов, примкнувших к Союзу, постоянно увеличивалось, членские взносы вносились теперь уже в твердой валюте. Как депутат рейхстага я получал оклад и к тому же имел право бесплатного проезда по всей Германии, что при моих частых поездках было важным преимуществом. Наконец материальные заботы, которыми мы были обременены, начали медленно отступать.

Рождественские дни 1924 года я провел, как всегда, в Пресселе. Конец года выдался спокойный, и я мог с радостью заняться моими двумя чистокровными кобылами и всем хозяйством, а также поохотиться. План Дауэса, вокруг которого разгорелись такие страсти, был принят. Было создано Общество имперских железных дорог и Промышленный банк, подписка на заем для германской промышленности за несколько часов превысила первоначально намеченную сумму, концерны и тресты получили, таким образом, много миллиардов марок долгосрочных и краткосрочных кредитов. Поистине казалось, что над страной взошло долларовое солнце, как это было изображено на карикатуре в газете «Форвертс».

Возня вокруг кандидатуры Гинденбурга

В конце февраля 1925 года Фридрих Эберт скоропостижно скончался от тяжелого приступа аппендицита. Эберт — председатель Социал-демократической пар-

тии — стал в 1919 году первым германским президентом и с тех пор занимал этот высокий пост. В то время я считал его человеком, имевшим большие заслуги в деле восстановления стабильности молодой республики и оздоровления ее экономики. Его правление ознаменовалось такими событиями, как капшовский путч и путч Лютвитца, энергично подавленные благодаря тому, что рабочий класс действовал сплоченно и решительно; в тот же период рейхсвер беззастенчиво расправился с рабочими правительствами в Саксонии и Тюрингии. Злобные нападки на Эберта со стороны сторонников правого крыла Немецкой национальной партии и Народной партии свободы я тогда отклонял как неправильные и даже подлые.

Сегодня фигура Эберта представляется мне в другом свете. Мысленно обозревая путь Веймарской республики вплоть до горького конца в 1933 году, я не могу не отметить, что роковой союз тогдашнего президента Эберта с верховным командованием армии в ноябре 1918 года с самого начала неблагоприятно отразился на судьбе республики, привел к тяжелым последствиям для национальных интересов нашего народа.

Итак, в 1925 году было необходимо найти достаточно представительного преемника для покойного президента. Партии выдвинули свои кандидатуры, но ни одна из них не собрала в первом туре необходимого большинства голосов — ни бывший рейхсканцлер Вильгельм Маркс от партии Центра, ни выдвинутый социал-демократами Отто Браун, ни обер-бургомистр Дуйсбурга и бывший министр финансов Карл Яррес, которого предложили Немецкая национальная и Немецкая народная партии. Коммунисты, выдвинувшие кандидатуру Эрнста Тельмана, также не добились успеха. Кандидаты от более мелких партий вообще сразу выбыли из игры. Понадобился, таким образом, второй тур.

Деятели, группировавшиеся вокруг графа Вестарпа, представители аграрного крыла и мы, молодые члены фракции, предложили выдвинуть кандидатуру человека, более или менее близкого к нам, человека, обладавшего громким именем и способного объединить вокруг себя широкие круги германского народа независимо от партийных споров. Решение пало на кандидатуру бывшего генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, пожилого человека, последнего начальника верховного коман-

дования армии в кайзеровских вооруженных силах. В годы мировой войны он был овеян славой как победитель битвы при Танненберге и считался — хотя и не в смысле формальной партийно-политической принадлежности — сторонником правых партий. Гинденбург был почетным председателем организации «Стальной шлем» («Штальхельм»), так называемого Объединения солдат-фронтовиков, который поддерживал Немецкую национальную и Немецкую народную партии. Руководили «Стальным шлемом» Франц Зельдте (Немецкая народная партия) и отставной подполковник Дюстерберг (немецкая национальная народная партия). Решение выдвинуть кандидатуру Гинденбурга уже само по себе было свидетельством того, насколько укрепились к тому времени позиции правых сил. Я не был особым поклонником высших офицеров, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, считал решение правильным, не отдавая себе отчета в его возможных последствиях.

Сначала казалось сомнительным, что семидесятилетний Гинденбург согласится баллотироваться на пост рейхспрезидента. Отставной генерал проживал на покое в Ганновере и заявил, что намерен остаться там до конца своих дней. В апреле 1925 года к нему отправились бывший гросс-адмирал Альфред фон Тирпитц, в то время депутат рейхстага от Немецкой национальной партии, генерал-фельдмаршал в отставке фон Макензен и Ганс фон Шланге-Шенинген. Они сумели уговорить Гинденбурга дать согласие на выдвижение своей кандидатуры на предстоящих выборах. В имперском министерстве обороны, конечно, очень одобряли этот шаг престарелого фельдмаршала.

Во втором туре в конце апреля, где, кроме Гинденбурга, баллотировались бывший рейхсканцлер Маркс и Эрнст Тельман, экс-фельдмаршал собрал наибольшее количество голосов и тем самым стал президентом. Его кандидатуру единодушно поддержал также Земельный союз; на многочисленных собраниях я агитировал за Гинденбурга.

Майор фон Шлейхер был доволен.

— Без сомнения, Гинденбург воспрепятствует дальнейшему сдвигу влево — заметил он в разговоре со мной. — Правда, сомнительно, — продолжал Шлейхер, — сумеет ли он надолго удовлетворить правые элементы. Старик слишком религиозен, он примет всерьез свою

присягу в верности конституции. Мы не должны ожидать от него самостоятельных политических действий в более широком смысле этого слова. Главное, чтобы президент не подпал под влияние некоторых лиц в его окружении, как это случилось с кайзером. Но тут я уж приму свои меры.

Шлейхер, по-видимому, имел в виду сына фельд-маршала Оскара фон Гинденбурга, который, как и Шлейхер, служил в бывшем гвардейском пехотном полку в чине подполковника и в то время состоял адъютантом при отце.

«За» и «против» Советской России

Хотя члены и сторонники Немецкой национальной пародной партии и Немецкой народной партии выступали единым фронтом за избрание Гинденбурга, противоречия в двух фракциях в рейхстаге все более обострялись. Доктор Штреземан стремился к тому, чтобы создать противовес Рапалльскому договору, заключенному в 1922 году с Советской Россией, и вовлечь Германию в политический союз с западноевропейскими странами. Группа генералов, занимавших ведущие позиции в рейхсвере, в том числе генерал Сект — начальник политического отдела «Т-Ш», руководимого Шлейхером, высказывали сильные сомнения в целесообразности такой односторонней западноевропейской ориентации. К этому кругу относились также адъютант Шлейхера Винценц Мюллер*, Курт фон Хаммерштейн-Экворд, Курт фон Бредов, Ойген Отт, Эрвин Планк, Эрих Маркс и Ганс Геннинг. Шлейхер поддерживал дружеские отношения с рядом ведущих промышленников, такими, как Отто Вольф, Тило фон Вильмовски, Крупп фон Болен унд Гальбах, Вильгельм Регенданц,

* Винценц Мюллер — генерал, во время второй мировой войны был начальником штаба 4-й германской армии. Летом 1944 года 4-я армия была окружена советскими войсками в Белоруссии. Оказавшись в безнадежном положении, Винценц Мюллер отдал своей армии приказ о капитуляции. После второй мировой войны Винценц Мюллер стал видным деятелем ГДР, начальником штаба Национальной армии Германской Демократической Республики. В 1961 году генерал Винценц Мюллер скончался.

Ганс Кремер, Петер Клекнер, а также с бывшим имперским министром экономики фон Раумером, Робертом Катценштейном из компании «Даймлер-Бенц», Аугустом фон Борзигом и Карлом Дуисбургом.

Эти промышленники были очень заинтересованы в торговле с Советским Союзом и поддерживали линию на более тесные отношения с СССР, которая была определена в Рапалло * Ратенау и Виртом **. При этом они никак не отказывались от своего враждебного отношения к советскому строю. В министерстве иностранных дел линию на развитие Рапалльского договора энергично поддерживали фон Мальцан и Герберт фон Дирксен, а также немецкий посол в Москве граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау. В Рапалло я и мои друзья видели продолжение тех традиционно хороших германо-русских отношений, которые существовали со времен Таурогена *** и договора о «взаимных гарантиях» Бисмарка. Во фракции Немецкой национальной партии в рейхстаге существовала и небольшая группа политиков, куда входили профессор Отто Гётч, барон фон Вангенхейм и депутат от Земельного союза Дебрих, которые — как и я — добивались еще большей прорусской ориентации внешней политики Германии.

Штреземан полагал, однако, что подобного рода устремления, направленные на улучшение германо-советских отношений, нежелательны. После принятия плана Дауэса он пытался достигнуть политического соглашения с Францией и Англией. Находясь в плену антикоммунистических предубеждений, Штреземан энергично отклонял всякие ссылки на договор 1887 года о «взаимных гарантиях», автором которого был Бисмарк; разумеется, этот договор неизменно фигурировал в наших призывах к проведению такой восточной поли-

* В пригороде Генуи Рапалло в 1922 году был подписан Рапалльский договор между Советской Россией и Германией; привел к взаимному признанию государств. Для Советской России Рапалльский договор означал прорыв внешнеполитической блокады и выход на широкую международную арену.

** Вирт, Иозеф (1879—1958). Рейхсканцлер Германии в 1921—1922 годах. Содействовал заключению Рапалльского договора.

*** В 1812 году прусский генерал Йорк фон Варнебург подписал в Таурогене (Таураге, Литовская ССР) с русским генералом Дибичем конвенцию, по которой прусский вспомогательный корпус, входивший в наполеоновскую армию, объявлялся нейтральным.

тики, которая служила бы национальным интересам Германии. Штреземан все время подчеркивал, что не следует ставить знака равенства между нынешней и старой Россией.

Словом, Штреземан при поддержке своей собственной Немецкой демократической партии, партии Центра и СДПГ проводил политику форсированных соглашений с западными державами. В Локарно, маленьком курортном городке на озере Лаго Маджиоре, в первой половине октября 1925 г. он провел переговоры со своим французским коллегой Аристидом Брианом, англичанином Остином Чемберленом, бельгийцем Эмилем Вандервельде и итальянцем Бенито Муссолини. Локарнское соглашение, заключенное в результате этих переговоров, не могло не нанести ущерб договору в Рапалло. В то время как германо-французская и германо-бельгийская границы были торжественно гарантированы, инициаторы Локарно сознательно оставили открытым вопрос о германских восточных границах. Это служило явным поощрением для националистически настроенных элементов в Германии, которые по-прежнему выступали за ревизию границ, установленных в 1919 году в Верхней Силезии и Западной Пруссии.

Возникли опасения, что Штреземан слишком поддался влиянию Бриана и других участников Локарно и дал вовлечь себя в единый фронт борьбы против большевизма. Подобная политика должна была нанести тяжелый урон германо-советским отношениям. На эту тему у меня состоялась другая беседа с графом Брокдорф-Ранцау во время его пребывания в Берлине летом того же года. Мои сомнения относительно целесообразности политики Штреземана к этому времени стали разделять фон Вильмовски и даже граф Вестарп. Лично моя позиция была совершенно ясна: хорошие отношения с Советской Россией казались мне абсолютно необходимыми и исходя из нашего политического и географического положения и в соответствии с добрыми традициями времен освободительной войны 1813—1815 гг. вплоть до бисмарковского периода. Сотрудничество двух великих государств всегда благоприятно сказывалось на судьбах мира в Европе. К тому же антикоммунистические аргументы не могли произвести на меня ни малейшего впечатления, так как еще в Торгау я на собственном опыте убедился, что коммунисты —

честные патриоты. К сожалению, во фракции меня поддерживали всего лишь несколько друзей из Земельного союза, я находился в безнадежном меньшинстве. Все чаще передо мной возникал вопрос, не целесообразно ли было бы мне и моим единомышленникам порвать с фракцией и тем самым с партией в интересах более эффективной защиты нашей линии. Но подобный шаг должен был созреть, к нему следовало хорошо подготовиться, в частности учитывая предстоящий конгресс земельных общин.

В конце концов требования тех промышленников, которые стремились к расширению торговли с Советским Союзом, а также оппозиция в руководстве рейхсвером среди упомянутых выше дипломатических кругов и в собственном министерстве повлияли на Штреземана. К этому следует добавить, что перед отъездом Штреземана в Локарно советский министр иностранных дел Чичерин еще раз указал на опасности, которые таит в себе односторонний союз с Англией и Францией для германо-советских отношений. В результате в октябре 1925 года был заключен договор о торговле и экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, основанный на принципах взаимной выгоды. В Локарнский договор была включена статья, согласно которой Германия могла быть принуждена — во всяком случае, в договорном порядке — к участию в антисоветской военной коалиции.

В это время не только коммунисты, но и немало людей почти во всех партиях выступали за германо-советское сближение. Так называемые «посланцы в Россию» — рабочие, избравшиеся на открытых собраниях предприятий, — летом 1925 года совершили поездку в Советский Союз. После возвращения они выступали с рассказами об экономическом строительстве в СССР, которое произвело на них большое впечатление. Рабочие беседовали с немецким послом в Москве графом Брокдорф-Ранцау. Они рассказали о его точке зрения, заключавшейся в том, что настоятельно необходимо достигнуть взаимопонимания между немецким и русским народами. Такие настроения, распространялись среди самых широких слоев населения, они явственно ощущались и в общинах, входивших в наш Союз. В то же время росла активность советской дипломатии, и вот в этой-то обстановке Штреземан в апреле 1926 года

подписал так называемый Берлинский договор,— договор о дружбе и нейтралитете. Со стороны СССР под договором стояла подпись Крестинского*. Договор отчасти парализовал антисоветскую направленность локальных соглашений, но действие его было ограничено сроком в пять лет. Показательным для настроений, господствовавших в то время в Германии, был тот факт, что рейхстаг утвердил Берлинский договор почти единогласно. Профессор Гётч, выступивший от имени фракции Немецкой национальной партии, ясно выразил мнение нашего крыла, заявив, что договор создал как бы противовес Локарно.

Заботы объединения

За длительными дискуссиями в рейхстаге нельзя было забывать и о работе по дальнейшему объединению земельных общин. Трудности в этом вопросе все еще существовали, в частности в Вестфалии, в Рейнской области и в Восточной Пруссии. В Вестфалии и в Рейнской области сохранились так называемые цеховые объединения сельских граждан, возникновение которых уходит своими корнями в историю. Их функции были сходны с функциями управления государственных округов в прусских провинциях; оно осуществляло надзор над органами самоуправления общин, входивших в эти округа. Сельские общины, управлявшиеся на общественных началах, были очень часто недовольны опекой со стороны назначавшихся сверху сельских бургомистров. Большое число этих общин примкнуло к нашему Союзу в надежде на то, что они получат поддержку в борьбе против своих бургомистров. Я поэтому считал нужным сам выступить в различных районах, но серьезных успехов мы не достигли. Бургомистры просто-напросто сокращали бюджеты своих общин как раз на ту сумму, которую общины намеревались вносить после вступления в наш Союз.

В сложившейся ситуации это было труднопреодолимым препятствием. Конечно, можно было бы попытаться

* Н. Н. Крестинский — советский дипломат, полпред СССР в Германии, затем заместитель Народного комиссара иностранных дел.

ся ликвидировать его, внося запросы в прусский ландтаг и фиксируя внимание общественности на том факте, что в Пруссии пренебрегают демократическими принципами самоуправления. Можно было также добиться принятия резолюций в пользу отмены такой системы в соответствующих районах и провинциях. Но такого рода деятельность, за которую выступали особо воинственные круги в нашем Союзе, потребовала бы много времени и сил, кроме того, нам пришлось бы вступить в конфликт не только с сельскими бургомистрами, но также с частью католических священников в Рейнской области.

На собрании в Рейнской области, куда я явился вместе с моим другом Беттге и фон Бодунгеном из Померании, я высказал ту точку зрения, что подобная борьба отнимет у нас слишком много времени и отвлечет нас от более важных вопросов. Я выразил надежду, что нам удастся «заставить отступить» заупрямившиеся провинции, как только мы достигнем (в этом и состоит моя цель) объединения всех общин (в том числе и на непрусских землях) в единую германскую земельную организацию.

Вдохновленные примером Союза прусских земельных общин, быстро развивавшегося на непрусских землях, объединения земельных общин возникали и в других провинциях. У меня появились друзья в Баварии, Вюртемберге, Бадене, Ольденбурге, Брауншвейге, Тюрингии и Саксонии, надежда на создание Германского конгресса земельных общин никогда не покидала меня. Сельские бургомистры в Вестфалии и в Рейнской области, которые образовали свой собственный союз — Прусский союз земельных общин Запада, — не могли вечно оставаться в изоляции; рано или поздно они должны были примкнуть к Германскому конгрессу земельных общин, отказавшись от изнурительной борьбы с нами.

Но для этого необходимо было прежде всего придать нашему Союзу прусских земельных общин стройную организацию и завоевать для него в Берлине такие позиции, что вопрос о том, кто же будет руководить впрямь Германским конгрессом земельных общин, сам по себе решился бы в пользу нашего Союза.

Дополнительные заботы мне доставляла теперь только Восточная Пруссия. Люди там были молчаливы, их

было труднее увлечь, нежели жителей других провинций, зато, если их удавалось уговорить, им можно было полностью доверять. Председателем Восточнопрусского провинциального союза был общинный председатель Немонина Герман Миккин, а его близким сотрудником — фон Шульцем из Градка, представитель государственных и помещичьих округов. Герман Миккин был одним из самых примечательных деятелей в нашем Союзе — он представлял собой диковинную смесь между прусским кирасиром и литовским крестьянином. Мне не понравилось, что на средства Союза он приобрел большую машину, тем более что приобретение это было сделано за счет членских взносов, которые надлежало передать в центральный Союз.

Миккина я посетил в его крытом камышом доме в общине Немонин. После обеда мы отправились охотиться на диких уток в лиманах, а вечером этот трудный, но достойный уважения человек обещал мне пунктуально переводить членские взносы в Берлин. В свою очередь я признал, что, учитывая большие расстояния между общинами в Восточной Пруссии, ему необходима машина. Миккин сдержал слово, он, как и вообще все уроженцы Восточной Пруссии, которых я знал, был человеком слова. Впоследствии он стал одним из моих самых надежных помощников в Германском конгрессе земельных общин. Миккин сообщил мне, что труднее всего продвигается дело в районе Ангерсбург и в соседних районах. Несмотря на все его усилия, ни одна из общин и ни один из государственных и помещичьих округов не присоединился в этих районах к Союзу. Он предложил на следующий день поехать на машине к графу Лендорфу в Штейнорте, который имел обширные земельные владения в районе Ангерсбург и в соседних районах.

Итак, уже на следующее утро мы отправились в Штейнорт; прибыли мы туда днем. Кароль граф Лендорф-Штейнорт, пожилой холостяк, камергер последнего кайзера, предпринял в свое время дорогостоящие кругосветные путешествия, что чуть не привело к учреждению над ним опеки — наследники хотели объявить графа невменяемым. Наш хозяин оказался на редкость гостеприимным, он предложил нам провести несколько дней в Штейнорте. После обильного угощения я попросил графа Лендорфа присоединиться к на-

шему Союзу и порекомендовать всем арендаторам других его поместий и председателям сельских общин, с которыми он, конечно, хорошо знаком, последовать его примеру. На следующее утро я намеревался с помощью Миккина собрать председателей сельских общин в Ангерсбурге и выступить перед ними.

— Можете не беспокоиться, — заметил граф Лендорф, с которым мы до этого часто встречались на скачках в Хоппегартене, — я свяжусь по телефону с моими арендаторами и с некоторыми общинными председателями. Уверен, что все они присоединятся к вашему Союзу. Пусть Миккин поедет завтра утром в Ангерсбург, этого вполне достаточно. А вы оставайтесь здесь, я хочу показать вам прекрасный лес Штейнорта, а главное — моих чистокровных скакунов.

После дотошного осмотра имения мы засиделись далеко за полночь.

Несколько часов сна, и Герман Миккин отправился в Ангерсбург, где и впрямь все земельные общины, государственные и помещичьи округа единодушно присоединились к Союзу; кроме того, представители соседнего района пообещали добиться того же у себя. В дальнейшем наш Союз никогда не испытывал затруднений в этой части Восточной Пруссии. На следующее утро граф Лендорф повез меня в карете, запряженной чистокровными рысаками, в чудесный лес Штейнорта, который вполне можно назвать Эльдорадо для охотников. Много позже — старого графа Кароля Лендорфа уже давно не стало — Гитлер велел устроить в поместье Лендорфа свою военную ставку «Вольфшанце».

После возвращения из леса Лендорф показал мне свою конюшню. У него было восемнадцать чистокровных лошадей и припускной жеребец Финдлинг — отличный экземпляр, сын Фервора, показавшего выдающиеся результаты на скачках. Лошади графа мне очень понравились, годовалые кобылы и жеребята также выглядели отлично. Когда мы вернулись домой, граф Лендорф заметил, что каждый дорогой гость в его поместье должен принять небольшой подарок от него. Я спросил, какого рода подарки предусматривают традиции Штейнорта, и граф сказал, что кронпринц, например, обнаружив, что у него нет спичек, получил в подарок коробку спичек, а князь Донау-Шлобиттен — пачку сигарет. Против таких подарков трудно было

возразить, поэтому я заранее обещал принять дар гостеприимного хозяина Штейнорта. После чего у нас завязался оживленный разговор о достоинствах тех или иных лошадей из конюшни графа — мы как специалисты-коневоды хорошо понимали друг друга. Посреди разговора я заметил, что кобыла Ханна, несмотря на ее возраст, кажется мне самой ценной кобылой на его конном заводе.

— Я полностью разделяю ваше мнение, — сказал Лендорф. — Ханна отныне принадлежит вам. Надеюсь, она пополнит вашу небольшую коллекцию чистокровных лошадей в Пресселе. Никаких возражений. Вы сами только что обещали принять от меня любой подарок.

Все мои доводы не помогли; вскоре кобыла была доставлена в Прессель. Ханна принесла мне впоследствии очень красивого жеребца Хартенфельса, от Лампоса. К сожалению, Хартенфельс стал жертвой несчастного случая.

Прощаясь со мной, граф Лендорф взял у меня обещание принять участие в одной из его замечательных охот на диких уток на озере Мауэрнзее, на которую ежегодно приглашались всего лишь восемь стрелков. Охота на диких уток, устраиваемая Лендорфом, по праву считалась самой примечательной во всей Восточной Пруссии.

«Королева красоты»

Союз в Берлине успешно расширялся, и работы у нас становилось все больше. Число сотрудников возросло с трех до тридцати четырех и в доме на Потсдамерштрассе, 22-а, мы заняли уже несколько этажей. К счастью, мне удалось заполучить такого ценного сотрудника, как Штадтке. В первую мировую войну он был командиром подводной лодки, потом учился и работал в одной из крупных общин. Штадтке быстро освоился с работой в Союзе и вскоре был назначен генеральным секретарем Союза прусских земельных общин. Он обладал явно выраженным ораторским даром, и я смело посылал его вместо себя на многие собрания в районы.

Мы отлично уживались друг с другом, и Штадтке сохранил мне верность даже в нацистское время, он погиб во второй мировой войне. Юрисконсультom Союза у Штадтке работал знаток юриспруденции Штейнберг; он ведал многочисленными правовыми вопросами, возникавшими у общин и разрешавшимися центральным Союзом. В среднем к нам приходило пятьсот запросов в день, так что Штадтке и Штейнбергу требовались дополнительные служащие. Функции главного бухгалтера выполнял Фрейганг, которого я в свое время, в начале моей деятельности в Союзе, привлек к работе в Берлине. Две мои секретарши работали посменно, так как я рано приходил к себе в бюро. Секретарша, дежурившая с утра до обеда, имела полную нагрузку; вторая секретарша была занята с обеда до вечера. Однако для политической деятельности в рейхстаге мне понадобилась третья секретарша, иначе я не справлялся с личной перепиской, которая все возрастала. Одна из моих секретарш, фрейлейн Гильдегард Геккер, явилась ко мне однажды в прекрасном настроении и сообщила, что накануне вечером ее избрали «королевой красоты» Берлина. Я поздравил ее, осведомился о составе жюри и заметил, что такой выбор вполне соответствует славе и значению нашего Союза. Однако я не подозревал, сколько поклонников-мужчин будут осаждать в дальнейшем дом на Потсдамерштрассе, 22-а: Юльхен — так звали «королеву красоты» ее друзья, — несмотря на свой новый чин, осталась исполнительнои, надежной секретаршей.

Там, где правил Ольденбург-Янушау...

Летом 1925 года я снова посетил Восточную Пруссию, предварительно попросив Миккина собрать ежегодный съезд провинциального союза в Кенигсберге, на котором хотел выступить с основным докладом — так же, впрочем, как и на съездах всех других провинциальных союзов. Собрание депутатов Восточнопрусского союза, весьма мощного к тому времени, открылось отчетом Миккина — представителя сельских общин — о проделанной в Восточной Пруссии работе. Потом вы-

ступил Ольденбург-Янушау — представитель государственных и помещичьих округов. Это была весьма типичная личность для восточнопрусских крупных землевладельцев. Уже в кайзеровское время Ольденбург-Янушау был одним из самых известных архиконсервативных депутатов рейхстага. Раньше он был одновременно депутатом прусского парламента и верхней палаты. Ему принадлежат известные слова (он произнес их в рейхстаге накануне первой мировой войны): «Одного лейтенанта и десять солдат вполне достаточно, чтобы — если кайзер захочет — отправить весь парламент по домам». Таким образом прусский помещик выразил свое глубокое презрение к парламентскому строю. Как бы то ни было, но фон Ольденбург — его кратко называли «янушауэц» — с формальной точки зрения был самым блестящим оратором, какого мне доводилось слышать. Особенно красноречив он становился тогда, когда говорил о Восточной Пруссии. Весь облик Ольденбурга, а также знание местного говора способствовали его ораторским успехам. Этот господин говорил кратко, ибо его девиз гласил: «Хорошая речь должна быть краткой и оскорбительной». Действие его выступления на съезде было потрясающим. Примерно четыреста депутатов поднялись со своих мест, начали аплодировать как сумасшедшие и кричать «хайль». Некоторые ножками стульев стучали об пол; многие депутаты прямо-таки пришли в экстаз.

Ничего подобного я никогда не видел и считал это вообще невозможным в наш век. Хорошо еще, подумал я, что фон Ольденбург находится далеко от Берлина и что в данном случае он приносит пользу — мне не хотелось бы иметь его своим противником. В конце концов Миккину удалось водворить спокойствие и предоставить слово мне.

Как правило, я никогда не испытывал сердцебиения перед серьезными и даже очень важными докладами, но теперь я чувствовал себя явно не в своей тарелке, тем более что предпочитал выступать без шпаргалок, считая это гораздо более действенным. Я не любил читать заранее подготовленные рефераты, такие выступления действовали на аудиторию усыпляюще. Напротив, живая речь убеждает гораздо больше, даже если не каждая формулировка столь уж отточена. Зато слушатели понимают, что оратор говорит от всего сердца.

Хорошо, что «янушауэц» в конце своей речи призвал Союз прусских земельных общин и всех его членов выступить в поддержку президента Союза доктора Гереке. После таких бурных аплодисментов произносить пространную речь на тему о справедливом распределении финансового бремени и расходов и на другие столь же прозаические темы было нелегким делом. Не мудрено, что мне пришлось преодолеть свое смущение. В конце концов я все же справился с докладом. По моим тогдашним представлениям съезд восточнопрусских депутатов прошел очень успешно.

После собрания мы на машине отправились в Штейнорт, я хотел выполнить свое обещание и прибыть точно к началу охоты на диких уток. Большинство гостей оказалось уже в сборе, среди них был известный лошадиник граф Зигфрид Лендорф; в тот период, когда я служил в Торгау, он был ландшталмейстером (земельным конюшим) в Градитце, а теперь занимал ту же должность в знаменитом Тракенене; я увидел также графа Манфреда Лендорфа-Прейла, владельца конного завода и большого имения (после 1945 года он стал руководителем известного конного завода в Реттегене, близ Кёльна). Из далекого Мюнхена приехал форстрат (старший лесничий) Эшерих. Во время первой мировой войны он руководил обширным заповедником на оккупированной германской армией польской территории, а после Ноябрьской революции 1918 года стал главарем одной из праворадикальных, милитаристских банд в Баварии. О деятельности организации Эшериха, известной под названием «Оргэш», уже тогда ходили самые дикие слухи, которые позже, увы, подтвердились полностью. Еще со времени первой мировой войны у Эшериха сохранились тесные личные связи с Гинденбургом, и он часто посещал президента в Берлине.

Ужин перед охотой на уток в Штейнорте был, как всегда, обильным, но еще более обильными были возлияния за ужином. Беседы гостей вращались исключительно вокруг охотничьих историй, обсуждались также различные сельскохозяйственные вопросы.

Далеко за полночь граф Зигфрид Лендорф сказал дяде, что он намерен лечь спать, ведь утром надо чувствовать себя здоровым и иметь твердую руку. Но на старого Штейнорта эти слова не произвели ни малейшего впечатления.

— Все вы здесь моложе меня,— сказал он,— и, пока я на ногах, вы тоже должны бодрствовать. У меня в погребке еще сохранилось несколько добрых бутылок вина. А завтра утром я вас всех велю разбудить вовремя и вы будете как стеклышко.

На рассвете за столом осталось всего трое гостей — старший лесничий, управляющий и я,— как самому молодому, мне было неловко удалиться без спроса. Наконец слуга Штейнорта — странный тип с бакенбардами — проводил меня в мою комнату; бросившись на мягкую пуховую постель, я тут же погрузился в глубокий сон. Вскоре, однако, я проснулся от стука в дверь. В комнату вошел слуга с большим тазом для мытья ног и с ведром воды, которые он поставил у моей кровати.

— Господин граф приказали сделать господину президенту холодное обтирание.

— Благодарю. Я помоюсь сам.

— В Штейнорте приказы господина графа выполняются неукоснительно.

— А старшему лесничему тоже приказано сделать холодное обтирание?

— Господин граф приказал сделать вам холодное обтирание, а господину старшему лесничему дополнительно еще холодный душ.

Что мне оставалось? Покорно встав в таз, я перенес всю процедуру «омовения» — сначала меня облили ледяной водой, а потом основательно вытерли. Мне было любопытно, что произойдет в соседней комнате. Вскоре за стеной послышался стук — слуга тащил таз и ведро для моего соседа. Потом раздались громкие ругательства — никогда в жизни я не слышал столько отборных баварских ругательств. Однако все это не помогло, я услышал шум льющейся воды, а потом еще одно самое крепкое ругательство: в эту минуту старшему лесничему в соответствии с приказом графа сделали душ — вылили на голову ведро воды. Зато все мы вовремя собрались к завтраку. Штейнорт был в прекрасном настроении; он заявил, что ему необходимо было привести своих гостей в хорошую форму, иначе после бессонной ночи они бы пропустили слишком много уток.

Охотились мы на огромном озере Штейнорта, окруженном широкой полосой камыша. В камышах были проложены широкие просеки. Охотники поплыли на

четыре лодках, по два человека в каждой. Потом лодки встали в середине просеки — большая армия загонщиков гнала туда уток. Наиболее выгодные позиции оказались у охотников, занявших первую просеку, — здесь расположились Лендорф-Прейл и старший лесничий Эшерих; которые слыли особо меткими стрелками. В начале охоты лодку, где я был с графом Зигфридом Лендорфом, отвели на четвертую просеку; сам Штейнорт беспрерывно объезжал озеро на моторной лодке и зорко наблюдал, в какой из четырех просек отстреливают наибольшее количество уток. Через большой рупор он отдавал соответствующие распоряжения. Охотники, которые совершили меньше всех промахов, переводились на лучшие позиции и занимали их при очередном отстреле, для которого прокладывались четыре новые просеки. Так продолжалось до перерыва на обед, приготовленного на большом острове Упалтен. После обеда — спиртных напитков на нем не подавалось, если не считать грога для загонщиков, — охота продолжалась в еще более быстром темпе. Теперь меня и графа Зигфрида Лендорфа поместили на первой просеке, поскольку у нас оказалось меньше всего промахов. «Утиной благодати» после обеда было еще больше, чем до него. К концу охоты выяснилось, что на мою долю пришлось сто восемьдесят две кряквы и чирка-свистунка. Но вся грудь у меня была в синяках от отдачи охотничьего ружья, которая, как известно, тем сильнее, чем слабее — из-за боли — прижимаешь ружье к груди.

К счастью, к вечеру устал даже Штейнорт, так что мы рано легли спать. На следующее утро охота продолжалась. Лодки были к тому времени подогнаны к новым просекам, и нас, восьмерых стрелков, расположили в соответствии с результатами предыдущего дня. «Утинная благодать» казалась нескончаемой. Над нашими головами беспрерывно проносились большие стаи, из которых, в лучшем случае, можно было подстрелить две утки. К концу второго дня наши трофеи достигли тысячи четырехсот пятидесяти уток; всего на мою долю пришлось триста двенадцать уток. Тем самым я с большим опережением стал «королем охоты». В дальнейшем я неоднократно получал приглашения на охоту в Штейнорт, но у меня просто не хватало времени, чтобы принять эти приглашения.

Неудачливый проситель и проблема залога

Я мог быть вполне довольным делами в Союзе. Но мне все более не хватало печатного органа, находящегося под моим контролем. Правда, Бруно Крей продолжал выпускать журнал «Земельная община», читатели которого существенно помогли мне при создании Союза прусских земельных общин. Издание нового органа потребовало бы значительных средств, которых у нас не было, к тому же нам неизбежно пришлось бы вступить в длительную борьбу с журналом Крея, у которого был обширный круг читателей.

Я решил вновь начать переговоры со стариком Креем — пусть уступит мне газету. Крей потребовал большую компенсацию, но самое худшее заключалось в том, что он отказался принять гарантийное обязательство от Союза; Крей требовал, чтобы такого рода обязательство я дал ему лично. Он категорически заявил, что никакая гарантия со стороны Союза его не устраивает, ведь в один прекрасный день Союз может обанкротиться или в нем могут произойти перемены. Крей имел при этом в виду Союз прусских земельных обществ, после его создания были распушены три существовавших до этого объединения. Да, Крей оказался трудным партнером, он постоянно твердил, что Союз — дело моих рук и, если я уйду, он вновь может распасться или разделиться на составные части. Поэтому, коль скоро я хочу достигнуть соглашения, то лично должен дать гарантию, что его условия будут выполнены. Крей требовал, чтобы до конца жизни ему ежегодно выплачивали по 15 тысяч марок, ответственность за выплаты должен был нести я. С возрастом Крей становился все более упрямым; я понял, что от своих требований он не отступит. Что делать? Пойти на создание нового журнала? Это наверняка принесет одни убытки. Куда проще перекупить «Земельную общину» Крея и полностью перестроить ее; кроме того, на это уйдет меньше времени. Я пытался уговорить нескольких помещиков, занимавших должности руководителей государственных и помещичьих округов; мне надо было, чтобы они взяли под залог своего имущества определенную сумму для покрытия требований Крея. В крайнем случае ею можно было бы обес-

печить ежегодные выплаты Крею 15 тысяч марок. Было бы достаточно согласиться обеспечить Союзу ипотеку размером в сто тысяч марок. К сожалению, повсюду я встречал отказ.

Но трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать. Итак, я решил взять требуемую гарантийную сумму под залог собственного имущества в Пресселе. Когда я об этом завел разговор с матерью, она пришла в ужас. Ее доводы не были лишены оснований, ибо Прессель и так уже был обременен ипотекой в размере тридцати тысяч марок, которую мой отец переписал на себя при покупке Пресселя. Вся оценочная стоимость Пресселя составляла при этом 131 тысячу марок. Словом, если бы я захотел выполнить требования Крея, мне пришлось бы заложить Прессель, так сказать, со всеми его потрохами, до труб на крыше. С правовой точки зрения, как единственный владелец Пресселя, я мог бы сделать это без спроса. Но мне не хотелось поступать наперекор матери, ибо превыше всего я ценил семейный мир. Я ведь очень многим был обязан матери: позже я даже расторг из-за нее помолвку, настолько с ней считался.

Наконец мне удалось успокоить мать ссылкой на то, что залог понадобится мне, возможно, лишь на несколько лет; как бы то ни было, я всегда смогу обеспечить ей безбедную жизнь в Пресселе — даже в неурожайные годы, когда хозяйство потребует дополнительных затрат. Ипотека была официально зарегистрирована. Крей получил свои первые пятнадцать тысяч марок, «Земельная община» перешла ко мне и была полностью реорганизована.

Несмотря ни на что, я добился своей цели. Заключив соглашение с Креем и заложив имение, я стал владельцем собственного журнала, органа Союза прусских земельных общин, который не стоил Союзу ни пфеннига; издателем числился я. А это существенно укрепляло мои позиции.

Будучи редактором журнала и начальником отдела печати Союза, я привлек к работе доктора Готхольда Мюлнера, двоюродного брата одного из крестьян в Пресселе, человека необычайно расторопного, с которым у меня были наилучшие отношения. Впоследствии он часто сопровождал меня на большие собрания, обладая редким даром — умел составлять конспекты выступле-

ний, которые, после того как я произносил речь (не заглядывая в конспект), передавались представителям печати.

В комиссии рейхстага по налогам

В Веймарской республике не существовало ни одного по-настоящему стабильного правительства, которое продержалось бы у власти весь тот срок, на который распространялись полномочия парламента данного созыва. На повестке дня всегда стоял вопрос об очередном внутривполитическом кризисе; в большинстве случаев он приводил к образованию нового имперского правительства. И вот в мае 1926 года рейхсканцлер Лютер и его кабинет, в котором были министры от нашей Немецкой национальной партии, подали в отставку. Член партии Центра рейхсканцлер Маркс образовал новый, третий по счету, кабинет из представителей Немецкой народной партии, Центра и Немецкой демократической партии. Этот кабинет подвергся ожесточенным нападениям, особенно со стороны социал-демократической фракции. Целью этой партии, как меня уверил впоследствии министр-президент Пруссии Отто Браун, было образовать правительство большой коалиции с участием СДПГ. Для своих нападков бывший социал-демократический рейхсканцлер Шейдеман использовал прорусскую ориентацию Шлейхера и Хаммерштейна-Экворда. В тщательно подготовленной речи в рейхстаге в декабре 1926 года Шейдеман позволил себе ожесточенные антисоветские выпады, чем нанес большой ущерб германо-советским отношениям. Шейдеман хотел любой ценой протащить вотум недоверия правительству. В перерыве Шлейхер встретился со мной. К тому времени его отдел в штабе рейхсвера превратился в общеармейский отдел, а сам он стал подполковником. Шлейхер отметил, что весьма прискорбно наблюдать за тем, как социал-демократы беззастенчиво ставят на карту национальные интересы, лишь бы попасть в правительство. Мне как депутату выступление Шейдемана также показалось по меньшей мере глупым, не следовало затруднять и без того сложные германо-советские отношения. Но с точки зрения внутривполитической возни-

кала ситуация, при которой НННП опять могла войти в правительство. По этой причине мы поддержали вотум недоверия, внесенный социал-демократической фракцией. Канцлер Маркс, которому Гинденбург вновь поручил образовать правительство, должен был принять решение, за счет каких сил — правых или левых — он будет расширять свой будущий кабинет, Маркс высказался в пользу коалиции из представителей Центра, НННП и Немецкой народной партии; Немецкой национальной партии он предложил четыре министерских поста. В этой связи заново вспыхнули старые противоречия внутри фракции Немецкой национальной партии. Для участия в правительстве требовалось недвусмысленное признание республиканского строя и поддержка правомочности Локарнских соглашений*. Это с самого начала ограничивало круг лиц в нашей фракции, из которых можно было бы выбирать министров.

Граф Вестарп, как всегда, пытался выполнять роль посредника. Я и мои товарищи из Земельного союза сумели отстоять свою точку зрения о необходимости участвовать в правительстве, и граф Вестарп во время дебатов в рейхстаге предложил дипломатически составленную формулировку, выражавшую одобрение правительственной декларации и одновременно отклонявшую критику Шейдемана по отношению к рейхсверу. В итоге в новом правительстве вице-канцлером и министром юстиции стал бывший прусский министр финансов Хергт, министром сельского хозяйства бывший министр внутренних дел Мартин Шиле, пост министра транспорта получил Вильгельм Кох и после длительных дискуссий министром внутренних дел стал ландрат в отставке, член правления провинциального союза Бранденбург в Союзе прусских земельных общин. Во время очередного спора по поводу того, кто должен занять пост министра внутренних дел, будущий имперский министр Тревиранус, большой шутник, предложил дать портфель министра первому, кто войдет в дверь. И вот дверь комнаты фракции открылась, и мы увидели ландрата фон Койделя. Койдель действительно получил пост министра внутренних дел.

* Локарнские соглашения (1925 г.) имели своей целью перегруппировку сил империалистических держав с целью создания общего фронта империалистических держав, направленного против СССР.

Перед новым кабинетом стояли важные задачи, особенно в области налогообложения и распределения финансового бремени. Новому кабинету было очень важно пойти на определенные уступки широким массам трудящихся в социально-политической области. В комиссии по налогам, председателем которой был доктор Оберфорен — представитель крыла Гугенберга — я был главным спикером от нашей фракции. В спорах, принимавших подчас ожесточенный характер, я часто, без предварительного согласования с фракцией, выступал с предложениями, соответствовавшими моим представлениям о правильной политике в социальной области. Меня поддерживал мой друг по Земельному союзу Дебрих. Охотно вспоминаю о тесном сотрудничестве с представителем христианских профсоюзов, будущим рейхсканцлером доктором Брюнингом, с представителями социал-демократов доктором Гильфердингом, Вильгельмом Кейлем и госпожой Тони Зендер. С двумя коммунистическими представителями, Эмилом Хеллейном и доктором Теодором Нейбауэром — впоследствии жертвой нацистов, — я также поддерживал, несмотря на политические разногласия по многим вопросам, хорошие личные отношения.

С Эмилом Хеллейном, в частности, мы предприняли по поручению комиссии по налогам интересную поездку в область Уккермарк. Речь шла о налоге на табак, и нам надлежало ознакомиться с положением крестьян, выращивающих в районе Ангермюнде табак и высушивавших его в открытых для проветривания сараях. Хеллейн был любителем табака из Уккермарка и уверял, что по вкусовым качествам он не уступает гаванскому. По дороге Хеллейн — человек чрезвычайно темпераментный — схватил в сарае два табачных листа, скрутил их в виде колбаски, назвал колбаску сигарой и закурил ее с самым довольным видом. Меня он призвал последовать своему примеру. В школе я как-то выкурил до половины сигару, после чего мне стало настолько плохо, что я никогда больше не брал их в рот и курил только сигареты, правда в довольно большом количестве. Как бы то ни было, я решительно отказывался от сигары марки «Уккермарк». Неожиданно Хеллейн сунул мне в рот свою наполовину выкуренную сигару. Чтобы не обидеть его, я сделал две затяжки, и это оказало на меня такое действие, что на протяжении

месяца с лишним я не хотел смотреть на сигареты.

В комиссии рейхстага по налогам я и мой друг по Союзу Дебрих вопреки серьезным возражениям членов правого крыла нашей фракции поддержали закон о налоге на заработную плату, предусматривавший снижение налога на зарплату, а также закон о труде, о биржах труда и о пособии по безработице, который был принят рейхстагом в июне 1927 года.

Закон о труде был составлен на основе компромисса между требованиями профсоюзов, социал-демократов и коммунистов, с одной стороны, и пожеланиями промышленных кругов — с другой. В нем декларировался восьмичасовой рабочий день, однако закон разрешал делать достаточно большие исключения, в случае которых надо было, впрочем, платить сверхурочные в размере 25 процентов от суммы зарплаты. Подобным же компромиссом был и закон о пособии по безработице, который разрабатывался при участии Социал-демократической партии. Согласно этому закону, была отменена ранее действовавшая система обеспечения безработных. Пособие, которое должно было выплачиваться согласно новому закону, как постоянным рабочим, так и рабочим, занятым неполную рабочую неделю, было выше, нежели пособие, предусмотренное в старом законе об обеспечении безработных.

Разделение системы обеспечения на три части — в случае безработицы, в случае кризиса и из фондов общественной благотворительности — должно было, однако, привести к роковым последствиям, если в результате экономического кризиса в стране наступит массовая безработица. Такого случая законодатели не предусмотрели. В законе было сказано, что создается имперское ведомство по распределению рабочей силы и по социальному обеспечению в случае безработицы. Средства ведомства составлялись из взносов, половину которых должны были вносить предприниматели, а остальное — лица наемного труда. Каждый полностью безработный имел право на получение пособия, сумма его определялась категорией зарплаты. Однако поддержка безработного была ограничена во времени — она продолжалась всего 26 недель. После этого безработный должен был пройти проверку для установления степени его нуждаемости; после проверки его включали в систему обеспечения в условиях кризиса и он мог претен-

довать лишь на сокращенное пособие. Если в последующие шесть недель он все еще оставался безработным, местные коммунальные органы — в городах или в земельных общинах — обязаны были выделять соответствующие суммы для оказания ему помощи из своего бюджета в порядке общественной благотворительности.

Поскольку общины участвовали в финансировании системы обеспечения в случае кризиса, а имперское ведомство обладало ограниченными средствами и могло выплачивать пособие только 1,1 миллиона безработных, то закон был обречен на провал, как только число безработных перевалит через сакраментальную цифру → 1,1 млн. Таким образом, закон фактически действовал лишь в периоды хозяйственного подъема или по крайней мере в периоды экономической стабильности. В условиях Веймарской республики этот закон, как и все социальное законодательство в целом, были совершенно недостаточными. Они отражали лишь одно — безграничное стремление магнатов тяжелой индустрии к сверхприбылям. Критика и возражения, исходившие от общин и сформулированные мной в выступлениях на одном из заседаний комиссии рейхстага, были более чем обоснованными. Новый закон возлагал на нас непосильное бремя, заставляя взять на себя расходы на нужды общественной благотворительности. В последующие годы практика трагически доказала мою правоту. Однако в ту пору опасения общин разделяла, по существу, лишь коммунистическая фракция рейхстага.

Долги крупных аграриев

После утверждения социального законодательства многие представители промышленности, банков и биржи начали требовать принятия каких-то новых законов, стимулировавших капиталовложения и облегчавших образование капиталов. Эти круги ставили своей целью добиться снижения налогов и государственного финансирования. Закон о мерах борьбы с безработицей, разработанный совместно с депутатами СДПГ, сблизил меня со многими членами рейхстага — представителями этой партии. Тот факт, что от имени земельных общин я поддержал социальное законодательство, нашел одоб-

рение как со стороны профсоюзных деятелей из АДГБ*, христианских профсоюзов, так и со стороны многих социал-демократов, а это дало мне возможность завязать с ними более тесные контакты.

Если меня не отвлекали политическая деятельность или участие в скачках, я проводил воскресные дни в Пресселе, у моей матери. После напряженной работы мне был необходим отдых. Конечно, большое внимание при этом уделялось охоте. В отличие от множества других охотников я не был страстным коллекционером оружия, у меня было всего два ружья.

Как-то раз я принял приглашение князя Бисмарка и поехал в Саксенвальд, где затевалась охота на кабанов, захватив с собой при этом лишь одно ружье. Мое «снаряжение» вызвало у остальных гостей насмешливую улыбку, а мое заявление о том, что я взял с собой всего одиннадцать патронов, было и вовсе встречено громким смехом. Что касается меня, то я был взбешен самоуверенностью большинства охотников, которые вооружились двустволками. Но вот прозвучал горн, возвещавший конец охоты. К удивлению всех охотников, у меня еще остался один патрон, что не помешало мне стать «королем охоты». Я убил девять кабанов: Кстати, это была моя первая охота на «черную дичь»...

Необычайно трудная ситуация сложилась в то время в области сельскохозяйственной политики. Обширные земельные владения, особенно на Востоке, были заложены и нуждались в государственной поддержке. Впоследствии это нашло свое выражение в так называемой «восточной помощи». В противоположность Имперскому союзу земельных общин и его президенту графу Эберхарду фон Кальгрейту я, как представитель Союза прусских земельных обществ, выступал за политику заселения восточных земель. Моя точка зрения заключалась в том, что крупная земельная собственность при рациональном ведении хозяйства непременно должна давать определенную ренту; правда, на моих глазах долговая зависимость многих поместий росла, но это еще ни о чем не говорило. Крупные землевладельцы очень часто сами вовсе не управляли своими владе-

* АДГБ — Всеобщее германское объединение профсоюзов — крупное профсоюзное объединение в Веймарской республике, близкое к социал-демократам.

ниями. Они даже не жили там. Вместо этого они сорили деньгами в больших городах и играли в рулетку в Монте-Карло, а потом покрывали свои бешеные траты новыми ипотеками. На мой взгляд, эти господа были недостойны считаться собственниками крупных земельных угодий. Их земли следовало, по моему мнению, разделить и заселить крестьянами или рачительными сельскохозяйственными рабочими. Такого рода поселенцы имели бы все шансы на успех в налаживании рентабельного хозяйства, и государству было бы выгодно помочь им долгосрочными кредитами.

Однако этим планам ожесточенно сопротивлялись погрязшие в долгах крупные землевладельцы и Имперские объединения земельных союзов. Президента Гинденбурга также уговорили поддержать предложение об оказании финансовой помощи крупным помещикам, особенно после того, как ему вручили в качестве подарка «землю отцов» имение Лангенау, возле красивого, но сильно разоренного фамильного имения Нойдек в Восточной Пруссии. Такой дар стал возможным только благодаря тому, что по инициативе Ольденбурга-Янушау в кругах промышленных магнатов был объявлен сбор средств; раскошелились многие промышленники, в том числе Карл Дуисбург и Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. Ольденбург-Янушау упорно поддерживал перед президентом идею «восточной помощи» в интересах людей своего сословия, залезших по уши в долги.

Министр сельского хозяйства также пытался помочь аграриям, повысив протекционистские таможенные пошлины на сельскохозяйственные продукты, но эти меры натолкнулись на решительное сопротивление промышленников, боявшихся, что подобная политика приведет к уменьшению оборота внешней торговли. Так эта проблема и осталась нерешенной.

Еще весной 1927 года имперское правительство внесло в рейхстаг проект нового Уголовного кодекса. Реформа уголовного законодательства, принятого еще во времена кайзеровской империи, давно назрела. Проект был разработан в имперском министерстве юстиции доктором Бунке (впоследствии председателем имперского суда). Его горячо одобрил профессор Вильгельм Каль, считавшийся старейшиной буржуазной правовой науки. Профессор Каль был депутатом рейхстага

от Немецкой народной партии, он был в том же преклонном возрасте, что и президент Гинденбург. Как председатель правовой комиссии рейхстага, Каль голосовал за отмену смертной казни вопреки решению его фракции. Тем самым в правовой комиссии большинством в один голос прошло решение об отмене смертной казни. Само по себе это еще ничего не значило, ибо решения, которые принимались в комиссиях незначительным большинством голосов, зачастую отменялись на пленарных заседаниях парламента.

Вечером в тот день, когда прошло голосование в правовой комиссии, состоялся прием у Гинденбурга, на который был приглашен и я. На приемах гости сидели обычно за маленькими столиками и время от времени менялись местами, чтобы побеседовать на политические темы как со своими товарищами по партии, так и с политическими противниками. Правительство очень ценило подобные приемы, так как на них можно было предварительно согласовать многие решения и устранить ряд препятствий. Во время указанного приема я присел к столу президента, присел как раз в ту минуту, когда там оказались профессор Каль и прусский министр-президент Отто Браун. Во время беседы обсуждался вопрос об отмене смертной казни. Профессор Каль обосновывал свою позицию в правовой комиссии тем, что человеку не дано право убивать другого человека. Он как-то присутствовал при казни, и это произвело на него такое удручающее впечатление, что с тех пор он принципиально выступает против смертных приговоров. Гинденбург слушал его с безучастным лицом, но потом вдруг похлопал профессора Каль по плечу.

— Дорогой мой,— сказал он,— при определенных обстоятельствах мы вряд ли сможем обойтись без смертной казни, несмотря на то, что вас лично казнь столь сильно потрясла. А что, если бы вы присутствовали при эдаком убийстве на эротической почве?

Позже, в августе 1932 года, Гинденбург и тогдашний рейхсканцлер Папен, не спрашивая согласия парламента, подписали закон, который вновь вводил смертную казнь.

Моя работа в рейхстаге и связи с различными партиями, которые мне удалось завязать в Берлине, способствовали росту престижа Союза прусских земельных

общин. Как один из самых молодых депутатов, я придавал большое значение установлению личных контактов с представителями враждебных партий. Конечно, в политической жизни можно было придерживаться различных взглядов, но для меня это еще не означало, что нужно было рассматривать всех инакомыслящих как заклятых врагов; напротив, в своих противниках я видел людей, с которыми надо было разговаривать, пытаюсь убедить их в своей правоте. По моему мнению, насущные задачи настоятельно требовали того, чтобы честные патриоты садились за один стол со своими противниками. Правда, вопрос о том, приведут ли такие дискуссии к положительным результатам, зависел в конечном итоге от состава правительства на данном отрезке времени. А правительства — как уже было сказано выше — были в ту пору неустойчивыми, и очень часто кабинет, который приходил на смену предыдущему, имел совсем иную программу и был составлен из представителей совсем других партий...

Но наш Союз был построен на демократических принципах, и я, как его руководитель, всегда ставил во главу угла общие интересы земель, пытаюсь устранить все, что разделяло промышленные и сельские общины. Никто не мог обвинить меня в том, что я оказывал давление на состав центрального правления или на составы правлений провинциальных союзов, а также в том, что я опирался исключительно на членов сельских общин.

В правлении отдельных Союзов почти везде избирались представители различных партий, обычно, однако, у меня с ними были хорошие отношения — и личные и деловые. В результате собрания правления проходили у нас на редкость дружно, а это в свою очередь благоприятно сказывалось на настроении вновь принимаемых членов. Наше центральное правление заседало примерно два раза в год, узкий состав правления — чаще. Обсуждались всевозможные коммунальные проблемы, и решения, как правило, принимались единодушно. Главная наша задача была в том, чтобы добиться их выполнения имперским и прусским правительствами; наши друзья помогали нам в этом, внося соответствующие резолюции в рейхстаг, в прусский ландтаг, а также в провинциальные ландтаги и крейстаги. Вначале многие партии, особенно социал-демократы, боялись, что я буду проводить политику Немецкой национальной партии, но эти страхи

скоро рассеялись. Оказалось, что наш Союз прекрасно сотрудничает с коммунально-политическими отделами почти всех партий, в том числе с коммунально-политическим отделом СДПГ и его экспертом по этим вопросам Максом Фехнером.

Но и объединения земельных общин за пределами Пруссии, нередко возникшие при моем участии, все чаще обращались к нашему Союзу или ко мне лично, когда речь заходила о попытках земель провести свои пожелания через рейхстаг или через имперское правительство. Поэтому мне казалось целесообразным объединить все союзы земельных обществ в единый Германский конгресс земельных общин. После успешного подготовительного совещания, проведенного в январе 1928 года в Висбадене, объединение в конце концов произошло в Эйзенахе 18 апреля 1928 года. Правда, против него возражал Конгресс земельных общин Западной Пруссии по той причине, что объединение совершилось под руководством самого крупного из всех союзов — Союза прусских земельных общин, возглавляемого мною. У Западнопрусского союза был свой особый устав, предусматривавший существование сельских бургомистров. Но в конце концов и Союз Западной Пруссии подчинился общему решению, он не захотел оказаться в изоляции. Таким образом, я достиг своей цели, не вступая в долгую и изнурительную борьбу с Рейнской областью и с Вестфалией. Рейнская провинция и Вестфалия, как и другие прусские провинции, сохранили самостоятельные провинциальные представительства, но зато я получил право выступать от имени их всех как президент Германского конгресса земельных общин. Очень помог мне председатель группы общин, находившихся под государственным управлением, бургомистр Отто Ланге, он убедил земельных бургомистров в Вестфалии и в Рейнской провинции, также находившихся на государственной службе, в необходимости объединения. Отто Ланге и представитель сельских общин Герман Штафель попеременно председательствовали на наших ежегодных представительных съездах.

В результате присоединения к Конгрессу Баварского союза в некоторых общинах у нас оказались нацистские бургомистры. В Пруссии нацистов-бургомистров не было, там общинами — членами Союза руководили представители различных партий, включая и КПП. Сначала

нацистские бургомистры — их было очень немного — никакой роли не играли. Несмотря на рекомендации Баварского и Вюртембергского союзов, я упорно не включал нацистов в расширенное правление. Так продолжалось до тех пор, пока меня не сняли с поста президента Германского конгресса земельных общин, что последовало вслед за моим арестом.

Создав Германский конгресс земельных общин, я достиг поставленной цели: все земельные общины были объединены в едином общепризнанном руководящем союзе наподобие Германского конгресса городов. Тем самым существенно возросли политические возможности земельных общин. Германский конгресс земельных общин, как полномочный представитель общин и союзов общин со своим юридическим статутом, приобрел в стране большой политический вес. Тем более что благодаря бургомистрам, а также государственным и общинным председателям в нем было представлено большинство политических партий. Едва ли в ту пору можно было найти хоть один законопроект, разрабатывающийся имперскими или прусскими министерствами, в подготовке которого не принимали бы участия наши организации земельных общин. Оглядываясь назад, могу сказать, что много разногласий удалось уладить из-за проявленной мною лично доброй воле. Между тем для тогдашнего времени эта позиция отнюдь не была типичной.

После того как я возглавил Германский конгресс земельных общин, естественно, потребовалось дальнейшее расширение штата сотрудников в нашем бюро на Потсдамерштрассе, 22-а. Макс Валльраф — он был председателем рейхстага второго созыва и принадлежал к умеренному крылу Немецкой национальной партии — настоятельно рекомендовал мне взять на работу министра-риальрата Шеллена. Шеллен, последний посол кайзера в Баварии, католик, имел, как бывший член студенческой корпорации, множество шрамов — следов от дуэлей, был не дурак выпить и мог быть интересным собеседником. А я как раз нуждался в представительном сотруднике, который был бы способен организовывать увеселительные и туристско-познавательные поездки для определенной части бургомистров, находившихся на государственной службе и всегда склонных продлить пребывание вне дома. У меня для этого не хватало времени,

мои многообразные обязанности поглощали слишком много сил. А Шеллен как нельзя лучше подходил для такого рода работы; тогда мне казалось, однако, что это не бросает на него тень, не он первый, не он последний подвизался на подобном поприще. К сожалению, через несколько лет мне пришлось убедиться в том, что по доброте и доверчивости я принял в Германский конгресс земельных союзов замаскированного нациста, который при участии Геринга и фон Койделя сделал все возможное, чтобы дискредитировать меня и передать в руки нацистских тюремщиков.

Полет на «Графе Цеппелин»

Как раз в тот период совершал увлекательнейшие полеты дирижабль «Граф Цеппелин». И вот однажды Гуго Эккнер предложил мне и еще некоторым членам рейхстага принять участие в одном из таких полетов. Воздухоплавание делало лишь самые первые шаги, и для нас приглашение Эккнера было великой честью. Кстати, я с радостью отмечаю, что после второй мировой войны доктор Эккнер последовательно выступил за взаимопонимание двух германских государств и особенно поддержал организацию Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Западной Германии.

«Граф Цеппелин» стартовал в районе Боденского озера, где мы приняли на борт еще много пассажиров; в отличие от нас, депутатов, эти пассажиры должны были заплатить за свой билет шестнадцать тысяч марок. Среди пассажиров я заметил приятную пожилую даму из Швейцарии, которая тщательно избегала фотографов, а когда мы снимались группой, прятала лицо. На мой вопрос, почему она не хочет, чтобы ее сфотографировали, дама ответила:

— У меня нет детей, зато уйма наследников — дальних родственников, и они хотят получить по возможности все мое состояние. Вот я и решила урвать из него шестнадцать тысяч марок и совершить это увлекательное воздушное путешествие.

Полет был необычайно интересен. Мы пролетели через Францию, Пиренеи, Испанию, Португалию, ночью оказались над Атлантическим океаном, Гибралтаром и Северной Африкой, затем пошли вдоль берега, пересек-

ли Средиземное море, полетали над Италией, Сардинией, Корсикой и после трехдневного пути, следуя вверх по течению Роны, при неприятных штормовых ветрах, благополучно вернулись наконец в район Боденского озера, где и приземлились. Из маленьких кабин, напоминавших купе скорого поезда, через косо поставленные иллюминаторы можно было обозревать местность даже ночью, тем более что чаще всего мы летели на небольшой высоте. Я сделал множество отличных снимков, на которых были видны не только пейзажи, но люди и животные. Над Севильей мы сбросили мешок с почтой, но тут отказал один из моторов на гондолах, пришлось срочно устранять неисправность. В это время мы находились в трехстах метрах от земли и плавали над Андалузией, подобно воздушному шару. Я ясно различал на земле стадо быков — быки и пастухи рассыпались во все стороны. Когда неисправность устранили, доктор Эккнер и все прочие организаторы полета вздохнули с облегчением, ибо экипажу отнюдь не улыбалась перспектива посадки с неисправными моторами...

Борьба между различными направлениями внутри Немецкой национальной партии, о которой неоднократно шла речь, к тому времени еще обострилась. Извлекая огромные прибыли из участия в различных крупных концернах и из своего собственного газетного концерна, Гугенберг тратил большие средства, чтобы обеспечить себе пост председателя Немецкой национальной народной партии. Граф Вестарп, поддерживавший более «левое» крыло, уже много лет пытался ослабить центробежные силы в партии.

Разрыв с Гугенбергом

В 1927 году Имперский земельный союз по настоянию Тило фон Вильмовски, Мартина Шиле и моему принял важное решение: с этого времени выставляемые нами кандидаты должны были идти не обязательно только по спискам двух партий: Немецкой национальной и Немецкой народной партии. Однако уже в феврале 1928 года руководящим деятелям Имперского земельного союза, таким как граф Калькрейт — директор Земельного союза в Кригсхейме, и граф Кайзерлинг — сторонникам Гугенберга и членам так называемого Рабочего содру-

жества немецких промышленников — друзей Немецкой национальной партии удалось отменить это решение. Земельным союзам было вновь рекомендовано включать своих кандидатов только в списки Немецкой национальной и Немецкой народной партий. Земельные союзы в Восточной Пруссии, а также Земельный союз в Саксонии, руководимый фон Вильмовски и мною, после длительных дискуссий был вынужден присоединиться к общему решению.

В конце 1927 и в начале 1928 года среди членов аграрного крыла Немецкой национальной народной партии укрепились позиции тех, кто требовал, чтобы сельскому населению страны была дана возможность иметь своих собственных представителей в рейхстаге. Большинство аграрных общин в Союзе земельных общин поддержало эту идею. Казалось, уже невозможно остановить процесс ускоряющегося «размывания» старых буржуазных партий. Поэтому задача состояла в том, чтобы заново организовать все конструктивные силы, покидавшие эти партии. Главная опасность заключалась в том, что широкие слои народа, разочарованные и озлобленные, вообще откажутся принимать участие в политической жизни страны. Учитывая боевое настроение большей части деревенских жителей, вызванное многолетним аграрным кризисом и ростом налогов, ни одна из партий, поддерживавших правительство, не могла всерьез считаться представителем интересов крестьянства.

И вот в этих условиях кандидаты, выдвинутые Имперским земельным союзом для включения в списки Немецкой национальной партии, собрались, чтобы обсудить животрепещущий вопрос: не настало ли время создать свою собственную сословную группировку, то есть отделиться от Немецкой национальной партии? В прошлом мы принесли Немецкой национальной партии немало голосов, тем не менее наше влияние на партию нельзя было сравнить с тем влиянием, которое оказывала группа, руководимая Гугенбергом. Идею создания партии по сословному принципу годами вынашивал Земельный союз в Тюрингии, ее постоянно выдвигал Земельный союз и союзы крестьян и виноделов на Юго-Западе Германии.

В соответствии с этим в феврале 1928 года была создана Христианско-национальная крестьянская и сельскохозяйственная партия. Для краткости ее называли

Сельскохозяйственной партией, к ней примкнуло большинство депутатов Земельного союза. Новая партия пользовалась огромной поддержкой со стороны большинства земельных объединений и аграрных общин нашего Союза. Однако, поскольку ряд ведущих деятелей Сельскохозяйственной партии, будучи представителями Имперского земельного союза, были тесно связаны с Немецкой национальной партией, коммунисты и социал-демократы отнеслись к ней с явным недоверием. Они считали, что сам факт создания новой партии был маневром, предпринятым с целью «обмануть избирателей-крестьян в интересах Немецкой национальной партии».

В мае 1928 года состоялись выборы в рейхстаг. Земельный союз хотел включить меня в так называемый имперский список кандидатов, но это предложение было отвергнуто группой Гугенберга; в руководящих кругах Немецкой национальной партии я считался ненадежным. Несмотря на поддержку Земельного союза, на сей раз я не был избран в рейхстаг. Вообще число голосов, поданных за Немецкую национальную партию, сильно сократилось. Что касается новой Христианско-национальной крестьянской и Сельскохозяйственной партии, то она получила восемнадцать мандатов и образовала, таким образом, собственную фракцию в рейхстаге. В последующие месяцы сотрудничество мое и моих друзей с депутатами этой Сельскохозяйственной партии было значительно более тесным, нежели с депутатами, группировавшимися вокруг Гугенберга, и с другими членами Немецкой национальной партии.

В этот период мое влияние на земельные общины настолько возросло, что представители промышленных общин и помещичьих округов перестали относиться с подозрением к моей все более активной политической деятельности. За долгие годы они убедились в том, что независимо от партийно-политического курса Немецкой национальной партии я всегда старался протолкнуть различные справедливые требования общин, смело идя на сотрудничество с левыми партиями.

Тогда у нас еще не было собственных органов печати, однако через некоторые районные земельные союзы и районные отделения центрального союза нам удавалось оказывать значительное влияние на местные газеты, в том числе берлинскую «Дойче тагесцайтунг». Правда, в актуальных политических вопросах эта газета

проводила свой не контролируемый нами правый курс.

В октябре 1928 года, несмотря на сопротивление графа Вестарпа, министра Тревирануса и профсоюзного деятеля Ламбаха, а также большинства еще оставшихся в партии представителей Земельного союза, Гугенберг был избран председателем партии. Вскоре после своего избрания он начал ориентировать Немецкую национальную партию на правый курс. Совершенно явным это стало летом 1929 года, когда Гугенберг призвал к борьбе против плана Юнга и начал заигрывать с нацистами. Для выполнения условий репараций, установленных планом Дауэса, понадобился план Юнга, где были зафиксированы новые соглашения между Германией и западными державами. Хотя Германия уже получила право распоряжаться своими финансами, репарационные платежи были по-прежнему чрезвычайно высокими. И вот Гугенберг создал так называемый имперский комитет по организации народного опроса, который развернул в стране дикую националистическую кампанию. В комитете Гугенберга оказались не только Генрих Клас из Пангерманского союза и Франц Зельдте — председатель «Стального шлема», но и Гитлер; последний с помощью Гугенберга приобрел такое влияние, о каком раньше и мечтать не смел. Чтобы понять, до чего доходила разнузданная пропагандистская кампания комитета, достаточно сказать, что комитет обвинял Гинденбурга — этого оголтелого борца против Ноябрьской революции — в том, что он будто бы являлся сторонником «Ноябрьской республики».

Летом 1929 года — я (в единственном числе) — вышел из Немецкой национальной народной партии и окончательно примкнул к Христианско-национальной крестьянской и сельскохозяйственной партии, где и был избран вторым председателем. Мой выход из Немецкой национальной партии был с одобрением встречен в Германском конгрессе земельных общин, особенно радовались этому поступку социал-демократические бургомистры и председатели аграрных общин.

Порвав со своей старой партией, я нанес ее новому председателю Гугенбергу прощальный визит. В беседе со мной Гугенберг заявил, что будущее Германии зависит от тесного сотрудничества между Немецкой национальной партией и нацистами. Эту идею он впоследствии пытался воплотить в недоброй памяти Гарцбургском

фронте*. Я возразил, что при таких установках нацисты скоро оттеснят на задний план и без того сильно потрепанную Немецкую национальную партию, а то и вовсе поглотят ее. Гугенберг счел, что я впадаю в излишний пессимизм. Но прав оказался я, а не он.

Осенью 1929 года граф Вестарп, министр Тревиранус, Ламбах и многие другие близкие мне политические деятели последовали моему примеру и вышли из Немецкой национальной партии. Они основали Народную консервативную партию, вербовавшую сторонников главным образом в городах. Позиции Немецкой национальной народной партии, в которой взяло верх пангерманское крыло, тем самым сильно пошатнулись. Позицию Вестарпа и других одобрили очень многие, в том числе и Курт фон Шлейхер.

Как президент Германского конгресса земельных общин, я был в 1929 году назначен членом временного имперского совета по делам экономики. Орган этот образовался в 1923 году и выполнял совещательные функции при правительстве. В него включали представителей всех слоев населения, которые составляли свои рекомендации по различным хозяйственным проблемам. Во временном имперском совете в известной степени осуществлялось сотрудничество между предпринимателями и профсоюзными деятелями. Назначение в этот орган дало мне возможность отстаивать справедливые требования земельных общин, что я и делал весьма активно, особенно когда обсуждался вопрос о распределении финансового и налогового бремени. До тех пор привилегией высказать там свое мнение пользовались лишь руководители Германского конгресса городов.

Обед в «Унион-клубе»

Вскоре после моего прощального визита Гугенбергу я встретил на скачках в Хоппегартене Курта фон Шлейхера. Он вновь получил повышение в имперском

* В октябре 1931 года в немецком городе Гарцбурге состоялось совещание группы реакционных политических деятелей (Гугенберг, Шахт, представители «Стального плема», генералы рейхсвера и другие представители крупного финансового капитала). Это совещание объединившихся реакционеров, так называемый «Гарцбургский фронт», поставило своей задачей уничтожение республики, установление диктатуры реакции.

министерстве обороны. Ему были подчинены отдел вооруженных сил, абвер, юридический отдел и адъютанты министра. Тогда все считали, что влияние Шлейхера на президента растет с каждым днем. Как и я, Шлейхер считал политическую деятельность Гугенберга чрезвычайно вредной. Я рассказал ему о моей с Гугенбергом беседе и о том, что чувствовал себя эдаким рыцарем, который говорит последнее прости своему старому противнику. Шлейхер начал поддразнивать меня, вспоминая мои прежние рассуждения о том, что мы должны собрать наиболее ценные кадры в недрах Немецкой национальной партии и, опираясь на массу сельскохозяйственных жителей и земельные общины, изолировать Гугенберга.

Затем Шлейхер заметил, что линия нашего Союза правильная. Надо сотрудничать с социал-демократами и в то же время неназойливо проводить национальную и христианскую политику. В конце он заметил, что на ипподроме нас знают слишком много людей, здесь нельзя поговорить откровенно. Шлейхер предложил пообедать после скачек в «Унион-клубе». Туда, наверное, уже отправились тайный советник фон Вейнберг и его зять граф Шпрети.

В те годы клубная жизнь в Берлине процветала. В «Клубе господ» встречались представители старого дворянства и связанные с ними крупные промышленники. И этот клуб величал себя «Клубом интеллигенции». Клубом Немецкой национальной и Немецкой народной партий считался «Национальный клуб», который посещали главным образом промышленники и крупные государственные чиновники. В «Автомобильном клубе» собирались собственники дорогих машин, люди, связанные с автомобильной промышленностью, банками и биржей. Завсегдатаями «Унион-клуба» на Шадовштрассе были хозяева скаковых конюшен и прочие любители конного спорта.

Вечер в «Унион-клубе» прошел удачно. Когда мы со Шлейхером приехали в клуб, там уже были фон Вейнберг и граф Шпрети, а также Тило фон Вильмовски, большой поклонник конного спорта. Впрочем, в беседе мы обсуждали не только вопрос о скачках, гораздо больше всех нас интересовала политика. Вильмовски, с симпатией следивший за моей работой в Сельскохозяйственной партии и одобрявший мой разрыв с Гугенбергом,

обещал мне всяческую поддержку со стороны Земельного союза провинции Саксония, председателем которого он был. Одновременно Вильмовски состоял председателем наблюдательного совета концерна «Крупп АГ», собственником которого был его зять Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. Таким образом, Вильмовски был заинтересован в расширении торговли с Советским Союзом. В этом пункте, хотя и по иным причинам, он сходился со Шлейхером. И Вильмовски, и Шлейхер придавали большое значение новой Сельскохозяйственной партии, они хотели, чтобы она усилилась и стала эффективным противовесом партии Гугенберга.

На фоне оживленного Шлейхера тайный советник фон Вейнберг казался особенно молчаливым и сдержанным. Вейнберг считался выдающимся химиком и влиятельным представителем концерна «ИГ Фарбениндустри»; в кругах лошадиников он также пользовался авторитетом, на конном заводе Вейнберга в Вальдфриде выводились чистокровные скакуны. Когда я обратился к нему с вопросом, какого он мнения о сложившемся ныне положении, Вейнберг ответил:

— Конечно, я поддерживаю все, о чем здесь говорилось. Но меня беспокоит одно: кто возьмет на себя гигантский труд, необходимый для того, чтобы выполнить все политические и организационные задачи, которые мы поставили. Думаю, вы, доктор Гереке, — подходящий человек для этого.

— Ваше доверие для меня большая честь, уважаемый господин тайный советник, но нам не хватает средств даже для подготовительной работы. Сельскохозяйственная партия и Союз земельных общин бедны, так же как и слои, которые их поддерживают. Другое дело, если бы нам помогли ваш концерн, тяжелая промышленность, банковские и биржевые круги, равно как и большие города.

В ответ Вейнберг сказал несколько незначущих слов, но, как после оказалось, он вошел в наше положение. Благодаря ему я получил большую сумму, которая составила мой личный фонд для работы в Сельскохозяйственной партии.

После семи лет деятельности в Союзе я имел все основания быть довольным. Внутри страны союз стал фактором, с которым уже нельзя было не считаться. Далее — я добился того, что земельные общины вышли из

фарватера узколобой политики Немецкой национальной партии. Да и сам я сделал необходимые выводы, поступил так, как давно хотел поступить — порвал с партией, ставшей мне чужой, особенно в связи с нараставшей в ней волной шовинизма. Возникла Сельскохозяйственная партия со своей совершенно новой политической платформой, гораздо более соответствовавшей моим взглядам.

Однако в ту пору появилась новая забота — нацисты, которые с помощью Гугенберга вошли в круг «приличных» политиков. Кроме того, я еще многого не понимал; в частности, питал иллюзии насчет позиций крупного капитала; не сознавал я также, что социальные интересы слоев, которые я представлял, и интересы поддерживавших меня крупных промышленников разделяет глубокая пропасть.

В тени Шлейхера

Берлин, февраль 1933 года

Улицы Берлина были во власти коричневых мундиров, во власти штурмовиков. Вслед за экономическим подъемом двадцатых годов наступил неслыханный кризис. Вот уже несколько лет, как перед кассами, выплачивавшими пособия по безработице, и перед окошками бирж труда толпились безработные. Своей демагогией Гитлер сумел привлечь на сторону нацистов огромное число избирателей — выходцев из средних классов. Дело кончилось тем, что подавляющее большинство крупных промышленников привело его к власти. Уже неделя, как Гитлер был рейхсканцлером. По личной просьбе старого президента я остался в новом правительстве в качестве имперского комиссара по трудоустройству.

В кабинет ко мне вошел мой личный референт Кордеман.

— Господин министр, фюрер просил передать, что назначенное на сегодня совещание по вопросам трудоустройства состоится в десять часов в имперской канцелярии.

— Спасибо, господин Кордеман, но, когда мы с вами вдвоем, можно не употреблять слова «фюрер». Вы же знаете, этот титул мне не по душе. Достаточно называть господина Гитлера рейхсканцлером, тут уж ничего не попишешь — этот пост он, увы, занял. Правда, как вы знаете, против нашей воли.

Был февраль, погода стояла ужасная, я не захотел идти пешком и сел в свой «мерседес», хотя от бюро до

имперской канцелярии было рукой подать. Как часто мне приходилось там бывать, когда рейхсканцлером был Брюнинг, и потом, когда его сменил генерал фон Шлейхер. Теперь здесь все неузнаваемо изменилось. И у ворот, и у подъезда стояла эсэсовская охрана, я должен был предъявить ей пропуск. Два эсэсовца сопровождали меня до огромного кабинета рейхсканцлера.

Гитлер в форме СА встретил меня с преувеличенным радушием. Обеими руками он схватил мою правую руку и прижал ее к груди. Уже одно это внушило мне антипатию. Не успел я открыть рот, чтобы изложить свои предложения по борьбе с безработицей, как он заговорил сам, при этом он бегал взад и вперед по комнате. Все более возбуждаясь, подстегивая себя, он безостановочно излагал свои мысли о будущем — примерно в том же духе, что и на предвыборных митингах. Так продолжалось битый час, но за все это время Гитлер не сказал ни слова о проблемах производственного кредитования, различных проектах, об использовании общественных фондов для финансирования частных заказов, о выборе наиболее целесообразных объектов для приложения труда. Ничего конкретного, одни общие стереотипные фразы на тему о том, что безработицу надо как можно быстрее ликвидировать!

Все это, разумеется, мы знали и без него. Войдя в кабинет Шлейхера, я должен был осуществить целую программу по борьбе с безработицей. На многочисленных предвыборных собраниях я выступал в поддержку кандидатуры Шлейхера против Гитлера. В тот день я впервые встретился с глазу на глаз с новым канцлером. И я был озадачен.

Мои надежды на то, что у нас будет деловой разговор о проблемах трудоустройства, не оправдались. Гитлер повторял одни и те же избитые слова. Время от времени он принимал величественные позы, с силой выбрасывал вперед правую руку; казалось, он обращается не к моей скромной персоне, а к многотысячной аудитории. Да, он пришел в транс, не говорил, а выкрикивал отдельные бессвязные фразы: «Ликвидация безработицы станет нашим делом, делом национал-социалистов», «Мы превратим немецкий народ в нацию воинов», «Мы построим казармы и аэродромы», «Мы проложим дороги и автомагистрали стратегического значения, создадим самые современные в мире самолеты новейших конструкций», «Все

это поможет уничтожить безработицу, и тогда окончательно сметем с лица земли позор Версаля!»

Наконец Гитлер сделал паузу, и я не преминул воспользоваться короткой передышкой, проговорив скороговоркой:

— Проекты использования рабочей силы, которые служат ремилитаризации, и особенно разворачиванию военной промышленности, крайне неэффективны с экономической точки зрения. Поэтому их не стоит реализовывать, используя систему кредитования. Каждый проект распределения трудовых ресурсов предварительно следует тщательно проверить с точки зрения его значения для будущего. Вложенный в вооружение труд не может найти себе никакого другого применения, кроме одного — войны. Что касается гигантских военных расходов, то страна может вернуть их только в том случае, если она станет победительницей. Да и то лишь тогда, когда у побежденного противника достанет на это сил. Прибавьте к этому, что в условиях быстрого прогресса техники оружие очень скоро устареет. Самолеты, к примеру, все время приходится заменять новыми дорогостоящими образцами.

Но на Гитлера мои доводы не произвели ровным счетом никакого впечатления. Он хвастливо заявил:

— Мы, национал-социалисты, спасем немецкий народ! Если вы хотите, чтобы ваши планы трудоустройства были реализованы, вам надо примкнуть к нам. Вступайте в нашу партию.

Спокойно, но категорически я ответил:

— Господин рейхсканцлер, это совершенно исключено. Я успешно провел две предвыборные кампании против вас и национал-социалистов. Я предал бы свои политические убеждения, если бы вступил в НСДАП. Избиратели, голосовавшие за Гинденбурга, справедливо смотрели бы на меня, как на предателя и карьериста. Лыщу себя надеждой, что я всегда был последователен. И если бы я сейчас свернул со своего пути, то не смог бы оправдаться перед своей совестью.

Гитлер со злобой взглянул на меня. Я поднялся, мы молча стояли друг против друга. Гитлер первый нарушил молчание, примирительно заметив:

— Господин рейхспрезидент придает значение тому, чтобы вы остались на своем посту. Его желание для меня — закон. Советую вам, однако, подумайте на по-

кое — не следует ли принять мое предложение. Многие почли бы за счастье услышать от меня подобное предложение.

На прощанье он вновь обеими руками потряс мою руку и перед самым моим уходом добавил:

— Если вы примкнете к нам, перед вами откроется большая карьера. Ну, а если — нет, то в один прекрасный день вы об этом сильно пожалеете.

Падение в бездну

В период 1924—1928 годов Германия стала второй в мире индустриальной державой после США; она обошла Англию и Францию и, несмотря на уменьшение территории, далеко превзошла уровень 1913 года. Но столь благоприятному экономическому развитию вскоре пришел конец.

В конце октября 1929 года на нью-йоркской бирже было выброшено акций на 20 миллионов долларов, что привело к катастрофическому падению курса. День, когда произошли эти события, вошел в историю под названием «черной пятницы». Как установили впоследствии специалисты, падение курсов акций принесло одним лишь Соединенным Штатам убытки в размере 50—60 миллионов долларов.

В то время я — как и многие в Германии — еще не подозревал, что биржевой крах в США послужит толчком к самому тяжелому кризису, который когда-либо переживала капиталистическая экономика. В последующие годы Германия оказалась на грани хозяйственного банкротства. Но это не все, из-за кризиса в стране создались предпосылки для политического курса, имевшего катастрофические последствия.

В начале 1930 года в Германии появились первые признаки кризиса. Краткосрочные кредиты, которые немецкие концерны получили от иностранных банков, были срочно затребованы обратно, заказы заморожены. В ту пору производственные мощности в Германии расширились до предела, магазины и универмаги ломились от разнообразных товаров. Но огромный ассортимент товаров не соответствовал скромным покупательным способностям населения. Противоречие это и стало при-

чиной кризиса в Германии, который еще усугублялся событиями в США.

Недостаточная покупательная способность населения была следствием безудержного стремления крупных концернов и предприятий извлечь в годы процветания максимальные прибыли. В то же время хозяева концернов держали заработки на чрезмерно низком уровне. И тут не помогали ни переговоры, ни профсоюзная борьба. Наоборот, предприниматели в специальном меморандуме потребовали дальнейшего радикального сокращения заработной платы. Подобные установки, противоречившие интересам развития экономики, учитывавшие лишь требования монополий, в один прекрасный день должны были дорого обойтись стране. Еще до нью-йоркских событий немецкие специалисты по конъюнктуре указывали на экономическую неустойчивость в стране. Но как бы неправдоподобно это ни звучало, весной 1930 года большинство моих друзей не видели никаких тревожных признаков и не верили в серьезность опасности. Все мы полагали, что речь идет о временном спаде, об «очистительном кризисе», как тогда выражались.

Правительство разговаривало с общественностью в тоне недопустимого оптимизма, что было вызвано чисто конъюнктурными причинами. Вместо того чтобы своевременно принять меры и мобилизовать государственные средства для борьбы с кризисом, публиковались успокаивающие заявления, в которых говорилось, что в Германии не наблюдается симптомов сильной депрессии, не говоря уже о кризисе. Напротив, как подчеркивалось в одном официальном заявлении, «общая тенденция развития в настоящее время благоприятна, германские земли развиваются в обстановке, далекой от кризиса и депрессии, в обстановке, которую можно назвать благоприятной конъюнктурой, подъемом или высокой конъюнктурой». А между тем кредиты, предоставленные Германии иностранными государствами, были аннулированы. За этим последовало сокращение производственных заказов. Внутренний рынок оказался перенасыщен товарами, для дальнейшего производства не было «рыночной необходимости», хотя многие тысячи рабочих семейств продолжали жить в бедности. Однако для экономической системы капитализма весьма характерно такое явление: несмотря на большой объем производства и обилие товаров, огромное число рабочих семей не име-

ет даже самого скромного прожиточного минимума. С развитием кризиса в последующие месяцы и годы положение все более и более обострялось.

Летом 1930 года нам стало наконец известно, что в тяжелой промышленности, в частности в сталелитейной и железодельческой отраслях, и в горно-рудном деле наблюдаются первые серьезные трудности. Недостаток кредитов и сокращение заказов особенно болезненно отразились на более мелких и менее капиталоемких предприятиях. С каждым месяцем росло количество банкротств. Многие концерны ввели сокращенную рабочую неделю и в соответствии с этим уменьшили зарплату. Это в свою очередь неблагоприятно отразилось на сбыте продукции на внутреннем рынке, ибо и без того ограниченная покупательная способность населения еще уменьшилась. Но больше всего сокращалась покупательная способность из-за безработных.

В последние годы периода процветания число безработных угрожающе увеличивалось. Уже в 1928 году было примерно 1,37 миллиона безработных, а в 1929 году число безработных возросло до 1,9 миллиона человек. Близорукая политика правительства в 1927 году, которая привела к тому, что все проекты расширения помощи безработным были похоронены, дала свои горькие плоды. Даже при наличии 1,1 миллиона безработных реализация продукции на внутреннем рынке наталкивалась на большие трудности, а этот уровень оказался пройденным, кризис еще обострился. В первой четверти 1930 года в Германии насчитывалось не менее трех миллионов безработных.

Генрих Брюнинг и кризис

В этой неблагоприятной экономической обстановке ведущий деятель партии Центра Генрих Брюнинг образовал в марте 1930 года новый кабинет без участия социал-демократов, хотя социал-демократы готовы были оказать ему поддержку. Я не только был дружен с Генрихом Брюнингом, не только высоко ценил его, но и считал, что смогу оказывать на него влияние. Последнее не оправдалось, так как — что вскоре стало ясным — Брю-

нинг, безусловно, представлял интересы крупной промышленности. Поэтому по ряду вопросов я был не согласен с канцлером, хотя считал положительным явлением его готовность к компромиссам и к сотрудничеству с профсоюзами. Доктор Брюнинг просил моего содействия; он хотел, чтобы наша сельскохозяйственная фракция поддержала его кабинет. Он был бы рад, если бы я вошел в правительство в качестве министра продовольствия, сельского хозяйства и лесного хозяйства. Но я не согласился на это предложение, и пост министра сельского хозяйства занял Мартин Шиле, бывший депутат Немецкой национальной партии, в то время депутат Сельскохозяйственной партии.

В беседе с Брюнингом я выразил убеждение, что в ту пору самой важной задачей было укреплять единство молодой фракции Сельскохозяйственной партии, кроме того, необходимо было использовать хорошие отношения с социал-демократами, которые я установил, будучи президентом Германского конгресса земельных общин, тем более что после выхода социал-демократов из правительства между Брюнингом и СДПГ начались трения. К тому же я был сравнительно слишком молод для такого важного поста. Больше всего я хотел обеспечить единство в рядах Сельскохозяйственной партии, помочь ее укреплению и наладить сотрудничество между этой партией и кабинетом с тем, чтобы Германский конгресс земельных общин внес свою лепту в решение столь настоятельной проблемы, как проблема безработицы. Я считал, что министром еще успею стать. На пост министра я предложил кандидатуру моего друга Шлангешенингена, который и вошел во второй кабинет Брюнинга.

Сельскохозяйственная партия поддерживала политику Брюнинга, хотя и не безоговорочно — иногда мы его критиковали. Ведь наши усилия были направлены на то, чтобы защищать интересы аграрных кругов, которые мы представляли. Как президент Германского конгресса земельных общин, я считал своей обязанностью укреплять — в первую очередь в политическом плане — позиции земельных общин, которым все правительства уделяли недостаточное внимание. Перед лицом кризиса проблема эта приобрела еще большую остроту.

Брюнинг не смог вовремя понять опасность надвигающейся экономической катастрофы — оглядываясь

пазад, я могу это утверждать со всей ответственностью. Канцлер, так сказать, плыл по течению. Направление его политики определялось тем, как в тот или иной момент развивались события. Беда Брюнинга была в том, что он ограничивался полумерами. Иногда его вмешательство даже обостряло кризис.

С удивлением я наблюдал, как при Брюнинге в 1930 году образовался узкий круг промышленников и банкиров, которых, по всей вероятности, собрал его статс-секретарь в имперском министерстве экономики Эрнст Тренделенбург. Впрочем, часть приближенных канцлера связались с ним самостоятельно, стремясь влиять на его политику. Все эти промышленники представляли свои собственные интересы или, точнее, интересы своих концернов. Среди них были Герман Шмиц и Вихард фон Меллендорф из концерна «ИГ Фарбениндустри»; Карл Бош и Карл Дуисбург, с которыми Брюнинг был дружен много лет, рекомендовали ему этих людей в качестве советников. На сцене появился также Роберт Пффердменгес, предложивший Брюнингу воспользоваться его обширными связями; много лет спустя Пффердменгес стал советником и банкиром Аденауэра.

На первых порах кабинет Брюнинга пытался использовать кризис для того, чтобы с помощью чрезвычайных законов выполнить требования промышленников. Президент, применяя статью 48 имперской конституции, в значительной мере парализовал рейхстаг. Но этим канцлер ослаблял парламент, подрывал демократические основы республики, ставил кабинет в слишком большую зависимость от президента и его окружения. Рано или поздно это должно было привести к самым тяжелым последствиям. Первый закон о чрезвычайных полномочиях Брюнинга, изданный в июле 1930 года, был отвергнут рейхстагом два дня спустя. После этого Гинденбург по рекомендации канцлера распустил рейхстаг и назначил новые выборы на 14 сентября 1930 года.

Нацисты сплачиваются

Предвыборная борьба принимала все более ожесточенные формы. Моя фамилия стояла в самом начале списка Сельскохозяйственной партии; как один из ру-

ководителей этой партии, я подвергался злостным атакам со стороны Немецкой национальной партии, руководимой Гугенбергом. Одновременно мне приходилось вести жестокие бои с другими противниками, особенно с нацистами, выступления которых становились с каждым днем все более наглыми и беззащитными.

Со времени гитлеровского путча в Мюнхене я был безусловным противником нацистского движения. Я не просто не любил их, но в отличие от немалого числа моих друзей не был согласен со всей их программой. Я хорошо понимал, какую опасность для немецкого народа и для его будущего представляют эти демагоги, грозившие уничтожить все другие партии — от крайне правых до крайне левых; оголтелые антисемиты, претендовавшие на установление собственной диктатуры, наглые противники республики, умело пользовавшиеся демократическими правилами игры для того, чтобы подорвать государство и захватить власть. Понимал я также, что нацисты особенно опасны тем, что пользуются поддержкой рейнских промышленников. Я понял это из разговоров фон Вильмовски и Дуисбурга, о которых речь шла выше.

Даже Шлейхер, ставший к тому времени генерал-майором, подвергался ожесточенным атакам нацистов. Летом 1930 года газета «Фелькишер беобахтер» назвала Шлейхера одним из трех вожakov «генеральской клики в имперском министерстве обороны» (Шлейхер, Штюльпнагель, фон дем Буше), которая была якобы известна своей политикой протекционизма и тем, что она «разжигает нездоровые страсти» в широких кругах офицерского корпуса во всей стране.

На предвыборном собрании в избирательном округе Галле-Мерзебург расвирепевшие штурмовики вырвали у меня из рук папку с докладом и под улюлюканье своих сообщников выбросили ее в окно. Но я сохранил спокойствие и, обращаясь к разбушевавшейся своре, заметил, что мне не нужны конспекты, я все держу в голове, а вот безголовые дураки вряд ли сумеют говорить без шпаргалки. Мы можем, следовательно, добавил я, продолжать собрание и даже вести дискуссию, если штурмовики наконец утихомятятся.

Как заместителю председателя Сельскохозяйственной партии Германии мне приходилось часто выступать за пределами моего избирательного округа, но в пяти-

десяти избирательных округах результаты голосования оказались для нас очень неблагоприятными. Наша партия, за которую голосовали группы, отколовшиеся от Немецкой национальной и Немецкой народной партий, получила тридцать два мандата в рейхстаге. Кроме меня, избранными оказались Шиле, Шланге-Шенинген, Дебрих, Геметер и граф Франц фон Штауффенберг, а также Зибель из Имперского земельного союза, примкнувшего к нам. Группа, руководимая Вестарпом, Готфридом Тревиранусом, Рейнгардом Муммом и Вальтером Ламбахом, получила всего восемнадцать мест. Неблагоприятными оказались результаты выборов и для Немецкой государственной партии — бывшей Демократической партии, — она получила всего четырнадцать мест. Социал-демократы также потеряли ряд мандатов, зато коммунистам удалось увеличить число голосов.

Но подлинной сенсацией был, увы, тот факт, что национал-социалистская партия, которая до сих пор имела всего лишь двенадцать мест в рейхстаге, послала в парламент сто семь депутатов. Всем антифашистам и демократам было над чем призадуматься! Однако выводы, которые сделали, в частности, я и мои друзья, были — как оказалось впоследствии — совершенно недостаточными. Мы полагали, что успех Гитлеру принесли два фактора: во-первых, все обострявшаяся безработица, во-вторых, сотрудничество с Гугенбергом. Тогда еще не было известно, что Гитлер получил значительные суммы для финансирования своей предвыборной кампании от крупных рейнских промышленников.

Необходимо было мобилизовать все средства и повести решительную борьбу против обнищания народа с тем, чтобы добиться каких-то сдвигов в этой области. Я считал, что таким образом можно выбить почву из-под ног нацистов, помешать их демагогической пропаганде. Брюнинг разделял это мнение. Мы полагали, что если в ближайшем будущем удастся как-то разрешить насущные социальные проблемы, то нацистская партия не сможет добиться дальнейших успехов. Однако Брюнинг не уделял этим проблемам достаточного внимания.

В этом состоит серьезный просчет политики Брюнинга. Почти никто из нас в те месяцы не ожидал столь стремительного роста безработицы. Все меры, принятые правительством по борьбе с безработицей, оказались, по существу, неэффективными. Второй просчет

Брюнинга имел еще более роковые последствия. Вместо того чтобы вести энергичную принципиальную борьбу с нацистским движением, Брюнинг признал его и даже выразил готовность вести переговоры с Гитлером. Известные представители крупных промышленных монополий в эти недели после выборов в рейхстаг оказывали давление на канцлера, пытаясь заставить его включить в кабинет нацистских министров. Он сам мне рассказывал об этом. Конечно, Брюнингу это не нравилось, ему вовсе не улыбалась мысль иметь у себя в правительстве эдаких «скандалистов». Тем не менее — и это необходимо ясно осознать — переговоры Брюнинга с Гитлером помогли последнему укрепить престиж и стать в глазах общественности персоной, к которой в политическом плане следует относиться вполне серьезно.

В те месяцы впервые обнаружили мои разногласия с Брюнингом. Однажды я подверг критике кабинет за то, что он недостаточно кардинально разрешает вопросы трудоустройства, в другой раз — за то, что он занимает недостаточно твердую позицию по отношению к нацистам. Третий пункт наших разногласий касался земельных общин, финансовое положение которых все ухудшалось. И здесь канцлер занял половинчатую позицию, которая была для меня непонятна. Разногласия обнаружили также с министром Шиле, который под влиянием руководителей Имперского земельного союза и небольшого круга лиц, группировавшихся вокруг фон Зибеля, выдвигал на первый план так называемую «восточную помощь», иными словами — меры по ликвидации задолженности крупных землевладельцев за счет государства, пренебрегая интересами сельского хозяйства в целом и не желая проводить активную переселенческую политику. Именно этот вопрос вызвал наиболее ожесточенные споры в Сельскохозяйственной партии. Мы даже имели все основания опасаться, что разногласия приведут к распаду партии, как это впоследствии и случилось, правда под нажимом нацистов.

Очередной ежегодный конгресс прусских земельных общин я назначил на 21 ноября 1930 года. Мы пригласили на него Генриха Брюнинга и Мартина Шиле, а также социал-демократов Рудольфа Гильфердинга и Карла Зеверинга. Брюнинг и Зеверинг должны были изложить свое мнение о политике имперского правительства в области финансов и экономики.

Накануне вечером я, как обычно, пригласил гостей на прием с пивом, чтобы в непринужденной беседе попытаться разрешить целый ряд вопросов, по которым существовали разногласия, особенно разногласия между Брюнингом и социал-демократами. Наша организация все еще выступала за сотрудничество между буржуазными партиями и Социал-демократической партией. Сзывая этот конгресс, мы, как и прежде, преследовали цель дать отпор организованному нажиму справа на Брюнинга.

В эти недели перед лицом нацистской угрозы я проникался все большей уверенностью в том, что нам необходимо самое тесное сотрудничество с социал-демократами и профсоюзами. Поскольку социал-демократические лидеры относились к кабинету Брюнинга терпимо, я надеялся, что мои предложения будут поняты рейхсканцлером. В ту пору, как, впрочем, и позже, я, подобно Брюнингу, недооценивал истинные размеры опасности. Мы не уяснили тогда ту непреложную истину, что только союз всех антифашистских сил, включая коммунистов, был бы в состоянии эффективно бороться против нацистской угрозы.

В моей речи на конгрессе земельных общин в пленарном зале рейхстага я главным образом говорил о последствиях кризиса и политики правительства для земельных общин и земельных округов. Сообщения, полученные нами в те последние недели из земельных общин — членов нашего Союза, были чрезвычайно тревожными. Большие трудности испытывали не только крупные предприятия, но и общины и общинные объединения; они все сильнее страдали от задолженности. Брюнинг, однако, заботился об одних лишь крупных концернах, директора которых прожужжали ему все уши, жалуясь на трудности. В земельных общинах, где положение к тому времени стало невыносимым, проживали миллионы рабочих, сотни тысяч из них были безработными, то есть не платили больше налогов, из которых отчислялись определенные суммы на пособия по безработице. Поэтому общины могли выплачивать безработным и их семьям пособия лишь в порядке благотворительности. Обнищание и нужда росли изо дня в день, а имперское правительство так и не предприняло каких-либо эффективных мер. Чрезвычайный закон, который рассматривал имперский кабинет, мог лишь ухудшить экономиче-

ское положение рабочих и тем самым обострить ситуацию в общинах. А такие важные и нужные работы в земельных общинах, как, например, строительство шоссе и дорог, не могли быть осуществлены из-за нехватки средств. Но Брюнинг остался глухим к нашим предложениям. Он продолжал цепляться за правительственную декларацию от 16 октября 1930 года, обнародованную в рейхстаге. Большую часть этой программы он с помощью Гинденбурга осуществил, издав 1 декабря свой первый чрезвычайный закон, направленный якобы на «обеспечение устойчивости экономики и финансов». Мы с ужасом убедились в том, что Брюнинг открыто пошел по пути все больших уступок крупным промышленникам, по пути разрыва с профсоюзами. Такая политика была чревата огромными опасностями. И вот в декабре я принял решение выступить от имени Сельскохозяйственной партии с публичным заявлением, в котором осудил чрезвычайный закон.

Брюнинг иногда запросто захаживал в ресторан «Рейнгольд», где у него был даже резервирован столик в нише. Там он в непринужденной обстановке общался с другими политиками. После опубликования нашего заявления я встретил канцлера в его излюбленном ресторане. Брюнинг был явно рассержен, тем не менее я еще раз подробно изложил ему мою позицию. Разногласия не повлияли на наши добрые отношения, чему немало способствовали вечера в ресторане «Рейнгольд». Здесь я научился ценить Брюнинга, его вдумчивость, его исключительную скромность. Он был настолько решительным противником коррупции в любой форме, что иногда его поведение могло показаться даже странным. Как-то раз в моем присутствии он отпустил шофера служебной машины домой и вызвал такси, вспомнив, что ему еще надо куда-то поехать по личным делам. А такую «личную» поездку он не захотел совершить за казенный счет.

Весной 1931 года число безработных в Германии снова резко подскочило. Все оптимистические прогнозы правительства, сделанные в пропагандистских целях, оказались ложными. Вместо двух миллионов безработных, как это предполагал Брюнинг и его советники, их уже в феврале оказалось 4,9 миллиона. Правда, летом число безработных удалось сократить на миллион. Но и существовавшие 3,9 миллиона безработных были катастрофой, последствия которой было трудно предвидеть.

Однако Брюнинг не думал об этих последствиях. Главным ему казалось то, что миллион рабочих вновь удалось включить в производственный процесс. Брюнинг исходил из того, что кризис уже прошел кульминационную точку, однако все расчеты канцлера оказались совершенно несостоятельными.

Сокращение безработицы — в той мере, в какой оно не было вызвано сезонными причинами, — объяснялось многочисленными заказами, полученными германской промышленностью от Советского Союза. Одним из главных инициаторов экономического сотрудничества с Советским Союзом был крупный промышленник Отто Вольф. Вольфу, поддержанному Клеккнером и личным другом Клеккнера фон Дирксеном — немецким послом в Москве, — удалось добиться большого успеха — советские внешнеторговые организации разместили в Германии миллионные заказы на товары, которые были нужны Советскому Союзу для выполнения пятилетнего плана. С тех пор и до 1933 года Советский Союз стоял на первом месте во внешнеторговом балансе Германии.

Но летом 1931 года в Германии разразился тяжелейший финансовый кризис, приведший к полному банкротству таких сверхгигантов, как «Данат-банк» и «Дрезднер банк». Теперь уже нельзя было отрицать, что страну постигла экономическая катастрофа. Имперский кабинет был вынужден мобилизовать многомиллионные суммы, полученные из средств налогоплательщиков, чтобы спасти германскую банковскую систему от окончательного краха. Наконец-то и Брюнинг осознал масштабы и возможные последствия кризиса; а осознав, предпринял все возможное для того, чтобы предотвратить крушение всей экономической системы в стране. В этой обстановке группа промышленников — собственников предприятий рейнской тяжелой промышленности — обратилась к Гинденбургу с требованием заставить Брюнинга преобразовать кабинет и включить в него нацистских министров. Рейхспрезидент по совету Дуисберга отказался выполнить это требование, но предложил Брюнингу расширить кабинет за счет правых сил, исключая, правда, членов нацистской партии. Правый кабинет был образован в начале октября 1931 года. Показательно, что Иозеф Вирт, игравший большую роль при заключении Рапалльского договора и неустанно предупреждавший о

растущей угрозе национализма, был вынужден покинуть пост министра внутренних дел в кабинете Брюнинга.

В мае 1931 года КПП представила свой проект обеспечения рабочих, содержащий, на мой взгляд, многие позитивные предложения, которые можно было бы провести в жизнь, сотрудничая с профсоюзами. Хотя я и не был согласен со способом финансирования проекта, предложенного КПП, но считал, что сам проект открывает перед всеми заинтересованными сторонами возможность сотрудничества. В феврале я, например, вместе с членами фракции СДПГ и КПП голосовал за сокращение расходов на авиацию. Можно назвать и другие случаи, когда буржуазные партии и организации успешно сотрудничали с СДПГ, с КПП и с профсоюзами, особенно когда дело касалось совместной борьбы с нацистами. Однако открывшиеся возможности сотрудничества не были использованы по-настоящему из-за позиции Всеобщего германского объединения профсоюзов и многих социал-демократических лидеров. Не раз я вступал в переговоры по этому вопросу с представителями СДПГ и Всеобщего германского объединения профсоюзов, не раз информировал Брюнинга о моих попытках. Все было напрасно. Брюнинг решительно отвергал всякое сотрудничество с КПП.

Ужасающая нужда, от которой страдали миллионы безработных, постепенно распространялась и на средние слои населения, доводила их до полного отчаяния. А это играло на руку нацистам, помогало их беззастенчивой пропаганде. Такое положение сумела использовать и группа рурских промышленников — она начала все более открыто выступать в поддержку Гитлера.

Обеспечение работой «на государственных началах»

В этой обстановке многие организации, ученые, промышленники и представители общественности начали выдвигать разного рода предложения о том, чтобы государство взяло на себя организацию обеспечения трудящихся работой. В Германском конгрессе земельных общин и в Союзе прусских земельных общин, в частности, развернулась оживленная дискуссия — целью ее было

изыскать способы для избавления земельных общин от задолженности. В ряде проектов предлагалось провести реформу системы страхования от безработицы (закон 1927 года), другие участники дискуссии рекомендовали использовать безработных на работах, субсидируемых государством. Тем самым можно было бы мобилизовать рабочую силу для проведения неотложных работ в общинах, а это в свою очередь увеличило бы возможности сбыта продукции на внутреннем рынке. Кроме того, работа на государственных началах способствовала тому, что оставшиеся до сих пор без внимания, но важные с экономической точки зрения мероприятия в области инфраструктуры были бы проведены самим государством.

Конкретно речь шла о расширении сети дорог, об улучшении водных путей сообщения, о мелиорации и о решении переселенческой проблемы. Все эти работы предполагалось финансировать с помощью государственного кредитования — иными словами, государство должно было предоставить своего рода аванс, который был бы впоследствии погашен за счет возросших налоговых поступлений. Если бы имперское правительство раздало коммунам (землям, районам и общинам) государственные заказы, то это бы в свою очередь оживило инвестиционную деятельность частных предприятий. Мы считали, что, идя по такому пути, можно разрешить одновременно несколько проблем, например облегчить положение общин в области финансов и налоговых поступлений. Ведь труд вновь включенных в производственный процесс безработных должен был оплачиваться по нормальным тарифным ставкам. Предложенные мероприятия могли бы стимулировать развитие самых различных областей экономики, а главное — облегчить ужасающую нужду безработных во всей стране.

Эти мысли и планы я подробно обсуждал осенью 1931 года не только с сотрудниками Германского конгресса земельных общин и Союза прусских земельных общин, но и с канцлером Брюнингом, с тогдашним статс-секретарем доктором Попитцем, а также с имперским министром Тревиранусом. В дискуссиях с ними я защищал ту точку зрения, что не следует больше финансировать задолжавших крупных остэльбских землевладельцев, которых без конца финансировали в соответствии с программой «восточной помощи»; мне казалось необходимым заселить земли остэльбских юнкеров, попавших в

долговую кабалу, сельскими безработными и бедными крестьянами.

К сожалению, Брюнинг все еще проявлял нерешительность, склоняясь то на сторону осаждавших его представителей банков и части тяжелой промышленности, то на сторону таких людей, как Попитц, Тревиранус и я. Требования Всеобщего германского объединения профсоюзов (сам Брюнинг был связан с христианскими профсоюзами) также не могли побудить канцлера энергично взяться за программу обеспечения работой миллионов безработных на государственных началах. Лично я много раз беседовал с представителями профсоюзов, и, к моей радости, мы сумели найти с ними общий язык.

В рейхстаге я поддерживал контакт также с одним из ведущих нацистских функционеров Грегором Штрассером. Между Грегором Штрассером и Гитлером существовали серьезные разногласия. За спиной Гитлера стояли реакционные круги германской тяжелой промышленности, которые через посредничество Шахта определяли его действия; что касается Штрассера, то он, пожалуй, в большей степени отражал интересы электротехнических и химических концернов. Я подробно обсудил со Штрассером возможности государственных мероприятий по борьбе с безработицей. Штрассер указал, что он выступает за принятие государственной программы борьбы с безработицей и готов поддержать меня по всем пунктам. Мы договорились установить постоянный контакт друг с другом. В качестве посредника Штрассер назвал некоего Германа Р. Кордемана, который, как мне потом рассказывал Шлейхер, выполнял функции связного между Штрассером и им.

Примерно те же взгляды на проблему трудоустройства содержались и в заявлении, обнародованном осенью 1931 года Всеобщим германским объединением профсоюзов. Фриц Тарнов из профсоюза деревообделочников, Владимир Войтински из профсоюзного органа «Ди арбайт» и экономист Фриц Бааде разработали план трудоустройства безработных, который в значительной степени совпадал с нашими предложениями.

В конце 1931 года я вновь попытался убедить канцлера в необходимости срочных мер для разрешения вопроса о трудоустройстве миллионов трудящихся. В тот день Брюнинг показался мне подавленным, он сказал,

что теперь, пожалуй, не остается другого выхода, кроме как послушаться нас. В январе будет созван Имперский экономический совет, который рассмотрит наши предложения. Эти слова меня удивили, ибо до сих пор Брюнинг не прибегал к помощи Совета, он консультировался лишь со своими собственными доверенными лицами из числа промышленников. Я спросил, как отнесутся к этой проблеме его друзья из числа крупных промышленников? Пожав плечами, Брюнинг заметил: — «Теперь они не могут договориться даже между собой».

В январе 1932 года Теодор Лейпарт действительно созвал Имперский экономический совет, чтобы обсудить все проекты трудоустройства. Дискуссии продолжались до марта, становясь все ожесточеннее. Но никакого соглашения достигнуть не удалось.

Предвыборная борьба и наши иллюзии

Согласно Веймарской конституции, рейхспрезидент избирался прямым голосованием сроком на семь лет. Полномочия Гинденбурга, который был избран в 1925 году, истекали, таким образом, в 1932 году. Брюнинг, стремившийся к тому, чтобы избежать особенно свирепой предвыборной борьбы в этот период — период экономического кризиса, предложил партиям выступить с совместным заявлением и продлить срок полномочий президента парламентским путем. Усилившаяся к тому времени национал-социалистская партия и Немецкая национальная партия отклонили предложение канцлера; используя предвыборный ажиотаж, они хотели попытаться захватить власть. Впрочем, и сам Гинденбург заупрямился — не пожелал дать согласие на свое переизбрание решением рейхстага, хотя при известных обстоятельствах такая процедура предусматривалась конституцией. Секрет был в том, что Гинденбург не хотел зависеть от воли парламента. Канцлеру не оставалось другого выхода, как назначить новые выборы.

Несмотря на свои восемьдесят четыре года, Гинденбург имел завидное здоровье, все считали, что он сможет пробыть на посту канцлера еще несколько лет. Общеизвестно было его отрицательное отношение к Гитле-

ру и к нацистской партии; самого Гитлера он не называл иначе как «богемский ефрейтор», «болтун». И Брюнинг, поддерживавший очень хорошие отношения с Гинденбургом, и представители СДПГ, и члены многих буржуазных партий видели в Гинденбурге единственного кандидата, которого можно было бы противопоставить Гитлеру и который имел все шансы победить Гитлера, предотвратив таким образом приход к власти нацистов парламентским путем. Действительно, учитывая результаты последних выборов в рейхстаг, необходимо было найти такую кандидатуру, которая была бы приемлемой для СДПГ и для всех «умеренных» буржуазных партий, иначе было бы невозможно нанести поражение Гитлеру.

В узком кругу проходили предварительные переговоры, в которых я участвовал как представитель Сельскохозяйственной партии. Лично я договаривался с ведущими представителями СДПГ доктором Брейтшейдом и доктором Гильфердингом, а также с представителями Всеобщего германского объединения профсоюзов и христианских профсоюзов. При этом я еще раз мог убедиться в том, что, кроме Гинденбурга, нет другой кандидатуры, на которую согласились бы представители СДПГ, Центра, а также правые партии. Как-то я беседовал также с тогдашним председателем коммунистической фракции рейхстага Эрнстом Торглером. В разговоре со мной Торглер еще раз заявил, что КПГ решительно отвергает кандидатуру Гинденбурга. КПГ считала, что Гинденбург расчищает путь Гитлеру. Это убеждение отразилось в листовках КПГ, в которых выдвигался лозунг: «Кто выбирает Гинденбурга, выбирает Гитлера, кто выбирает Гитлера, выбирает войну!» Для меня, как и для всех других представителей буржуазных партий, эта позиция казалась непонятной. Доктор Брейтшейд и доктор Гильфердинг, принадлежавшие к левому крылу СДПГ, в прошлом члены Независимой социал-демократической партии, в беседах с Торглером защищали ту же точку зрения, что и я.

Выборы приближались, и в Германии были образованы различные комитеты по организации и проведению предвыборной кампании в пользу Гинденбурга. В них принимали самое активное участие берлинский обер-бургомистр Зам, граф Вестарц, многочисленные промышленники и профессора.

Задача заключалась в том, чтобы координировать работу этих комитетов или «объединений друзей Гинденбурга», как их называли в отдельных частях Германии, с тем, чтобы обеспечить единое руководство ими в приближавшейся предвыборной борьбе. Это, несомненно, было трудной задачей: ведь нужно было собрать под общим знаменем силы, которых, кроме стремления отстоять кандидатуру Гинденбурга, по сути дела, ничего не объединяло.

В конце января 1932 года граф Вестарп предложил, чтобы я в качестве президента «союза объединений друзей Гинденбурга» принял на себя руководство организацией предвыборной борьбы в пользу Гинденбурга. Моим главным соперником стал Геббельс. Генрих Брюнинг и генерал фон Шлейхер решительно поддержали это предложение. Они считали, что в моем распоряжении имеется благодаря моей работе в Конгрессе земельных общин широкая надпартийная организация, тесно связанная с большинством партий и с профсоюзами и способная создать нечто вроде «фронта Гинденбурга». Шлейхер подчеркивал во время переговоров, что у меня хорошие связи с представителями социал-демократов, и заметил, улыбаясь, что «старому господину» (то есть Гинденбургу) я, несомненно, должен внушать симпатию как бывший прусско-королевский референдарий в Потсдаме. Брюнинг, Вестарп и Шлейхер считали, что обер-бургомистр Зам, активно принимавший участие в предварительных переговорах, является менее подходящим кандидатом, так как он не пользовался особой симпатией у «левых» и часто вступал в противоборство с социал-демократами.

Я согласился взять на себя предложенную задачу, так как считал, что смогу этим укрепить позиции Брюнинга, особенно в вопросе трудоустройства и политики заселения помещичьих земель, и нанести поражение Гитлеру. К этому времени Гинденбург, как и Брюнинг, еще решительно отказывался включать нацистских министров в состав правительства.

В конечном итоге были выдвинуты пять кандидатур на президентских выборах: Гинденбург, Гитлер, Тельман, подполковник Дюстерберг от Немецкой национальной народной партии и некий господин Винтер.

Для проведения подобного рода предвыборной кампании нужны деньги, очень много денег. Хотя призыв

вносить пожертвования в фонд имени Гинденбурга и имел определенный успех, но суммы, полученные в результате этих пожертвований, большей частью были истрачены на нужды предвыборной пропаганды местных «объединений друзей Гинденбурга». Для печатания больших предвыборных плакатов, листовок и проведения собраний нужно было собрать средства в централизованном порядке. Мы получили их от промышленников, например от представителей «ИГ Фарбениндустри» Карла Дуисберга, представителя концерна Круппа Тило фон Вильмовски, а также от Карла Фридриха фон Сименса и Фридриха Фликка. К тому же отдельные партии, поддерживавшие кандидатуру Гинденбурга на выборах, стремились экономить средства, поскольку предстояли парламентские выборы. Поэтому они требовали от меня значительных сумм для печатания специальных плакатов, призывавших членов той или иной партии голосовать за Гинденбурга. В зависимости от политической позиции каждой из таких партий они выдвигали различного рода аргументы в поддержку Гинденбурга.

Так, например, правые круги предложили выпустить плакат с лозунгом: «Выбирайте Гинденбурга, победителя при Танненберге и освободителя Восточной Пруссии!» Против этого высказывали свои сомнения различные представители социал-демократов — члены комитета в поддержку кандидатуры Гинденбурга. Зевелинг в узком кругу выдвинул свой вариант: «Ребята, выпейте рюмку водки и выбирайте Гинденбурга!» Но я возразил ему, что листовки с таким лозунгом не будут иметь успеха. Наконец мы все согласились со следующим призывом: «Ни одного голоса Гитлеру, выбирайте Гинденбурга!» В этом лозунге нашло отражение наше убеждение, что Гинденбург никогда не призовет Гитлера на пост рейхсканцлера.

Несмотря на симпатии, которые я лично испытывал уже в течение многих лет по отношению к представителям КППГ, я все же считал утверждение этой партии, что Гинденбург в конце концов приведет к власти Гитлера, неправильными. Это было тяжелой, роковой ошибкой. Оглядываясь назад, я должен заметить, что для оценки политической ситуации мне тогда не хватало более глубокого понимания сути капиталистического общества. Тогдашние наши суждения слишком

сильно определялись субъективными моментами. Что касается меня, то к этому надо добавить, что я тогда недооценивал силу тех кругов крупных промышленников, которые целенаправленно связывали свои собственные интересы с поддержкой нацистов.

Поскольку для централизованного руководства предвыборной борьбой помещения Германского конгресса земельных общин на Потсдамерштрассе были явно недостаточны, я арендовал целый этаж в отеле «Принц Альбрехт», превратив его в свою главную квартиру. Вместе с моими испытанными сотрудниками из Конгресса земельных общин и Союза я переехал с Потсдамерштрассе на Принц-Альбрехтштрассе. Генеральный секретарь Штандтке, синдик Штейнберг, руководитель пресс-центра доктор Мюлнер, главный бухгалтер Фрейганг и несколько секретарш с удовольствием согласились работать со мной на совершенно ином, новом поприще. На этот раз все члены правления Германского конгресса земельных общин и Союза прусских земельных общин — независимо от их партийной принадлежности — полностью одобрили мое решение. Поэтому не возникало никаких трудностей при переключении усилий лучших работников Союза с работы в Конгрессе на работу в комитете по организации предвыборной борьбы. Германский конгресс земельных общин теперь приобрел особое значение не только в узкокоммунальной, но и в политической области. Если раньше ведущим коммунальным объединением считался Конгресс городов во главе со своим президентом доктором Мулертом и кёльнским обер-бургомистром доктором Аденауэром, то теперь всеобщей известностью пользовались Германский конгресс земельных общин и Союз прусских земельных общин. Это, конечно, очень положительно сказалось на возможностях защиты интересов нашего Союза во взаимоотношениях с министерствами. Подписанным мною ходатайствам, которые направлялись в то или иное министерство, уделялось теперь там куда больше внимания, чем ходатайствам Конгресса городов или менее крупных союзов городов.

Надо было за короткое время проделать огромную организационную работу. Сравнительно быстро удалось нам при поддержке председателей окружных организаций объединения земельных союзов образовать во всех районах и крупных общинах местные комитеты имени

Гинденбурга. В них были представлены все партии, выступавшие в поддержку кандидатуры рейхспрезидента. Это было бы невозможно без опоры на хорошо функционирующую большую организацию земельных союзов. Большие трудности возникали также в вопросе правильного выбора ораторов. В крупных городах должны были выступить на предвыборных митингах несколько ораторов от различных партий. Это означало, что ораторы должны были заранее более или менее согласовывать свои выступления. При этом нередко возникало деликатное положение, когда одновременно выступали депутаты, которые резко враждовали друг с другом в парламенте.

Каждый день мне приходилось вести длительные переговоры с намеченными для выступлений ораторами, чтобы уладить разногласия и между ними предотвратить по возможности грозившие провалы. Помимо этого, я почти каждый вечер сам выступал на многочисленных собраниях, по большей части там, где положение мне казалось неблагоприятным для нас. С большим трудом удавалось справиться с такой тяжелой программой, пользуясь для передвижения самолетами и машиной. Часто собрания проходили чрезвычайно бурно, особенно тогда, когда нацисты направляли туда своих штурмовиков с целью сорвать собрание.

Особенно бурные события разыгрались на собрании в здании цирка «Саррасани» в Дрездене. Там нацисты заняли большую часть помещения и вывели из строя громкоговорители. Они встретили меня дикими воплями: «Германия, проснись; Гереке, заткнись!» В комитет имени Гинденбурга в Дрездене входил в то время как представитель Немецкой народной партии Иоганнес Дикман. Повышая до предела голос, я сумел, хоть и на короткое время, заставить слушать себя. В конце выступления я крикнул в бесновавшуюся толпу: «Долой крикунов, долой Гитлера, голосуйте за Гинденбурга!» Вернувшись к машине, я нашел ее в сильно изуродованном виде. Нацисты оттеснили полицию и водителя и выбили все стекла в окнах машины. К счастью, мотор оказался в исправности. Мы вынуждены были без стекол при неприятной мартовской погоде вернуться в Берлин.

Меня сопровождал в этой поездке мой кузен Иохен Шмидт-Клевитц, выполнявший должность референдаря и откомандированный по моему требованию вместе

с несколькими друзьями на Принц-Альбрехтштрассе, а среди провожавших меня была и «королева красоты», выполнявшая обязанности секретарши. Мы возили с собой в термосе глинтвейн, с помощью которого мне удалось более или менее восстановить свой охрипший голос. Ведь я должен был выступать на очередном митинге уже на следующий день, и к этому времени надо было полностью излечиться. Ко всем несчастьям, оказалось, что изуродованный автомобиль был служебной машиной министр-президента Отто Брауна, который предоставил мне ее для этой поездки. На следующее утро я вынужден был принести извинения Брауну за случившееся. Отто Браун меня успокаивал, заметив, что главное теперь заключается в том, чтобы я смог продолжать свою деятельность. Он заявил, что даже не потребует возмещения ущерба из средств предвыборного фонда.

Нацистам удалось дезорганизовать и ряд других собраний, например в Бреславе, Гамбурге, Кенигсберге, Штутгарте, Ганновере. Поэтому я уделил особое внимание подготовке массового митинга в Берлине, который должен был состояться в Спортпаласте. Было намечено, что в Спортпаласте, который тогда уже приобрел печальную славу в связи с разнузданными речами Геббельса, должны были выступить рейхсканцлер доктор Брюнинг и я, а кроме того, очень кратко — по настоятельной просьбе Гинденбурга — кто-то из старых генералов. Я договорился с Брюнингом, что на этот митинг мы направим как можно большее число членов социал-демократической организации «Рейхсбаннер» и Всеобщего германского объединения профсоюзов (АДГБ), сосредоточив в зале побольше активистов, которые могли бы в случае необходимости дать отпор нацистским крикунам. Подобного рода массовые митинги открывались обычно музыкой. Выбор песни в таких случаях играл определенную роль. Представители организации «Рейхсбаннер» желали исполнения «Интернационала», друзья Гинденбурга настаивали на марше «Фридерикус рекс». Мне казалось неуместным ни то, ни другое. Наконец приняли соломоново решение. Поскольку выступал бывший ландрат из Торгау, то согласились, чтобы был исполнен «Торгауский марш». Так и было сделано. Собрание против ожидания прошло без особых помех и имело большой резонанс.

После некоторых митингов, на которых нацистам удалось нанести нам поражение из-за разногласий в наших собственных рядах, мы согласились, что на крупных манифестациях следует избежать узкопартийно-политических дискуссий между представителями различных групп избирательного блока в поддержку Гинденбурга. Главную силу удара необходимо было направить против нацистов. Вместе с доктором Мюльнером я разработал некоторые примерные тексты выступлений, которые были разосланы всем комитетам в поддержку кандидатуры Гинденбурга. Эти наброски могли быть просто зачитаны, если местные комитеты не захотели бы организовать самостоятельные выступления.

Поскольку Гинденбург в отличие от своего главного соперника Гитлера лично в предвыборной борьбе не участвовал, мы составили для него краткую речь, которую он наговорил на пластинку во дворце президента. Радио тогда еще мало использовалось, поэтому в менее крупных земельных общинах ставили эту пластинку, чтобы слушатели могли получить впечатление личного присутствия рейхспрезидента. Правда, слушание пластинки было возможным лишь в маленьких местечках, так как в городах риск того, что передача будет сорвана, был слишком велик.

Гинденбург, несомненно, был заинтересован в счастливом исходе предвыборной борьбы. Но его мало устраивало, что его кандидатуру поддерживают социал-демократы и профсоюзы. Он был сердит на Брюнинга за то, что тот не сумел создать блока правых сил в поддержку кандидатуры рейхспрезидента. Гинденбург хотел иметь такой кабинет, который мог бы править без опоры на социал-демократов, а это означало — при сложившемся тогда соотношении сил в парламенте — поддержку правительства со стороны национал-социалистской партии. Гинденбург обосновал эту свою позицию в пространном письме, в котором он выдвинул тяжкие обвинения против правых партий из-за отсутствия единства среди них.

Гинденбургу всегда было приятно, когда в поддержку его кандидатуры высказывались правые деятели. Как-то он просил меня познакомить его с некоторыми представителями местных комитетов имени Гинденбурга.

Я отправился вместе с отобранными для этой цели председателями этих комитетов, принадлежавших к са-

мым различным партиям, во дворец президента, где было устроено нечто вроде правительственного приема, во время которого состоялась беседа с президентом. Большинство присутствовавших были членами Германского конгресса земельных общин из провинции Саксония, где когда-то был расквартирован четвертый армейский корпус с центром в Магдебурге, командующим которого до второй мировой войны был Гинденбург. Поэтому ему были хорошо известны места, откуда происходили многие из присутствовавших.

Как к бывшему члену Немецкой национальной партии, рейхспрезидент относился ко мне с особым доверием. Так, он просил меня не реже двух раз в неделю приходить к нему на чашку чая, чтобы информировать его о ходе избирательной кампании. Я неизменно выполнял эту просьбу, несмотря на большую загрузку. При этих беседах присутствовал обычно лишь его сын и адъютант, реже также и статс-секретарь Мейсснер. Гинденбург при этом курил, причем, кстати сказать, не сигары, как было принято считать, а крепкие сигареты.

Гинденбург знал, что я предпочитаю легкие сигареты. Поэтому он всегда держал для меня коробку сигарет марки «Лорд оф Инглэнд» с серебряным мундштуком. В большинстве случаев мы выпивали еще один или два бокала рейнского вина. Однажды Гинденбург заметил:

Когда Гитлер окончательно будет побит, мы отметим это событие бутылкой французского шампанского.

Выборы 13 марта 1932 года дали следующие результаты для трех главных кандидатов в президенты: Гинденбург — 18 661 736 голосов, Гитлер — 11 338 571 голос, Тельман — 4 982 079 голосов. Гинденбург, таким образом, далеко опередил Гитлера. Но в процентном выражении он собрал лишь 49,6 процента голосов, то есть не смог добиться требуемого абсолютного большинства. Поэтому должен был быть назначен второй тур. Он должен был состояться 10 апреля 1932 года. На этот раз были выставлены лишь три кандидатуры: Гинденбург, Гитлер и Тельман. Дюстерберг и Винтер свои кандидатуры сняли.

Подарок в один миллион

Комитеты имени Гинденбурга и центральное руководство на Принц-Альбрехтштрассе работали более или менее слаженно, но для проведения второго тура требовались новые обильные фонды, ибо пожертвования, полученные ранее, были почти исчерпаны. Правда, из ошибок предвыборной борьбы в первом туре мы извлекли кое-какие уроки, но теперь перед нами стояла задача путем усиления пропагандистской работы привлечь на свою сторону 2,5 миллиона избирателей, подавших свои голоса в первом туре за Дюстерберга. Новое обращение к избирателям с просьбой пожертвовать средства в фонд Гинденбурга не дало тех результатов, которых мы добились перед первым туром в марте. Следовательно, надо было вновь обратиться к крупным промышленникам и профсоюзам, ибо отдельные партии, как и во время первого тура, обращались к центральному руководству с просьбами предоставить им средства для особых нужд предвыборной агитации. При этом обнаружилось интересное обстоятельство: различные концерны предоставили большие суммы в предвыборные фонды как Гинденбурга, так и Гитлера. Я тогда был озадачен и возмущен такими действиями. Мне казалось, что можно было либо стать на сторону Гинденбурга, и тогда неизбежно надо было выступать против Гитлера, либо наоборот... Но мне не приходило в голову, что для крупных промышленников одно не исключало другого. В то время мне было еще непонятно, что такая позиция была типична для многих монополистов, желавших обеспечить свое господство при любых условиях.

Для проведения первого тура мы получали большие средства от Круппа, Отто Вольфа и Фликка. Дуисберг, представитель «ИГ Фарбениндустри», предоставил в наше распоряжение один миллион марок наличными. Эту сумму нам принес в один прекрасный день Брюнинг в туго набитом портфеле, заметив при этом, что нам следует держать этот факт в секрете. Бош и Дуисберг дали нам большие суммы и для второго тура. Но Фликк на нашу просьбу пожертвовать еще 450 000 марок ответил отказом. Поэтому мы ощутили большую нужду в деньгах и во втором туре; надо было изыскать

в доверительном порядке новые источники поступлений.

Я обсудил эту срочную проблему с доктором Брюнингом и генералом фон Шлейхером. И вот я принес в свое бюро на Принц-Альбрехтштрассе в портфеле один миллион марок наличными. О происхождении этой суммы были информированы лишь Шлейхер, Брюнинг и я. Мы дали тогда друг другу слово ни при каких обстоятельствах не раскрывать секрет происхождения этой суммы.

Когда меня без конца допрашивали во время первой комедии процесса, организованного против меня нацистами, по поводу таинственного миллиона, председатель суда и прокурор, я предпочел хранить молчание. Я считал, что лучше вынести все клеветнические измышления по моему адресу, чем не сдержать слово. Конечно, нацисты были заинтересованы в том, чтобы собрать доказательства незаконного использования средств налогоплательщиков для предвыборных нужд президента, надеясь тем самым получить в свои руки дополнительное средство давления на Гинденбурга. Но эти доказательства они так и не получили.

Теперь, когда прошло уже почти сорок лет с того времени, я считаю себя вправе нарушить молчание. Если наша договоренность имела значение и оставалась для меня долгом чести перед лицом развернувшегося вскоре нацистского террора, то сегодня — в совершенно изменившихся общественных условиях — она беспредметна, но представляет собой вместе с тем немалый интерес для историка. Подарок в один миллион марок был сделан Шлейхером из секретных фондов рейхсвера.

В общей сложности предвыборная борьба в поддержку Гинденбурга стоила нам семь с половиной миллионов марок, в то время как Гитлер израсходовал на свою предвыборную борьбу, по данным Геббельса, шесть с половиной миллионов марок.

Дело с подменой листовок

Второй тур голосования проходил еще более бурно, чем первый. Нацисты, выпустившие огромные плакаты, пытались внушить избирателям: «Рейхспрезидентом

станет Гитлер!» Гитлер, Геббельс и Геринг почти ежедневно выступали на больших предвыборных митингах.

Мне преданно помогали граф Вестарц, министр Тревиранус, мои друзья аграрии Шиле-Шоллене и фон Шланге-Шенинген. В поддержку кандидатуры Гинденбурга на массовых митингах выступали также Лейпарт из Объединения профсоюзов, Вельс, Зеверинг и особенно активно — министр-президент Отто Браун.

При этом не обошлось и без неудач. По моей инициативе подполковник Дюстерберг должен был провести в Галле массовый митинг «Стального шлема» под открытым небом. Руководители этой организации намеревались призвать присутствовавших голосовать во втором туре за Гинденбурга. Дюстерберг арендовал самолет, который должен был разбрасывать листовки с этим призывом. По краям листовок тянулась красно-бело-черная полоса — цвета бывшего кайзеровского флага. Мы отпечатали эти листовки большим тиражом и в ящиках переправили на аэродром Темпельгоф. Но на то же время был назначен митинг в поддержку кандидатуры Гинденбурга в Веймаре. Председатель «Рейхсбаннера» Хельтерман прислал мне эскиз листовки, которую собиралось отпечатать центральное руководство этой организации. Хельтерман пожелал, чтобы листовка также была обрамлена черно-бело-красной полосой. На аэродроме Темпельгоф оказались ящики как для Галле, так и для Веймара. В то время многие учреждения были заполнены нацистами. Поэтому логично предположить, что на аэродроме сознательно перепутали ящики с листовками. Во всяком случае, в день митинга мне позвонил в отель «Принц Альбрехт» Хельтерман и сердито сообщил, что только что над толпой в Веймаре были сброшены черно-бело-красные листовки, написанные на типичном для «Стального шлема» жаргоне. С большим трудом удалось успокоить его, ссылаясь на то, что произошла непредвиденная замена двух разных листовок, и указав на то, что, к счастью, заключительный призыв оказался одним и тем же: «Голосуйте за Гинденбурга!»

Вскоре после этого состоялся и разговор с Галле. Подполковник Дюстерберг громовым голосом человека, привыкшего отдавать команды, долго кричал в телефон. Он никак не мог успокоиться. Дюстерберг также полу-

чил подмененные черно-бело-красные листовки... Я сказал, что минутой назад Хельтерман сообщил из Веймара о таком же казусе. Но это тоже не возымело действия. Пришлось специально выступить с разъяснениями перед собранием руководителей «Стального шлема», только тогда страсти немного улеглись. Я сказал, что нужно еще активнее бороться за избрание Гинденбурга, чтобы наказать нацистов за их проделку.

Правление «Рейхсбаннера» все же проявило чувство юмора, но Дюстерберг, который как сторонник Гугенберга и без того был моим противником, еще долго дулся.

Второй тур, состоявшийся 10 апреля 1932 года, дал следующие результаты: за Гинденбурга было подано 19 359 642 голоса, за Гитлера — 13 417 460, за Тельмана — 3 706 388. Число голосов, поданных за Гитлера, увеличилось более чем на два миллиона голосов. Это ясно указывало на то, что большинство избирателей, отдавших свои голоса Дюстербергу, на этот раз вопреки призывам голосовали за Гитлера. Гинденбург получил 52 процента голосов, признанных действительными, и тем самым был вновь избран рейхспрезидентом.

Успех, которого мы добились для Гинденбурга, казался мне тогда победой над Гитлером. Я был рад, что для этой цели нам удалось использовать миф о Гинденбурге как о герое войны и немецком патриоте. В ту пору я был твердо уверен, что Гинденбург сохранил еще достаточно сил и душевной бодрости, чтобы успешно противостоять всем попыткам Гитлера пробраться к власти. Однако мне пришлось впоследствии горько разочароваться в этом.

Уже в тот день, когда Гинденбург подписал указ о роспуске прусского правительства, меня охватили тяжкие сомнения, теперь я не был уже уверен в том, сумеет ли Гинденбург оказаться на высоте в столь тяжелое время. Но насколько серьезным был в действительности наш просчет, я узнал лишь в январе — феврале 1933 года, когда не кто иной, как Гинденбург, призвал Гитлера на пост канцлера и стал послушным орудием в руках нацистов. Поэтому в конечном счете избрание Гинденбурга оказалось горьким уроком и для меня лично.

На сцене появляется фон Папен

Вскоре пришлось распрощаться и с надеждой на то, что после успешного исхода предвыборной кампании я, как сторонник и член кабинета Брюнинга, в который я вошел по его просьбе, сумею реализовать план трудоустройства, выдвинутый земельными общинами. Добрые отношения между Гинденбургом и Брюнингом были сильно омрачены. Многие личные друзья рейхспрезидента плели интриги против Брюнинга. Наши планы трудоустройства, поддержанные Брюнингом, и план заселения земель, попавших в долговую кабалу остальбских помещиков, вызвали недовольство представителей крупных концернов и крупных аграриев.

В это же время обнаружилось, что в большинстве буржуазных партий происходит процесс глубокого разложения. Сельскохозяйственная партия не составляла исключения. Фон Зибель, один из ведущих деятелей партии, близкий друг президента имперского сельскохозяйственного объединения графа Калькрейта, возглавил группу членов партии, сочувствовавшую нацистам; в противовес этому я и мои друзья, особенно в Тюрингии, Вюртемберге, Бадене и Саксонии, образовали антинацистскую фракцию.

Мы намеревались активно поддерживать политику трудоустройства, проводившуюся Брюнингом, создав с этой целью широкий фронт сторонников Гинденбурга, а за счет оставшихся в предвыборной кампании средств мы хотели приобрести газету «Дойче альгемайне цайтунг» («ДАЦ»), превратив ее в орган этого фронта. «ДАЦ», которая в свое время оказывала неизменную поддержку Штреземану, могла сохраниться лишь при условии финансовой поддержки со стороны промышленных кругов. Поскольку, однако, поступления от промышленников все больше иссякали, мы сочли, что этот пользующийся хорошей репутацией буржуазный печатный орган, особенно рьяно поддерживавший кандидатуру Гинденбурга, может быть превращен в приносящую доход массовую газету. Но и этот план не смог быть реализован из-за отсутствия средств. Ведь нам надо было удовлетворить многочисленные просьбы партий, помогавших Гинденбургу в предвыборной борьбе, так что необходимых денег не оказалось.

Между тем террор, развязанный отрядами СА еще в ходе президентских выборов, принимал все более разнузданные формы. Поэтому по настоянию имперского министра обороны Гренера, которого поддерживал и Брюнинг, в середине апреля Гинденбург подписал указ о запрещении СА и СС. Это лишь обострило внутривнутриполитическое положение. Правда, я сам советовал Брюнингу, с которым поддерживал постоянный контакт, подписать этот запрет, но одновременно настаивал, чтобы он твердо взял курс на поддержку «левого центра» в парламенте, то есть сделал бы попытку опереться на широкий фронт избирателей Гинденбурга. В беседах с канцлером я подчеркивал, что для этого необходимо реорганизовать его кабинет в указанном направлении. Время зондажа, по моему мнению, миновало. К сожалению, Брюнинг не послушал моего совета. Распространенная в западной литературе версия, будто я уговаривал Шлейхера заявить протест Гинденбургу против запрета СА, лишена всякого основания; это противоречило бы моей всегдашней позиции.

В начале 1932 года в рейхстаге разгорались ожесточенные споры в связи с требованием кабинета принять широкую программу трудоустройства. Было много разговоров и уговоров, но о необходимых шагах так и не смогли договориться. Проект, который я защищал — принять правительственную программу трудоустройства с использованием производственных кредитов, — был назван даже таким человеком, как представитель партии Центра, депутат Белль, «прыжком в пропасть». Гильфердинг и руководители профсоюзов выступили за правительственную программу трудоустройства, высказав при этом утопическую мысль, что это означало бы введение планового хозяйства и было бы «первым шагом к социализму». Правда, мне было безразлично, как отдельные фракции отнесутся к моим предложениям. Главное для меня заключалось в том, чтобы собрать большинство для реализации мер, казавшихся мне совершенно необходимыми.

В парламент в то время был внесен вотум недоверия кабинету Брюнинга. Этот вотум поддерживали не только национал-социалисты и Немецкая национальная партия, но также некоторые представители Сельскохозяйственной партии и Немецкой народной партии. Я выступил в парламенте в защиту политики Брюнинга про-

тив нападок на нее со стороны правых. После того как вотум недоверия был отклонен, Брюнинг решился наконец на основании нового, пятого по счету «чрезвычайного закона», который должен был быть подписан рейхспрезидентом, осуществить в несколько смягченном виде давно назревшие меры по трудоустройству и заселению помещичьих земель, чьи хозяева запутались в долгах. Он велел соответствующим министерствам представить необходимые документы и предложил мне вступить в его кабинет с тем, чтобы взять на себя после подписания «чрезвычайного закона» функции имперского комиссара по трудоустройству. Проект «чрезвычайного закона» был внесен в кабинет и утвержден им. В конце мая Брюнинг должен был отдать его на подпись Гинденбургу.

Но случилось нечто для меня неожиданное. Гинденбург отказался поставить свою подпись, так как его советники из внепарламентских кругов оказали сопротивление плану правительственного трудоустройства и заселения помещичьих земель в столь широком масштабе, как это предлагал я, а также Шланге-Шенинген. Нарушения демократии, практиковавшиеся Брюнингом, обернулись против него самого. Внепарламентские советники Гинденбурга, в том числе Шлейхер, предложили рейхспрезиденту назначить нового канцлера, также из кругов Центра, который пользовался бы доверием банков и биржи, широкой части промышленников и имперского сельскохозяйственного объединения. Новым кандидатом в канцлеры оказался Франц фон Папен. Этот бывший майор кайзеровской армии был членом партии Центра и уже в течение многих лет считался близким знакомым Шлейхера. По-видимому, Шлейхер полагал, что через своего друга он сможет оказывать большее влияние на правительственную политику. Но Шлейхер при этом явно недооценивал прочные связи, которыми располагал Папен с большей частью промышленников. Вскоре обнаружилось, что Папен следует советам этих людей в куда большей степени, нежели советам Шлейхера. Понятно поэтому, что через короткое время возникли разногласия между Шлейхером и Папеном. Папен, человек весьма состоятельный, интересный собеседник, был вместе с тем опасным интриганом. Особенно хорошо он умел подлаживаться к настроению Гинденбурга.

Новый рейхсканцлер сразу же вступил в тесный контакт с национал-социалистами. Это должно было вызвать шок у профсоюзов и прусского правительства. Коротче говоря, случилось как раз то, чего хотело избежать большинство избирателей, отдавших свои голоса Гинденбургу. Совершенно правильно рассудили в кулуарах рейхстага многие из моих друзей — с Папеном меня ничего не связывало, кроме общего увлечения чистокровными рысаками.

Новый канцлер начал свою деятельность с того, что попытался свести на нет проекты заселения помещичьих земель, составлявшиеся в эпоху Брюнинга, и продолжил политику финансирования задолжавшихся помещиков. Затем последовал роспуск парламента.

Из бесед с Гинденбургом мне было известно, что проблема массовой безработицы сильно беспокоит рейхспрезидента. С другой стороны, я знал также, что промышленные круги, с которыми Папен поддерживал тесные отношения, выступают против всяких планов правительственного трудоустройства и решительно отклоняют любое сотрудничество с профсоюзами. Поэтому лишь только Папен стал канцлером, как он высказался против полноценной оплаты труда рабочих в соответствии с действующими тарифами — речь шла о безработных, направленных на работу по закону о трудоустройстве, — а также против предоставления государством кредитов для этой цели. Таким образом, он защищал точку зрения, диаметрально противоположную моей. Папен подготовлял введение системы «организации труда без вмешательства государства» и развивал концепцию, согласно которой следовало поощрять развитие частных предприятий путем предоставления им налоговых льгот. По его мнению, такими мерами можно было бы наиболее эффективно бороться с безработицей. Генерал Шлейхер, который в новом кабинете занимал пост имперского министра обороны, пытался уговорить меня вступить в этот кабинет, чтобы координировать в нем проекты по трудоустройству. Я решительно отказался, так как не хотел сотрудничать с человеком такой политической ориентации, как Папен. Шлейхеру я объяснил, что планы Папена никогда не приведут к подлинному обеспечению работой безработных.

20 июля 1932 года

Я был знаком со Шлейхером вот уже десять лет, и между нами возникла кое-какая общность взглядов. Мне импонировало то, что генерал в отличие от множества других высших офицеров стал на сторону республики и, как мне казалось, признавал ее конституцию. Говоря о своих отношениях к СДПГ, он подчеркивал, что в наше время уже нельзя править страной, противопоставляя себя рабочему классу, единственная альтернатива — сотрудничество с ним. Правда, под сотрудничеством он понимал создание такой ситуации, при которой хотя и учитывались бы и социальные требования рабочих, но одновременно были бы ограничены всякого рода революционные действия рабочих. Тактика Шлейхера игнорировала коренное противоречие между рабочим классом и господствующими кругами промышленников и помещиков и была поэтому обречена на провал. Вместе с тем позиция Шлейхера определялась желанием отменить военные ограничения, наложенные на Германию Версальским договором. В этом его намерения совпадали с намерениями ведущих деятелей тяжелой промышленности. Методы и способы, которыми пользовался Шлейхер для того, чтобы добиться влияния в среде приближенных Гинденбурга, шокировали меня; все конституционные нормы нарушались, и тем самым возникали самые широкие возможности для всякого рода произвола. Так, например, смещение Брюнинга показало, что Шлейхер не проявляет колебаний при выборе средств, когда надо распрощаться с деятелем, который уже не может больше способствовать осуществлению его планов. Летом 1932 года мне пришлось вторично разочароваться в Шлейхере.

В беседе, состоявшейся в июле 1932 года, генерал Шлейхер доверительно сообщил мне, что он и Папен собираются распустить прусское коалиционное правительство, иными словами, нанести удар по тем политическим силам, которые помогли Гинденбургу одержать победу в предвыборной борьбе. Я счел это грубой политической ошибкой.

После разговора со Шлейхером я немедленно связался с прусским министр-президентом Отто Брауном (СДПГ) и посоветовал ему никоим образом не сдавать-

ся без боя. Я напомнил Брауну, что во время капповского путча благодаря согласованным действиям рабочего класса уже удалось сорвать однажды планы враждебной нашему народу группировки. Но Браун никак не хотел поверить в то, что Папен столь беззащитно нарушит конституцию. Я сказал ему:

— Будьте довольны, что я не состою в вашей партии, иначе я бы после такого ответа начал самым активным образом сколачивать против вас оппозицию.

Мне было жаль, что Браун ведет себя столь нерешительно.

20 июля 1932 года Папен при поддержке рейхсвера, то есть Шлейхера, в самом деле распустил прусское правительство. В полной растерянности я наблюдал за тем, как мои друзья из СДПГ без всякого сопротивления встретили этот шаг, хотя мне было хорошо известно, что как рядовые члены СДПГ, так и члены профсоюзов были готовы объявить забастовку, а КПП намеревалась поддержать забастовку. Этим самым СДПГ возложила на себя часть вины за дальнейший ход событий, которые привели наш народ к катастрофе.

Шлейхер не информирован

В то время я развернул борьбу против правительства Папена за разумную, на мой взгляд, программу трудоустройства не только в парламенте, но и вне парламента. Я был твердо убежден в том, что вопрос о трудоустройстве более чем когда-либо раньше стал центральной проблемой внутриполитической ситуации в стране и что, занимаясь этой проблемой, можно в решающей степени воздействовать на внутриполитическое положение.

Не хотелось бы также скрывать перед читателями и тот факт, что я тогда всерьез верил, будто путем организации широкой программы трудоустройства на общественных началах можно противодействовать влиянию нацистской партии в массах. Эту мысль я упорно пытался внушить Шлейхеру. В разговорах со мной Шлейхер был первоначально настроен скептически. Но потом он поручил мне разработать мою концепцию по-подробней. Правда, это еще не означало, что Шлейхер положительно относится к планам трудоустройства.

Я немедленно установил связь со всеми людьми, о которых знал, что они придерживаются аналогичных представлений и взглядов. Большую помощь мне оказал при этом руководитель Немецкого объединения безработных Вальтер фон Этцдорф. Во время первой мировой войны он был адъютантом начальника одного из отделов в военном министерстве, а позже — офицером связи в министерстве обороны Веймарской республики, в функции которого входило поддерживать контакты с временным Имперским экономическим советом. Этцдорф принадлежал к тем деятелям, которые проповедовали необходимость тесной взаимосвязи между экономикой и политикой. Он был в хороших отношениях с экономистами: доктором Отто Дикелем и доктором Людвигом Хертелем. Этцдорф был тем человеком, через которого я осуществлял контакты с Гебхардом из организации «Стальной шлем» и с Фуртвенглером из Всеобщего германского объединения профсоюзов. От Этцдорфа мы узнали, что Шлейхер поручил Герману Кордеману, с которым Этцдорф поддерживал дружеские отношения, выполнить некоторые шпионские задания в хозяйственно-политическом отделе нацистской партии и перетянуть на свою сторону Грегора Штрассера.

Все мои сообщения, предназначавшиеся Штрассеру и передававшие ему Кордеманом, одновременно, следовательно, становились известными и Шлейхеру. Когда в беседе с имперским министром обороны я стал вводить его в курс моих переговоров, оказалось, что он уже прекрасно обо всем информирован. Рассмеявшись, он сказал мне, что внимательно следит за моей активной деятельностью на этом поприще; далее Шлейхер заметил, что по-прежнему поощряет подобного рода связи, и просил продолжить переговоры. При этом он предложил, чтобы Имперский союз земельных общин выступил в поддержку наших усилий.

В середине июня 1932 года я выступил на пленарном заседании правления Союза прусских земельных общин с предложением перейти наконец от дискуссий к выдвижению конкретного плана трудоустройства, плана, который собрал бы воедино все наши мысли и соображения и который можно было бы противопоставить программе Папена. Правление Союза единодушно поддержало меня: мы решили создать комитет по трудоустройству, в котором были бы представлены эксперты

всех крупных партий, включая КППГ, но без представителей НСДАП.

Уже в конце июля рабочий комитет представил проект, пригодный для того, чтобы служить основой для дискуссии. Центральной проблемой, выдвинутой на обсуждение, была проблема финансирования. Речь шла о плане государственного кредитования системы трудоустройства в расчете на то, что в дальнейшем деньги будут возвращены благодаря налоговым поступлениям в результате использования этих же кредитов.

Второго июля я созвал правление Германского конгресса земельных общин в Кобленце. Оно также единодушно поддержало наш план и приняло резолюцию, в которой осудило программу, предложенную кабинетом Папена. Мы же предусматривали создание специальной правительственной комиссии по подготовке соответствующего законопроекта. Однако Папен отверг это предложение. В вопросе трудоустройства он по-прежнему отстаивал собственную концепцию. После этого мы объявили, что созываем 29 июля совместное заседание пленума правления Союза прусских земельных общин и комитета по трудоустройству с тем, чтобы официально утвердить нашу программу.

Программа становится достоянием общественности

В политических кругах начали поговаривать об образовании нового фронта, объединявшего большинство партий и организаций, на основе выработки программы трудоустройства. Наш план, который для краткости называли «программой Гереке», вызвал бурные отклики общественности. В развернувшейся дискуссии главным предметом спора, собственно говоря, была не проблема трудоустройства, какой бы важной с точки зрения тогдашней обстановки она ни являлась. Во главе угла оказались два вопроса, мнения по которым разошлись и по которым следовало добиться ясного решения. В первую очередь надо было решить, кто будет нести ответственность за трудоустройство. По мнению Папена и многих других, отвечать за трудоустройство должны были частнокапиталистические предприятия. По нашему же мне-

нию, ответственность за это следовало возложить на общины, объединения общин, земли и государство в целом, то есть на общественные и государственные учреждения, которые направлялись и управлялись в централизованном порядке. С другой стороны, спор разгорелся, конечно, и вокруг вопроса о финансировании. Папен и его друзья хотели, чтобы финансирование осуществлялось через банки и за счет государственного бюджета. По нашим же планам его надо было осуществить посредством государственного кредитования. Впрочем, кабинет Папена не представил в противовес нашей детально разработанной программе сколько-нибудь эффективной концепции. В связи с этим противоречия по внутриполитическим вопросам между Папеном и Шлейхером в эти недели все более обострялись. Особенно резко в то время в беседе со мной высказался Шлейхер против антипрофсоюзных тенденций в политике Папена. Шлейхер считал, что ни одному имперскому правительству в период экономического кризиса не позволено оскорблять связанных с ним лидеров профсоюзов. Но аргументы, подсказанные здравым смыслом — как заявил Шлейхер, — были недоступны Папену.

Так, например, кабинет Папена в июне 1932 года издал «чрезвычайный закон» о реформе социального обеспечения по безработице. Но закон не предусматривал ликвидацию роковой трехступенчатости системы, о которой говорилось выше. Он не создавал также единой системы обеспечения по безработице и еще больше сужал возможности внутреннего рынка, сокращая суммы, отпущенные на социальное обеспечение, и усугубляя и без того тяжелое положение трудящихся.

Шлейхер сообщил мне как-то, что Папен с большой неохотой согласился приступить к принципиальному решению сложной проблемы трудоустройства. Он намеревался всего-навсего разместить государственные заказы в железнодорожном транспорте, в почтовом ведомстве и в других полугосударственных и государственных ведомствах. Вообще канцлер решительно выступал против прямого финансирования программы трудоустройства государством, равно как и против выделения на эти цели крупных сумм для предоставления кредитов.

Из беседы я вынес впечатление, что в кабинете, по-видимому, возникли крупные разногласия между Папе-

ном и Шлейхером по хозяйственно-политическим проблемам. Это впечатление усугубилось в ходе дальнейших бесед, когда Шлейхер в противоположность Папену высказался за создание Имперского комиссариата по трудоустройству. Вообще генерал начал все более определенно поддерживать наши предложения по трудоустройству.

По заявлению Шлейхера, сделанному в это же время, он убедился в том, что политика Папена превращается в препятствие для решения проблемы трудоустройства. С хорошо разыгранным возмущением он заявил: эта проблема вообще не входит в компетенцию моего министерства, тем не менее мне все время приходится ею заниматься.

На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года Папен так и не смог добиться успеха. В парламенте не удалось создать более или менее устойчивое большинство для его кабинета. В начале августа начались переговоры Шлейхера и Папена с Гитлером. Нацистский фюрер пытался выторговать на этих переговорах согласие Папена и Шлейхера на то, чтобы Гинденбург назначил его рейхсканцлером. Но Гинденбург по-прежнему отказывался от этого. Сообщая мне о ходе переговоров, Шлейхер утверждал, будто в отличие от Папена он решительно настаивал перед Гинденбургом, чтобы Гитлер не был назначен рейхсканцлером. Конечно, мне было ясно, что генерал информировал меня далеко не обо всех своих ходах и планах, тем не менее из наблюдений за генералом в последующие месяцы совместной работы, а также из бесед с его ближайшими сотрудниками Хаммерштейном и Бредовом я вынес впечатление, что в этом вопросе он, по всей вероятности, говорил правду.

После того как 13 августа 1932 года переговоры Папена с Гитлером кончились неудачей, Гинденбург направил Папену письмо, в котором еще раз указал на необходимость начать осуществление широкой программы трудоустройства.

10 августа мы передали нашу программу трудоустройства на суд общественности. На пресс-конференции, которую организовали Германский конгресс земельных общин и Союз прусских земельных общин, я подробно обосновал нашу программу. В частности, я заявил, что теперь уже никто не отрицает необходимости разработки всеобъемлющей, рассчитанной на несколько лет про-

граммы трудоустройства. Задача заключается лишь в том, чтобы перейти наконец от слов к делу. Новый сильный импульс политики получили после того, как президент Гинденбург настоятельно рекомендовал канцлеру разработать немедля эффективную программу трудоустройства. Далее, я изложил перед представителями прессы основы наших предложений, которые были встречены с большим вниманием. В конце своего выступления я сказал:

«Если сегодня еще имеются люди, которые считают, что они могут ограничиться критикой, не выдвигая своей собственной, лучшей программы, это свидетельствует лишь о том, что они не понимают серьезности положения. Время критики и брюзжания на широких митингах миновало. Необходимы практические меры. История оправдает лишь тех, кто нашел в себе мужество действовать, даже если при этом пришлось бы пойти по непроторенной дороге, сулившей вначале немало трудностей и опасностей. Тот, кто полагает, будто из нынешнего кризиса можно выйти без риска, очень ошибается».

Наша программа трудоустройства исходила из того, что тяжелое финансовое положение общин имело две причины: огромный рост безработицы, с одной стороны, и недостатки в системе обеспечения безработных — с другой. Согласно существовавшей системе, безработные делились на три группы: на людей, пользовавшихся социальным обеспечением по безработице, на людей, получающих средства из особого кризисного фонда, и на безработных, которым оказывалась помощь за счет общественной благотворительности. Такая система была несостоятельной не только в социальном плане, но и с финансовой точки зрения. Консервация ее вела ко все большему отстранению государства от финансирования программы борьбы с безработицей и к тому, что тяжесть расходов постепенно перекладывалась на плечи общин и объединений общин. В то же время множество общин существовало только благодаря финансовой поддержке государства. К тому же следовало ожидать, что зимой 1933 года число безработных еще больше возрастет. А ведь еще в конце июня 1932 года было зарегистрировано два с четвертью миллиона лиц, получавших поддержку из средств общественной благотворительности, и 940 тысяч так называемых «застрахованных» от без-

работицы. Даже самая совершенная система финансового обеспечения безработных не решила бы проблему в целом, лишь широкая программа трудоустройства могла привести к выходу из тупика. При этом задача заключалась в том, чтобы по возможности целиком занять безработных, так как это означало бы обеспечение им полной зарплаты. Повысив покупательную способность населения, можно было добиться оживления экономики и увеличения налоговых поступлений.

Способствовать решению проблемы должны были следующие положения, выдвинутые по инициативе земельных общин:

«I. Государство, земли, общины и прочие общественные учреждения и объединения обязаны в целях оживления спроса на рынке труда организовать важные для народного хозяйства работы с тем, чтобы таким путем вновь включить в процесс труда наибольшее число безработных... II. Работы должны выполняться по плану. План должен быть составлен в соответствии с народнохозяйственными, транспортными и демографическими интересами на несколько лет вперед под единым руководством и при участии органов самоуправления и ими же осуществляться... III. В принципе работы должны выполняться при выплате полной зарплаты рабочим и с привлечением частного капитала с тем, чтобы обеспечить дальнейший подъем экономики и умножить общественные налоговые поступления... IV. Финансирование работ обеспечивается ограниченным и беспроцентным предоставлением кредитов на основе приоритета государственных кредитов, но с привлечением других общественных кредитных организаций... V. Следует расширить в интересах финансирования работ безналичные расчеты путем расширения жирооборота и введения более строгих правил расплаты по чекам... VI. Кредиты должны быть в зависимости от их предназначения ограничены по времени... VII. Предоставление кредитов должно контролироваться соответствующими органами с согласования с кредитными организациями...»

Для обоснования пункта второго программы было, в частности, разъяснено, что конкретно подразумевается под общественными работами. В области продовольственной политики мы считали наиболее важными работы по усовершенствованию водных путей от устья рек до их истоков, далее, постройку дамб и осушительные

работы для расширения полезной сельскохозяйственной площади, а также проведение мелиорационных работ. В области демографической мы главным образом предусматривали создание крестьянских и ремесленных поселений, расширение садовых и полусельскохозяйственных поселений вблизи крупных городов и промышленных комплексов и улучшение самых тяжелых квартирных условий в старых городах. Наконец, в транспортной области мы выступали за осуществление следующих задач: улучшение условий связи и создание возможностей нового строительства в сельских районах путем создания скоростных путей сообщения и расширения соответствующих местных средств сообщения; расширение водных путей, создание широкой сети аэродромов и строительство мостов, предприятий по водоснабжению, энергетических и газовых предприятий, включая создание соответствующих коммуникаций.

В конце августа я встретился с Шлейхером для новой беседы. Шлейхер сообщил мне при этом, что он внес в правительство предложение о создании Имперского комиссариата по трудоустройству в рамках осуществления широкой экономической программы. Однако Папен отклонил это предложение, указав на то, что я в свое время, будучи одним из руководителей предвыборной кампании по избранию Гинденбурга президентом, отказался вступить в его кабинет. Шлейхер рекомендовал мне с помощью нашего объединения активизировать свою деятельность по осуществлению нашего плана и развернуть среди общественности широкую пропаганду за реализацию плана Герекке. Неожиданно для меня Шлейхер выразил согласие и с тем, что в нашу программу включены и предложения по заселению помещичьих земель, которые мы разработали еще при Брюнинге, и что мы готовы еще более последовательно бороться за их осуществление. Теперь уже совершенно ясно, заявил Шлейхер, что Папен не желает осуществить планы трудоустройства с помощью государства и проводить широкую политику заселения. Рано или поздно, добавил имперский министр обороны улыбаясь, Папен падет. Тогда откроется путь к осуществлению наших предложений.

Лейпарт, как представитель Всеобщего германского объединения профсоюзов, сообщил мне, что он согласен с нашими предложениями по трудоустройству, включая

меры в области заселения. Теперь мелкие споры по поводу формулировок тех или иных пунктов должны отступить на задний план, так как сейчас перед лицом бедственного положения народа надо наконец действовать.

Однако представители крупной промышленности отклонили решительно программу трудоустройства, выработанную земельными общинами. Имперский союз промышленности, президент Имперского банка Шахт и некоторые промышленники выступили против наших предложений. Только Отто Вольф и Тило фон Вильмовски поддержали нашу концепцию. Имперский земельный союз резко высказался против наших предложений по вопросу политики заселения, как он еще раньше при Брюнинге решительно выступил против аналогичных взглядов.

В конце концов рейхсканцлер представил свою собственную экономическую программу. При ближайшем рассмотрении она сводилась к налоговым льготам частному капиталу и к ликвидации тарифной автономии профсоюзов. Принятие ее нанесло бы тяжелый удар по заработной плате и вызвало бы еще более резкую оппозицию со стороны профсоюзов. Экономическая программа Папена оказалась на деле произведением дилетантским и направленным против социальных прав трудящихся, программой, непригодной для создания широкого фронта борьбы с безработицей и способной лишь обострить социальные противоречия.

Успехи и неудачи

12 сентября 1932 года рейхстаг подавляющим большинством голосов принял вотум недоверия кабинету Папена, внесенный КПП. Это означало, что, кроме Немецкой национальной партии Гугенберга, ни одна из партий не поддержала экономическую программу канцлера. Тогдашний президент рейхстага Герман Геринг, нарушив парламентский обычай, не дал перед голосованием слово Папену. Канцлер распустил рейхстаг, чтобы обеспечить себе хоть короткую отсрочку. Теперь он пожелал вступить в переговоры с нами, явно намекая, что нам придется принять его программу; при этом он

и его министр хозяйства Вармболд по-прежнему не соглашались стать на нашу точку зрения. Но о том, чтобы принять такое предложение, не могло быть и речи, тем более что правление Германского конгресса земельных общин на своем заседании в Кенигсберге, состоявшемся в начале сентября, недвусмысленно высказалось в поддержку наших планов.

В эти дни Шлейхер через своего ближайшего политического советника, полковника фон Бредова, а также через Кордемана сообщил мне, что полностью одобряет наши планы трудоустройства. Нам следовало бы, по его мнению, еще активнее распространять наши идеи среди общественности и не идти ни на какие уступки Папену. В этой обстановке 13-й конгресс христианских профсоюзов, проходивший с 18 по 20 сентября, высказался также за план государственного трудоустройства в содружестве с профсоюзами. Эти же идеи лежали в основе программы земельных общин.

Переговоры с кабинетом, решившим разработать совместно с Германским конгрессом городов (доктор Мулерт и доктор Аденауэр) собственную программу трудоустройства на коммунальной основе, потерпели неудачу. Нам захотелось еще раз перед большим общественным форумом изложить наши планы, предполагая, что ежегодная сессия Конгресса земельных общин представляет для этого идеальную возможность.

В начале октября я получил письмо от Шлейхера, в котором он официально выразил свою поддержку наших планов трудоустройства. Днем позже об этом же сообщил мне Зильверберг, авторитетный представитель крупных промышленников. Он предложил финансировать наши планы путем создания системы клиринговых расчетов при обмене товарами. Это противоречило нашему предложению об использовании кредитов для производства, и я отказался.

Шлейхер выступил с разъяснением наших планов перед офицерами морского флота. В то же время бюллетень «Виртшафтсполитише нахрихтен» напечатал предупреждение по поводу плана Гереке. Информационный орган крупных промышленников заявил, что он, мол, представляет собой «социалистический эксперимент», который причинит большой вред экономике.

В середине октября перед слушателями школы Всеобщего германского объединения профсоюзов Лейпарт

выступил с речью, в которой объявил свою готовность сотрудничать в реализации планов государственного трудоустройства. Одновременно он дал понять, что хотел бы сотрудничать со Штрассером в деле поддержки кабинета, который сделает план трудоустройства центральным пунктом своей программы.

Группа Шлейхера в руководстве рейхсвером в октябре 1932 года твердо решила свалить кабинет Папена. Сам Шлейхер взял на себя задачу «укротить» нацистскую партию. Генерал носился с идеей расколоть по возможности НСДАП, вовлечь часть ее лидеров в кабинет, не передавая при этом пост канцлера нацистам.

Шлейхер полагал этим внести раскол в нацистскую партию и ослабить ее. Эта концепция соответствовала взглядам некоторых крупных промышленников, как, например, Вильмовски, Вольф и Зильверберг, но противоречила точке зрения таких влиятельных представителей крупного капитала, как Тиссен, Кирдорф, Феглер, Хеш, Кнеппер, Любберт и Пенсен. Шлейхер не раз довольно убедительно излагал мне свою теорию «укрощения», подчеркивая при этом, что основой ее являются наши планы трудоустройства. Тогда я действительно был убежден, что Шлейхер проводит честную политику, направленную против фашизма. Увлеченный своими планами, я упустил из виду, что нельзя преградить дорогу фашизму различного рода правительственными комбинациями. Только борьба всех антифашистских и демократических сил могла бы привести к успеху создания с этой целью такого союза, в котором были воплощены предложения КПП об антифашистском «Едином фронте», привлечшие к себе тогда совершенно недостаточное внимание.

Речь Лейпарта в Браунау укрепила Шлейхера в его намерении свалить кабинет Папена, выставив требование о создании системы государственного трудоустройства. Вскоре после этого Шлейхер обсудил в доверительном порядке с руководством армии сложившуюся ситуацию. Он подробно разъяснил присутствовавшим план Гереке, ссылаясь при этом на одобрение этого плана конгрессом земельных общин Саксонии 10 октября и конгрессом земельных общин Кургессена 16 октября. Кордеман, сообщивший мне об этих действиях, считал, что Шлейхер имеет сведения о готовности Штрассера сотрудничать с профсоюзами на этой основе.

19 октября мне позвонил Шлейхер и попросил подробно проинформировать его о состоянии моих переговоров. Он сообщил также, что на следующий день Штрассер намерен публично заявить о своей поддержке нашего плана. Действительно, 20 октября в Спортпаласте в Берлине на собрании функционеров нацистской партии Штрассер высказался за план государственного трудоустройства. Он намекнул также на возможность сотрудничества между всеми, кто поддерживает этот план. Лишь позднее стало известно, что эту точку зрения, которая, в общем, соответствовала нашему плану, он высказал без согласования с Гитлером. Речь Лейпарта и высказывания Штрассера в Спортпаласте свидетельствовали, казалось, об успехе планов Шлейхера в создании «Единого фронта». 21 октября Ганс Церер, пресс-рупор Шлейхера в газете «Теглихе рундшау» открыто высказался о необходимости замены Папена, намекая, что подходящим кандидатом на пост канцлера мог бы быть доктор Гереке. Об этом же говорил Шлейхер со мной накануне.

В этот же день по поручению Бредова меня посетил референт по вопросам сельского хозяйства в имперском министерстве обороны Хольцендорф. Мы обсуждали возможность заселения помещичьих земель. Эти планы, однако, показались ему слишком смелыми. В эти же дни имперский министр финансов граф Шверин фон Крозиг беседовал со мной о планах трудоустройства. В основном он отнесся одобрительно к нашим намерениям, не соглашался только с моим мнением о способах финансирования проекта.

В конце октября Кордеман сообщил мне наконец, что Крупп фон Болен унд Гальбах посетил Гинденбурга и пытался получить его одобрение идеи разработки широкой программы трудоустройства. Было известно, что президент интересуется нашими планами и не одобряет нерешительность Папена в этом вопросе. Сын и первый адъютант президента Оскар фон Гинденбург подтвердил мне по телефону факт беседы Круппа с Гинденбургом.

Накануне собрания депутатов рейхстага от земельных общин Шлейхер еще раз решительно высказался на совещании в руководстве рейхсвером 4 ноября против политики Папена. Затем он потребовал проведения такого правительственного курса, который базировался

бы на программе трудоустройства, выдвинутой земельными общинами.

Выборы в рейхстаг, состоявшиеся 6 ноября, дали неожиданный результат. Нацисты потеряли 34 мандата из 230, которыми они обладали раньше, в то время как КПП приобрела 11 и увеличила число своих мандатов в рейхстаге до 100. Итоги выборов укрепили мое убеждение, как и Шлейхера, что поддерживать дальше Папена невозможно. Теперь оставалось лишь одно, а именно образовать новый кабинет, в основу которого легла бы теория «укрощения» нацистов, которую проповедовал Шлейхер. Он теперь прямо начал подготавливать свержение Папена и формирование нового кабинета на основе своей концепции. В то же время Папен обращался к Гитлеру, предложив ему пост канцлера, при этом он мог опереться на поддержку ведущих промышленников из области тяжелой индустрии и влиятельных крупных помещиков.

Через два дня после выборов полковника Бредова посетили доктор Херпель, Кордеман и доктор Неггерат, настоятельно советуя вынудить Папена подать в отставку. Они хотели этим оказать поддержку Шлейхеру, который 11 ноября на совещании в руководстве морским флотом высказался вновь в поддержку наших планов. Кордеман сообщил, что Шлейхер на этом совещании подробно останавливался на проблеме трудоустройства как одной из важнейших внутривнутриполитических проблем.

12 ноября состоялось собрание депутатов рейхстага от земельных общин. Приветственные телеграммы прислали как Гинденбург, так и Брюнинг. Шлейхер в качестве имперского министра обороны также прислал телеграмму. Кроме того, на собрании присутствовал в качестве представителя Шлейхера его ближайший сотрудник полковник фон Бредов. Обычно с приветственной речью на собрании выступал рейхсканцлер. На этот же раз канцлер отсутствовал. Папен, по-видимому, опасался, что из-за противоречий по вопросу о трудоустройстве собрание окажет ему холодный прием. Кроме того, ему, наверное, не хотелось публично вступать со мною в спор по этому вопросу. Поэтому он прислал в качестве представителя имперского правительства министра доктора Попитца. Последний относился одобрительно к нашей программе трудоустройства, но не смог обеспечить себе достаточной поддержки в кабинете Папена, тем бо-

лее что занимал в нем как прусский министр финансов всего лишь пост министра без портфеля. Доктор Попитц как представитель кабинета Папена в своей речи почти не коснулся нашего плана трудоустройства. Тем не менее в личной беседе он одобрительно отозвался о нашей идее, поддержал, в частности, план государственного трудоустройства. Представители промышленных и аграрных общин и их ораторы на собрании — бургомистр Ланге — Вейсвассер, ландрат фон Арним — Риттгартен, начальник управления Шмидт — Штутгарт, ландрат фон Рихтгофен — Клейнрозен, староста Циммер — Хюнеберг, земельный староста Беттге — Унтертёйшенталь и земельный староста Штаффель — Бизен — единодушно, независимо от партийной принадлежности, высказались в пользу программы трудоустройства, выдвинутой Союзом земельных общин.

В главном реферате, с которым я выступил на собрании, я подверг критике деятельность имперских комиссаров в Пруссии и еще раз подробно разъяснил наш план, привлекая столь большое внимание общественности. Средним единодушием собрание депутатов рейхстага приняло обращение к правительству с призывом приступить наконец после столь длительных дискуссий, разноречивых проектов и переговоров к осуществлению единственного конкретного, всеохватывающего плана трудоустройства, показывающего выход из растущих социальных бедствий народа. К собранию депутатов бундестага издательство «Ландгемайндеферлаг» выпустило брошюру «Хлеб и работа — программа трудоустройства земельных общин». Она была передана представителям печати и членам Союза земельных общин.

17 ноября состоялось драматическое заседание кабинета. Шлейхер и еще несколько членов кабинета грозили отказаться от дальнейшего участия в правительстве, если Папен останется рейхсканцлером. Папен был вынужден подать в отставку. В последующие дни началась лихорадочная возня вокруг образования нового кабинета. Воротилы крупного капитала старались обеспечить приход Гитлера к власти. Промышленники с согласия Папена обратились к рейхспрезиденту с предложением назначить Гитлера рейхсканцлером как единственного приемлемого кандидата на этот пост.

Большую часть своего времени я тогда проводил вне Берлина, выступая на провинциальных собраниях от-

дельных объединений земельных общин или ежегодных собраниях объединений. Кроме того, меня приглашали на собрания различных организаций и хозяйственных объединений.

Так, например, во второй половине ноября я выступал на собраниях объединений земельных общин в Ганновере, Штутгарте, Штеттине и Киле. Везде я встречал одобрение наших планов. Все это проходило в бешеном темпе, к которому я привык еще со времени предвыборной кампании в поддержку Гинденбурга.

По приглашению профессора Вермбольда я выступил также на вечере, организованном обществом по вопросам денежного обращения и кредита. Во время дискуссии обнаружились большие различия во мнениях. Большинство участников приветствовали предложенные методы трудоустройства, но в вопросах финансирования, а также ведущей роли общин и участия профсоюзов в осуществлении проекта не удалось достигнуть единства.

23 ноября доктор Лютер, тогдашний президент рейхсбанка, публично высказался против наших предложений о кредитах, усматривая в них угрозу усиления инфляции.

В этот же день Шлейхер принял доктора Херпеля и доктора Неггерата, которые предложили рекомендовать Гинденбургу назначить меня на пост рейхсканцлера. Шлейхер сразу же после моего возвращения в Берлин сообщил мне об этом. Это была дружественная беседа с глазу на глаз. Шлейхер заметил улыбаясь:

— Ну, что ж, неплохая идея, вы когда-то ведь были самым молодым ландратом в Пруссии, почему же вам в 39 лет не стать самым молодым рейхсканцлером! Мы с вами составили бы хорошую пару в упряжке.

Я возразил Шлейхеру. Хотя я и согласен с тем, что мы были бы «хорошей парой», но, на мой взгляд, будущий рейхсканцлер должен быть человеком, который с согласия президента и выражая волю избирателей был бы в состоянии в случае нужды отдать приказ о применении оружия против нацистов; подобный же приказ, естественно, скорее был бы в состоянии отдать бывший имперский министр обороны, чем такое гражданское лицо, как я. Я, разумеется, готов взять на себя выполнение определенных политических функций в сотрудничестве с ним, в частности функции сбора всех

сил в целях образования общего фронта сторонников Гинденбурга.

Шлейхер, который в течение многих лет играл роль «серого преосвященства», участвуя в свержении множества кабинетов, сомневался в том, следовало ли ему самому занять место первого человека в имперском кабинете. Он стал возражать против моих доводов, заявив, что хочет еще раз посоветоваться по этому поводу со своим другом, полковником Бредовом. Кордеман сообщил мне на следующий день, что полковник фон Бредов выразил большие сомнения в целесообразности выдвижения моей кандидатуры, считая меня слишком «левым». Мое сотрудничество с профсоюзами и мои известные связи с «левыми» могли бы отпугнуть «промышленность». В тот же день позвонил мне полковник фон Гинденбург по поручению своего отца, чтобы еще раз обсудить со мной наши планы трудоустройства.

28 ноября Шлейхер вел переговоры относительно наших планов с Брейтшейдом из руководства СДПГ, с Лейпартом и Эггертом из правления Всеобщего германского объединения профсоюзов, а также с представителями христианских профсоюзов. Целью Шлейхера было обеспечить поддержку наших планов трудоустройства с их стороны. Он позвонил мне и сообщил, что представители профсоюзов в основном согласны с нами при условии, что Папен не станет вновь канцлером и что его «чрезвычайный закон» от начала сентября об отмене тарифных соглашений будет аннулирован.

Шлейхер, с которым я встретился еще раз вечером, вдруг заявил мне:

— Вам позвонил ведь Оскар фон Гинденбург!

Я удивленно ответил:

— Да, это так, но откуда вы это уже знаете, ведь Гинденбург хотел, чтобы разговор остался между нами?

Тогда Шлейхер проиграл мне пластинку с записью подслушанного разговора.

— Мы в рейхсвере обо всем довольно хорошо информированы,— сказал он смеясь.

— Значит, в вашем распоряжении хорошая осведомительная служба, которая нам еще понадобится,— ответил я ему. Надо признать, как это ни странно, что мне тогда и в голову не приходила мысль, что Шлейхер допустил грубое нарушение отношений, которые между нами существовали.

Из моих многочисленных выступлений по программе трудоустройства мне особенно памятна моя речь на публичном митинге в здании Союза стрелков в Галле. Эта моя речь, произнесенная 29 ноября, вызвала большой интерес в промышленном районе Галле. На митинге присутствовали представители всех политических партий, а также представители местных властей во главе с земельным представителем доктором Хюбенером из Мерзебурга.

Еще до начала митинга полиция вынуждена была прекратить доступ в зал, так как он оказался переполненным. Я еще раз изложил наш план трудоустройства и объяснил причины, почему мы выступили против кабинета Папена. Бурными овациями присутствующие выразили свое принципиальное согласие с моими аргументами, что было подкреплено затем и в ходе дискуссии.

Эта речь вызвала резкий протест со стороны фракции национал-социалистской партии в прусском ландтаге. Многие промышленники выступали с открытыми возражениями против нашего плана трудоустройства и против включения меня в имперский кабинет. Только Тило фон Вильмовски от своего имени и от имени своего зятя Круппа фон Болен унд Гальбах и своего друга Отто Вольфа заверил меня, что по-прежнему относится ко мне с полным доверием. Нам следовало бы, заявил он, опираясь на наши объединения, приступить наконец к осуществлению программы трудоустройства и энергично взяться за проведение политики заселения остальбских земель. Настало время назначить меня на государственный пост, чтобы перейти от слов к делу.

Митинг в Галле и мои беседы с Вильмовски и Шлейхером вновь убедили меня в том, что, несмотря на несогласие с нами определенных промышленных кругов, существуют реальные шансы добиться осуществления наших планов, если будет образован новый кабинет. В таком же духе высказалась и газета «Дойче тагесцайтунг» 30 ноября 1932 года.

«Митинг в Галле служит убедительным доказательством того,— писала она,— что программа Гереке, отвлекаясь даже от ее достоинств по существу, в высшей степени пригодна преодолевать политические противоречия. Тот факт, что на большом публичном собрании,

к которому доступ имели все желающие, можно было безо всяких помех провести дискуссию, принадлежит в наши дни, надо признать, к счастливым исключениям».

В кабинете Шлейхера

Второго декабря 1932 года Гинденбург назначил Шлейхера рейхсканцлером с сохранением поста министра рейхсвера. Формирование кабинета не представляло больших трудностей. Барон фон Нейрат, старый профессиональный дипломат, остался министром иностранных дел, граф Шверин фон Крозиг — министром финансов, барон фон Браун — отец будущего конструктора ракет Вернера фон Брауна — стал министром сельского хозяйства, мой друг Попитц — министром без портфеля, Эльц фон Рюбенах — министром транспорта и Вармбольд — министром экономики.

Шлейхер сказал мне, что теперь я могу выбирать — стать ли министром или имперским комиссаром по трудоустройству. Попитц советовал назначить меня членом имперского кабинета в ранге и с окладом имперского министра и одновременно специальным «чрезвычайным законом» — имперским комиссаром по трудоустройству. Выгодность такого решения он усматривал в том, что с поста имперского министра меня могли бы снять в случае принятия вотума недоверия правительству, но имперским комиссаром по трудоустройству я остался бы и дальше, так как на эту должность меня назначит рейхспрезидент на основании чрезвычайного закона. Этим я получил бы гарантию в том, что беспрепятственно смогу продолжать работу, даже если придет к власти другое правительство. Я согласился с предложением Попитца и стал равноправным членом кабинета в должности имперского комиссара.

Сформированный таким образом кабинет не вполне соответствовал представлениям Шлейхера. Недовольство отставкой Папена в кругах крупной промышленности было настолько велико, что Шлейхер вынужден был пойти на значительные уступки пронацистски настроенному крупному капиталу. Поэтому он примирился с тем, что большинство министров кабинета Папена осталось на своих местах. Но это должно было — как я уже

тогда понимал — обречь на неудачу концепцию «укрощения», которую проповедовал Шлейхер. Одним из первых шагов Шлейхера была попытка перетянуть на свою сторону Штрассера. Что бы при этом Шлейхер ни предлагал Штрассеру — если судить по распространенным тогда предположениям, не то пост вице-канцлера, не то имперского комиссара Пруссии, — фактом остается, что эти попытки окончились неудачей. Штрассер был готов принять предложения Шлейхера. Но резкие столкновения в нацистской верхушке, последовавшие за этим, привели к тому, что Штрассер в начале декабря неожиданно отказался от всех занимаемых им партийных постов и уехал из Берлина «в отпуск».

Шлейхер был разочарован. Он продолжал усилия привлечь на свою сторону Лейпарта как представителя Всеобщего германского объединения профсоюзов. Это подтвердил мне Кордеман. Сам Теодор Лейпарт через Этцдорфа выразил согласие вступить в кабинет даже в том случае, если Штрассер станет в нем вице-канцлером. Но большинство членов правления СДПГ — среди них особенно Рудольф Брейтшейд и Отто Бухвиц — не были согласны с тем, что концепция «укрощения» Шлейхера действительно может стать эффективной преградой на пути к фашизму. Напротив, они обвиняли Лейпарта в том, что его вступление в кабинет могло бы лишь повредить интересам создания широкого фронта борьбы против фашизма. Такого же взгляда придерживалось большинство руководителей отраслевых профсоюзов, так что Лейпарт не был в состоянии выполнить пожелание Шлейхера. Шлейхер в связи с этим немедленно пытался начать переговоры с Отто Брауном, чтобы переубедить правление СДПГ. Но Браун в этих переговорах поставил предварительным условием своего согласия, чтобы канцлер отменил «чрезвычайный закон» от июля 1932 года и восстановил бы права и полномочия бывшего прусского правительства.

К этому надо добавить, что внутри кабинета вспыхнули большие разногласия во время обсуждения текста «чрезвычайного закона», по которому я должен был быть назначен имперским комиссаром по трудоустройству. Министр хозяйства Вармбольд, который, как известно, отрицательно относился к моим планам, пытался ограничить мои полномочия. Фон Браун также не был готов передать вопросы заселения помещичьих земель

имперскому комиссариату как часть его задач по трудоустройству. Двух этих политиков поддерживала пресса, связанная с ними. Не получили одобрения мои планы и со стороны Дуисберга и Боша, с которыми я так хорошо сотрудничал в комитете по избранию Гинденбурга. Все же в конце концов удалось с помощью Шлейхера и Попитца получить у Гинденбурга согласие на «чрезвычайный закон», предоставивший мне широкие полномочия.

Свою правительственную декларацию Шлейхер не захотел — как это обычно делалось — представить парламенту, чтобы суть его не утонула бы в бесконечных дебатах; он решил зачитать ее по радио, как до него это сделал Папен. В декларации от 15 декабря 1932 года Шлейхер подчеркивал, что не является сторонником ни капитализма, ни социализма. Это было, конечно, чисто демагогическим утверждением, имевшим цель облегчить переговоры Шлейхера с представителями профсоюзов. Поэтому в центре его выступления стояли проблемы, связанные с нашей программой трудоустройства. Шлейхер заявил, что план трудоустройства будет основой правительственной деятельности. Имперскому комиссару будет поручено разработать проекты по сокращению числа безработных; до этого не будет принято никакого решения об уменьшении зарплаты или увеличении налогов. В целях защиты сельского хозяйства будут отменены все ограничения по импорту. Кроме того, будет принята широкая программа заселения восточных провинций. Обращаясь к нацистам, Шлейхер заявил, что он хотел бы предупредить «профессиональных нарушителей спокойствия»: у него в ящике письменного стола уже лежит закон об охране немецкого народа, который не дает никаких лазеек нарушителям закона. Это плод кропотливого труда. Если потребуют обстоятельства, он не остановится и перед тем, чтобы ввести в действие рейхсвер. Характерно, что канцлер не мог отказаться и от угрозы по адресу КППГ, которую он назвал «движением, враждебным государству» и «занимающимся подрывной пропагандой». Я считал эти выпады излишними и просил Шлейхера от них отказаться. Но канцлер считал, что такие формулировки необходимы для успокоения крупных промышленников.

В буржуазной печати образование нового имперского кабинета вызвало самые противоречивые отклики.

От доверенных лиц мы узнали, что особенно в имперском Сельском союзе, в Пангерманском объединении и в кругах рейнской крупной промышленности против нас возникла оппозиция. Этого мы, собственно говоря, и ожидали; но я, как и Шлейхер, был удивлен, когда узнал о растущих признаках того, что ведущие деятели электротехнической и химической промышленности также отклоняют наши концепции. Карл Фридрих фон Сименс, Бош и Дуисберг, поддерживавшие нас так решительно во время предвыборной кампании за переизбрание Гинденбурга, не скрывали теперь своего недовольства тем, что программа трудоустройства привлекает такое большое внимание правительства.

Барон фон Вильмовски пытался в эти дни посредничать и приглашал меня неоднократно в частные дома на доверительные беседы, во время которых я излагал свои взгляды. В большинстве случаев мои собеседники были согласны со мной в определении тех областей, в которые в первую очередь надо привлечь рабочую силу из числа безработных, но решительно отклоняли участие государства и сотрудничество профсоюзов в осуществлении программы. Правда, в вопросе финансирования программы мне удалось добиться растущего понимания реалистичности моих предложений.

Я принялся за работу с большой энергией, не обращая особого внимания на эти дискуссии. Прежде всего надо было составить список таких важных для развития экономики проектов общественных работ, на которые можно было бы получить заказы от государства и которые можно было бы финансировать на основе кредитов. Во всяком случае, для начала работы мы располагали значительными средствами. Шум, поднятый нашими противниками вокруг угрозы инфляции, не производил никакого впечатления ни на меня, ни на Шлейхера. Я определил сумму кредитов, которая нам потребуется первоначально, в 3 миллиарда марок. Единственное, что нас интересовало, — это достижение конкретных успехов. Их можно было добиться лишь в том случае, если бы удалось смягчить в наикратчайшие сроки самые большие бедствия и укрепить в народе доверие к деятельности правительства. Тогда было бы также легче, как мы полагали, бороться с растущей угрозой нацизма.

Земельные общины, в среде которых, собственно говоря, и возник план трудоустройства и ответственный

представитель которых должен был теперь этот план осуществить, сами подготовили уже ряд предложений о возможных проектах работ. Они оказались тем самым в более выгодном положении по сравнению с теми, кто сделал ставку на Папена, то есть явно на темную лошадку.

Я разослал соответствующий циркуляр Германского конгресса земельных общин, в котором еще раз обратил внимание членов Конгресса на сложившееся положение и предложил все проекты, которые ими уже были составлены и могли обеспечить работой по тарифным ставкам многих безработных в общинах, представить на утверждение в имперский комиссариат. У меня сосредоточились таким образом сотни ценных в экономическом смысле проектов общественных работ, выдвинутых в течение последовавших недель земельными общинами и районными властями. Большей частью они касались расширения сети дорог, особенно в мелких общинах, которые еще не имели прочных коммуникаций с районными центрами, проведения мелиорационных работ, постройки дамб, устройства канализации, расширения электрической сети и тому подобногь. Предполагалось даже приступить к постройке автострад, причем одна из них — из Гамбурга через Франкфурт-на-Майне в Базель, которую тогда сокращенно называли «Га-Фра-Ба», — была уже запроектирована и вскоре должно было начаться ее строительство.

Поскольку до моего назначения не существовало ведомства по трудоустройству, мне пришлось прежде всего заняться его созданием. Я выбрал определенное число высших чиновников, известных мне, из других министерств. Рейхсканцлер затем переводил их на работу ко мне. По предложению Шлейхера моим личным референтом стал Р. Кордеман. Хотя я был занят по горло практическими делами, мне нужно было срочно разработать для кабинета проект официальной программы трудоустройства; она должна была быть представлена рейхспрезиденту еще до рождества.

Мой проект сначала обсудили в комитете по трудоустройству при кабинете. В комитет входили министр финансов, министр экономики, министр транспорта, прусский министр финансов, рейхсканцлер и я. Во время заседания разгорелся горячий спор между Вармбольдом и Шверином фон Крузиггом, с одной стороны, и По-

питцем и мной — с другой. Вармбольд и Крозиг выступили против того, чтобы ответственность за проведение мер по выполнению программы возложить на общины. Мне стало известно о заявлении Вармбольда, что он тотчас же подаст в отставку и выйдет из состава кабинета, если Шлейхер введет в него представителя профсоюзов. Когда я сообщил об этом заявлении Шлейхеру, он воспринял его довольно хладнокровно. Он заметил иронически, что от Вармбольда и нечего было ожидать иного. Все равно, сказал он, нужно будет в начале января реорганизовать кабинет.

Я был уверен в том, что моя программа поддерживается президентом и канцлером. Поэтому я тотчас же приступил к рассмотрению поступивших ко мне предложений общин и общинных объединений. Рабочий комитет в узком составе давал свои заключения о ценности с точки зрения нужд экономики страны выдвинутых предложений, прежде чем я ставил под ними свою подпись. Этим проблема финансирования из государственных средств снималась. Решающее значение для нас имела быстрота действий, ибо приближалась зима. В прошлом перед зимой неизменно повышалось число безработных; мы, однако, хотели добиться того, чтобы, несмотря на неблагоприятный сезон, число безработных до рождества не возросло. Этим мы достигли бы определенного поворота в настроениях масс безработных, нищета которых все более росла.

Незадолго до рождества я отправился вместе с канцлером к президенту, чтобы представить ему наш проект, утвержденный кабинетом, и заручиться его согласием на издание ряда новых «чрезвычайных законов», вытекавших из этого проекта. Гинденбург ознакомился с нашими предложениями и выразил свое доверие мне и Шлейхеру. Шлейхер был очень доволен и предложил, чтобы я произнес традиционную речь от имени правительства к рождеству. Выступая перед микрофоном в рождественскую ночь, я подчеркнул, что кабинет приложит все свои силы к тому, чтобы уже зимой в результате принятых нами мер ощутимо уменьшилась бы безработица. В интересах ускорения выполнения необходимых мероприятий ряд рабочих проектов после праздничных дней был утвержден без особой дополнительной проверки. Я, например, распорядился, чтобы рабочие проекты земельных общин или районов, прошедших

проверку бюро Германского конгресса земельных общин на Потсдамерштрассе, без проволочек были бы утверждены.

Отдельные земельные общины, приступившие без промедления к осуществлению земляных работ, добились немалых успехов в деле вовлечения в трудовой процесс безработных по действующим тарифным ставкам. Это подстегнуло и администрацию различных провинций и отдельные правительства земель обратиться с соответствующими предложениями в имперский кабинет. Поскольку их представители обычно желали переговорить со мной лично, мне не хватало вскоре рабочего дня, чтобы справиться со своими обязанностями. Я поэтому уже в семь часов утра отправлялся из моей маленькой комнаты, в которой я жил много лет, на работу и возвращался туда большей частью далеко за полночь. В этой связи мне нужны были две машины и два водителя, ибо я не мог ни от кого требовать, чтобы он оставался на службе по моему примеру целых 16 часов.

Шлейхер был согласен с этим.

— Это мне подходит, — сказал он. — Вы обеспечиваете хлебом и работой сразу же двух водителей, двух личных референтов и двойной штат стенографисток.

В эти дни стали очевидными устремления Папена оказать влияние на Гинденбурга в смысле вовлечения нацистов в будущий кабинет. Папен и после своей отставки сохранил свободный доступ во дворец президента. Его отношения со Шлейхером были наихудшими, и мы понимали, что фон Папен и те широкие круги представителей крупной промышленности, банков и Имперского земельного союза, которые стояли за ним, сделают все возможное, чтобы добиться свержения нашего кабинета и прихода нацистов к власти.

Известным кульминационным пунктом этих устремлений в тот период была ставшая нам вскоре известной тайная встреча Папена с Гитлером в доме банкира барона фон Шредера в Кёльне 4 января 1933 года. Шлейхер узнал об этой встрече от Церера и даже получил снимки, на которых были изображены Гитлер и Папен в тот момент, когда они с разных сторон приблизились к дому банкира.

Я посоветовал Шлейхеру передать эти снимки органам печати, которые с нами были связаны, и снабдить их эффектным заголовком: «Тайный заговор Папена —

Гитлера с целью свержения правительства и ликвидации программы трудоустройства». Шлейхер, к сожалению, колебался, ибо не хотел «огорошить» «старого господина» (то есть Гинденбурга), на которого Папен все еще имел большое влияние. Кроме того, Шлейхер боялся оттолкнуть от себя также и некоторых членов своего кабинета, которые все еще занимали выжидательную позицию. Я несколько раз настаивал на том, чтобы Шлейхер наконец бросил тактику оглядки и колебаний и занял ясную позицию по отношению к нацистам и их покровителям. Но Шлейхер уклонялся от этого. Меня тогда очень сердили эти колебания; с высоты нынешнего моего опыта, однако, мне ясно, что в те январские дни главное значение имела не личная нерешительность Шлейхера, а то, что сама концепция «укрощения», которую проповедовал генерал, практически исключала занятие ясной позиции.

Среди общественности, правда, возникла оживленная дискуссия по поводу событий в Кёльне. Но Папен опроверг сообщения о том, что он плел интриги, направленные против Шлейхера. Это показало, насколько укрепились позиции оппозиции, выступавшей против нас.

Противоречия обостряются

В начале января были обсуждены планы реорганизации кабинета в узком кругу. Шлейхер и я выступали за то, чтобы непременно довести до конца переговоры с Лейпартом. Переговоры, которые велись до сих пор, доказали, отметил Шлейхер, что социал-демократы лишь в том случае одобряют вступление одного из членов партии, занимающих ведущие позиции в профсоюзах, в кабинет, если будет отменен приказ о смещении прусского правительства. Канцлер прибавил, что в этой связи он находится в трудном положении. Он сам был бы готов отменить «чрезвычайный закон» от 20 июля 1932 года, чтобы привлечь в кабинет Лейпарта, но на это не даст согласия Гинденбург.

— Старый господин,— сказал Шлейхер,— в этом вопросе не пойдет на уступки.

Одновременно вновь обсуждался вопрос о привлечении Штрассера в кабинет, но, несмотря на согласие

самого Штрассера, этот проект провалился, так как Штрассер к тому времени стал уже в нацистской партии «персоной нон грата» и не обладал в ней большой поддержкой. Оба проекта поэтому не могли быть реализованы.

Отрицательному отношению президента к отмене «чрезвычайного закона» от 20 июля 1932 года особенно способствовали Папен и Гугенберг при поддержке Тиссена, Кирдорфа, Феглера, Шпрингорума и их сторонников. Они оказывали все большее давление на Гинденбурга, чтобы побудить его отказаться от поддержки Шлейхера и таким образом расчистить путь для кандидатуры Гитлера на пост канцлера.

В начале января комитет по трудоустройству, образованный под моим руководством, пытался расширить планы обеспечения работой безработных. Мы натолкнулись на широкое сопротивление крупных банков. Чтобы сломить это сопротивление, я вступил в контакт с очень влиятельным в банковских кругах банкиром Дельбрюком из банковской конторы «Дельбрюк, Шиклер унд компани». Это посоветовал мне Шлейхер, заявив, что Дельбрюк — очень честолюбивый и самовлюбленный человек — будет польщен моим посещением. Я посетил банкира в его вилле в Груневальде и имел с ним длительную беседу о наших планах трудоустройства. Дельбрюк принял меня с подчеркнутым радушием и заверил меня, что лично он не будет выступать против осуществления наших планов финансирования проекта трудоустройства. Он предложил разработать предложения, которые позволили бы обеспечить бесперебойное финансирование проектов трудоустройства путем создания соответствующего государственного банка. Кабинет вернулся также к старым планам Брюнинга о национализации нерентабельной угольной промышленности и предложениям, разработанным Брюнингом, о заселении земель остальбских юнкеров, оказавшихся полностью в долгу, предложениям, которые, как известно, Брюнинг так и не смог осуществить.

В обеих областях мы надеялись, пользуясь кредитами, увеличить темпы осуществления плана трудоустройства. Мы считали также, что в ходе реализации этих планов профсоюзам и Социал-демократической партии будет легче изменить свое отношение к кабинету. Гильфердинг, ведущий финансовый эксперт СДПГ, был осо-

бо известен как сторонник наших планов. Именно с ним я еще раньше вел беседы по этому вопросу и поэтому был очень рад тому, что он выступил в поддержку наших идей, хотя я и не мог согласиться с его оценкой плана как программы «перехода к социализму». Ни Шлейхер, ни я, разумеется, и не помышляли о том, чтобы создать какую-то разновидность социализма. Мы были сторонниками буржуазного общественного порядка, хотя и хотели в интересах стабилизации этого порядка реорганизовать его.

В кабинете все более резкие формы принимали дискуссии по вопросу о расширении нашей программы трудоустройства. Нашим планам оказывали сопротивление прежде всего Вармбольд и Крозиг. Их поддерживал Имперский земельный союз, который 11 января 1933 года публично выступил с осуждением наших планов заселения и выразил свое недоверие правительству. Свое несогласие с этим заявлением выразили бароны фон Вильмовски и фон Мюнхгаузен. Мы были сильно поражены, когда на следующий день узнали, что Карл Дуисберг также открыто перешел на сторону наших противников, опубликовав в печати заявление, в котором предупредил против «так называемых экспериментов» нашего кабинета. Одновременно произошла встреча Шахта с Гитлером в маленьком берлинском ресторанчике — они советовались, как свергнуть кабинет Шлейхера.

На выборах в ландтаг в Липпе, в середине января 1933 года, нацистам удалось в результате гигантской мобилизации сил и участия в предвыборной кампании ведущих ораторов нацистской партии добиться незначительного успеха. Нацистская партия, настроение в которой ухудшилось в связи с поражением на последних выборах в рейхстаг, вновь начала трубить победу. По всей стране рыскали нацистские пропагандисты. Нацисты созывали массовые митинги под лозунгом: «Гитлер — спаситель, вся власть Гитлеру!»

В такой ситуации 16 января 1933 года собрался кабинет для обсуждения политического положения. Ожидалось, что на днях соберется совет старейшин, чтобы принять решение о созыве рейхстага. Шлейхер все еще надеялся на то, что привлечением Штрассера в кабинет он внесет раскол в лагерь оппозиции, силы которой росли. Но мне казались шансы на успех этой затеи незначительными. Я полагал, что лучшим выходом из по-

ложения будет роспуск рейхстага и назначение новых выборов на возможно более поздний срок. Этим мы могли бы выиграть время, и, кроме того, к тому периоду могли бы уже сказаться первые плоды наших мероприятий по трудоустройству.

Во время беседы, которую я имел еще до этого со Шлейхером и некоторыми другими членами кабинета, мы обсудили также вопрос о том, не следует ли — трактуя широко права, предоставленные нам конституцией, — проводить нашу политику в крайнем случае путем новых специальных «чрезвычайных законов». Шлейхер на заседании кабинета указал, что главным образом промышленники настроены против назначения новых выборов. Я возразил канцлеру, что и Гитлер, поддерживаемый группой крупных промышленников, выступает за новые выборы. Поэтому лучшим выходом из положения будет, если нам удастся добиться согласия президента на новые выборы. Нам не удалось в этот день преодолеть разногласия в кабинете. Попитц обратил внимание на то обстоятельство, что разногласия в кабинете, а также растущее сопротивление промышленников сильно мешают конкретной работе правительства. Шлейхер, как и я, был того мнения, что тем не менее мы должны, не обращая внимания на это, продолжать нашу политику в области трудоустройства.

В соответствии с этим мы на следующий день добились на заседании кабинета решения о том, чтобы составить до 30 января проект заселения остальбских земель. Одновременно было решено, чтобы вопрос о задолженности остальбских помещиков был обсужден в рейхстаге с целью принятия закона об установлении контроля над их землями. Наконец, кабинет поручил министерству экономики представить проект о национализации нерентабельной угольной промышленности. Эта идея была выдвинута самими промышленниками. Она преследовала цель компенсировать убытки от их неудачного хозяйничанья средствами налогоплательщика. Канцлер еще раз настаивал также на том, чтобы облегчить кризисное положение в экономике путем расширения торговли с СССР.

Эти решения кабинета практически так и не были осуществлены; они стали известны нашим противникам в результате разглашения тайны уже на следующий

день. В ответ Гитлер тайно встретился с Тиссенем и Папеном, о чем Шлейхер в свою очередь получил сведения от Альвенслебена.

Конец приближается

Несмотря на тревожные сигналы, Шлейхер внешне сохранял оптимизм, чтобы демонстрировать стабильность положения правительства, которой в действительности не было. 15 января в беседе с австрийским министром юстиции и будущим канцлером Австрии Куртом фон Шушнигом канцлер заявил, что намерен обеспечить себе широкую поддержку профсоюзов, устанавливая для этого разнообразные связи с их лидерами, и надеется таким путем создать подлинную политическую платформу для дальнейшего существования правительства. Гитлер не причиняет ему больше особых забот, его движение не представляет, мол, политической угрозы... Как позже признал Шушниг, он был крайне удивлен такому оптимизму.

20 января собрался совет старейшин рейхстага и постановил созвать пленарное заседание на 31 января. Наш кабинет должен был считаться с возможностью, что ему будет выражен вотум недоверия. Теперь и Шлейхер стал сторонником назначения новых выборов в рейхстаг. После еще одного заседания кабинета 23 января он отправился к президенту, чтобы информировать его о политическом положении и просить распустить рейхстаг, назначив новые выборы только через несколько месяцев. Как было условлено, Шлейхер обосновал отсрочку новых выборов в рейхстаг напряженным положением, которым характеризовалась тогда ситуация в государстве. В период, пока напряженное положение будет продолжаться, правительство должно будет иметь полномочия проводить меры по трудоустройству вопреки всякому сопротивлению, хотя и в сотрудничестве с соответствующими комиссиями рейхстага. Однако Гинденбург под влиянием Папена, Гугенберга и Имперского земельного союза отклонил предложения Шлейхера. Он заявил, что принятие чрезвычайного законодательства противоречило бы конституции. Эта ссылка Гинденбурга на конституцию была в тот напряженный пе-

риод не чем иным, как проявлением чистейшего цинизма.

Шлейхер и Хаммерштейн вели переговоры со множеством сторон, чтобы найти более или менее традиционный парламентский выход из положения; в то же время я с большим рвением продолжал свою работу в имперском комиссариате. Ежедневно я утверждал множество предложений, выдвинутых общественными организациями, о кредитах в интересах трудоустройства. Одновременно все большее число профсоюзных организаций и юридических лиц выступали с заявлениями, в которых выражали нам свою поддержку. В этих заявлениях подчеркивалось, что меры, которые начали энергично проводиться с декабря, должны быть подкреплены созданием стабильного положения для нашего кабинета. Фон Вильмовски также считал, что преобразование кабинета вызовет лишь беспокойство среди населения.

Рейхстаг не возобновил свою работу в январе. Лишь бюджетная комиссия и его подкомиссии развернули в эти недели активную деятельность, подробно обсудив текущий бюджет. В рамках этой серии заседаний председатель бюджетной комиссии депутат рейхстага от КППГ Эрнст Торглер обратился ко мне с просьбой выступить в пятницу 27 января перед комиссией с сообщением о наших планах трудоустройства. Я воспользовался этим предложением для того, чтобы подробно изложить наши планы. При этом я был удивлен тем, что нацисты вели себя сдержанно.

Я не знал, что по этому вопросу между Шахтом и Гитлером во время их встречи, состоявшейся за несколько дней до этого, произошел тайный обмен мнениями. Шахт посоветовал принять следующую тактику: поскольку Гинденбург объявил себя сторонником наших планов трудоустройства, было бы целесообразным официально поддерживать эти планы, но при этом критиковать все наши мероприятия за «половинчатость». Этой тактикой следовало бы добиваться того, чтобы Гинденбург разочаровался в наших действиях и чтобы у него сложилось впечатление, что Гитлер является единственным человеком, кто мог бы выполнить его пожелания. Торглер саркастически заметил, что его фракция с большим вниманием следила за моей речью, но он твердо убежден, что мои планы неосуществимы. Этого никогда не допустят представители крупной промышленности,

заметил Торглер. Вечером того же дня я сообщил об этом разговоре Шлейхеру. Канцлер показался мне очень подавленным, он заметил, что теперь все равно уже слишком поздно.

Действительно, мы находились в очень критической ситуации. Мы понимали, что если не удастся привлечь в кабинет представителей Всеобщего германского объединения профсоюзов с целью осуществления главной задачи имперского правительства, а именно плана трудоустройства, то нечего было и думать об обеспечении в рейхстаге принятия законопроекта большинством голосов представителей тех избирателей, которые голосовали во время последних выборов за Гинденбурга. Кабинет решил на следующий день — в субботу — обратиться к рейхспрезиденту с просьбой распустить рейхстаг.

Шлейхер, Попитц и я хотели во что бы то ни стало выиграть время. Мы надеялись, что, когда все более ясными станут успехи в деле трудоустройства, большинство депутатов рейхстага, избранных в свое время приверженцами Гинденбурга, станут на нашу сторону; этим кабинет Шлейхера стал бы более независимым от воли рейхспрезидента. В таком случае реорганизация кабинета стала бы само собой разумеющимся делом.

Перед 30 января 1933 года

В эти дни мне как-то позвонил полковник фон Гинденбург по поручению своего отца. Он просил встретиться для беседы «с глазу на глаз», причем не во дворце президента, а в районе Тиргартен, где мы под вечер вблизи Зигес-аллее должны были «случайно» оказаться вместе. Хотя предложение показалось мне странным, я все же в условленное время прибыл к месту встречи; Оскар фон Гинденбург обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— На чьей стороне вы находитесь — ближе к Гинденбургу или к предателю Шлейхеру?

Я с удивлением ответил:

— Почему Шлейхер — предатель? Шлейхер вместе с Брюнингом оказывал нам наибольшую помощь в борьбе за переизбрание Гинденбурга и пользовался полным

доверием вашего отца, который сам назначил его рейхсканцлером. С тех пор мы с большой энергией работали над решением проблемы трудоустройства в духе того поручения, которое мы получили от вашего отца. Любая оттяжка этой важной для нашего народа работы вызвала бы недоумение у большинства избирателей, отдавших свои голоса за Гинденбурга, и способствовала бы приходу нацистов к власти.

Оскар фон Гинденбург ничего мне на это не ответил, но рассказал следующую историю: ему, мол, стало известно из достоверного источника, что Шлейхер, опираясь на Потсдамский гарнизон, намерен вынудить президента уйти в почетную отставку и самого себя провозгласить президентом. Для успокоения населения Шлейхер одновременно хочет назначить Гитлера рейхсканцлером. Поэтому назвать Шлейхера предателем, пожалуй, еще слишком мягкая для него характеристика.

Я ответил сыну Гинденбурга, что все это не что иное, как плод фантазии. Это подлые выдумки людей, заинтересованных скомпрометировать Шлейхера в глазах президента и тем самым расчистить Гитлеру дорогу к власти. Я почти ежедневно беседую с Шлейхером, информирован также о тайной встрече Гитлера с Папеном и с полной убежденностью могу лишь заявить, что Шлейхер никогда не даст согласия на назначение Гитлера рейхсканцлером. Шлейхер знает, что лишь в сотрудничестве с президентом его кабинет будет в состоянии решить стоявшие перед ним большие задачи. Кроме того, Потсдамский гарнизон никогда не будет участвовать в путче против президента, который сам был когда-то гвардейским офицером в нем.

Мне не удалось убедить Оскара фон Гинденбурга. Он все время ссылаясь на достоверность источников, откуда он черпал свою информацию. Однако он мне так и не назвал этого источника, хотя я очень настаивал на этом. Он якобы дал слово не называть его.

Я просил в конце беседы дать мне возможность встретиться с его отцом. Вскоре меня пригласили во дворец рейхспрезидента. В отличие от прежних моих встреч с ним я нашел Гинденбурга подавленным и постаревшим. Он сидел молча, в то время как его сын вновь рассказывал сказку о планах организации путча с помощью Потсдамского гарнизона. Я ничего на это не ответил, и, обращаясь к отцу, Оскар заявил:

— Отец, с этим делом мы сами можем справиться!

В этот момент мне стало совершенно ясно: в сложившейся ситуации я уже ничего не могу изменить. Решение было принято: ни отец, ни сын не хотели более продлить полномочия Шлейхера, которые ранее были ему даны. Папен победил, и канцлером должен был стать Гитлер.

Тем не менее я пытался со всем пылом возразить Оскару Гинденбургу, употребив для этого все свое личное влияние на президента.

— Господин фельдмаршал, — сказал я, — я умоляю вас отказаться от подозрений, которые только что были высказаны вашим сыном. Шлейхер, Брюнинг и я дважды были главными руководителями ожесточенных предвыборных кампаний по избранию президента. Большинство из тех, кто отдал свой голос за ваше избрание, руководствовались лозунгом: «За победу Гинденбурга, за поражение Гитлера!» Вы предали бы ваших избирателей, если бы назначили фюрера национал-социалистов рейхсканцлером. Я считаю, что это несовместимо с честью дома Гинденбурга.

Яснее и резче нельзя было выразиться. У меня сложилось впечатление, что вся ситуация была для Гинденбурга крайне неприятна. Усталым голосом он заявил, что лично также не желал бы возвышения «богемского ефрейтора». Но, добавил он уклончиво, Папен придерживается иной точки зрения. Мы простились в отличие от прежних встреч холодно.

Я, конечно, сразу же информировал Шлейхера об этой встрече. Он сказал возмущенно:

— Оскар Гинденбург — подлый интриган. Он лишил меня доверия своего отца. Утверждение Оскара, что Потсдамский гарнизон собирается устраивать путч, — чистейший обман. Как бы меня ни возмущало отношение этого старого господина к Папену и к нацистам, но носиться с подобного рода мыслями мне запрещает присяга. Посмотрим же, как поведет себя Гинденбург, когда я приду к нему как канцлер, стоящий во главе правительства, чтобы просить подписи под необходимыми новыми «чрезвычайными законами».

28 января, прервав заседание кабинета, Шлейхер отправился к Гинденбургу, чтобы окончательно получить его подпись под декретом о роспуске рейхстага. Но президент категорически отказался. Шлейхер вернулся ни

с чем. Тем самым судьба кабинета была решена. Шлейхер сдался и предложил всему кабинету подать в отставку. Моя отставка как члена кабинета не отразилась на моем положении как имперского комиссара. С тоской я подумал лишь о том, что новым канцлером может быть либо Папен, либо Гитлер. Я не знал, на что мне решиться.

Вечером 29 января в атмосфере темных слухов происходил ежегодный бал прессы в Берлине, на который первоначально должен был прийти Шлейхер со своей молодой женой, а также большинство членов кабинета. Но правительственная ложа осталась пустой. Я один прибыл. Я все еще надеялся, что Гинденбург откажется от рокового шага — не назначит Гитлера канцлером. Я открыл бал, пригласив Хенни фон Борке, муж которой Адриан фон Борке был тренером моей замечательной чистокровной лошади — Злючка. Большинство участников предались необузданному веселью, меня же не покидало состояние напряженного ожидания.

Так наступило 30 января 1933 года, мрачный, роковой день для нашего народа. Утром, как обычно, я отправился в имперский комиссариат, чтобы заняться текущей работой. В это время в большой спешке, еще до провозглашения нового кабинета, был приведен к присяге в качестве вновь назначенного министра рейхсвера старый генерал рейхсвера фон Бломберг, которого с этой целью вызвали из-за границы. Днем вопрос о составе нового кабинета был окончательно решен. Папен привел новых министров в здание имперской канцелярии, где они принесли присягу в присутствии Гинденбурга. Рейхсканцлером стал Гитлер. Герингу было подчинено прусское министерство внутренних дел, иными словами, прусская полиция, нацист Фрик стал имперским министром внутренних дел. Остальные восемь мест в кабинете заняли консерваторы из прежнего правительства Папена, такие, как Нейрат, Шверин фон Крозиг и Гюртнер, а наряду с ними неисправимый Гугенберг и руководитель «Стального шлема» Зельдте. Таким образом, ключевые позиции оказались в руках нацистов. Я был автоматически включен в кабинет как имперский комиссар по трудоустройству и не был даже еще раз приведен к присяге.

Я еще не успел ничего предпринять в новой ситуации, как было создано во второй половине того же дня

короткое заседание кабинета, на которое был приглашен и я. Гитлер вел себя на новом своем посту еще неуверенно и неуклюже. Он заявил, что будет подавлять всякое сопротивление со стороны «левых», если понадобится, и силой. У меня сложилось впечатление, что его очень заботила мысль о возможной общей забастовке, объявленной профсоюзами, и поэтому он особенно подчеркивал надежность своих отрядов СА и СС. Фотоснимок этого первого заседания кабинета, на котором я снят стоя между Шверином фон Крозигом и Зельдте, впоследствии красовался в виде рекламы на коробках из-под сигарет. Правда, вскоре этот снимок пришлось замазать...

Нацисты, и особенно штурмовики и эсэсовцы, пришли в неумный восторг и решили отметить это событие — день «прихода к власти» — грандиозным факельным шествием в тот же вечер. Шествие проходило мимо дворца президента и имперской канцелярии, с балкона которой Гитлер приветствовал восторженную толпу вытянутой вперед рукой. В шествии принимал участие и «Стальной шлем». Фон Папен, Гугенберг и другие члены кабинета, утвержденные на своих постах, в это время также находились в имперской канцелярии. Они с удовольствием наблюдали за шествием и внимали крикам фанатичной толпы. Лишь один я не откликнулся на приглашение; подавленный и расстроенный, я отправился домой.

Горькие размышления

В эту ночь, когда горланили и шумели на улицах сторонники нацистов и пышно праздновали в переполненных ресторанах свою победу, я предавался размышлениям, критически оценивая события прошедшего дня. Не была ли вообще ошибкой вся моя борьба за избрание Гинденбурга президентом? Именно то, что хотели предотвратить я и мои друзья, теперь стало реальностью. Гинденбург, избранный в 1932 году как мнимый противник Гитлера, сейчас сам назначил его канцлером. Не стал ли я невольно одним из виновников такого развития событий? Не упустил ли я просто из виду подобного рода возможность? Не оказались ли правы

Тельман и его сторонники, когда они предостерегали в коммунистических листовках: «Тот, кто голосует за Гинденбурга, выбирает Гитлера!»

Как часто я беседовал с ведущими представителями социал-демократов и Всеобщего германского объединения профсоюзов и христианских профсоюзов о сложившемся положении! И все мы единодушно приходили к решению, что Гинденбург будет единственным кандидатом, имеющим реальные шансы на успех в борьбе против избрания Гитлера. Именно его кандидатура гарантировала достижение победы на выборах, объединив большинство избирателей, несмотря на то что они примыкали к таким различным организациям, как буржуазные партии и СДПГ.

Отдельные ведущие деятели среди СДПГ, как, например, Бухвиц, в течение долгого времени высказывали свои сомнения в отношении кандидатуры Гинденбурга, в то время как подавляющее большинство партийного правления, среди них Гильфердинг, Отто Браун и даже руководитель профсоюзов Лейпарт, находясь в плену антикоммунистических предубеждений, полагали, что нет иного выхода, как стать на сторону Гинденбурга и тем самым обеспечить поражение Гитлера. Даже доктор Брейтшейд примкнул к тем, кто придерживался такого мнения.

Брюнинг неустанно рассеивал всякого рода сомнения: ведь именно он, как и Шлейхер и граф Вестарп, защищал ту точку зрения, что Гинденбург никогда не вручит власть «богемскому ефрейтору». Кроме того, мы были убеждены в том, что Гинденбург, которому лично присягнул рейхсвер, в крайнем случае, опираясь на наказ своих избирателей, прибегнет к силе в борьбе против СА и СС. Мы тогда также полагали, что рейхспрезидент и фельдмаршал фон Гинденбург был единственным человеком, пользовавшимся достаточным авторитетом именно в рейхсвере, который при соответствующих обстоятельствах мог бы отдать распоряжение о применении оружия.

В эту беспокойную ночь с 30 на 31 января я решил еще раз обратиться к президенту с просьбой о встрече. На следующий день я позвонил сыну Гинденбурга и просил его организовать мне свидание с отцом. Полковник Гинденбург согласился, и вот я в последний раз (в начале февраля) один отправился к президенту.

Гинденбург выглядел еще более утомленным и усталым, чем во время моей последней встречи с ним. Как бы заранее отменяя возражения, он произнес:

— Я знаю, о чем вы хотите со мной говорить. Я действительно не мог поступить иначе.

Я заявил президенту, что намереваюсь подать в отставку с поста имперского комиссара.

— Я не в состоянии, — подчеркнул я, — сотрудничать с человеком, против которого я страстно боролся и назначение которого на пост канцлера находится в противоречии с желаниями избирателей, отдавших свой голос Гинденбургу.

Гинденбург неожиданно оживился и произнес громким голосом:

— Тут, мой молодой друг, я должен напомнить вам о долге, верности. В этом кабинете вы должны быть моим доверенным лицом. Вы должны проводить в жизнь свой собственный план трудоустройства, который вы так успешно начали осуществлять. Вы назначены мною имперским комиссаром согласно «чрезвычайному закону». Вас не могут сместить против моей воли. Ваша позиция, следовательно, неуязвима. Вопрос о ликвидации безработицы сейчас на первом плане. Вы не можете теперь покинуть меня, старого человека.

Разговоры тут уж ничего не могли изменить, решение ведь было принято еще несколько дней назад. Для меня открытым оставался лишь вопрос, отказаться ли от выполнения начатых важных задач или попытаться и из данной ситуации извлечь максимальную пользу. Я решил поступить именно так, хотя предвидел, что между мной и нацистами дело дойдет до тяжких столкновений. Как утопающий хватается за соломинку, так и я цеплялся за надежду, что Гитлер, как и все его предшественники, недолго останется у власти. Я верил Гинденбургу. Поэтому подчинился его категорическому пожеланию остаться в кабинете как его «доверенное лицо». Мне хотелось верить, что с падением Гитлера рассыплется и все его нацистское движение. Мое решение, однако, вновь оказалось тяжелой ошибкой.

Через несколько дней произошла упомянутая уже выше беседа с Гитлером в здании рейхсканцелярии, во время которой он пытался уговорить меня примкнуть к нацистской партии. Во время встречи вскрылись также разногласия по поводу определения наиболее важных

направлений развития экономики в рамках всего комплекса мероприятий, намеченных нацистским правительством. Я вернулся в этот февральский день в имперский комиссариат в глубокой задумчивости. В тот же день я обсудил положение с Кордеманом, который посоветовал мне встретиться со Шлейхером. Встреча произошла в его новой вилле в Ной-Бабельсберге, которую незадолго до этого предоставил в его распоряжение Отто Вольф. Я беседовал также в эти дни с Генрихом Брюнингом: после его ухода с поста канцлера я навещал его регулярно в больнице святой Гедвиги, где он занимал две комнаты. Говорил также с министром доктором Попитцем, с которым поддерживал в течение ряда лет тесные дружеские отношения. Со всеми этими деятелями я обсуждал вопрос, не следует ли мне сейчас выйти из кабинета. Но они единодушно советовали мне воздержаться от такого шага. Необходимо, говорили они, иметь информацию обо всем, что происходит там; ведь нацисты могут сместить меня лишь с поста члена кабинета, но не с должности имперского комиссара. Все это, увы, была игра с понятиями, которые утратили уже всякое значение в жестоких условиях господства нацизма. Так случилось, что одни называли меня (в частности, в прессе) доверенным лицом Гинденбурга, а другие, а именно нацисты, считали шпионом президента.

Горит рейхстаг

Все это не мешало мне продолжать свою работу в имперском комиссариате. Неожиданно мне как-то позвонил Геринг и просил прийти в имперскую канцелярию. Без обиняков он изложил свои намерения:

— Как мне сообщили, — сказал он, — вы до сих пор финансировали из предоставленных вам для трудоустройства средств лишь проекты, кажущиеся вам важными для народного хозяйства. Конечно, строительство дорог, проведение мелиорационных работ, строительство дамб, поселков — все это прекрасные вещи. Но теперь перед третьим рейхом стоят более важные задачи. Вы отпустили средства для земляных работ с целью сооружения автострады из Гамбурга через Франкфурт в Базель. Это я считаю правильным. Но строительство авто-

страд, которое я целиком поддерживаю, должно подчиняться стратегическим целям. Не с севера на юг, а с востока на запад следует в первую очередь создавать автострады. Кроме того, нужно в широких масштабах строить аэродромы и казармы. Нужно финансировать прежде всего предприятия, строящие самолеты, а также фирмы, занятые производством военных материалов. Все это поможет скорее ликвидировать безработицу!

Я ответил Герингу, что придерживаюсь совершенно иной точки зрения. Предоставление кредитов лишь в том случае оправдано, если они служат проведению важных для народного хозяйства работ и одновременно принесут зарплату и хлеб многим безработным. Все меры по перевооружению, напротив, кажутся мне экономически неоправданными и крайне нерентабельными. Если военные материалы будут использованы по назначению, то это означало бы войну, а именно этого, согласно заявлениям рейхскашцлера, следует избегать.

Мы долго спорили по поводу наших разногласий, но так и не пришли к соглашению.

Наконец Геринг зло заметил:

— Вы не национал-социалист и просто не знаете, что только слово фюрера имеет для нас значение. Хотите ли вы этого или нет, но вам придется выполнить пожелания фюрера.

Прощаясь, я сказал Герингу, что готов выполнить его желание и согласиться с увеличением производства вооружения лишь в очень ограниченном масштабе, а именно в области производства охотничьего оружия. Как страстный охотник, он сможет этим воспользоваться, чтобы пополнить свою коллекцию оружия. Но в остальном я должен настоять, чтобы были осуществлены мои предложения, тщательно разработанные с учетом интересов народного хозяйства.

В 1936 году будущий западногерманский социал-демократический министр экономики Карл Шиллер опубликовал в виде книги свою диссертацию под названием «Проблема трудоустройства и порядок его финансирования в Германии». Знаменательно, что Шиллер не нашел нужным даже упомянуть в ней мою фамилию; он пытается представить события в таком свете, чтобы оправдать перед читателями фашистский вариант «трудоустройства».

После беседы с Герингом мне стало ясно, что Гитлер, по всей вероятности, изменит намеченный мною список первоочередных работ, переключив внимание на осуществление проектов, имеющих военное значение. Но все произошло совсем иначе, чем я предполагал. Чтобы публично отмежеваться от намерений нацистов и защитить собственные планы трудоустройства, я созвал заседание правления Союза прусских земельных общин в здании имперского комиссариата. Правление вновь единодушно утвердило наши планы трудоустройства, особенно выбор важных для развития экономики объектов работ. В пресс-конференции принимали участие несколько руководящих сотрудников Германского конгресса земельных общин и Союза прусских земельных общин. В своем выступлении я подробно еще раз рассказал обо всех проведенных до сих пор мерах по трудоустройству, подчеркнув, что предоставление кредитов для осуществления намеченных работ можно будет оправдать, только сохранив нынешний метод тщательного отбора этих объектов с точки зрения важности для народного хозяйства.

На эту пресс-конференцию, состоявшуюся 27 февраля 1933 года в Доме прессы, явились представители всех министерств. Меня поддержало подавляющее большинство присутствующих. Это подтвердилось и в последующей дискуссии. В разгар дискуссии в зал ворвался журналист с криком: «Горит рейхстаг!» Пресс-конференция после этого фактически закончилась, ибо большинство представителей печати немедленно отправились к зданию рейхстага. Как хозяину мне пришлось остаться, пока не ушел последний из представителей прессы. Мы отправились в буфет, но подготовленная закуска оказалась нам в этот вечер невкусной...

В ту же ночь было опубликовано заявление имперского правительства, в котором коммунисты обвинялись в поджоге рейхстага. Это было сигналом для ареста многих функционеров и рядовых членов КПГ. Террор отрядов СА и СС против «левых» превзошел все, что было ранее известно. «Чрезвычайный закон», изданный по предложению Гитлера рейхспрезидентом, так называемый закон «Об охране народа и государства», предоставил канцлеру широкие полномочия, фактически ликвидировавшие Веймарскую конституцию.

Выборы в рейхстаг, проходившие 5 марта, не дали нацистам ожидаемого успеха, им не удалось добиться большинства в $\frac{2}{3}$ голосов в рейхстаге. Несмотря на разгул террора, за СДПГ и КППГ было отдано свыше 12 миллионов голосов. Партия Центра и Баварская народная партии, иными словами — организации, представлявшие католических избирателей, смогли удержать свои позиции.

Под слезкой. Арест

Перед выборами правительство обнародовало декларацию, сочиненную Геббельсом, который в середине марта был введен в кабинет в качестве имперского министра народного просвещения и пропаганды. В ней все правительства, созданные после революции 1918 года, были преданы анафеме. Их обвиняли в бездарности и обмане народа. Под декларацией стояли подписи всех членов кабинета, в том числе и моя.

Я был возмущен, ибо никто моего согласия на подпись не требовал. Она просто была поставлена под декларацией без моего ведома. В свое время я был некоторое время членом правительства Шлейхера и поэтому не желал, чтобы моя деятельность была охарактеризована публично как обман народа. Я недвусмысленно объяснил это фон Папену и графу Шверину фон Крозигу и сказал, что если они сами готовы позволить оклеветать свою деятельность в бывших правительствах, то я лично решительно отказываюсь от этого. Так как листовка была издана министерством пропаганды, я позвонил Геббельсу и потребовал от него, чтобы моя подпись была снята, так как никогда я не давал согласия поставить ее под этим документом. Я заявил, что в ином случае опубликую заявление в прессе, в котором отмежусь от декларации и назову мою подпись под ней фальшивой, чего бы это мне ни стоило. По-видимому, на такой риск в тот момент нацисты не захотели пойти, так как им были хорошо известны мои тесные связи с Гинденбургом. Поэтому были отпечатаны новые листовки, на которых моя подпись уже не значилась.

После этого инцидента я встретился со Шлейхером и Брюнингом и рассказал им о случившемся; Брюнинг

только покачал головой и заметил, что нам предстоит пережить еще худшие времена. Шлейхер, напротив, сказал, что он поступил бы так же; он заметил, что я ныне стал одним из самых ненавистных для нацистов людей.

— Я восхищен вашим мужеством,— сказал он.— Надеюсь, что это не будет стоить вам головы!

С этого дня я стал замечать, что постоянно нахожусь под слежкой. Незнакомые люди начали настойчиво выспрашивать моего шофера, где я нахожусь и куда поехал.

Из-за гриппа мне пришлось соблюдать постельный режим, и поэтому я не смог участвовать в ряде заседаний кабинета. Это меня в данной ситуации устраивало, ибо я понимал, что продолжать свою деятельность по осуществлению намеченных нами планов становится при нацистах невозможным. Я понял, что мое согласие на просьбу Гинденбурга вообще было ошибкой. В это время работой в комиссариате руководил Герман Кордеман по моим указаниям. О политической работе кабинета меня вскоре вообще перестали информировать, даже не приглашали больше на заседания кабинета. Только на празднование Дня Потсдама* было прислано мне приглашение. Вместе с другими членами кабинета я сидел в «Гарнизонскирхе» и был свидетелем напыщенной речи Гитлера и «легендарного» обмена рукопожатиями между Гитлером и Гинденбургом. Я чувствовал себя весьма неловко при этом представлении и был глубоко разочарован поведением Гинденбурга. Меня вновь охватили мучительные сомнения, следует ли и дальше держать слово, данное мною Гинденбургу, или попросту уйти в отставку.

Через два дня после спектакля в Потсдаме был созван вновь избранный рейхстаг в здании оперы Кроль. Мне пришлось выслушать, сидя вместе с другими членами кабинета рядом с трибуной, обвинительную речь Гитлера в адрес правительств веймарского периода. Новый канцлер провозгласил наступление новой замечательной эры и потребовал принятия закона о чрезвычайных полномочиях, согласно действовавшей еще

* «День Потсдама» — праздник немецких милитаристов, на котором воспеваются прусско-германские традиции, происходят богослужения и поются гимны в честь «великих полководцев».

конституции двумя третями голосов, чтобы получить свободу действий. Коммунисты, которых еще не успели арестовать, были лишены права участвовать в заседании, и только одни социал-демократы после выступления своего председателя Отто Вельса, выдержанного в осторожных тонах, голосовали против закона о чрезвычайных полномочиях. Партии, принадлежавшие к Центру, дали уговорить себя обещаниями Гитлера, которых он впоследствии никогда не выполнял, согласиться с законом о чрезвычайных полномочиях. Этим они сделали возможным для Гитлера получить большинство в $\frac{2}{3}$ голосов. Из пяти членов Государственной партии двое голосовали «против», трое — среди них и доктор Теодор Хейсс — «за». Зал пленарных заседаний здания оперы Кроль был окружен членами СА и СС в униформе — свидетельство открытого давления, которому подверглись все депутаты, которые по своим убеждениям отрицательно относились к нацистам.

Вечером этого же несчастного дня я отправился вновь в свой имперский комиссариат, там меня ожидало большое количество дел. Еще по дороге к машине за мной следовали на коротком расстоянии несколько эсэсовцев, затем они на другой машине вслед за мной доехали до здания министерства, но туда не вошли. Как обычно, я просмотрел почту, а когда собирался кончить диктовку — было уже тридцать минут первого ночи, — в кабинет вошли шесть эсэсовцев. В присутствии моего личного референта они потребовали следовать за ними в отель «Принц Альбрехт», то есть именно туда, где год назад была расположена моя «главная квартира». Мне сказали, что меня там ждут для беседы по поводу ряда тяжелых обвинений, выдвинутых против меня. Я был удивлен, когда в маленьком конференц-зале встретил бывшего министра внутренних дел фон Койделя. Он перешел из Сельскохозяйственной партии в нацистскую. Рядом с ним стоял мой сотрудник в Германском конгрессе земельных общин министерства Шеллен, которого я принял на работу по рекомендации его превосходительства Вальрафа.

Фон Койдель, вместе с которым я боролся против кандидатуры Гитлера еще во время кампании по избранию Гинденбурга, и Шеллен, который выступал всегда против Гитлера в Союзе земельных общин — оба, кстати, тесные друзья вице-канцлера Папена, — оказались

теперь членами нацистской партии. Они нагло обвинили меня в том, что я использовал для своих личных нужд деньги из избирательного фонда Гинденбурга и из средств, вырученных от продажи коммунального печатного органа «Ди ландгемайнде». Не моргнув глазом, они заявили, что речь идет о тяжелых злоупотреблениях, которые они, руководствуясь интересами обеспечения чистоты нового национал-социалистского государства и как члены нацистской партии, не могут держать в тайне, несмотря на то, что раньше были со мной в дружеских отношениях.

Я был потрясен подобной низкой клеветой и предательскими действиями двух моих сотрудников. Правда, скоро мне стало ясно, что два новоиспеченных члена партии выполняли поручение руководства нацистской партии. Легальным путем нельзя было избавиться от «доверенного лица Гинденбурга», значит, нужно было меня изобличить как преступника. Это было единственной возможностью избавиться от меня. Я сказал этим господам, что им, как членам правления Союза земельных общин, должно быть хорошо известно, что газета «Ди ландгемайнде» никогда не была собственностью Союза. Она никогда не значилась на балансе Союза. Если существует еще в Германии справедливый суд, то эту клевету легко будет разоблачить.

— Вам будут предоставлены для этого все возможности,— заметил на это чиновник СС и предъявил мне ордер на арест, грубо приказав следовать за ним. Он заявил, что препроводит меня в тюрьму на Александер-платц. Вскоре мы туда и прибыли. Меня встретили два эсэсовца из так называемой вспомогательной полиции со словами: «Вот эта свинья, которая осмелилась выступить против нашего фюрера, теперь ты уже больше не имперский министр!» Меня заперли в маленькой одиночной камере. Кровать была поднята к стене и находилась на замке. Ночь мне пришлось провести стоя.

Официальное сообщение о моем аресте гласило: «Берлин, 24 марта: вчера вечером вскоре после окончания заседания рейхстага по распоряжению имперского комиссара в прусском министерстве внутренних дел Геринга был арестован полицией по подозрению в злоупотреблениях и растрате доктор Гереке. После окончания судебного расследования Гереке предстанет перед судом».

Мой арест вызвал сенсацию. Все без исключения газеты, хотя они тогда не были полностью унифицированы, вышли под крупными заголовками на первых страницах: «Гереке растратил миллионы марок из избирательного фонда Гинденбурга», «Имперский комиссар арестован по обвинению в злоупотреблениях», «Расследование в имперском комиссариате», «Кредиты для собственного кармана», «Гитлер заботится о чистоте своего кабинета».

Судебная комедия

На следующий день меня перевели в следственную тюрьму Моабит. Меня посетил там адвокат доктор Карл Лангбен и предложил стать моим защитником. Он был гораздо моложе меня, но произвел впечатление умного и вдумчивого человека. Он сразу же завоевал мое доверие. Лангбен связался с моей матерью в Пресселе и принял массу посетителей, которые были возмущены этим арестом и хотели навестить меня в Моабите, на что разрешения, разумеется, не получили.

К моему адвокату явилось также большинство членов правления Союза земельных общин, особенно члены Сельскохозяйственной и Социал-демократической партий. Они выразили готовность сделать все, чтобы защитить меня от клеветнических обвинений. Доктор Лангбен передавал приветы от них, а также от Шлейхера, Брюнинга, графа Вестарпа, Шланге-Шенингена, Тревирануса и многих других.

Запоздалый допрос следователем ничего не прибавил к тому, что мне было уже известно. Он свелся к повторению обвинений, о которых писалось в прессе, — растрате миллионов марок из избирательного фонда Гинденбурга и нанесении ущерба земельным общинам в размере свыше ста тысяч марок. Далее меня обвиняли в неправильном ведении учета того количества ржи, который по моему предложению был пожертвован аграрным общинам в период инфляции в целях расширения деятельности Союза земельных общин. Я якобы на этих взносах лично обогащался. Я был глубоко возмущен. Совесть моя была спокойна — все эти обвинения представляли собой не что иное, как злостную кле-

вету, которую хотели использовать для отстранения меня от должности как политического противника нацистов.

Доктор Лангбен связался с Союзом земельных общин и вскоре с помощью замечательного человека, генерального секретаря Штандтке выяснил, что сразу после захвата власти нацистами замаскированный нацист Шеллен начал собирать материалы против меня. Он главным образом обращался при этом к одной из моих секретарш и к главному бухгалтеру Фрейгангу, моему поверенному еще с тех времен, когда я был ландратом в Торгау. На заседании правления Союза земельных общин было заявлено, что Союз никакого ущерба от меня не понес и что в кассе Союза земельных общин нет недостачи.

Газета «Дойче тагесцайтунг», как и некоторые другие газеты, еще не полностью находившиеся в подчинении нацистов, справедливо вопрошали: «Где же доктор Гереке мог совершить растрату или злоупотребления? Правление Союза земельных общин заявило на заседании, что доктор Гереке не наносил ущерба Союзу, что в кассе Союза все деньги целы. Кураторий объединения комитетов по избранию Гинденбурга через своего представителя графа Вестарпа заявил, что обо всех средствах в фонд Гинденбурга, даже если они происходили из доверительных источников, был сделан безупречный отчет. Остались непокрытыми лишь отдельные счета типографий, которые пужно было погасить позже. Со стороны имперского комиссариата также последовало заявление, что не было недостачи денег и что о кредитах были представлены требуемые отчеты. Остается предположить, что речь идет о злостной клевете, имеющей цель дискредитировать глубокоуважаемого политика, президента объединений комитетов по избранию Гинденбурга.

Даже такая газета, как «Берлинер тагеблат», в довольно пространной статье от 23 апреля 1933 года подчеркивала, что, хотя доктор Гереке не принадлежит к ее политическим друзьям, выдвинутое против него обвинение звучит весьма неубедительно. «Как можно было утаить от ревизии колоссальную растрату, совершавшуюся с 1924 года,— спрашивала газета.— Разве мыслимо, чтобы из продажи журнала, насчитывавшего в 1924 году шесть тысяч подписчиков и подписная

плата на который в год составляла всего девять марок, а расходы на выплату компенсации прежнему владельцу составляли пятнадцать тысяч марок в год, можно было выручить миллионные прибыли? Далее: на что должен был истратить эти огромные суммы доктор Гереке, который лично отличался чрезвычайно скромным образом жизни?» Все это, указывала газета, делает очень сомнительными выдвинутые против доктора Гереке обвинения. Весь материал, на котором основывается донос Койделя и Шеллена, собирався в глубокой тайне Фрейгангом. Естественно поэтому возникает подозрение, что заранее имелось намерение морально дискредитировать доктора Гереке.

Доктор Лангбен заявил, что если вообще могли иметь место растрата или злоупотребление, то они могли быть совершены только секретарем Союза и его главным бухгалтером Фрейгангом, ответственными за кассу Союза земельных общин, а также за правильный учет денег во время кампании по выборам президента. После этого, к ужасу нацистских друзей Фрейганга, он также был арестован и препровожден в следственную тюрьму Моабит.

Беспрерывная клевета по моему адресу и оскорбительное поведение нациста-охранника значительно подорвали мое здоровье, но я по-прежнему был твердо намерен выстоять в предстоящей борьбе. Старая болезнь почек вновь дала себя знать, и меня уложили в тюремный лазарет. Здесь были еще старые тюремные надзиратели, люди, которых можно было бы назвать добросовестными служаками. За время долгой службы они научились делать различие между уголовниками и политическими заключенными. Сестры евангелического и католического вероисповедания, служившие в тюремном лазарете, пытались как могли облегчить мое положение. С их помощью удалось даже выхлопотать разрешение на короткое свидание с матерью. Через доктора Лангбена я получал много ободряющих писем, которые без его помощи наверняка не прошли бы цензуру. Доктор Лангбен и его чрезвычайно любезный компаньон доктор Клейне регулярно посещали меня. Они оптимистически оценивали результаты следствия, которые должны были быть сформулированы в обвинительном заключении прокурора. Оставался лишь вопрос, имеются ли еще в Германии независимые судьи, кото-

рые после захвата власти нацистами обладали бы достаточными мужеством и самостоятельностью, чтобы не поддаваться все усиливающемуся нажиму нацистов.

В конце мая начался наконец после долгого ожидания процесс. Большой зал судебного заседания в Моабите оказался переполненным. Почти все берлинские газеты послали на процесс своих представителей. Прибыли издалека и несколько членов правления Союза земельных общин.

Уже в начале процесса раздавались громкие аплодисменты, когда я отвечал на вопросы председателя. На следующий день аплодисменты и реплики участились и председатель пригрозил удалить публику из зала. Третий день заседания начался с часовым опозданием. Все ждали прихода судей. В чем же было дело? Эксперт по правовым вопросам нацистской партии, ставший впоследствии печально известным своими кровавыми приговорами, Роланд Фрейслер приехал в Моабит и собрал судей для беседы, содержание которой нетрудно себе представить. Один из судей откинул мантию, и под ней оказался значок члена нацистской партии. Я спросил Лангбена, нельзя ли отклонить этого судью как пристрастное лицо. Он отсоветовал, заметив, что другие судьи под мантией носят такие же значки и этим мы ничего не добьемся.

Было бы слишком утомительно приводить детали всех остальных дней судебных заседаний. Тем более, что я до сих пор не имею доступа к архивным материалам процесса, хранящимся в Западном Берлине. Но я могу сказать совершенно определенно, что, за исключением доносчиков фон Койделя и Шеллена, а также земельного старосты из Гессена, ставшего членом нацистской партии, все члены правления Союза земельных общин положительно, а некоторые из них даже, я бы сказал, преувеличенно хвалебно высказались о моей долголетней работе в Союзе. Это особенно относится к земельным старостам Штаффелю из Бизена, Гильдебрандту из Ремкерслебена, Гарену из Фрауэндорфа, Миккину из Немонина, Беттге из Унтертёйшентала, Хинце из Ингельна, Мюллеру из Изернхагена, Бергеру из Мокритца, Брезе из Марведе, фон Эйкштедту из Тантова, Циммеру из Хюнеберга, Штеккелю из Обершрайберхау. Генеральный секретарь Штандтке, синдик Штейнберг и руководитель пресс-отдела доктор Мюл-

нер высказались — иногда в весьма темпераментной форме — в мою пользу и резко критиковали предательское поведение господ фон Койделя и Шеллена. По обвинениям, касавшимся растраты избирательных фондов Гинденбурга, были еще допрошены в качестве свидетелей: граф Вестарп, министр в отставке Тревиранус, министр в отставке Шланге-Шенинген, статс-секретарь Мейсснер, Тило фон Вильмовски и тайный советник Дуисберг. Все они сочли нужным пожать мне руку на суде. Это было, вообще говоря, запрещено, поэтому каждый из них получал замечание от председателя суда. Были вызваны на суд также мои старые противники Гугенберг и Оскар фон Гинденбург. Гугенберг, с которым мы неоднократно скрещивали шпаги в политических боях, вел себя сдержанно. А полковник Оскар фон Гинденбург пытался возложить на меня всю ответственность за сбор средств для избирательного фонда. Он странным образом начисто забыл наши беседы о ряде источников, откуда поступали эти средства, хотя я и напомнил ему об этом.

Несмотря на многочисленные свидетельские показания в мою пользу, мое положение было отнюдь не благоприятным. Ревизия, предпринятая в Союзе земельных общин, выявила якобы, что там, как и в комитетах Гинденбурга, бухгалтерский учет оставлял желать много лучшего. В Союзе бухгалтерия ежегодно подвергалась ревизии со стороны двух штатных бургомистров, которые нашли ее в порядке. Я об этом не слишком заботился, тем более что полностью доверял Фрейгангу и был перегружен более важными работами. Но как руководитель я отвечал в конечном итоге за ошибки и недосмотры, допущенные бухгалтерией. Старому правилу: «Доверие — хорошо, но контроль — еще лучше» — я не следовал и слишком поздно понял, что для нацистов все средства были хороши, лишь бы устранить политического противника. Если этого нельзя было сделать прямо, то прибегали к средству самой низкопробной клеветы. Доктор Лангбен сообщил мне, что в нынешней политической ситуации придется принять в расчет возможность приговора о моей виновности. Мое оправдание, которым неизбежно закончился бы процесс, если бы были соблюдены правовые нормы, было бы тяжелым ударом для нацистов. К сожалению, столь оптимистически настроенный ранее защитник оказался

прав. После его убедительной защитной речи выступил я с заключительным словом, встреченным присутствовавшими аплодисментами. Затем был объявлен приговор: меня приговорили к двум с половиной годам тюремного заключения «за растрату». Фрейганг получил четыре месяца тюрьмы, но сразу же был освобожден из-под стражи. А я остался под арестом. Нацистская пресса назвала приговор «слишком мягким».

Доктор Лангбен сразу же подал апелляцию, и последовал долгий период ожидания нового разбирательства, теперь уже Верховным судом Германии.

В одиночной камере

Время медленно тянулось в моей одиночной камере. Теперь я имел «прекрасную» возможность размышлять о своей жизни. После напряженных недель процесса состояние моего здоровья ухудшилось. Нацистский врач велел делать лишь болеутоляющие инъекции от мучившей меня почечной колики. Из газет, которые передавал мне доктор Лангбен, я узнавал о все новых арестах знакомых мне честных людей. Это отнюдь не служило утешением. Зевелинг и тогдашний президент прусской казны Клеппер, например, были арестованы под тем же предлогом злоупотреблений и растрат. При аресте лиц по таким обвинениям нацисты преподнесли публике хитрую смесь правды и лжи. Нацисты использовали некоторые факты злоупотреблений, которые действительно имели место, для того, чтобы устранить под таким предлогом неудобных им по политическим причинам лиц. Когда же речь шла об арестах коммунистов или представителей профсоюзов, нацисты, как известно, не заботились даже о подобных формально юридических предложениях.

Часами я раздумывал над тем, какие же ошибки были совершены мною. После поражения следует прежде всего критически оценить ошибки, совершенные самим собой. В чем же я мог обвинить себя? Конечно, я был слишком доверчив ко многим людям, и особенно к министерскому Шеллену, секретарю Союза Фрейгангу и к одной из секретарш. Я стал жертвой «мартовских героев» — так называли тех, кто ради

собственной карьеры спешил показать себя рьяным членом НСДАП после захвата власти фашистами. Чтобы приобрести популярность в своей новой партии, они без зазрения совести клеветали на бывших своих начальников, в доверие которых они сумели войти. Как долго же надо было искать материалов против меня в Союзе земельных общин, чтобы добраться наконец до 1922 и 1923 годов и вытащить на свет божий неправильно якобы учтенные взносы ржи, с помощью которых тогда, в период инфляции, и было только возможно вести работу по расширению деятельности Союза! Придирчивые проверки кассы и бухгалтерских документов всегда претили мне, и я никогда не интересовался деталями таких проверок, доверяя тем, кто за это отвечал. Так действовал я и в собственном имении в Пресселе. При всей своей загруженности мне все же удавалось вырывать время для приезда в Прессель. В эти дни я целиком отдавался сельскому хозяйству и управлению имением. Делами, связанными с выплатой заработной платы и счетами, ведала секретарша, которой я полностью доверял. Мне никогда не приходилось сожалеть о таком распорядке.

И вот теперь меня обвиняли в злоупотреблениях именно по отношению к Союзу земельных общин, которым я руководил с самого начала и который за это время вырос в большую организацию, известную в широких кругах общественности как «организация Гереке». Кто же этому поверит? Это обвинение Бруно Беттге назвал перед нацистским судом весьма недипломатично плодом фантазии. Столь же фантастичным было предположение, что я мог растратить деньги из избирательного фонда Гинденбурга.

Со спокойной совестью я говорил себе, что всегда жил очень экономно и непритязательно. В тяжелые годы становления нашего Союза я большей частью ночевал у себя в бюро. Позже снимал маленькую комнату, в которой только спал и завтракал. И так жил до дня моего ареста, хотя на протяжении прошедших лет занимал различные должности. Моей благоустроенной квартирой в Пресселе у матери я почти не пользовался — слишком был занят работой. И насколько экономно я жил лично, настолько позволял себе проявлять широту, когда речь шла о помощи нуждающимся или о повышении доходов моих сотруddников.

Конечно, можно было предвидеть, что нацисты при всех обстоятельствах позаботятся о моем устранении. Ведь я резко отклонил предложение Гитлера вступить в нацистскую партию, решительно высказался против предложения Геринга об утверждении проектов работ военного характера. Моя ошибка заключалась в том, что я слишком верил в Гинденбурга и в его «чрезвычайные законы», а вместе с тем недооценивал коварство нацистов.

Лишь недавно мне стало известно из опубликованных в Западной Германии «беседах за столом» Гитлера в 1941—1942 годах, насколько я снискал к себе ненависть Гитлера и насколько правильно, с другой стороны, он оценил мою тогдашнюю позицию. В этой публикации говорится: «Комиссар труда Гереке, который позже был арестован по обвинению в злоупотреблениях и затем осужден, с самого начала повел себя как мой (Гитлера.— *Авт.*) «злейший враг» (Генри Пиккер. Застольные беседы Гитлера в главной квартире фюрера 1941—1942 гг. Мюнхен, 1968, стр. 164).

Как христианин евангелического вероисповедания, я мог сказать себе, что чист перед богом и собственной совестью, честно заботился о проведении политики, которая принесла бы пользу нашему народу. Я мог ошибаться в политических вопросах, имевших решающее значение, но это уже касалось только меня лично, и мне надлежало пытаться сделать из моих ошибок правильные выводы на будущее.

Во время слушания моего дела имперским судом в Лейпциге осенью 1933 года приговор моабитского суда был отменен и все дело возвращено на вторичное рассмотрение.

Но мои надежды на освобождение под залог не оправдались. Ходатайство доктора Лангбена было отклонено под предлогом возможности «попыток к бегству». И опять потянулся время. Судьи не спешили. Доктор Лангбен сообщил мне, что по желанию Фрейслера новое рассмотрение дела должно было быть еще больше отсрочено, так как вторичное осуждение меня в связи со множеством свидетельств известных личностей в мою пользу на предыдущем процессе вызвало бы нежелательный для нацистов отклик среди общественности. Мой адвокат узнал, что обсуждалось предложение перевести меня в концентрационный лагерь, что сделало

бы излишним новое слушание моего дела, исход которого был не ясен после отмены приговора имперским судом. Доктор Лангбен был убежден в том, что новое рассмотрение дела закончится моим оправданием, но он явно при этом переоценил, к сожалению, объективность судей.

Ранней весной 1934 года, через год с лишним после моего ареста, началось новое слушание моего дела в земельном суде в Моабите. Все проходило примерно так же, как в первый раз. Особенно усердно теперь рассматривали вопрос об источниках поступления средств в избирательный фонд Гинденбурга. Бывшего рейхсканцлера Брюнинга нельзя было уже допросить, так как он к тому времени успел эмигрировать в США.

В конце июня в суд был вызван — как последний свидетель процесса — бывший рейхсканцлер фон Шлейхер. Демонстративно радушно он приветствовал меня пожатием руки, за что получил замечание от председателя. На вопрос председателя, какова его профессия, он ответил в свойственной ему иногда насмешливой манере:

— Мне казалось, что «суду известно», кто я. Если же высокий суд этого не знает, то отвечу: пенсионер.

Давая мне самую лестную характеристику, он, далее, дословно заявил:

— Если бы я еще раз должен был бы распоряжаться миллионами, то я не знал бы другого человека, которому я так охотно поручил бы это, чем моему другу доктору Гереке.

Я не подозревал, что то будут последние слова, произнесенные Шлейхером публично, что я больше никогда его уже не увижу. В перерыве Шлейхер сказал моей матери, присутствовавшей на процессе:

— Нам надо выстоять, скоро вся эта гитлеровская чертовщина исчезнет!

Два дня спустя один из журналистов, хорошо ко мне относившийся, подошел в зале суда к моей матери со словами:

— Будьте довольны, что ваш сын в тюрьме!

Встретив недоумевающий взгляд моей матери, он добавил:

— Только что был застрелен Шлейхер. Если бы ваш сын не находился в тюрьме, он разделил бы его участь.

В самом деле, 30 июня 1934 года в связи с мнимым путчем Рема эсэсовские бандиты проникли в квартиру генерала в Ной-Бабельсберге и убили Курта фон Шлейхера. Его молодая жена, которая хотела защитить своего мужа, также пала от руки убийц. В этот же день жертвами кровавого террора стали также генерал-майор фон Бредов, ближайший сотрудник Шлейхера, и Грегор Штрассер, некогда второй человек в нацистской партии. Моему близкому сотруднику Кордеману, игравшему роль связного между Шлейхером и Штрассером, удалось избежать подобной участи. Имперский комиссариат по трудоустройству был распущен решением кабинета.

Убийство Шлейхера потрясло меня. Сотрудничая с генералом, я всегда оставался, несмотря на все, что нас разделяло, под большим впечатлением его сильной, хотя и противоречивой личности.

Шлейхер был тесно связан с определенными группами крупных промышленников и среди них имел множество друзей. Его наиболее близкими друзьями были Отто Вольф, Отмар Штраус, Карл Дуисберг, Пауль Зилверберг, Фридрих Минокс, Тило фон Вильмовски и банкир Вильгельм Регенданц. Политика, которую проводил Шлейхер в руководстве рейхсвером, была выражением пожеланий и представлений именно этих кругов крупных промышленников. В частных беседах генерал любил многозначительно ссылаться на то, что такой-то вопрос он уже обсудил с каким-либо из крупных промышленников. Шлейхер выступал за широкое государственное вмешательство в частное капиталистическое хозяйство с целью его дальнейшей стабилизации, ускорения подъема ведущих концернов химической и электротехнической промышленности.

Исходя из этих принципиальных установок, Шлейхер выступал за сотрудничество с профсоюзами и с СДПГ, оставаясь всегда противником коммунизма. Это не мешало ему, однако, занимать по отношению к Советскому Союзу более позитивную позицию, чем другие авторитетные представители его класса. Шлейхер на посту рейхсканцлера никогда не развязал бы агрессивной войны против СССР.

Шлейхер был ловким тактиком и приобрел неожиданно большое влияние на внутреннюю политику Веймарской республики в последние годы ее существова-

ния. Он, пожалуй, более умело приспособлялся к обстоятельствам, чем другие прусские генералы, которых пришлось встречать мне в то время. Шлейхер не признавал монополию юнкеров на занятие офицерских должностей. О людях своего сословия он отзывался в разговоре со мной следующим образом:

— Все их заслуги — в прошлом, относятся ко временам Фридриха Великого. Теперь они почти выродились. Конечно, есть исключения, но только лишь исключения — и ничего более.

В какой-то степени это признание можно отнести к нему самому. Он был исключением среди своей касты, но он все же чувствовал себя с ней заодно во всех важных вопросах и никогда не порывал с ней.

Второй процесс, как и первый, закончился моим осуждением. Вновь доктор Лангбен подал на апелляцию в имперский суд, и опять прошло много месяцев после этого. По настоянию нацистского врача меня опять перевели из лазарета в одипочную камеру. К тому времени большое число старых опытных тюремных служащих было заменено молодыми эсэсовцами, которые издевательски со мной обращались. Мне претит перечислить здесь все низости, которые совершали эсэсовцы. Погружение головы в ведро нечистот было еще далеко не самой худшей подлостью, которую мне пришлось испытать. Тот, кто сидел в тюрьме как противник нацизма, знает, что не было такого оскорбления и подлости, которые не совершались бы нацистами.

Состояние моего здоровья вновь значительно ухудшилось. Я пытался всеми силами попасть в лазарет, где можно было рассчитывать на гуманное обращение со стороны служащих и на заботы сестер Эммы и Аббиди.

Я узнал, что тюремный врач составил таблицу, где был определен минимальный вес, при котором полагалось переводить заключенных в лазарет. Нацисты не хотели, чтобы слишком много заключенных умирало в тюрьме. Смерть же в лазарете не считалась необычной. Согласно таблице, заключенные, весившие меньше одного центнера * при росте свыше 1,80 метра, считались «созревшими для лазарета». Мой рост составлял

* Немецкий центнер равен 50 кг.

1,83 метра, и поэтому я должен был довести свой вес до менее одного центнера. Но весы показывали вес в 108 фунтов — сам по себе совершенно недостаточный, но все же по крайней мере на 9 фунтов выше тех показателей, которые были определены нацистским врачом. Сначала я решил объявить голодовку, но оказалось, что это мне слишком дорого стоило. Грубые охранники начали кормить меня шлангом через нос, ужасно мучительная процедура, которую я перенес очень тяжело. Поэтому я вновь потребовал тюремную похлебку, но, когда камера закрывалась, я всю ее выбрасывал в ведро и возвращал пустую миску. Первые два дня голодовки чрезвычайно тяжелы. Поскольку быстрее теряешь вес, когда не употребляешь никакой жидкости, я только полоскал рот и не пил ни капли. Жажда еще более мучительна, чем голод, но я проявлял железную выдержку, хотя в последующие дни впал в апатию, еле держась на ногах от слабости. На шестой день я чувствовал себя настолько скверно, что тюремщик сказал:

— Ты выглядишь так, как будто вот-вот отдашь концы, а ну-ка взвесься!

Весы показали лишь 96 фунтов. После этого появился тюремный врач, посмотрел на меня и нагло заявил:

— Этому лучше подохнуть в лазарете!

Так меня на седьмой день опять перевели в тюремный лазарет.

Там меня сердечно встретили как блудного сына старые добрые служащие и обе сестры. Я в самом деле был близок к тому, чтобы испустить дух, но меня подерживала радость по поводу моего перевода в лазарет. Две сестры трогательно ухаживали за мной попеременно. Сестра Аббиция, нарушив запрет, принесла мне даже желток в чашке, которую спрятала под юбкой.

— Господин доктор, — сказала она на своем верхнесилезском наречии, — бог вас сохранит. Как радовался бы наш рейхсканцлер Брюнинг, если бы видел, что вы живы.

Я искренне поблагодарил сестру и, поскольку она все старалась обратить меня в свою католическую веру, попросил ее обратиться к богу с пожеланием, чтобы при ее заботах я не прибавил бы более трех фунтов, так как

иначе мне придется покинуть лазарет. С тех пор я отношусь с большим сочувствием к жокеям, которые должны голодать и потеть, чтобы поддерживать определенный вес.

За границей нацистское правосудие подвергалось резким нападкам, и к тому же стало известно преступное обращение с заключенными в нацистских тюрьмах. Поэтому «с разрешения имперского правительства» английская комиссия посетила тюрьму и лазарет в Моабите. Комиссии разрешили кратко побеседовать с отдельными заключенными. Получив информацию обо мне от Лангбена и от моего двоюродного брата Ральфа, женившегося на англичанке, англичане выразили желание узнать о моей участи, а также побеседовать со мной. Я бы охотно кое-что рассказал посетителям. Но дирекция тюрьмы заявила английской делегации, что камера, в которой я сижу, находится в другом конце здания и туда пройти невозможно. Что же осталось мне сделать? Если бы пожаловался, то меня бы тут же наверняка перевели бы из лазарета обратно в камеру.

Новое рассмотрение моего дела в имперском суде ничего хорошего не принесло. Имперский суд как апелляционная инстанция не занимается перепроверкой обстоятельств по существу, а проверяет лишь правильность применения законов по отношению к тем фактам обвинения, которые были установлены первой инстанцией. Во втором приговоре суда в Моабите, однако, не были учтены нацистскими судьями решающие для меня показания, как, например, показания Шлейхера и моих друзей из Сельскохозяйственной партии и Социал-демократической партии. Обоснование приговора на этот раз было сформулировано так, что нацисты могли не бояться апелляции.

Доктор Лангбен пытался утешить меня.

— Если бы имперский суд вторично отменил приговор, — сказал он, — то вас непременно перевели бы в концентрационный лагерь, как это предполагали сделать еще год назад. Мы должны радоваться, что, соблюдая сдержанность, лишили нацистов возможности передать вас гестапо как государственного преступника.

29 сентября 1935 года меня наконец выписали из тюремного лазарета. Доктор Лангбен и его компаньон

доктор Клейне встретили меня у тюремных ворот. В машине доктора Лангбена я поехал в Прессель, где меня с трогательной радостью встретили мать, сотрудники и многие жители деревни. Мой адвокат узнал, что первоначально нацисты намеревались отправить меня сразу из Моабита в концентрационный лагерь. Но, видимо, учитывая состояние моего здоровья, от этого отказались. Перед лицом такой угрозы доктор Лангбен советовал мне при всех обстоятельствах держаться совершенно в тени и не высказываться на политические темы. Я сначала следовал его совету, не подозревая, что очень скоро опять придется столкнуться с коричневыми властителями.

Соппротивление фашизму и освобождение

Прессель, май 1936 года

В ночь на 4 мая 1936 года меня разбудил громкий лай двух моих такс, которых я оставлял на ночь в спальне. Было 23 часа. Я вскочил, услышав, как взламывают тяжелую дубовую дверь — главный вход в наш дом. Вверх по лестнице с громким топотом поднимались люди. Кто-то резко рванул дверь в спальню, и в комнату ворвались пять эсэсовцев. Они немедленно же были атакованы моими таксами.

— Убэрите собак, иначе стрелять будем! — закричал вожак.

Я быстро сунул моих любимых такс под одеяло. Вожак рванул мою ночную рубаху и приставил дуло револьвера к левой груди, крича:

— Это ты — свинья Гереке?

— Да, я доктор Гереке, — ответил я спокойно.

Было весьма неприятно чувствовать на груди холодное дуло. На таком расстоянии промахнуться было невозможно. Но чувства мне подсказывали: нет, так мой жизненный путь не закончится. Меня ждут еще дела на этом свете. Чернорубашечник не спустил курок.

Эсэсовский офицер продолжал осыпать меня ругательствами.

Трое эсэсовцев проникли в спальню матери. Я слышал ее крики о помощи, но не смог вырваться, так как двое эсэсовцев схватили меня и пытались связать. Эсэсовский вожак объявил, что я арестован.

— Надеюсь, мне дадут проститься с матерью?

— Разрешаю, но только быстро.

Я рванулся к двери и побежал в комнату матери. Трое чернорубашечников стояли у постели и грубо пытались поднять ее. Я успел сказать матери, что меня вновь арестовали: Пусть все знают, что это делается исключительно лишь по политическим мотивам.

— Береги себя, я еще вернусь! — крикнул я.

Это были последние слова, которые я смог сказать матери. Потом меня столкнули с лестницы.

Остальные жители дома — секретарша имения Эстер Зуфферт, фрейлейн Дудерштедт, которая провела с матерью весь моабитский период, и Лотте Тиле, поселившаяся у нас по предложению матери, — также были разбужены эсэсовцами, но им велели оставаться в своих комнатах.

Тем временем эсэсовцы начали обыск в доме. Они распределились по отдельным комнатам, перерыли все в моем письменном столе, раскрыли шкафы, рылись во всех уголках.

Я должен был под охраной двух эсэсовцев следовать за теми, кто совершал обыск. На мой вопрос, что же, собственно говоря, ищут у меня, последовал ответ:

— Это, скотина, ты еще увидишь!

В зданиях, расположенных во дворе имения, продолжался беспорядочный обыск. Всех жителей подняли на ноги. Были конфискованы списки людей, получавших зарплату, и несколько безобидных писем. Под конец меня втокнули в машину, по обеим сторонам вместе со мной сели два вооруженных эсэсовца. Рядом с шофером поместился эсэсовский офицер. Так на рассвете мы отправились в Галле. Впереди и позади нас следовали две эсэсовские машины. Мы прибыли в полицейскую тюрьму около рыночной площади в Галле, и меня сразу поместили в маленькую камеру в подземелье. Это было в день 1 мая, который широко отмечался нацистами массовыми демонстрациями под демагогическим лозунгом: «Радуйтесь жизни!»

Смерть матери

Для матери грубое обращение эсэсовцев имело тяжелые последствия — с ней в Пресселе случился инсульт, создалась прямая угроза для ее жизни. Лечащий врач матери доктор Дистельхорст связался по телефо-

ну с полицейской тюрьмой и с прокурором в Галле, чтобы выхлопотать для меня кратковременное освобождение по причине тяжелого состояния матери. Повсюду ему был дан один и тот же ответ:

— Такого преступника мы освободить не можем, старуха так скоро не помрет!

Меня все время держали в камере и не разрешали, как обычно было принято, прогулки на свежем воздухе. Меня и не допрашивали. Об аресте мои домашние сообщили доктору Лангбену, но ему не разрешили свидания со мной. Лангбен тем не менее связался с прокурором в Галле, который, очевидно, еще не имел инструкций, как со мной поступить, и не знал, будет ли против меня выдвинуто обвинение в нарушении закона «о недозволенной деятельности» или меня сразу отправят в концентрационный лагерь.

Только 12 мая за мной наконец пришли, но повели не к следователю, к какому-то эсэсовскому офицеру. Он задал один лишь вопрос:

— Сколько лет вашей матери?

После того как я ответил, что ей 72 года, он с издевкой заметил:

— Так вот, она умерла. Вам разрешили временно покинуть тюрьму.

Это известие было для меня тяжелым ударом. Я был настолько потрясен, что лишился дара речи.

Получив пропуск, я миновал тюремные ворота и кинулся к телефону. Мой двоюродный брат доктор Ганс Шмидт из Штровальда приехал за мной в Галле и отвез меня в Прессель.

Похороны матери привлекли много жителей Пресселя — за исключением ярых нацистов, — а также многих моих друзей из района Торгау. Тогда-то я получил возможность увидеть, у кого еще хватало мужества встречаться со мной и кто предпочитал уклоняться от всякого общения, чтобы не навлекать на себя немилость господствующего режима. Разумеется, к первым принадлежали мои друзья фон Хейнитц из Дрешкау, Бергер из Мокритца, Эрнст Доймер, многие старосты общин и члены Земельного союза; они все пришли на похороны. Но некоторые крупные помещики из нашего района, с которыми у меня были отличные отношения в то время, когда я был ландратом в Торгау, трусливо воздержались от присутствия.

Приехала на похороны также фрейлейн фон Шютц, руководительница комитета по делам благотворительности в Торгау. С того времени, когда я был ландратом, она подружилась со мной и с моей матерью и специально отпросилась у нацистского ландрата, чтобы присутствовать на похоронах. Ей было указано, что от участия в похоронах матери такого врага государства, как я, следовало бы воздержаться. Но она мужественно ответила, что считает своим человеческим долгом участвовать в них, тем более что, по ее мнению, меня преследуют несправедливо; она надеется, что еще вольна сама определить, нужно ли ей участвовать в похоронах или нет.

Нацисты, опасавшиеся, по-видимому, какой-то демонстрации в Пресселе, прислали несколько машин из Галле, полных эсэсовцев, часть из них была в униформе, часть — в гражданском. Они внимательно наблюдали за всем ходом похорон и даже проникли в здание, где лежало тело матери. Священник выступил с проникновенным и по тогдашним условиям мужественным прощальным словом: у эсэсовцев оно, однако, не вызвало возражений.

Под усиленным наблюдением

Чтобы описать предысторию моего ареста, мне придется вернуться немного назад. После возвращения в Прессель моя мать слезно упросила меня воздержаться в дальнейшем от политической деятельности. Она заявила, что не выдержит новых испытаний, которые на нее обрушатся в случае моего ареста. Поэтому я первое время полностью посвятил себя хозяйству в имении Прессель и управлению маленьким хутором Винкельмюле, который я приобрел в абсолютно разоренном состоянии в 1930 году, приняв на себя всю его задолженность.

В печати появилось короткое сообщение о моем освобождении из тюрьмы. Поэтому я вскоре начал получать сотни писем от старых друзей и знакомых из Союза земельных общин и Сельскохозяйственной партии. Несмотря на то что против меня велась кампания клеветы, они решили выразить мне свое сочув-

ствие. Письма мне прислали старосты аграрных общин, среди них: Мюллер из Изернхагена, Вильгельм Брезе из Марведе, Хильдебранд из Ремкерслебена, Герман Штафель из Бизена, Герман Миккин из Немонина, Вильгельм Бергер из Мокритца, фон Хейнитц из Дрешкау, а также Бруно Бетге из Унтертёйшентала, Эрнст Доймер из Кранихау, а также многие бывшие депутаты рейхстага в ландтагов, состоявших ранее членами партий, распущенных нацистами. Меня посетили также много друзей из района Торгау, чтобы заверить меня, что в их отношении ко мне ничего не изменилось.

Все это было очень приятно и доставляло радость; вместе с тем возникла угроза того, что нацисты, которые, конечно, вели за мной слежку, воспользуются каким-нибудь новым поводом, придравшись к подобного рода проявлениям сочувствия, чтобы вновь меня арестовать.

Друзья из Торгау доверительно сообщили мне, что нацисты считают Пресселя одним из вероятных центров сопротивления нацистскому режиму, а меня — государственным преступником номер один. Мои ответы на письма, которые я получал, были поэтому написаны в очень осторожных выражениях, я отправлял их к тому же не из Пресселя, а через доверенных лиц из близлежащих мест. Такой практики я стал придерживаться особенно после того, как узнал, что моя переписка контролируется. Круг друзей, выразивших свою солидарность со мной, был достаточно велик.

Трогательные и искренние выражения радости моих сотрудников по поводу моего возвращения придавали мне новые силы. Меня стали уговаривать, чтобы в этом году особенно пышно отметить праздник урожая, поскольку в период моего отсутствия его встречали лишь очень скромно. Я не смог не уступить этим просьбам. Праздник урожая мы отметили очень весело 6 октября, в день моего рождения. Ганс Липман, страстный охотник, который во время моего отсутствия превосходно управлял Пресселем и Винкельмюле — нередко вступая в резкий конфликт с матерью, — застрелил молодого оленя. Это была замечательная закуска для водки и вина, без которых во время праздника, разумеется, невозможно было обойтись. Пиво, водка, крушон, вино, которое мы сами изготавливали из смородины и малины,

имелись в большом количестве. Я не пропускал почти ни одного танца. Мы все еще сидели за столом и веселились, когда уже рассветало. Я выступил с речью, в которой, учитывая обстановку, воздержался от всякого рода выражений, которые могли бы быть истолкованы как антифашистские высказывания. Под конец, однако, один из моих сотрудников провозгласил лестный для меня тост, в котором хвалил мое «умение выстоять», заметив, что с таким упорством я смог бы еще раз побить Гитлера, как я побил его уже однажды во время выборов президента. К счастью, большинство жителей Пресселя горой стояли за меня, а те немногие нацисты, которые были в Пресселе, этих слов не слышали.

Я подал ходатайство в ведомство ландрата в Торгау о выдаче мне удостоверения на право охоты в пределах земель, прилегающих к моему небольшому имению. На это ходатайство не поступило ответа. Тогда я вновь обратился с письмом в то же ведомство и на этот раз получил ответ; в нем говорилось, что государственный преступник, мол, не достоин того, чтобы получить охотничье удостоверение. Пришлось с этим смириться. То, что я был противником этого государства, соответствовало истине; и как правдолюбу мне не хотелось выступить с опровержением этой истины. Я поэтому просто положил этот отказ в архив. Но все же я решил, что буду охотиться, ибо считал это своим правом, имел ли я на то согласие нацистов или нет. Мое решение одобрили Ганс Липман, сам ярый противник нацизма, у которого было охотничье удостоверение, и мой двоюродный брат Иохен Шмидт-Клевитц, который проводил свои студенческие каникулы в Пресселе. Они брали с собой в лес мою охотничью винтовку и передавали мне ее в условленном месте. Вечером или ночью я прятал винтовку в разобранном виде под плащ и возвращался домой никем не замеченный. Так я в нацистское время, несмотря на запрет, охотился больше, чем когда-либо во всей своей жизни. В октябре я застрелил старого сохатого оленя с огромными рогами — замечательный экземпляр. Разумеется, я об этом не сообщал нацистам и мой олень не украшал очередную выставку охотничьих трофеев. Очень успешно мы с Гансом Липманом и моим двоюродным братом провели также охоту на кроликов и зайцев.

Я по возможности отказывался принимать у себя в Пресселе знакомых и родных, так как о каждом визите осведомители передавали сообщение в Торгау. Но мне и моей матери было очень приятно, когда нас посетила молоденькая медицинская сестра Эмма, которая так самоотверженно ухаживала за мной в тюремном лазарете в Моабите. К этому визиту вряд ли можно было придаться. Мы очень приятно провели целую неделю в Пресселе, вспоминая минувшее время. Разумеется, Эмма должна была сопровождать меня и на охоту. Во время охоты на красную дичь, сидя на охотничьей вышке, она сняла свой предательски белый чепчик и помогала свежевать застреленную самку оленя, причем с такой задачей она справлялась особенно ловко, в чем ей помогал опыт операционной сестры.

Первые зимние месяцы после моего возвращения протекали очень спокойно, мы жили в полном согласии. Я много часов проводил с матерью и смог наверстать упущенное за время моего ареста в управлении хозяйством. Со дня моего назначения на пост правительственного референдаря в Потсдаме я впервые столько времени проводил с матерью. Здоровье ее, которое было сильно подорвано моим арестом, заметно улучшилось. Она охотно рассказывала мне о моем детстве, об отце, о Нидерглаухе, о Груна, где я родился, обо всех проделках и огорчениях, которые мальчик обычно доставляет родителям.

Все же, несмотря на уединенный образ жизни в Пресселе, я не мог избежать того, что там довольно часто появлялись неожиданные гости, особенно старые друзья времен моей работы ландратом в Торгау. В основном это были бывшие члены Земельного союза, но приезжали ко мне и члены КППГ, подвергавшиеся преследованиям. Мы все были решительными противниками нацистского режима, и, естественно, наши разговоры вращались вокруг вопроса, как оказывать сопротивление нацистам. Я был связан предписанием не покидать Прессель и Випкельмюле, во всяком случае не отлучаться оттуда без разрешения местного руководителя нацистской партии. Нацистское руководство вообще косо смотрело на создавшуюся в нашей общине обстановку: большинство жителей в ней явно были на моей стороне; к тому же в Пресселе было относительно мало

членов нацистской партии. Я и мои сотрудники даже не были членами «Трудового фронта»*. В конце апреля 1936 года у меня в Пресселе, правда, появился представитель «Трудового фронта» и потребовал, чтобы я купил у него большой плакат, который надо было вывесить в день 1 мая над воротами, служившими входом в мое имение. Я уплатил затребованную сумму, и представитель «Трудового фронта» был очень доволен и попрощался со мной нацистским приветствием «хайль Гитлер». Когда я развернул пакет, оставленный нацистом, то обнаружил в нем транспарант длиной пять метров, на котором значилась надпись: «Трудящиеся этого предприятия как один человек стоят за Адольфа Гитлера». Это переполнило чашу моего терпения.

Я знал, что все мои сотрудники враждебно относились к нацистам, поэтому решил посоветоваться с ними, что делать с плакатом. Мы пришли к единодушному мнению: если уж повесить его, то над хлевом, где находились свиньи. Так мы и сделали. Я просил друзей поддержать лестницу, чтобы самому прикрепить плакат, — я не хотел ставить под удар своих сотрудников. Плакат был прибит над воротами в хлев для свиней, и добрые граждане Пресселя с полным правом могли сказать:

— Да, наш старый ландрат не изменился!..

Конечно, местный руководитель нацистской партии и староста общины тоже увидели плакат, и последствия не заставили себя долго ждать.

В следующем номере органа СС «Дас шварце кор» появилась статья под заголовком «Свинья породы восточной помощи». В нем в возмущенном тоне автор писал о том, что такой «политический мошеник», как я, все еще находится на свободе и имеет возможность безнаказанно оскорблять фюрера и весь немецкий народ. Меня следовало бы, говорилось в статье, загнать самого в хлев к свиньям и держать там до тех пор, пока свиньи меня не сожрут. По всей видимости, эта статья

* «Трудовой фронт» — нацистские профсоюзы, возглавлявшиеся одним из фашистских главарей Робертом Леем. Лей входил в число нацистских главарей, представших перед международным военным трибуналом в Нюрнберге. Страшась возмездия, Лей повесился в камере тюрьмы на своих подштаниках.

явилась поводом для нового ареста; он и послужил причиной смерти матери.

Я до сих пор не могу простить себе, что косвенно оказался виновным в преждевременной кончине матери. Таких последствий своих действий я, конечно, предвидеть не мог. Что касается меня, то я перенес арест легко, считая его логическим результатом своих поступков. Но то, что эти поступки привели к смерти моей доброй матери, глубоко потрясло меня. Я долго спрашивал себя, могу ли я оправдать перед богом и собственной совестью мое поведение, и не находил ответа, который бы меня успокоил.

После похорон я ежедневно ожидал, что меня вновь заключат в тюрьму. Ведь меня отпустили лишь условно, правда без указания срока возвращения. Полиция допросила всех моих сотрудников и жителей дома, искали дальнейших доказательств, что я — государственный преступник, который позволяет себе дурно отзываться о режиме и поддерживает связь с антифашистами. Я до сих пор еще с радостью и благодарностью вспоминаю, что все мои сотрудники, будь то Кнодель или Шмидт, Эйхлер или Кеккеритц, Бюшель или Полиг, или женщины, которые временно помогали убирать урожай, что все они, желая мне добра, давали мне самые лестные характеристики, говорили о том, что я, мол, «лояльный гражданин», не представляющий никакой опасности для государства. Не вызывали на допрос Отто Функе, который, как и его брат, считался сторонником преследуемой Коммунистической партии, так как знали, что он, безусловно, выскажется в мою пользу. Не допрашивали также по тем же причинам Фриду Геблер, которая вела наше маленькое хозяйство в Винкельмюле и с молодых лет считалась одной из самых близких моих знакомых.

Уголовная полиция так и не добилась нужных показаний и не смогла в связи с этим передать в Галле отчет о моей «враждебной деятельности». Правда, на два дня меня все же вновь вызвали в Галле, но и эти допросы не дали желаемых результатов. Наконец осенью 1936 года сообщили Лангбену, что против меня не будет возбуждено новое дело, но что за мной будет установлено постоянное наблюдение.

Сельский хозяин и коннозаводчик

После смерти матери я остался в Пресселе совсем одиноким. У меня не было никого, кто мог бы вести мое хозяйство, как это с такой большой энергией в течение многих лет делала моя мать. Я окончательно отбросил мысль о женитьбе, ибо мне казалось непозволительным подвергнуть любимую женщину риску разделить судьбу моей матери. Отказаться же от моих антинацистских убеждений теперь, после всего, что случилось, противоречило бы всем моим политическим принципам. Лучше уже подвергнуться тем опасностям, которые были неизбежно связаны с оппозицией ненавистному режиму. Мне надо было, следовательно, кого-то найти, кто мог бы вести мое хозяйство в Пресселе, как это делала моя мать. Что касается Лотте Тиле, то ей было всего 15 лет и она была еще слишком молода, чтобы справиться с таким делом.

Я подумал о фрейлейн фон Шютц и был очень обрадован, когда узнал, что она согласна с моим предложением. После столкновения с нацистским ландратом по поводу участия в похоронах моей матери она жаждала как можно скорее расстаться со столь любимой ею когда-то работой в Торгау. Поскольку она была служащей районного управления, то ей полагалась пенсия, но лишь по достижении 60-летнего возраста. Для этого не хватало нескольких лет. Но в Торгау в это время работал очень приятный и понимающий обстановку районный врач, который не был отнюдь другом нацистов. К нему и обратилась фрейлейн фон Шютц и рассказала ему о своих заботах. Врач выдал ей свидетельство о том, что она не может более оставаться на работе в бюро по состоянию здоровья и нуждается в длительном отдыхе в сельской местности для поправки здоровья. На основании такого свидетельства она смогла досрочно получить пенсию и вместе с подружкой, бывшей работницей окружного комитета благотворительности, Анной Фуке переселилась в Прессель.

Такое решение оправдало себя полностью в течение всех страшных лет господства нацизма, включая и период моего третьего ареста. Несмотря на все превратности судьбы, я поэтому сохранил добрую память о

приятных, хотя и омраченных тяжелым прошлым часах, проведенных вместе. Фрейлейн фон Шютц взяла на себя обязанности секретаря, и я мог полностью положиться на нее особенно в переписке политического характера. Отдых в сельских условиях, рекомендованный тогда врачом, настолько пошел на пользу фрейлейн фон Шютц, что сейчас в свои более чем 90 лет она выглядит столь же бодрой, как тогда на шестом десятке.

Постепенно число посетителей в Прессель увеличилось. Верные мне товарищи из Союза земельных общин, из Сельскохозяйственной партии приезжали в Прессель, и мы вели с ними оживленные политические дискуссии. Для подобных разговоров особенно был пригоден хутор Винкельмюле, расположенный посреди леса. Местному руководителю нацистской партии фактически было невозможно организовать за ним слежку. Часто в Прессель приезжал доктор Лангбен. Это не привлекало особого внимания, так как он все еще был моим адвокатом. Поводом для таких посещений чаще всего служила охота на оленей или козлов. Я сам формально был лишен права охотиться, но на моих друзей этот запрет не распространялся. Не могло вызвать и подозрения у моих преследователей, когда ко мне приезжали родственники. Так меня посетила кузина из Лихтерфельде со своим мужем, выдающимся хирургом доктором Беком — известным среди футболистов-профессионалов и любителей футбола под кличкой Бек-Мениск, — который также был связан с Лангбеном, или мой любимый двоюродный брат Иохен Шмидт-Клевитц вместе с «королевой красоты» времен моей деятельности в Союзе земельных общин.

Лангбен сообщил мне, что в Берлине объединились консервативно настроенные противники нацистской системы, и назвал при этом несколько известных имен. Согласно информации Лангбена, во время переговоров министра доктора Попитца, генерал-полковника Бека и друзей убитого канцлера фон Шлейхера обсуждался вопрос о том, чтобы тайно организовать движение сопротивления нацистскому режиму среди буржуазных кругов, не поддавших под влияние нацизма.

Я занимался почти исключительно сельским хозяйством и ночевал то в Пресселе, то в Винкельмюле. Поэтому нацисты никогда точно не знали, где они меня могут найти. Ганс Липман к тому времени женился, и

мы по-дружески решили расстаться. Для такого маленького имения, как наше, было слишком большой роскошью иметь двух хозяев. Ганс Липман арендовал собственное имение в Грендмарке. К нему относились и охотничьи угодья, где водилась крупная красная дичь. Впоследствии он стал писателем, сюжеты для своих книг он черпал из жизни охотников. Он написал хорошую книгу под названием «Охотники тоже люди». В нем подробно описаны и годы, проведенные им в Пресселе.

Я был особенно привязан, естественно, к маленькому конному заводу в Пресселе. Я был того мнения, что от каждого, даже самого маленького хозяйства, если хорошо управлять им, можно добиться таких результатов, которые дали бы возможность держать по крайней мере двух-трех чистокровных кобыл. В Пресселе у меня были знаменитая первоклассная кобыла Злюка (от предков Перголезе и Не сердись) и Ота, единокровная сестра знаменитого классного рысака Обервинтер (от предков Мажестик и Облате). В свое время я приобрел ее на конном заводе Вейль за одну тысячу марок. Была у меня также еще кобыла Ораторское искусство (от предков Спирворд и Резеда). Кобыла Ханна, подарок из Штейнфурта, к тому времени скончалась, и я ее заменил кобылой Ота. Само собой разумеется, что эти чистокровные кобылы покрывались только лучшими жеребцами, которые хорошо подходили к ним по чистокровности, характеру и опыту. Естественно, и за жеребятами ухаживали самым тщательным образом, им ни в чем не отказывали. Для чистокровных кобыл составлялось специальное меню на каждый день, ибо мне казалось, что необходимо разнообразить их корм. Так, им давались различные сорта овса, чаще всего тщательно просеянный желтый овес, который перед кормежкой слегка мяли и смешивали то с летним ячменем, то с небольшим количеством кукурузы. К этому корму примешивали еще витаминную известку. При кормежке жеребят и одногодок тщательно контролировали количество потребляемого ими корма.

Благодаря разнообразному корму и длительным прогулкам на больших выгонах и на длинных поводках наши молодые чистокровные лошади в Пресселе в среднем потребляли на один килограмм овса больше, чем лошади на большом конном заводе в соседнем Граднице. На выгонах в Пресселе я устроил оросительное со-

оружие, которое приводилось в действие чаще всего вечером, ночью или ранним утром. Выгон был окружен высокой и очень густой изгородью боярышника. Правда, дважды в год необходимо было подстригать изгородь. Зато она всегда была в отличном состоянии. Время от времени ее ощипывало стадо коров, которое мы держали в Пресселе. Перед выгоном лошадей мы удобряли к тому же изгородь по норме полтора центнера известковой селитры ежедневно и в зависимости от погоды обильно поливали ее. Естественно, в загонах производилась тщательная чистка от навоза и следилось за тем, чтобы всегда имелась свежая вода для питья, которая доставлялась из колодца, расположенного недалеко от выгона. Особенно важный для чистокровных лошадей сухой фураж добывался в самом имении. Для этого производился сенокос еще в середине мая, то есть до периода цветения, причем для этого был выделен прекрасный луг. Это, правда, давало меньше сена, но зато оно содержало больше белка, который особенно любили лошади. Наряду с этим мы сеяли также люцерну, эспарцет и немного полевого сена. Кормежка с соблюдением определенного цикла давала свои результаты: чистокровные лошади, выведенные в Пресселе, вполне могли конкурировать с одногодками любых крупных конных заводов, таких, как Градитц, Эрлендорф, Вальдфрид, Шлендерхан или Реттеген...

Новые встречи со старыми знакомыми

Многие, наверное, вполне удовлетворились бы занятием сельским хозяйством и лесничеством при тех успехах, которые приносила моя деятельность на этом поприще. Но я продолжал испытывать беспокойство и недовольство. Я думал о том, как наилучшим образом организовать сопротивление фашистскому режиму, пустившему все более глубокие корни в стране. В 1936 году, в Берлине состоялись Олимпийские игры. К моему ужасу, я должен был признать, что они были на руку нацистам не только в Германии, но и за границей. Спортсмены всех стран мира продефилировали мимо Гитлера. Он приветствовал их поднятой рукой — фашистским

приветствием. Весной 1938 года Австрия была «возвращена» рейху. По радио я слышал, с каким ликованием было встречено населением вступление Гитлера в Вепу. Это глубоко потрясло меня. Еще хуже, на мой взгляд, было то, что в настроении многих представителей буржуазных кругов, критически относившихся до сих пор к Гитлеру, постепенно происходил поворот: замороженные успехами Гитлера, они готовы были отказаться от своих прежних установок. Правда, я считал тогда, что, руководствуясь национальными интересами Германии, следует поддерживать все шаги, направленные на смягчение последствий Версальского договора. Я одобрял также меры по сближению между Австрией и Германией, которые обсуждались еще во времена Брюнинга. Но, с другой стороны, каждый успех нацистов в этих областях приводил к укреплению их позиции среди населения Германии. И поскольку я считал нацизм раковой опухолью на теле Германии, я не мог радоваться успехам нацистов. Они усиливали угрозу войны и помогали стабилизировать фашистский режим. Поэтому я считал особенно важным в создавшихся условиях возобновить контакты с теми людьми, которые, так же как и я, могли считаться решительными противниками нацизма.

Я встретился с моими коммунистическими и социал-демократическими друзьями из Торгау, в частности с Эрнстом Доймером, с Хильманом из Пресселе, а также с Лейне из Эйленбурга. Я возобновил связи с наиболее надежными друзьями из Сельскохозяйственной партии, Союза земельных общин, такими, как Вильгельм Бергер из Мокритца, Рейнгольд Брандт из Кемлитца, Гильдебранд из Ремкерслебена, Бруно Беттге (которого нацисты к тому времени сместили с поста общинного старосты в Унтертейшенталс), фон Хейниц из Дрешкац, и некоторыми другими.

Конечно, по идеологическим вопросам мы отнюдь не придерживались одних и тех же позиций. Но нас объединяла твердая решимость в сложившихся условиях сделать все, что могло бы способствовать свержению режима.

Среди других меня навещил в Пресселе и доктор Лангбен. Вместе с ним приехал его дядя, бывший генеральный консул Машмейер, которого я официально пригласил на охоту. Он передал мне привет от моего старого друга доктора Попитца, состоявшего тогда еще чле-

ном кабинета как министр финансов Пруссии, от генерал-полковника Бека, ушедшего в отставку, от генерала фон Хаммерштейна и от некоторых друзей Шлейхера. Нам всем было ясно, что если нацистское господство будет продолжаться, то это неминуемо приведет к войне. Задача любого патриота, по нашему мнению, состояла теперь в том, чтобы предотвратить подобную катастрофу. Мой адвокат информировал меня также о переговорах между различными деятелями, группировавшимися вокруг Бека.

Доктор Лангбен посоветовал мне при соблюдении всех необходимых предосторожностей самому прибыть в Берлин и принять участие в тайной встрече на вилле доктора Попитца в Далеме. Чтобы замаскировать истинные цели визита, я решил воспользоваться моими чистокровными лошадьми. В то время одногодки должны были быть отправлены в Хоппегартен на тренировку под наблюдением Хенни фон Борке. Местный руководитель нацистской партии разрешил мне лично сопровождать транспорт.

Так впервые после ареста я снова прибыл в Берлин. В доме доктора Попитца состоялась встреча с Лангбеном и Вильгельмом Лейшнером, которого я хорошо знал со времени совместной деятельности в рейхстаге и наших переговоров по вопросам трудоустройства.

Только тогда я понял, что мои прежние надежды на создание широкого фронта борьбы против Гитлера, опираясь лишь на тех, кто голосовал в прежние времена за Гинденбурга, были иллюзией. К тому же подобные намерения трудно было бы реализовать хотя бы потому, что попытки собрать широкий круг противников режима легко можно было бы обнаружить и быстро подавить. Без сомнения, даже такие встречи, как наша, можно было организовать, ограничиваясь лишь узким и абсолютно надежным кругом участников. Обсудив создавшееся положение, мы вновь пришли к выводу об авантюристичности политики нацистского руководства, которая с новой силой обнаружилась во время событий, связанных с вступлением германских войск в Австрию. Продолжение подобного рода азартной игры неизбежно вовлечет, по нашему мнению, нашу родину в опустошительную войну. Некоторые из участников встречи высказались против любых военных авантур. В то же время участники дискуссии, принадлежавшие к группе

Бека, выступили против развязывания войны лишь с той мотивировкой, что, по их мнению, Германия к такой войне была еще недостаточно подготовлена.

Особую позицию занимал, правда, генерал фон Хаммерштейн-Экворт; он тоже выступил против любой военной авантюры. Я сам, основываясь на опыте, связанном с деятельностью Шлейхера, подчеркнул, что свержение нацистов не может быть делом рук лишь нескольких деятелей из среды вермахта. Я указывал, что их действия должны быть поддержаны социал-демократическими и коммунистическими группами сопротивления. У меня создалось впечатление, что мне удалось в значительной мере развеять серьезные сомнения, высказанные во время наших встреч с доктором Попитцем и генерал-полковником Беком по поводу сотрудничества с коммунистическими группами сопротивления. Тем не менее я чувствовал, что нам предстоит еще немало принципиальных споров на эту тему.

Гестапо все более усиливало слежку за всеми теми, кого подозревало, что он противник режима; поэтому каждая такая встреча была сопряжена с большим риском.

Осенью 1938 года события сменяли друг друга со стремительной быстротой. В конце сентября было заключено Мюнхенское соглашение между Гитлером, Чемберленом, Даладье и Муссолини, согласно которому нацисты получили право оккупировать чехословацкие территории. Несколько дней спустя немецкие войска заняли Судетскую область.

Я был в отчаянии. Я не мог предположить, что правительства Англии и Франции проявят такую трусливую уступчивость. Гитлеровская клика хвасталась, что добилась победы. Для нее политика Англии и Франции послужила поощрением к дальнейшему развертыванию агрессии.

Казалось, что все опасения, которые высказывала часть оппозиционного офицерства, группировавшаяся вокруг Бека, ни на чем не были основаны. Я уже давно наблюдал за тем, как бывшие руководящие деятели из концерна «ИГ Фарбениндустри» стали занимать ведущие посты в нацистском аппарате. Они использовали свое положение, чтобы направить авантюристический курс нацистского руководства на достижение своих целей. Было известно, что магнаты химической промыш-

денности проявляли особый интерес к Юго-Восточной Европе. Поэтому я не был слишком удивлен, когда узнал, что германские войска в марте 1939 года вторглись в Прагу и на территории Чехословакии был образован так называемый протекторат Богемия и Моравия. Все это стало возможно лишь из-за нерешительности западных держав. Их поведение было особенно непонятно в свете твердой позиции Советского Союза, заявившего, что он готов выполнить свои союзные обязательства в отношении Чехословакии. Гитлер вновь уверял, что отныне не имеет более никаких территориальных притязаний к другим государствам; в действительности же он сделал все, чтобы подготовить новую агрессию — на этот раз против Польши.

Новый лозунг нацистов гласил: «Фюрер — непобедим, он всегда прав, мы идем за ним!» Действительно, большая часть нашего народа в то время верила нацистам и дала себя без раздумья вовлечь в катастрофу. Казалось, что любая попытка организовать в Германии массовое сопротивление нацистам была обречена на провал.

Заключение пакта о ненападении между нацистской Германией и Советским Союзом в августе 1939 года было для меня, как и для многих других, полной неожиданностью. Гитлеру удалось этим актом обмануть большую часть населения относительно своих истинных намерений.

Лишь позже я понял, что со стороны Советского Союза это было вынужденной мерой, предпринятой для того, чтобы уберечь свою страну от агрессивных намерений нацистов. Кроме того, этот пакт нужно было воспринять как ответ на действия западных стран, которые отказались в 1938 и 1939 годах заключить эффективный союз с СССР против гитлеровского фашизма и пытались направить экспансию нацистского режима на Восток. С нападением на Польшу 1 сентября 1939 года началась вторая мировая война. На этот раз Англия и Франция заявили, что будут выполнять свои союзные обязательства и объявили войну Германии. В отличие от 1914 года в тот период среди населения Германии не наблюдалось никакого военного угара.

Можно было предположить, что нацисты арестуют всех противников войны и режима и заключат их в концентрационный лагерь. Поэтому мои друзья посовето-

вали мне прибегнуть к тактике «бегства на фронт», то есть вступить в вермахт, где я буду более или менее уверен, что меня вновь не посадят в тюрьму. После мобилизации по протекции майора фон Хейнитца окружное командование назначило меня «комиссаром по мобилизации лошадей» в районе Торгау. В первые недели сентября я в сопровождении нескольких сотрудников объезжал общины района, чтобы осматривать лошадей с целью отбора их для армии. При малейшей возможности я браковал лошадей, которых привели на осмотр, объявив их непригодными для военных нужд. Везде крестьяне, помнившие о моей деятельности в Торгау, встречали меня дружелюбно. Один из моих старых знакомых заявил в беседе со мной, что война — преступление и что ее выиграть невозможно. Нацист, присутствовавший при этом, сообщил об этом районному руководителю нацистской партии. Меня объявили недостойным нести военную службу, и таким образом моя деятельность по отбору лошадей быстро закончилась. За мной вновь было установлено усиленное наблюдение местным руководителем нацистской партии в Пресселе. Без специального разрешения я не мог выезжать из местечка.

Поворот намечается

Картина постепенно начала меняться лишь после того, как 22 июня 1941 года фашисты, вероломно нарушив договор, напали на Советский Союз. Первоначально вермахту удалось достигнуть успехов и проникнуть в глубь советской территории. Но уже зимой 1941 года под Москвой наступил перелом, который для всех антифашистов служил первым наглядным подтверждением того, что эта война закончится лишь поражением нацистов. Все больше людей было мобилизовано в армию, был расширен круг военнообязанных. Недостаток в рабочей силе восполнялся военнопленными и иностранными рабочими. В Прессель были направлены на работу военнопленные, сначала поляки, которые затем частично были заменены французами.

В пустующей квартире рабочего, мобилизованного на войну, было размещено около десяти французов и охрана. Несколько французов работало в моем хозяй-

стве. Я мог свободно разговаривать с ними на французском языке, и вскоре они поняли, как я отношусь к нацистам. Между нами установились довольно доверительные отношения. Я имел возможность выполнять небольшие поручения французов, правда, надо было при этом быть начеку: оказывать услуги военнопленным можно было лишь в том случае, если ты был уверен, что дежурный охранник (стража часто менялась) не ярый нацист. Официально было строго запрещено вступать в контакт с военнопленными, и нарушения этого запрета жестоко карались.

Среди военнопленных был корсиканец, небольшого роста, по фамилии Валентин Паолини. Он был самым молодым из военнопленных. Паолини рассказывал о своей красивой родине — Корсике, об увлекательной охоте, в которой он участвовал. При этом он грустно качал своей почти огненно-рыжей шевелюрой. У Паолини был ярко выраженный темперамент южанина, он был своего рода маленьким Наполеоном. Как-то в знак приветствия он произнес на ломанном языке «гэль Итлер». Я разъяснил ему, что сам никогда не произношу «хайль Гитлер», и сказал, что мы не должны скрывать свои убеждения друг от друга. На следующее утро он меня встретил приветствием «гэль де Голль», и с тех пор это приветствие вошло в привычку, разумеется когда мы были одни или в кругу близких друзей.

Валентин Паолини был страстным лошадиником и охотником. Я поручил ему наблюдение за чистокровными лошадьми. Он безупречно выполнял свои обязанности и этим создал себе особое положение, которое очень ценил. Однажды четверо друзей Валентина из числа военнопленных сообщили мне, что они решили бежать. Я пытался отговорить их от этого, так как считал, что попытка к бегству через всю Германию в Южную Францию — слишком опасная затея. Но никакие уговоры не помогли — желание увидеть родину было сильнее. Валентин отказался участвовать в попытке бегства, так как хорошо устроился в Пресселе. Я снабдил четырех французов колбасой и салом, дал им немного денег и пожелал успеха в их затее. Через несколько дней мне сообщили, что беглецов поймали и поместили в лагере в Торгау.

Мне удалось к тому времени убедить охранников, что Валентин Паолини будет под достаточным наблюдением

и в Винкельмюле, где я часто жил. Мне разрешили брать его с собой в Винкельмюле. Там ему официально поручили нести обязанности лесничего, заниматься подкармливанием дичи, строительством постов наблюдения для охотников и вести садовые работы. Обязанности по наблюдению за чистокровными лошадьми взял на себя другой французский военнопленный.

Валентину была отведена отдельная комната, он питался с нами за одним столом и стал своим человеком в нашем маленьком хозяйстве, которым руководили Фрида Геблер и Лотте Тиле. За четыре года с небольшим, которые он до окончания войны провел в Пресселе и в Винкельмюле, ему удалось застрелить девять оленей, семь кабанов, шесть лосей и другую дичь. Он сопровождал меня и в мои поездки в Хоппегартен, когда я переправлял туда для Хенни фон Борке своих лошадей и оттуда забирал какую-нибудь чистокровную кобылу. Мы бывали и на скачках в Хоппегартене, и маленький корсиканец чувствовал себя, насколько это было возможно, как дома. До последнего дня своего пребывания в Пресселе Валентин оставался надежным другом. Он сохранил чувство благодарности ко мне и позже, когда мы встречались в Бонне, Нейвиде и Ганновере.

Путешествия и размышления

Военные действия распространялись на все новые и новые области. На Востоке наступление немецких войск, развернувшееся в 1942 году, было окончательно остановлено под Сталинградом. Красная Армия перешла в контрнаступление. Население все больше убеждалось в лживости мифа об «окончательной победе». К тому же постоянно усиливавшиеся бомбардировки Германии английской и американской авиацией подрывали моральное состояние населения в тылу. Бомбы упали и недалеко от Винкельмюле, так как союзники считали, что там имеется склад оружия. Они, правда, не прямо разрушили здания, но на некоторых домах были сорваны крыши.

Вместе с Валентином и некоторыми его надежными друзьями мы слушали передачи Би-би-си и узнавали, таким образом, насколько лживыми были сообщения

нацистов об одержанных победах: их конец теперь был не за горами. Чем серьезнее становилось положение, тем чаще я выезжал в Берлин под предлогом, что мои чистокровные лошади должны проходить испытания в Хоппегартене. Я ночевал либо у своих родственников в Лихтерфельде, либо в Далеме, в доме доктора Попитца, где происходили ночные встречи и совещания.

К маленькому кругу оппозиционно настроенных офицеров вермахта примкнули под влиянием поражений на фронте другие противники нацистского режима, главным образом из буржуазного лагеря. В 1938 году мы в доме Попитца обсуждали план ареста Гитлера якобы для обеспечения его «почетной охраны», чтобы устранить его от власти в армии и государстве, но этот план оказался совершенно нереальным. Теперь же среди ряда офицеров вермахта и в среде бывших представителей профсоюзов было достигнуто полное единодушие относительно того, что только свержение Гитлера и одновременно устранение фашистской элиты может предотвратить худшее — продолжение войны до трагического конца. Было составлено множество планов, как осуществить эту цель. Различными были и мотивы, выдвигавшиеся разными группами заговорщиков. Часть заговорщиков стремилась к спасению старого общественного строя, другая часть — хотя и незначительная — хотела создать новый социальный порядок. Вокруг этих планов разгорелась ожесточенная дискуссия, в которой немалую роль играли и споры вокруг проблемы «верности присяге».

По моему мнению, можно было вполне оправдать перед своей совестью насильственное свержение Гитлера, если таким путем были бы спасены миллионы человеческих жизней и сохранены миллиардные ценности. В начале войны я строил довольно простой в своей основе план. В первые годы войны Гитлер время от времени появлялся на балконе здания имперской канцелярии, чтобы показаться народу. Я вместе с доктором Плангбеном отправился в отель «Кайзерхоф», расположенный напротив имперской канцелярии. Под каким-то предлогом мы осмотрели комнату, которая выходила на площадь и могла служить нашим целям. В очень узком кругу, собравшемся в доме Попитца, я согласился стрелять в Гитлера из винтовки с оптическим прицелом, полагая, что, как хороший стрелок, не промахнусь даже

на таком расстоянии. Но обстоятельства вынудили нас отказаться от нашего намерения. Вскоре после посещения отеля «Кайзерхоф» митинги на площади перед имперской канцелярией были отменены. Гитлер, проводивший время в разных своих ставках, не показывался больше народу. Позже я понял, что одним только устранением Гитлера нельзя было достигнуть многого. Надо было нанести более сокрушительный удар по режиму, чем убийство главаря нацистов.

Охрана Гитлера в ходе войны была значительно усилена. Лишь узкому кругу нацистского руководства и руководства вермахтом было позволено непосредственно общаться с Гитлером. В соответствии с этим менялись различные планы убийства, созревшие среди заговорщиков.

Во время последнего из многочисленных моих посещений дома Попитца я узнал, что полковник генерального штаба Клаус граф Шенк фон Штауффенберг стал играть среди заговорщиков одну из ведущих ролей. Он намеревался организовать покушение на Гитлера, используя бомбу с часовым механизмом.

В узком кругу — с доктором Попитцем и доктором Лангбенем, которые до этого вели переговоры с другими доверенными лицами, — мы обсудили, какие следует принять меры после покушения. Мнения на этот счет сильно разделились. Часть посвященных в планы покушения открыто выступала за немедленное перемирие с Западом для того, чтобы продолжать военные действия против Советского Союза. Я же защищал ту точку зрения, что просьба о перемирии должна быть обращена ко всем противникам Германии. Тогда я не знал, что аналогичные взгляды высказывали Штауффенберг и его группа, а также бывший германский посол в Москве граф Шуленбург. Мы в узком кругу в доме Попитца, естественно, не стали письменно фиксировать результаты наших бесед. Нам это казалось крайне важным потому, что — как нам говорили — среди заговорщиков, группировавшихся вокруг бывшего обер-бургомистра Лейпцига Герделера, стали курсировать списки, в которых были расшифрованы имена всех тех, кто должен был занять после покушения правительственные посты вплоть до командующих отдельными военными округами. Составители этих списков зашли настолько далеко, что включили в свои списки лиц, с которыми они не

вели предварительно никаких переговоров о вхождении в правительство. Позже многие из них поплатились за эту беспечность жизнью. Густав Носке, в частности, таким путем также невольно угодил в «мученики». Его имя было упомянуто в одном из списков Герделера. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года он был арестован гестапо, но через короткое время выпущен.

Бывший обер-бургомистр Лейпцига доктор Карл Герделер был одной из главных фигур среди заговорщиков. Последний раз я видел его в 1933 году и с тех пор с ним не встречался. Герделер очень тесно был связан с представителями крупной промышленности. Особенно хорошие отношения он поддерживал с Робертом Бошем, Густавом Круппом и Паулем Рейшем. Фирма «Крупп» в 1936 году финансировала заграничные поездки Герделера. Крупп, Бош и Рейш, как и некоторые другие промышленники, сами приведшие Гитлера к власти, начали понимать, что Гитлер тащит их за собой в бездну. Теперь они были не против ухода Гитлера. Но они — в том числе и Герделер — никак не хотели уничтожения старых общественных структур и ликвидации сфер влияния определенных кругов в Германии. Это явствует из набросков Герделера, касающихся будущего Германии, ставших мне известными лишь после окончания войны. Они выдержаны в крайне враждебном делу прогресса духе.

Согласно плану, обсуждавшемуся в доме Попитца, Эрвин фон Витцлебен, которому в 1940 году Гитлером было присвоено звание генерал-фельдмаршала (впоследствии он, правда, был лишен этого звания), должен был стать главнокомандующим вермахта. Я получил сведения, что в доме Попитца был разработан следующий вариант состава временного правительства: рейхскампфер — доктор Карл Герделер, министр финансов — доктор Йоганнес Попитц, министр хозяйства — представитель профсоюзов Вильгельм Лейшнер, министр иностранных дел — бывший посол Ульрих фон Хассель и министр юстиции — доктор Карл Лангбен, мой адвокат. Доктор Попитц вел со мной переговоры о занятии поста министра внутренних дел. Он мотивировал свое предложение тем, что я пользовался до 1933 года доверием всех партий. Я согласился с предложением Попитца. Предусмотрено было, что правительство должно быть по

возможности однородным и состоять в основном из представителей национально-консервативных кругов, готовых сотрудничать с профсоюзами. В ряде вопросов существовали значительные различия во мнениях, например в вопросе передачи крупных предприятий ведущих отраслей промышленности в собственность государства или заселения помещичьих земель. Лично я считал, что и то и другое необходимо осуществить в целях преобразования режима. Меня в этом безоговорочно поддерживал Лейшнер. После свержения Гитлера и нацистского господства, считали мы, мы сможем, опираясь на профсоюзы, провести эти меры. Открытым остался вопрос об отношении к Коммунистической партии Германии в будущем. Мне было известно, что Лейшнер установил контакт с ведущими деятелями Коммунистической партии, но это не означало, что он освободился от предубеждений по отношению к коммунистам, которые были характерны для его позиции до 1933 года. На основе моего опыта я выступил за безоговорочное сотрудничество с КПГ. В 1932 году я еще верил, что можно «обуздать» нацизм сверху, но, когда началась волна нацистского террора в марте 1933 года, я понял, какая это пагубная иллюзия. Не могло быть никакого сопротивления гитлеровской клике на пути, который исключал бы участие коммунистов из этого движения. К сожалению, такие люди, как Попитц и Бек, так и не смогли понять эту истину.

В день 19 июля 1944 года

Попитц, Лангбен и я составили проект воззвания к населению, которое должно было быть опубликовано после убийства Гитлера. Однако необходимо было согласовать этот проект с человеком, который должен был подписать его и принять на себя исполнительную власть после покушения, — с фельдмаршалом Витцлебенем.

Эрвин фон Витцлебен вел уединенный образ жизни в имении своего адъютанта графа Линара-Редерна в Зеезене, район Калау. Там за ним была установлена слежка. Он поэтому редко принимал гостей, и войти с ним в более тесный контакт было сложно. Чтобы связаться с ним, мы воспользовались посредничеством док-

тора Отто Иона, синдика общества «Люфтганза», который тоже принадлежал к узкому кругу посвященных, но не находился под наблюдением. Еще в июне 1944 года я пригласил доктора Иона на охоту в Прессель. Оттуда он поехал к Витцлебену. Фельдмаршал выразил согласие на встречу немедленно, но затем мы получили сообщение, что беседу придется отложить, встреча была намечена на 19 июля 1944 года.

В этот день я и отправился с платформы Дюбен, что на реке Мульде, к фельдмаршалу. Предлогом для поездки был осмотр чистокровных лошадей. Предварительно мы договорились с Валентином Паолини, что он на следующий день встретит меня на машине на платформе Добершютц. Вечером я прибыл к графу Линару-Редерну. О моем приезде граф был предупрежден доктором Ионом. Приняли меня очень любезно. Графиня дала мне книгу для почетных гостей, в которой ставили подпись посетители имения. Я заметил, что мой визит носит несколько своеобразный характер и мне не следовало бы расписываться в этой книге. На это графиня язвительно ответила:

— Господин Гереке, вы, очевидно, не из храброго десятка!

— Вы затронули самую чувствительную мою струнку, графиня, смелости у меня всегда хватало.

С этими словами я расписался в толстой книге для почетных гостей и поставил дату. После ужина мы с графом отправились к фельдмаршалу фон Витцлебену. Втроем мы засиделись далеко за полночь, вносили изменения и дополнения в проект воззвания, который я принес с собой. Каждый из нас получил экземпляр исправленного варианта.

Текст этого воззвания был согласован в ходе длительных бесед, которые велись между мною, Попитцем и Лангбеном. В конце 1943 года в этих беседах участвовал и генерал-полковник Бек. Самым важным в этом варианте я считал то, что нам удалось вопреки прежним предложениям Герделера отстоять нашу точку зрения о необходимости обратиться с просьбой о перемирии не только к западным державам, но и к Советскому Союзу.

В 1943 году нам стало известно, что в СССР был создан Национальный комитет «Свободная Германия» из представителей КПГ и военнопленных офицеров и

солдат вермахта. Я был рад этому потому, что видел в объединении столь разнородных сил подтверждение тех взглядов, которые защищал. К сожалению, поддержание связей с Комитетом было по техническим причинам невозможно, хотя я охотно согласовал бы с ним свои действия. Когда разговор коснулся Национального комитета, Витцлебен заметил:

— Если такой человек, как генерал фон Зейдлиц, участвует в работе Комитета, то установление контакта с ним после покушения кажется мне совершенно необходимым.

До этой встречи я не был лично знаком с Витцлебенем. Из наших бесед я вынес впечатление, что он человек умный и вполне разбирающийся в политике. Он отрицательно относился к нацистам, но вместе с тем Витцлебен был представителем касты, которая всегда стояла на сугубо консервативных позициях. Но моя задача состояла не в том, чтобы вступать в такой момент в дискуссию с ним по поводу его консервативных взглядов. Витцлебен сообщил, что покушение состоится на следующий день в главной ставке Гитлера, расположенной недалеко от Растенбурга, в так называемом «Вольчьем логове» («Вольфшанце»). Мы договорились, что после покушения встретимся в Берлине, на Бендлерштрассе, для того чтобы обнародовать воззвание и конституировать временное правительство, о составе которого разногласий не было. Оно должно было быть образовано заговорщиками. Фельдмаршал одобрил мое согласие занять в нем пост министра внутренних дел.

На рассвете 20 июля меня доставили на машине фельдмаршала в Котбус. Дальше я отправился поездом через Торгау в Добершютц, где меня встретил, как это было условлено, Валентин и отвез в Винкельмюле. Теперь наступили часы томительного ожидания. Мы пытались уловить что-то в передачах нацистского радио. Под вечер передали экстренное сообщение о неудавшемся покушении и о выступлении Гитлера. Мы были глубоко подавлены. Я понял, что провалилась единственная возможность устранить Гитлера изнутри, собственными силами. В полночь выступил Гитлер. В обычной своей гнусной манере он начал разглагольствовать о том, что само провидение спасло его и сохранило на благо германскому народу. Гитлер сказал, что его хотела свергнуть «совсем узкая клика преступных офицеров»,

за этими словами последовал шквал самых диких ругательств и угроз «беспощадно искоренять заговорщиков». Мне стало противно, и я выключил репродуктор.

В заговоре 20 июля 1944 года участвовали силы, представлявшие различные направления, руководствовавшиеся различными мотивами и занимавшие различные позиции. Часть промышленников, особенно представители тяжелой индустрии, была недовольна тем, что Гитлер отдает предпочтение магнатам химии. Другие представители крупной промышленности были обеспокоены тем, что авантюристическая политика фашизма может закончиться военной и хозяйственной катастрофой. Как Герделер, так и Попитц — это становилось для меня все более очевидно — представляли именно это течение. Другие участники заговора руководствовались патриотическими мотивами. В условиях усиленного нацистского террора было очень трудно довести до конца дискуссии по сложным проблемам, возникшим перед покушением. Я пытался посредничать между заговорщиками и антифашистами из среды рабочего движения, надеялся, что успех покушения даст импульс к образованию антифашистского народного фронта и был готов действовать именно ради достижения этой цели.

Допросы в гестапо

В случае успеха покушения я должен был на машине прибыть в Берлин. Вместо этого на следующий день ко мне явилось гестапо. Меня арестовали и поместили в тюрьму в Торгау. Гестапо допросило фрейлейн фон Шютц и ее подругу, фрейлейн Фукс в Пресселе, Лотту Тиле и некоторых моих сотрудников в Винкельмюле. Следователи пытались узнать, где я бывал в последние дни, принимал ли я гостей, что я говорил. Но гестапо так и не удалось выведать что-либо компрометирующее меня. По всем показаниям я прилежно занимался сельским хозяйством, заботился о своем имении, принимал лишь гостей, приезжавших на охоту, и покидал Прессель только для того, чтобы осматривать своих чистокровных лошадей в Хоппегартене или сопровождать кобыл, отправляемых на другие конные заводы. Правда, как показали допрашиваемые, я жил попеременно то в

Пресселе, то в Винкельмюле, но это объяснялось чисто хозяйственными причинами. Родственники время от времени действительно посещали Винкельмюле, но я ездил туда лишь для того, чтобы осуществлять вместе с охранниками надзор над одним французским и двумя польскими военнопленными, работавшими на мельнице. Подобные же безобидные показания я давал в отделении гестапо в Торгау, где меня сначала встретили очень грубо — следователи кричали на меня, пытались подвергнуть перекрестному допросу, спровоцировать на необдуманные заявления.

Копию проекта воззвания я порвал на мелкие клочки и сжег ещё вечером 20 июля. Мне оставалось лишь надеяться, что то же самое сделали фельдмаршал фон Витцлебен и граф Линар-Редерн. Но большее беспокойство вызывала у меня толстая книга для почетных гостей. Я понимал, что гестапо немедленно арестует Витцлебена и Линара-Редерна, обыщет их квартиры и что при этом оно может найти книгу для почетных гостей. Ожидание дальнейшего хода событий было мучительным. Я мог рассказать гестапо какие угодно безобидные вещи об осмотрах чистокровных лошадей и т. д., но если найдут книгу для гостей, то ничего мне уже не поможет.

Гестапо интересовалось тем, не знал ли я о существовании заговора, не знаком ли я с кем-нибудь из тех, кто участвовал в плане устранения фюрера и тому подобное. Гестапо обещало немедленно выпустить меня на свободу, если я помогу ему обнаружить «преступников». Следователи гестапо сообщили мне, что Витцлебен и его адъютант арестованы и что Витцлебен считается главой «клички преступников»; арестованы также доктор Попитц и доктор Лангбен, всех их ждет беспощадная кара. Гестаповцы все вновь возвращались к фигуре моего бывшего адвоката. Ведь доктор Лангбен несколько раз бывал в Пресселе и в Винкельмюле; о чем же мы говорили во время его посещений? Я мог лишь ответить, что доктор Лангбен взял на себя функции моего защитника во время первого и второго арестов, что я с ним нахожусь в дружественных отношениях и было совершенно естественно, что он приезжал ко мне в Прессель на охоту, часто в сопровождении своего пожилого дяди, генерального консула Машмейера, тоже страстного охотника. Гестапо так и не удалось получить какие-либо до-

казательства моего участия в заговоре, и я был выпущен из тюрьмы в Торгау с условием не отлучаться из Пресселя или Винкельмюле и являться по первому зову, даже ночью, в отделение гестапо в Торгау.

Я отправился из Торгау в Прессель, расположенный на расстоянии 25 километров, на велосипеде, взятом у друзей. В Пресселе меня встретили с большой радостью. Но я оказался в очень тяжелом положении. Я ни с кем не мог говорить откровенно о своих делах, так как нельзя было поручиться, что на допросах под пытками каждый будет способен удержаться от необдуманных слов.

Кое-что мне удалось в Пресселе узнать по телефону от своего берлинского знакомого доктора Бека. Он был известным хирургом и начальником большого военного госпиталя. Бек считался надежным человеком, хотя и не принадлежал к числу посвященных во все детали заговора. Он подтвердил, что доктор Попитц арестован. Бек произнес в разговоре по телефону условную фразу: «Охоты на диких кабанов не было». Из этого я понял, что при допросах Попитца не были упомянуты ни мое имя, ни мои владения Прессель и Винкельмюле. Все же неприятное ощущение осталось от мысли о гостевой книге.

Некоторые подробности подавления заговора я узнал от моих родственников из Лихтерфельде, приехавших на охоту. Доктору Иону удалось бежать на самолете «Люфтганза». Доктор Лангбен был замучен нацистами. С согласия Попитца Лангбен еще с лета 1943 года встречался с Гиммлером и обсуждал с ним различные возможности ведения переговоров с западными державами с целью прекращения войны. Дочь Лангбена была школьной подругой дочери Гиммлера, и, наверное, этим воспользовался Лангбен, чтобы установить связь с Гиммлером. В то время рейхсфюрер СС перед лицом все ухудшающегося положения на фронте начал искать способы установления контакта с западными странами. Он, по-видимому, вынашивал такие планы, которые пытались осуществить Герделер и другие реакционно настроенные деятели заговора: образование единого фронта главных капиталистических держав против Советского Союза, иными словами, заключение перемирия на Западе и продолжение войны против СССР. Гиммлер установил через Лангбена контакт с Попитцем, чтобы

узнать планы заговорщиков и самому овладеть всеми их связями. Мне не известно, насколько Гиммлеру удалось осуществить свои намерения. После одного из разговоров с Гиммлером Лангбен приехал в Винкельмюле и спросил меня, не желаю ли я сам участвовать в очередной беседе с Гиммлером. Я кратко ответил доктору Лангбену, что с убийцами разговоров не веду. К тому же, добавил я, такие типы очень ненадежны. Впоследствии Лангбен все же снова встретился с Гиммлером. Эти беседы, вероятно, и послужили причиной того, что после 20 июля 1944 года он был замучен гестапо. На Лангбена как человека и адвоката всегда можно было положиться, нас связывало с ним много общего. Я считал трагедией тот факт, что он впутался в темную игру, которую вел Гиммлер, попал в ловушку, из которой не было выхода.

В конце июля меня вновь вызвали в отделение гестапо в Торгау и подвергли допросу, не давшему опять никаких результатов. Затем меня отправили в Прессель с поручением... искать там заговорщиков. В начале августа неожиданно в Прессель прибыли две машины, битком набитые гестаповцами. Мне сообщили, что я арестован, втолкнули в машину, слева и справа от меня сели охранники, и так мы двинулись по направлению к моему лесу. Руководитель шайки, сидевший рядом с шофером, вдруг резко обернулся и закричал на меня:

— Где Герделер?

Он рассчитывал, по-видимому, что в испуге я дам неосторожный ответ. Но я остался спокоен и сказал:

— Я этого не знаю. Я уже долгое время не видел доктора Герделера.

Мы продолжали мчаться вперед, пока не достигли маленького охотничьего домика. Мне велели открыть его. Снова меня спросили, не ночевал ли здесь Герделер после того, как скрылся. Я подчеркнуто спокойно ответил, что двери в домик не взломаны, а Герделер никогда не имел ключа от них, так что переночевать здесь он не мог. Гестаповцы посоветовались, потом один из них заявил, что я свободен и могу вернуться домой. Поскольку непосредственная опасность миновала, я решил на дерзость:

— Вы, господа, меня арестовали в Пресселе, а выпускаете на свободу посреди леса. Не будете ли вы так любезны доставить меня на машине обратно в Прессель.

Мои слова вызвали припадок бешенства у гестаповцев:

— Эта свинья, этот государственный преступник хочет, чтобы его еще возили на машине! Посадить его надо, чтобы помнил!

Я вернулся в Прессель, но уже через несколько дней меня вновь вызвали в отделение гестапо в Торгау. Там меня спросили, не удалось ли мне что-нибудь узнать о людях, связанных с заговором, как это было мне поручено. Я ответил, что, к сожалению, ничего сообщить не могу. Любому человеку, связанному с заговором, вполне нетрудно будет догадаться, что я нахожусь под наблюдением — за мною ведь постоянно следят, а только на днях арестовали и увезли в лес. Если уж от меня требуют сведения подобного рода, то лучше дать мне спокойно работать в моем поместье. Тогда, возможно, туда явятся посетители, от которых я мог бы что-то узнать.

Гестапо действительно оставило меня в покое в течение нескольких месяцев, хотя мне не было разрешено покидать Прессель и Винкельмюле. Только в начале 1945 года меня еще несколько раз вызывали на допрос в гестапо в Торгау. На этих допросах гестаповцы обращались со мной менее грубо, чем в роковые дни июля и августа 1944 года.

Граф Штауффенберг и несколько других офицеров — участников заговора были расстреляны еще вечером 20 июля 1944 года. Другие же заговорщики были замучены после длительных и жестоких пыток. В начале августа, в так называемом народном суде, под председательством пресловутого Фрейслера началось слушание дела Витцлебена и семерых других обвиняемых — заговорщиков. Фельдмаршал в день 20 июля, уже после того, как стало известно, что Гитлер остался жив, отправился в Берлин, на Бендлерштрассе, и в резких тонах обвинил Бека в том, что он при осуществлении плана «Валькирия» действовал по-дилетантски. Витцлебен, как и другие семеро обвиняемых, в том числе потомок Иорка фон Вартенбурга, был приговорен к смерти через повешение. Они были медленно удушены, чтобы продлить их мучения.

Из членов нашего узкого круга в живых остался пока только доктор Попитц. Он до конца молчал. Его казнили лишь в апреле 1945 года.

Приближался конец фашистского рейха. По дорогам двигались огромные толпы беженцев — они прибывали сначала из Восточной Пруссии, потом из других мест. Состояние их было плачевным. Мы помогали им как могли — размещали в свободных комнатах. Но таких помещений было мало — многие комнаты уже заняли эвакуированные из крупных городов, подвергшихся бомбардировкам. К нам прибыли эвакуированные семьи из Рурской области. В эвакуации у нас оказалась также «королева красоты» Гильдегард Брюкман. Она приехала из Берлина вместе с мужем и скарбом, который удалось спасти. Одним словом, было сделано все, что только возможно, чтобы облегчить страдания беженцев и эвакуированных.

Интенсивность бомбардировок немецких городов американской и английской авиацией усиливалась. Почти ежедневно над Винкельмюле на большой высоте пролетали американские бомбардировщики, направляясь к целям. Ночью за ними часто следовали английские самолеты, наносившие огромный урон городам Средней Германии. Именно в это время жестоко, бессмысленно подвергся бомбардировке Дрезден. Изумительные памятники архитектуры и искусства этого замечательного города были почти полностью разрушены, десятки тысяч людей погибли в пожарах. Каждую ночь мы видели пламя от пожаров, возникавших от бомбардировок близлежащих городов и сел.

Я мучительно переживал все происходящее. С одной стороны, было ясно, что после неудачи покушения только победа союзников могла принести Германии освобождение от фашизма. С другой стороны, бои, развернувшиеся на последнем этапе, стояли жизни огромному числу невинных людей, в том числе женщин и детей.

В марте 1945 года меня вновь вызвали на допрос в гестапо в Торгау. Мне сообщили, что нашли неопровержимые доказательства моей связи с фельдмаршалом Витцлебенем. Я сразу же подумал, не найдена ли книга для почетных гостей. Но я продолжал категорически отрицать, что когда-либо поддерживал отношения с Витцлебенем. Гестаповцы сообщили мне, что в ближайшее время меня отправят в Берлин, чтобы я предстал перед народным судом. Но меня не арестовали. Значит, гостевая книга все же не найдена, подумал я; угроза

отправки в Берлин является просто блефом. Только после войны я узнал, что мои опасения насчет книги для гостей были необоснованными. Графиня Линар-Редерн сожгла книгу, а также все материалы, включая варианты проекта воззвания, в большом камине, в котором всегда лежали наготове дрова, чтобы его быстро можно было разжечь.

Встреча на Эльбе

Итак, гестапо разрешило мне временно вернуться в Прессель. После моего возвращения события стали развиваться с молниеносной быстротой. Продвигаясь вперед форсированными маршами, Красная Армия достигла реки Одер. В середине апреля началась подготовка к штурму Берлина. Американские войска одновременно быстро продвинулись по направлению к Торгау, минуя Галле и Лейпциг. Советские части приблизились к правому берегу Эльбы. Они заняли и конный завод Градитц.

Первоклассные чистокровные кобылы из конного завода в Градитце, а также знаменитые жеребцы Алхимист и Трикамерон нашли приют у меня в Пресселе и Випкельмуле. Тогдашний руководитель конного завода граф Калнейн, его семья и многие из сотрудников, работавших на заводе, также прибыли в Прессель. Я как мог разместил людей и ценных животных.

25 апреля 1945 года советские и американские войска встретились на мосту через Эльбу в Торгау. Впоследствии на этом месте был сооружен памятник, являющийся символом совместной борьбы стран антигитлеровской коалиции против фашистской Германии.

Вскоре после встречи, вечером, в Пресселе появилась американская разведывательная машина. Из нее вышли два американца и, к моему удивлению, еще один английский полковник. То был муж моей младшей кузины Ральф Иззард. Иззард до войны был корреспондентом английской газеты «Дейли мейл» в Берлине. Там он и познакомился с моей кузиной.

В 1939 году, когда разразилась война, он и его жена с маленькой дочерью были в гостях в Пресселе. Им удалось вернуться в Англию через Голландию. Свой боль-

шой «форд» они вынуждены были оставить в Пресселе.

Так мой первый контакт с представителями «вражеских держав» превратился в приятную встречу. Ральф Иззард предложил мне перебраться вместе с ним поближе к английским войскам. Через несколько дней, отметил он, район Пресселя будет занят русскими войсками. Я отказался от этого предложения: я не страдал комплексом антисоветизма и не видел никаких причин покидать Прессель. Это было бы к тому же плохим примером для моих сотрудников.

Через несколько дней американские войска действительно отступили, перейдя на левый берег реки Мульды. Советские войска заняли район вплоть до правого берега этой реки в соответствии с соглашением, достигнутым между союзниками. В ночь на 4 мая в Прессель и Винкельмюле вступили советские войска.

Снова свободный человек

В полдень в Винкельмюле появился советский генерал. Я пошел к нему навстречу и приветствовал его. Тогда я еще не знал ни слова по-русски. К счастью, нашелся переводчик. Я назвал свою фамилию, переводчик стал что-то переводить генералу. К моему большому удивлению, генерал заявил после этого:

— Вы первый германский имперский министр, который попал к нам в руки. Но мы знаем, что вы антифашист и что вам многое пришлось перенести при фашизме.

Генерал попросил все же, чтобы я удостоверил, что я действительно доктор Гереке. Но такого удостоверения у меня не было, тем более что я находился у себя и ни в каких удостоверениях не нуждался. Опытный переводчик, венский еврей, нашел выход.

— Если вы доктор Гереке,— сказал он,— то вы должны быть знакомы с доктором Гильфердингом. Гильфердинг, как и я, жил в Вене.

Разумеется, я хорошо знал Гильфердинга, как и его очаровательную жену. Я часто бывал в его доме в Берлине, когда он был еще имперским министром финансов. Поэтому я мог подробно описать переводчику внешность Гильфердинга. Теперь мне поверили.

Советский генерал сказал, что для Советского Союза антифашисты являются друзьями, а не врагами. После этого он меня сердечно обнял. Я был глубоко потрясен, подобного я не ожидал. Какая разительная перемена по сравнению с тем, что мне довелось пережить за минувшие 12 лет! Впервые я вновь почувствовал себя свободным человеком! Большой груз свалился с моих плеч. Конец преследованиям и слежке гестапо, конец произволу СС! Я свободен! К сожалению, подумал я, не мы сами, немецкие противники нацизма, смогли добиться освобождения Германии от ненавистного нацистского режима. Лишь победа союзников и особенно самоотверженная борьба Красной Армии сделали это возможным.

Я пригласил советского генерала и сопровождающих его лиц к себе в дом. Вместе с Валентином Паолини, ломая французские, немецкие и русские слова, мы провели оживленную беседу, мы рассказали генералу, как обращались в Пресселе и Винкельмюле с военнопленными. Мы осушили последние три бутылки красного шампанского, которые еще остались в Винкельмюле, выпили за дружбу между немецкими антифашистами и Советским Союзом. Генерал заявил:

— Больше никогда не должно быть войны между Советским Союзом и Германией. Красная Армия позаботится о том, чтобы все поджигатели войны и их покровители были устранены от власти.

Мне вручили длинную бумагу на русском языке, которую я должен был предъявить всем представителям советских войск, которые впоследствии могут появиться в Пресселе и Винкельмюле. Мне обещали также, что имущество всех антифашистов, которые мною будут названы, останется в целостности и сохранности.

Генерал выразил намерение отправиться в Прессель, где стояли войска, входившие в его корпус. Там он хотел переночевать. Я просил его остановиться у меня в имении, где он встретит также надежных людей. Много беженцев, в том числе и руководитель конного завода Градитц, перебрались на тот берег Мульды, к американцам. Генерал приказал установить посты в Винкельмюле, чтобы предотвратить расквартирование там войск, шедших вслед за первыми отрядами. Он сам отправился в Прессель, чтобы переночевать у меня.

Я связался с Пресселем по телефону и предупредил фрейлейн фон Шютц о предстоящем прибытии генера-

ла. Генерал выбрал несколько комнат для себя и его офицеров. Он сказал фрейлейн Шютц, что будет пользоваться кухней, но что касается продовольствия, то его у него достаточно. Его повар все доставит и позаботится о приготовлении пищи. Генерал хотел поужинать вместе со мной и прислал за мной машину в Винкельмюле.

В Пресселе мой гость встретил меня на лестнице и через переводчика приветствовал меня с прибытием в собственный дом. Для ужина генерал выбрал комнату фрейлейн фон Шютц, которая была ярой противницей алкоголя. Она с ужасом смотрела на батарею бутылок водки, которые притащил повар вместе с обильной холодной закуской. Ужин проходил в оживленной беседе на политические темы и продолжался до утра. На ужин пригласили католического священника из числа беженцев, который немного говорил по-русски. Офицеры из окружения генерала его сильно напоили водкой: испытание водкой нашему священнику явно оказалось не под силу. Через несколько дней генерал покинул Прессель. Мы очень сердечно с ним распростились.

Восьмого мая представители верховного командования вермахта подписали в Карлсхорсте Акт о безоговорочной капитуляции. Практически этим закончилась вторая мировая война, потребовавшая столь огромных жертв, но понадобилось еще много лет, прежде чем зажили раны, нанесенные народам этой войной.

Первые шаги на новом пути

Перед каждым патриотом открылось широкое поле деятельности. Первая задача, вставшая перед нами, заключалась в том, чтобы навести порядок в нашем районе. Советские друзья оказались очень заинтересованными в том, чтобы создать демократические органы самоуправления. Они неоднократно обращались с этой целью ко мне и к другим антифашистам в Пресселе. В середине мая мы собрались и избрали из нашей среды бургомистром коммуниста Хильмана.

Через некоторое время в Винкельмюле, куда я навещался ежедневно, прибыла другая советская часть. Переводчика в ней не было. Когда я старшему по чину

предъявил документ, составленный генералом, он заметил:

— Никс документ, комендант здесь — я.

К моему великому удивлению, он, сержант, просто положил в карман бумагу генерала. Мне было трудно сохранять и дальше любезный тон. Чтобы продемонстрировать мне свои права, он взял винтовку и выстрелил в курицу, бегавшую по двору. Правда, он промахнулся. Может быть, он охотник? — подумал я. Я показал ему мои охотничьи ружья, которые генерал разрешил мне оставить при себе. С помощью словаря я пригласил сержанта поохотиться на оленя и привел его на вышку для наблюдения за дичью.

Может быть, на сержанта все же произвела впечатление бумага генерала, во всяком случае, он проникся ко мне доверием. Мы мирно отправились на охоту, совместно расположились на вышке недалеко от Винкельмюле. Несколько оленей вышли из леса на лужайку, среди них один сохатый. Я показал его сержанту, приглашая стрелять в него. Он, к сожалению, лишь ранил животное, и мне пришлось быстрым выстрелом из моей винтовки прикончить его. Сержант был вне себя от радости. Я его поздравил, ибо на охоте добыча принадлежит тому, кто сделал первый выстрел. С тех пор мы отлично ладили друг с другом.

Незадолго до этого нас покинули Валентин Паолини и другие французские военнопленные. Прощание было печальным. Мой друг Валентин заверил меня и Лотту Тиле, что он чувствовал себя очень хорошо в Пресселе и особенно в Винкельмюле. Он всегда с благодарностью будет вспоминать эти четыре года, свои охотничьи переживания и волнения во время тренировок чистокровных лошадей в Хоппегартене. Здесь, в Пресселе, он всегда чувствовал себя членом нашей семьи. Мы должны были ему обещать, что когда-нибудь позже приедем к нему в гости на его любимую родину — Корсику.

Советский сержант с его небольшим отрядом оставался в Винкельмюле. Чтобы прокормить солдат и беженцев, надо было закалывать немало свиней. Не хватало помещений. Даже в саду готовили пищу. Нередко в Винкельмюле появлялись солдаты других частей, дислоцированных в нашем округе. Словом, это было напряженное время для всех деревень между Мульдой и

Эльбой, в которых сконцентрировалось большое количество войск и беженцев.

Начали работать районные комендатуры. Комендант города Торгау послал за мной свою машину. Он поручил мне организовать продовольственный отдел района и выразил пожелание, чтобы во всех общинах были назначены бургомистры из числа антифашистов. Выполнить это поручение было для меня сравнительно нетрудно. Я ведь очень хорошо знал район, и было естественно, что я вновь назначил на свои посты всех трех председателей общин из числа членов КПГ, СДПГ и Сельскохозяйственной партии, которые в свое время были сняты нацистами. Я просил коменданта Торгау выделить мне машину, дать переводчика и назначить в качестве сопровождающего солдата, вооруженного автоматом. Он согласился с этим, и через восемь дней его поручение было выполнено.

В Прессель вернулся мой племянник Иоахим Шмидт-Клевитц. Вместе с фрейлейн фон Шютц и многими беженцами, продолжавшими еще жить в доме, он следил за порядком, когда я бывал в разъездах. Однажды, когда меня не было, в Пресселе появился отряд войск, который конфисковал в порядке репарации находившихся там ценных чистокровных лошадей с коннозавода Градитц. Их увезли, а вместе с ними также и моих кобыл Злюку и Гундулу, в отношении которых мне был выдан документ, что они не подлежат конфискации.

Очень ценные чистокровные жеребцы Алхимист и Трикамерон, находившиеся также в Пресселе, не поместились в транспорт. На Алхимиста сел солдат. Он повредил ему хребет, и его пришлось застрелить. Так погиб один из самых ценных жеребцов, которых когда-либо знала история выведения чистокровных лошадей в Германии, Трикамерон же не стал слушаться солдата, оседлавшего его, умчался в болота, окружавшие Винкельмюле, и, очевидно, там затонул.

Звонок доктора Хюбнера

В июле 1945 года державы-победительницы окончательно определили границы своих оккупационных зон. В Советской зоне оккупации было образовано пять зе-

мель, которыми управляли немецкие правительства: Мекленбург, Марк-Бранденбург, Саксония-Ангальт (провинция Саксония), Саксония и Тюрингия. В Саксонии-Ангальте оккупационные власти назначили бывшего председателя исполнительного комитета провинции Саксония, тайного советника доктора Хюбенера, снятого нацистами со своего поста, президентом временного провинциального правительства. Местом пребывания правительства стал город Галле. Первым заместителем Хюбенера стал Роберт Зиверт, умный, убежденный коммунист, с которым я впоследствии подружился. Он хорошо дополнял несколько медлительного, но превосходного чиновника доктора Хюбенера. Я знал доктора Хюбенера еще со времени совместной работы в провинциальном ландтаге в Мерзебурге в период Веймарской республики. Он тогда был руководителем исполнительного комитета провинции и оказывал мне поддержку, выступал против нацистов. В июле Хюбенер позвонил мне из Галле и просил приехать к нему. Он формировал президиум провинциального управления и заявил, что хотел бы предложить мне пост руководителя внутриполитического отдела управления. С согласия коменданта Торгау я оставил свою работу в районе Торгау и отправился в Галле. После утверждения моей кандидатуры советскими оккупационными властями я должен был приступить к исполнению своих новых обязанностей.

В эти месяцы работы было очень много. Нужно было инструктировать и контролировать земельных советников и бургомистров, назначенных из числа антифашистов. Многие из них не имели опыта работы в управленческом аппарате, так как раньше они работали в другой области и не получили соответствующего образования. Особенно напряженным в это время было положение с продовольственным снабжением. Районные власти пытались найти выход из положения, обменивая продукцию своего района на продовольственные товары. Так поступал и я, когда в молодые годы работал ландратом в Торгау. Большую поддержку на моем новом поприще мне оказывал бывший председатель окружной организации СДПГ в Галле-Мерзебург, мой старый друг Бруно Беттге, в то время занимавший пост бургомистра Унтертёйшеншталя. Я вновь встретился и с моим другом коммунистом Хемпелем, который вернулся в Германию

вместе с Красной Армией. Он не забыл мою деятельность во время капповского путча и оказывал мне всяческую поддержку.

Начальником провинции Саксония-Ангалт был седовласый и представительный генерал Котиков, умный политик и уважаемый всеми человек. Генерал Котиков хорошо знал о моем прошлом. Он часто присутствовал на совещаниях ландратов и бургомистров, которыми я руководил. Котиков мне доверял. Мы однажды вместе охотились в районе Гарца. Ему удалось застрелить крупного оленя.

Я был очень доволен своей работой в Галле. Нас освободили от нацистского ярма, и мы могли наконец приступить совместно со всеми антифашистами к тому, чтобы на развалинах старой империи построить новую, мирную и демократическую страну.

В сентябре 1945 года партии, объединенные в антифашистско-демократическом блоке, решили провести аграрную реформу. Они поддержали тем самым требование Коммунистической партии, которое было сформулировано в воззвании КПГ. Успех аграрной реформы в значительной мере зависел от деятельности ландратов.

Проведение реформы было настоятельной необходимостью. В период Веймарской республики, будучи президентом Германского конгресса земельных общин, а затем как автор программы трудоустройства, я часто выступал за заселение помещичьих земель крестьянами. К сожалению, тогда я не находил достаточной поддержки среди правящих кругов. Но чем дальше откладывается осуществление реформ, давно уже назревших, тем радикальнее они осуществляются впоследствии.

Законы об аграрной реформе предусматривали безвозмездный раздел всех помещичьих земель размером больше 100 гектаров. Как известно, мое имение в Пресселе, унаследованное от отца, также имело больше 100 гектаров. Я все же считал установленный предел земельной собственности совершенно правильным. Мне хорошо было известно, что многие крупные помещики, как и крупные промышленники, думали только о своей собственной выгоде, сами не занимались хозяйством и предоставляли обработку своих земель арендаторам, заставляли их работать на себя.

Я имею при этом в виду таких крупных помещиков, как бывший нацистский полицей-президент Берлина граф Хельдорф в районе Наумбург, граф фон Альвенслебен в округе Магдебург, род графов фон Энде в районе Биттерсфельд.

В июне 1945 года я по желанию многих жителей Пресселя выступил на открытом собрании в гостинице «Либман». На собрании присутствовали бургомистр-коммунист Хильман и советский комендант. Я говорил не только о проблемах продовольственного снабжения и о выполнении наших обязательств по отношению к оккупационным властям, но и о необходимости проведения аграрной реформы по политическим причинам. Я сказал, что готов сам разделить свои земли между верными сотрудниками и мелкими крестьянами в Пресселе. Как противник нацизма, я полностью посвящу себя возрождению нашей родины.

Осенью 1945 года обсуждался вопрос о том, чтобы закон о безвозмездном разделе земель не распространялся на антифашистов. Генерал Котиков однажды заговорил об этом со мной. Я повторил, что для себя никаких привилегий иметь не желаю. Я безоговорочно согласен с разделом своих земель при условии, что они будут переданы моим верным сотрудникам и мелким крестьянам в Пресселе. Маленькое имение Винкельмюле, расположенное в стороне от Пресселя и насчитывавшее значительно менее ста гектаров, я хотел бы разделить между двумя верными друзьями-антифашистами, а именно между Космосом Клебером, ведавшим мельницами в Винкельмюле, и моим старым другом Рейнгольдом Брандтом. Рейнгольд Брандт был бургомистром в Союзе земельных общин, членом Крестьянской партии и партии земледельцев, противником нацизма. Он нередко принимал участие в наших тайных встречах в Пресселе, был арестован гестапо уже в 1944 году и освобожден из тюрьмы в Козвиге лишь после окончания войны.

Я обсудил свои планы также и с Робертом Зивертом. Он одобрил их и как уполномоченный по проведению аграрной реформы произвел раздел земель в Винкельмюле между названными мною лицами.

В общем, я считал, что аграрную реформу, необходимость в которой уже давно назрела, следует проводить быстро, не обращая внимания на всякого рода предупреждения буржуазных экономистов, сторонников

Гермеса * в Христианско-демократическом союзе, а также таких людей, как профессор Эмиль Верман, о возможных ее отрицательных последствиях. Я видел опасность дискуссий вокруг этого вопроса в том, что конкретные дела будут заменены длинными речами и революционный энтузиазм в проведении в жизнь намеченной программы исчезнет.

В своей политической деятельности я сконцентрировал все свои силы на восстановлении экономики наших районов и на сплочении всех антифашистских сил под руководством рабочего класса для того, чтобы преодолеть тяжелое прошлое и построить действительно новый социальный порядок. Это я считал гораздо более важной задачей, чем управление хозяйством Пресселе и Винкельмюле. Поэтому прощание с ними перед лицом новых задач, которые стояли передо мной, было не слишком тяжелым. Я знал, что в любое время смогу туда приехать и что меня самым сердечным образом встретят мои старые сотрудники. Сначала я жил в Галле. Туда вместе со мной переселилась и Лотта Тиле. Фрейлейн Шютц и фрейлейн Фукс остались жить в Пресселе и Винкельмюле.

Несмотря на загруженность работой в Галле, я не забывал о чистокровных лошадях и конном спорте. С помощью генерала Котикова я добился того, что уже осенью 1945 года на красивом ипподроме в Галле состоялись скачки. Это были первые в Германии скачки после окончания войны с участием чистокровных лошадей. На скачках удалось собрать много лошадей, которые оказались после войны в разных деревнях. В моей деятельности на посту президента Объединения любителей скачек в Галле ценную помощь мне оказывала секретарь объединения фрау Герман, которая умела выпрашивать у офицеров, ведавших фуражом в отдельных частях Красной Армии, хороший овес. С помощью активистов конного спорта мы сумели привести в порядок ипподром в Галле. Он пользовался завидной популярностью. Число посетителей было велико, и оборот от то-

* Андреас Гермес являлся в тот период председателем ХДС в Советской зоне оккупации. Пытался противодействовать демократическим преобразованиям и был смещен своей партией с руководящего поста.

тализатора достиг — учитывая, правда, инфляцию — миллионов марок.

Я был доволен своей деятельностью в области восстановления хозяйства нашего округа. У меня установились хорошие отношения с доктором Хюбнером и Робертом Зивертом, с генералом Котиковым и с моим другом Хемпелем, который вскоре получил назначение на работу в Берлин. Хемпель часто приезжал в Галле, и мы проводили очень приятные вечера с ним, его женой и Лоттой Тиле. Разговоры касались того времени, когда я был ландратом в Торгау. Я прекрасно сотрудничал также с моим старым другом Бруно Беттге, который был председателем окружной организации СДПГ в Галле-Мерзебурге. Но с другой стороны, создалась ситуация, которую я считал все более обидной для себя. Среди функционеров КППГ было много таких, которые меня не знали с прежних времен и, несмотря на разъяснения Хемпеля и Беттге, относились ко мне с подозрением. Они считали меня «крупным помещиком», которому доверять нельзя. Это обнаруживалось особенно тогда, когда я пытался, выполняя свои служебные обязанности, повлиять на назначения того или иного лица на посты ландрата и бургомистра. Ведь именно ландраты и бургомистры в то время в первую очередь отвечали за проведение аграрной реформы.

При фашизме меня преследовали, я избежал тогда смертной казни только благодаря счастливому случаю; после войны я добровольно отказался от своих земель и целиком отдался делу построения антифашистского порядка. Поэтому мне было особенно обидно, что в своей деятельности я встречаю подозрение и за моей спиной против меня выдвигаются необоснованные обвинения. Это мне мешало работать с полной отдачей сил. Девизом моей жизни всегда было либо посвятить себя работе, идя, когда это нужно было, на самый большой риск, либо вовсе отказаться от нее. Этому девизу я не хотел изменить и сейчас.

В той ситуации так и не удалось мне рассеять растущие подозрения. Этому не помог и тот факт, что на официальном заседании Антифашистского блока политических партий по предложению тогдашнего председателя окружной организации КППГ Бернарда Кенена была засвидетельствована моя антифашистская деятельность и

отмечено мое активное участие в восстановлении страны и в выполнении ответственных государственных поручений.

Может быть, я в то время слишком чувствительно реагировал на некоторые события и чересчур пессимистически смотрел в будущее, но мне показалось, что в Галле нет возможности для дальнейшей плодотворной работы. В это время я получил письмо от мужа моей кузины Ральфа Иззарда, в котором он сообщил, что британские власти были бы рады, если бы я перебрался в Английскую зону оккупации, там должны быть образованы земельные правительства. Есть нужда в противниках Гитлера, и я мог бы оказаться подходящим человеком для правительственного поста. Я встретился с доктором Хюбенером и имел с ним откровенный разговор, касавшийся моего положения. При этом я упомянул также о письме из Ганновера. Доктор Хюбенер проявил полное понимание моих проблем, хотя и очень сожалел, что лишается меня как сотрудника.

Чувствовал я себя тогда очень плохо — правая почка, пострадавшая от нацистских побоев, разболелась и доставляла мне много забот, поэтому я принял приглашение и в начале июля 1946 года отправился вместе с Лоттой Тиле к моему старому другу Вильгельму Брезе в Марведе в Нижнюю Саксонию, чтобы оправиться от болезни. Брезе имел там крестьянский дом.

Мое решение покинуть Советскую зону оккупации и переселиться в Нижнюю Саксонию не означало, что я изменил свою позицию, оно не было, так сказать, возвратом из сегодняшнего дня во вчерашний, мне казалось, что всего лишь через год после крушения фашистского режима в западных зонах тоже будут существовать вполне реальные возможности для построения антифашистско-демократического порядка. В ряде городов и общин Английской зоны, например, представители двух больших рабочих партий взяли на себя инициативу в организации помощи нуждающемуся населению и сыграли решающую роль в нормализации жизни. Их поддерживали честные представители буржуазных кругов, которые частично еще в период, предшествовавший приходу фашистов к власти, активно участвовали в политической жизни.

В Потсдамском соглашении, под которым стоит подпись представителей всех четырех оккупационных дер-

жав, ясно записано, что Германия должна рассматриваться как единое политическое и экономическое целое. Этот пункт я полностью одобрял. Я не знал еще, на какой основе будет происходить моя политическая деятельность в дальнейшем, но одно было для меня совершенно ясно: эта деятельность будет базироваться на моем опыте и страданиях в борьбе против фашизма и на почве демократии.

Я, конечно, не подозревал, что опять — в последний раз — оказался во власти иллюзий. Через сравнительно короткое время я в этом вновь мог убедиться..

В Нижней Саксонии: борьба в одиночестве

Ганновер, осень 1946 года

Ганноверу, как почти всем другим крупным немецким городам, война нанесла ужасающий урон. Еще в недавнем прошлом Ганновер был цветущим городом, в котором полнокровно пульсировала деловая жизнь. Теперь город представлял собой мрачное, печальное зрелище. Правление земельной организации Христианско-демократического союза временно разместилось в одном из полуразрушенных домов. В непастьный осенний день 1946 года здесь встретились представители ХДС Нижней Саксонии. Доктор Пфад, известный адвокат-католик из Ганновера, подал в отставку с поста председателя земельной организации в связи с преклонным возрастом и деловыми соображениями, связанными с загруженностью адвокатской практикой. В руководящих кругах партии было выдвинуто предложение назначить меня его преемником. Мне было известно, что аналогичные же предложения исходили из евангелических кругов Нижней Саксонии. Поэтому я дал согласие на выдвижение своей кандидатуры. Ожидалось прибытие на это заседание в качестве гостя председателя ХДС в Английской зоне оккупации, доктора Конрада Аденауэра. Перед приходом фашистов к власти у меня с Аденауэром, бывшим обер-бургомистром Кёльна, президентом прусской верхней палаты, старым деятелем партии Центр времен Веймарской республики, были крупные разногласия. Аденауэр был представителем Германского конгресса городов, я — представителем Германского конгресса земельных общин.

В 1945 году доктор Аденауэр вновь был назначен обер-бургомистром Кёльна, но вскоре снят британскими оккупационными властями с этого поста за «неспособность» справиться со своими обязанностями. Он вступил вместе с Робертом Пфердменгесом в созданный тогда Христианско-демократический союз в Кёльне и уже весной 1946 года был избран председателем ХДС в Английской зоне оккупации. Он решил нанести визит ниже-саксонской организации ХДС, подозревая, по-видимому, что в этой организации, считавшейся одной из самых крупных в партии, может возникнуть оппозиция против его руководства.

Мы стояли и беседовали в ожидании гостя, на пустынной улице ясно был слышен шум приближающегося автомобиля. В комнату вошел Аденауэр. Он приветствовал всех присутствующих, около меня он несколько задержался. Внешне, казалось, он мало изменился. Нацистский период он, по-видимому, пережил лучше меня. В подчеркнуто дружеском тоне он заметил:

— Вот мы и встретились снова после столь долгого перерыва, да, к тому же оказались в рядах одной партии.

Я почувствовал, что радость по поводу нашей встречи была не совсем искренней. Поэтому я осторожно ответил:

— Надеюсь, господин Аденауэр, что в одной партии мы будем лучше сотрудничать, чем в прошлом, когда представляли разные коммунальные объединения.

Аденауэр тут же возразил:

— После того как прошел нацистский период, который мы оба пережили, создалось новое положение. Здесь у нас будет больше забот, чем раньше.

Потом он прибавил не без скрытого упрека:

— Вы только что прибыли в Ганновер и вас уже, как я слышал, хотят избрать председателем земельной организации ХДС!

В узком кругу мы обсудили затем вопрос об организации и дальнейших путях развития земельной организации. Аденауэр подчеркнул, что он очень сожалеет, что его друг доктор Пфад решил отказаться от поста председателя земельной организации.

Работа по созданию и развертыванию деятельности ХДС в Нижней Саксонии была более сложной, чем в

других частях Английской зоны оккупации. Нижнесаксонская земельная партия, состоявшая главным образом из вельфов*, которые по традиции пользовались большой поддержкой среди населения, сумела здесь — особенно в сельских местностях — завоевать сторонников, группировавшихся в других землях обычно вокруг ХДС. Доктор Пфад считал, что он более не в состоянии справиться с усложнившимися обязанностями, в частности с многочисленными выступлениями в отдельных районах. Он хотел, чтобы его заменил более молодой член партии, обладавший к тому же опытом организационной работы.

Из первого же — после длительного перерыва — разговора с доктором Аденауэром стало для меня очевидным, что, хотя мы и состояли членами одной партии, где он играл руководящую роль, мы расходились по многим вопросам. Тогда уже обнаружили существенные различия в нашем понимании политики оккупационных держав в отдельных зонах и возможностей их объединения. Аденауэр стремился в первую очередь объединить три западные зоны оккупации и обеспечить господствующие позиции ХДС в них. Я же вскоре после окончания войны, еще будучи в Галле, высказал мнение, что первоочередной задачей является воссоединение всех четырех оккупационных зон демократическим путем, как это было предусмотрено Потсдамским соглашением. По моему мнению, Потсдамское соглашение содержало такие принципы развития Германии, которые создавали международно-правовую основу для демократического обновления нашей страны и для того, чтобы наш народ занял достойное место среди других миролюбивых народов мира. Ликвидация нацизма и милитаризма во всех зонах оккупации, как и осуществление требований о роспуске монополий и трестов, была необходимой предпосылкой для достижения этих целей.

Мы вежливо распростились в тот осенний день с Аденауэром. Но я был убежден, что между мной и ним будет еще немало споров и разногласий.

* Вельфы, партия в Ганновере, со времен его присоединения в Пруссии в 1866 году стремившаяся к восстановлению самостоятельности провинции Ганновер.

Поиски нового пути

Вильгельм Брезе был человеком умным и добрым. Раньше он был учителем. Женившись на наследнице большого крестьянского хозяйства, он занялся его восстановлением и добился неожиданно хороших успехов. Брезе образцово исполнял также обязанности общинного старосты в Марведе и пользовался всеобщим уважением и популярностью. У него были три красивые дочери и один маленький сын, еле достававший до стола, когда мы с Лоттой Тиле прибыли в Марведе.

Прошли недели отдыха, которые были мне необходимы для восстановления здоровья, и я почувствовал себя гораздо лучше. Большую часть фермы в Марведе, красивой, как и вся Люнебургская пустошь, занимали лес, воды и луга, где водилось большое количество улиток. Сравнительно небольшая площадь земли обрабатывалась образцово с использованием самых современных методов земледелия. Брезе занимался выведением шотландских пони, которые паслись у него на воле. Они пользовались большим спросом. Солидный доход давало также рыболовство, которым занимались в многочисленных маленьких озерах, расположенных в его владениях.

Вильгельм Брезе принадлежал к основателям ХДС в районе Целле. Это ставило его в особое положение среди других представителей крестьянства в районе Люнебургской пустоши, которые, соблюдая традиции вельфов, поддерживали Нижнесаксонскую земельную партию. В эту партию вошел также бывший член прусского ландтага от партии землевладельцев, мой старый друг Мюллер-Изернхаген, занимавший в ней ведущие посты и ставший позже первым вице-президентом ландтага Нижней Саксонии. Я часто сопровождал Брезе на собрания ХДС в районе Целле, сидел среди слушателей и иногда выступал во время прений.

В Ганновере я стал членом ХДС. Мне казалось, что именно в этой партии мне удастся лучше всего развернуть свою деятельность. Мне, правда, с самого начала было ясно, что ввиду разнородного состава партии работа в ней будет нелегкая.

В Марведе меня часто навещали мои английские родственники. Представители оккупационных властей, с ко-

торыми я познакомился через посредство Ральфа Иззарда, предложили мне однажды, чтобы я после поправки здоровья стал членом ганноверского правительства. Состав правительства тогда еще определялся англичанами. Мы все верили в то время, что в соответствии с Потсдамским соглашением отдельные зоны оккупации в обозримое время будут объединены в общегерманское государство.

Еще до этого, в августе 1946 года, когда было образовано новое временное правительство в Ганновере под руководством социал-демократического министр-президента Хинриха Коппа, мне официально предложили стать членом кабинета, но тогда ХДС выставил контр-кандидатуру председателя земельной организации доктора Пфада и добился назначения его на пост министра внутренних дел.

Что немило «сердцу вельфа»

В октябре 1946 года бывшая прусская провинция Ганновер и маленькие земли Ольденбург, Брауншвейг и Шаумбург-Липпе были объединены в землю Нижняя Саксония. Министр-президентом первого правительства этой земли вновь стал социал-демократ Хинрих Копп. В новое правительство вошел и я в качестве министра внутренних дел. Я представлял в правительстве земельную организацию ХДС. В тогдашний кабинет входили представители всех партий Нижней Саксонии, деятельность которых была разрешена оккупационными властями, в том числе и представители КПП. В правительственном заявлении было указано, что мы стоим на почве частной собственности, но выступаем за «децентрализацию» крупных концернов и передачу их собственности в руки государства, а также за проведение далеко идущей аграрной реформы. Я надеялся, что на основе такой программы я смогу продолжать свою деятельность в таком же духе, в котором я начал ее в Галле.

Все партии, представленные в ландтаге Нижней Саксонии, выразили доверие новому кабинету. Один лишь председатель Нижнесаксонской земельной партии, депутат ландтага и будущий министр-президент Хельвеге,

заявил, что, по его мнению, кабинет имеет один изъян, а именно что пруссак стал министром внутренних дел. Это «наполняет горечью его сердце вельфа».

Первоначально в нашем кабинете, состоявшем из представителей всех партий, царил дух доброго сотрудничества. Общественность находилась еще под впечатлением ужасов нацистского режима и страшных последствий войны. Казалось, что все исполнены искреннего стремления к тому, чтобы извлечь уроки из прошлого и построить действительно свободную и демократическую родину.

Министр-президент Копф, представитель самой сильной партии, Социал-демократической, был хорошим тактиком. В своих публичных выступлениях он сумел снять к себе симпатии люнебургских крестьян. Он не был хорошим оратором. Поэтому крестьянские собрания с его участием проходили весьма своеобразно. Это были, скорее, расширенные беседы «за круглым столом», в данном случае за столом кабачка, во время которых потребляли изрядное количество водки «Доорнкаат» или знаменитой «Лютелаге» — смеси большого количества пива с «Доорнкаатом». Я терпеть не мог этой смеси. Крестьянские собрания с участием Копфа продолжались часто далеко за полночь, многие крестьяне голосовали за социал-демократа Копфа только потому, что так хорошо было с ним беседовать и так отлично можно было с ним выпить и сыграть в скат. Я знал Копфа со времен моей деятельности в Союзе земельных общин и в крейстаге. Он, так же как и я, начал свою карьеру с поста ландрата, как министр внутренних дел я заменял его на заседаниях кабинета, когда он отсутствовал.

Однажды к нам приехал в Ганновер министр иностранных дел лейбористского правительства Эрнест Бевин. Во время первой встречи он сидел на диване между мной и Копфом. Указав пальцем на толстяка Хинриха Копфа, а потом на мою тощую фигуру, он спросил:

— Вы — ХДС?

— А вы — СДПГ?

Я шутливо разъяснил Бевину, что у него совсем неверное представление о нас. Представитель ХДС — то есть я — имеет внешность, соответствующую скверному продовольственному положению в земле, а у представителя СДПГ вопреки этому вид человека, который не так уж плохо питается.

Коммунистическая партия Германии была представлена в правительстве министром Абелем, бывшим депутатом прусского ландтага от КППГ. Я его хорошо знал со времен моей деятельности в Союзе земельных общин. Мы превосходно сотрудничали друг с другом.

Министром труда и восстановления в кабинете был доктор Зеебом, представитель Нижнесаксонской земельной партии, а с 1947 года — Немецкой партии. Он был известен своими антикоммунистическими установками.

Как старому работнику управленческого аппарата, мне обязанности министра внутренних дел очень были по сердцу. У меня сложились хорошие отношения с начальниками отделов правительства, ландратами и бургомистрами независимо от того, к какой партии они принадлежали. Особый такт надо было проявить в обхождении с представителями Брауншвейга и Ольденбурга: население этих двух бывших самостоятельных земель лишь с трудом могло привыкнуть к мысли, что их земли включили в Нижнюю Саксонию, то есть практически присоединили к бывшей провинции Ганновер.

В отличие от других оккупационных зон в Английской зоне была внедрена английская система управления. Это значило, например, что штатные руководители городских и сельских районов имели чин старших городских директоров или старших районных директоров. Обер-бургомистрами и ландратами же звали председателей городских собраний или крейстагов, выполнявших свои обязанности в порядке общественной нагрузки.

Это было время большого дефицита продовольствия. Поэтому, помимо продовольственных отделов земель, были созданы еще районные продовольственные отделы. Было очень трудно наладить снабжение населения, поставку сельскохозяйственных продуктов. Часто мне вспоминалось время моего пребывания на посту ландрата в Торгау после первой мировой войны, когда мне приходилось иметь дело с подобной же ситуацией. С течением времени я встречал много старых знакомых, прибывших из районов восточнее Одера и Нейсе. Я пытался помочь им чем мог. Как-то меня посетил бывший председатель фракции КППГ рейхстага Эрнст Торглер. Он жаловался, что попал в тяжелое положение, так как компартия от него отвернулась*. Я позаботился о том, что-

* Торглер был исключен из КППГ за ренегатство.

бы Торглер был назначен председателем одного из районных продовольственных отделов.

На уик-энд я обычно ездил с Лоттой Тиле, подружившейся с дочерью Брезе, в Марведе. Как-то во время прогулки по лесу появилось вдруг несколько машин, в которых сидели английские офицеры в охотничьих костюмах. Некоторые из них носили отнюдь не охотничью, по моему вкусу, одежду, а именно шотландские юбки. Егерями могли служить только водители, а их было явно мало для охоты. Поэтому они просили нас участвовать в погоне на красную дичь и кабанов. Охота тогда еще была привилегией оккупационных властей. Я последовал их просьбе, и мы пять раз провели погоню. Выстрелов было много, но застрелили в конце концов только одного старого оленя и молодого кабана. В конце охоты я поздравил офицеров. Теперь они убедились в том, сказал я, что назначенный ими же министр внутренних дел неплохой охотник. Это вызвало веселую реакцию, и мы выпили большое количество виски за хорошее сотрудничество.

Встреча со старыми нацистами

Как министр внутренних дел я отвечал за денацификацию. Я часто возмущался решениями комиссии по денацификации, когда у меня создавалось впечатление, что «денацифицировали», как правило, лишь мелких попутчиков нацистской партии. Активные же нацисты, которые ловко умели организовать свою защиту, отделялись легко. С ними поступали весьма милосердно. Тогда в ходу были так называемые «свидетельства Перзиль»*. Это были справки, содержавшие письменные показания известных антифашистов в пользу того или иного человека, проходившего денацификацию. Я сам с чистой совестью давал подобного рода справки некоторым лицам, в том числе моему тюремщику из моабитской тюрьмы. Его в то время перевели в Ганновер. Так

* Перзиль — моющее средство, отсюда название «свидетельств», которые должны были доказать «чистоту» человека, подлежавшего денацификации.

же, как и мне, он помогал многим другим заключенным и лишь под сильным давлением своих начальников стал членом нацистской партии.

К моему удивлению, ко мне явился как-то бывший министр внутренних дел фон Койдель, который был инициатором моего первого процесса по поводу мнимой растраты денег предвыборного фонда Гинденбурга. Койдель был нацистом, близким дружком Германа Геринга. Как «главный лесничий», он играл немаловажную роль в третьей империи и его никак нельзя было квалифицировать как «попутчика». Сначала мне хотелось отказаться принять Койделя, но природная доброта одержала верх, и я пригласил его войти. Он в льстивых выражениях стал извиняться передо мной и просил оказать ему поддержку в процессе денацификации. Койдель подал ходатайство о вступлении в ХДС. Когда он стал оправдывать свое поведение в отношении меня тем, что он якобы был обманут Гитлером, я дал волю своему гневу, сказав фон Койделю, что он обратился не по адресу, когда просит моей поддержки для вступления в ХДС. Пока я буду на посту председателя земельной организации ХДС, ни один старый нацист не вступит в эту партию. Койделю все же удалось пробраться в ХДС в другой организации. Он стал делать там карьеру и в течение многих лет был председателем так называемого Комитета по делам изгнанных.

Комиссия по денацификации района Юльцен занималась также делом Оскара фон Гинденбурга. Сын бывшего президента проживал у своих родственников в Люнебургской пустоши. Меня пригласили свидетелем на его процесс. В распоряжении председателя комиссии имелось множество неблагоприятных для обвиняемого показаний. В их числе было длинное письмо бургомистра и члена ХДС Фриденсбурга из Берлина. Фриденсбург, который когда-то был полицей-президентом Берлина, опубликовал еще во время Веймарской республики статью в «Берлинер тагеблат», содержащую нападки на рейхспрезидента. Гинденбург пожаловался по телефону на это прусскому министр-президенту Отто Брауну, и прусское правительство перевело Фриденсбурга в Кассель.

Мне письмо Фриденсбурга показалось запоздалой мстью семье Гинденбург. Он утверждал в своем письме, что Оскар фон Гинденбург был главной персоной в слож-

ных закулисных интригах, имевших целью привести к власти Гитлера. Генерал-майор в отставке Гинденбург и его жена, сидевшая в зале, были уверены, что я выступаю в таком же духе. Для этого один моабитский процесс давал достаточно причин на суде, но я повел себя иначе; не погрешив против истины, я показал, что утверждать, будто Оскар фон Гинденбург по собственной инициативе смог начать и вести все сложные переговоры, которые в конце концов привели к власти Гитлера, значило бы переоценивать его умственные способности. Бывший полковник фон Гинденбург, заявил я далее, преступно дал использовать себя истинными инциаторами интриг, играя роль их рупора. С этой точки зрения он также несет ответственность за события, разыгравшиеся в январе 1933 года. Суд в конце концов решил, что Оскар фон Гинденбург относится к категории «соучастников».

Как известно, с ноября 1945 по осень 1946 года происходили заседания Международного военного трибунала в Нюрнберге, перед которым предстали оставшиеся в живых главные нацистские преступники, в том числе и Франц фон Папен. Главных военных преступников постигла справедливая кара. Но Франц фон Папен был объявлен невиновным наряду с Шахтом и Фричем. Это было для меня совершенно непонятно. В связи с решением суда по всей стране прокатилась волна протеста. Немецкие власти поэтому арестовали трех обвиняемых, которые были объявлены Нюрнбергским трибуналом невиновными. Против них было возбуждено новое дело. Немецкая прокуратура, которая вела дело, в частности нюрнбергский юрист Ганс Зак, пригласила меня в январе 1947 года свидетелем на процесс Папена. На своей служебной машине я отправился вместе с Лоттой Тиле из Ганновера в Нюрнберг.

На процессе речь шла главным образом о том, чтобы уяснить роль, которую сыграл Папен перед приходом Гитлера к власти. Надо было прежде всего определить, в какой мере Папен содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером. Я подробно описал, какое решающее влияние оказывал на Гинденбурга Папен, действовавший в интересах крупного капитала. Я приводил факты, которые досконально знал по собственному опыту и которые я уже подробно описал выше. В конце моих пока-

заний я сформулировал свои выводы в следующей фразе:

— Без фон Папена Гитлер никогда не стал бы рейх-канцлером!

Папена приговорили в конце концов к нескольким годам тюремного заключения, но досрочно освободили. Не удивительно, что Папен в мемуарах, вышедших позже в ФРГ и представляющих собой попытку оправдать свою политику, грубо искажает мою программу трудоустройства, когда касается событий 1932—1933 годов. Так, например, он пишет, что Шлейхеру эта программа просто досталась от него, Папена, и что «несчастному доктору Гереке» не повезло, потому что при ее проведении Шлейхер выхолостил все ее конкретное содержание. В другом месте, правда, Папен невольно выдает истинные мотивы своей позиции. В беседе с Шлейхером от 9 января 1933 года, о которой он пишет в книге, Папен ссылается на свои разговоры с крупными промышленниками Шпрингорумом и Феглером. Оказывается, в этих разговорах он подчеркивал, что программа трудоустройства Гереке «находится в полном противоречии с нашими прежними убеждениями о необходимости развертывания свободного рыночного хозяйства».

Подозрения и реабилитация

На одном из заседаний ландтага Нижней Саксонии в начале 1947 года при обсуждении бюджета руководимого мною министерства произошел следующий инцидент: председатель социал-демократической фракции Роберт Хофмейстер с толстой подшивкой «Фелькишер беобахтер» в руках поднялся со своего места и грозно направился ко мне, показывая на одну из страниц этой газетенки. На ней была помещена фотография первого правительства Гитлера — на снимке я сидел среди членов кабинета между Зельдте и Крозигом. Громким голосом Хофмейстер меня спросил:

— Это вы?

Сохраняя спокойствие, я ему ответил:

— Неужели вы меня не узнали? Правда, я был тогда моложе и страдания, через которые я прошел при

нацизме, еще не наложили отпечаток на моей внешности.

Выходка Хофмейстера вызвала горячую дискуссию. Я заявил, что не ожидал, чтобы кому-либо пришлось в голову выдвинуть против меня обвинение в принадлежности к нацистской партии или к числу сторонников Гитлера. Такое открытие мог сделать лишь один господин Хофмейстер, который, кстати, перенес эти годы в третьем рейхе куда лучше, чем я. Я просил создать комиссию по расследованию, которая раз и навсегда внесла бы ясность в вопрос о моем поведении в период господства нацизма. Если же хотят, чтобы я еще раз прошел процедуру денацификации — хотя я ее уже прошел в Галле, — то с моей стороны никаких возражений не будет. Нападки Хофмейстера я воспринимаю как личное оскорбление. Обвинения, выдвинутые им, настолько тяжелы, что, соблюдая обычаи парламентской демократии, я прошу предоставить мне отпуск до конца расследования. Министр-президент эту просьбу удовлетворил и временно взял на себя функции министра внутренних дел.

Комиссия по расследованию, естественно, ничего не могла найти предосудительного в моем поведении в период нацистского господства. Было признано, что меня следует причислить к жертвам фашизма. Ту же точку зрения высказали и британские оккупационные власти.

На земельном конгрессе ХДС Нижней Саксонии весной 1947 года я был избран председателем земельной организации ХДС. Доктору Аденауэру как председателю ХДС в Английской зоне оккупации было бы приятнее, если бы был избран более преданный ему человек. Смена председателей земельной организации Нижней Саксонии прошла без трений, в дружественной и гармоничной атмосфере. Недовольны были только в Рендорфе*.

Совещание в Алене

Все партии, деятельность которых была разрешена после крушения фашизма, должны были разработать свои партийные программы. Это предстояло сделать и

* Рендорф — дачное место, где находилась вилла Конрада Аденауэра.

Христианско-демократическому союзу. Разработке программы предшествовали длительные дискуссии в отдельных земельных организациях, во время которых ясно обнаружилось разногласия между прогрессивным и реакционным крылом в партии.

В январе 1947 года мы встретились в Алене, чтобы окончательно сформулировать программу. Дискуссия затянулась с перерывами до начала февраля. В соответствии со своими прежними установками и учитывая мой опыт работы в Торгау и Галле в 1945—1946 годах я выступил за далеко идущее участие государства в экономической жизни и повышение роли профсоюзов, чтобы предотвратить возрождение неограниченной власти капитала.

Эта точка зрения соответствовала в то время и позиции профсоюзного крыла в партии, к которому принадлежал, в частности, Карл Арнольд, впоследствии министр-президент земли Северный Рейн-Вестфалия, и Иоганнес Альберс, председатель комиссии по социальным вопросам ХДС/ХСС. Этих профсоюзных деятелей я хорошо знал еще во времена нашей совместной деятельности до 1933 года. Мы считали, что главная задача состоит в том, чтобы окончательно сломить власть крупных монополий. Так в Алене была принята следующая формулировка одного из пунктов программы:

«Предприятия монополистического характера, то есть те из них, которые крупнее определенных размеров, дают их владельцам экономическую и тем самым и политическую власть, могут стать опасностью для государства. Возникновение такой опасности следует предотвратить путем издания соответствующих законов об ограничении образования картелей. К тому же следует ввести принцип разделения власти, при котором будет исключено, чтобы было установлено опасное для общества неограниченное господство над отдельными отраслями хозяйства государства, частных лиц или отдельных групп.

а) с этой целью необходимо обеспечить участие общественных организаций — государственных и земельных органов, общин, объединений общин, кооперативов и объединений рабочих и служащих в управлении такими предприятиями; нужно при этом предоставить достаточную свободу предпринимательской инициативе, которая необходима для развития экономики;

б) далее, необходимо ограничить в законодательном порядке в такого рода предприятиях возможность концентрации акций в одних руках как по количеству самих акций, так и по голосам акционеров».

Мы также решительно выступили за проведение аграрной реформы в интересах мелких крестьян и многочисленных переселенцев с Востока. Главным нашим противником в дискуссиях по этому вопросу был доктор Аденауэр. Он подчеркивал постоянно, что далеко идущая декартеллизация и ослабление хозяйственной мощи концернов поставит нас в невыгодное положение в конкурентной борьбе с другими странами.

Наконец так называемая Аленская программа была утверждена. Она представляла собой определенный компромисс. Я голосовал за нее, как и мои друзья из профсоюзов и кругов сельского хозяйства, хотя с некоторыми формулировками и не был согласен. Ряд наших пожеланий не был учтен. Мы хотели бы, в частности, чтобы в нее был включен пункт о национализации ключевых отраслей промышленности. Но характерным для последующего развития партии является то, что даже далеко не радикальные принципы Аленской программы практически были отброшены, быстро были забыты. Сегодня их считают в руководстве ХДС/ХСС своего рода «грехом молодости»; и интересно наблюдать, как в среде рабочих, состоящих в христианских профсоюзах, а также среди сторонников в ХДС студенты возвращаются все чаще к программным требованиям Аленской программы.

Как уже было указано, Аденауэр с самого начала стремился к тому, чтобы объединить западные зоны и оторвать их от остальной территории Германии. Уже осенью 1945 года он заявил иностранным журналистам, что необходимо установить «государственно-правовые отношения» между «тремя частями территории, не занятой русскими». Как мне стало известно из партийных кругов, Аденауэр резко критиковал на съезде ХДС в Штутгарте весной 1946 года следующие формулировки решения, принятые берлинской организацией ХДС: «На немецкой земле и соответственно в Берлине нужно создать синтез Востока с Западом, «буржуазная эпоха кончилась», «Коммунистический манифест» был великим подвигом».

В позиции Аденауэра ясно можно было разглядеть стремление к отделению трех зон оккупации и интегра-

ции их с Западом. Наряду с этим можно было наблюдать явные попытки замаскировать перед основной массой членов партии, особенно рабочих-католиков, проживавших в Рурской области, а также перед представителями среднего сословия тенденции к реставрации старых общественных порядков в западных зонах. Было известно, что многие представители этих кругов вступили в 1945—1946 годах в ХДС с твердым намерением создать новую партию, стоящую на почве антимонополистической демократии. В этой связи мне вспоминается циничное замечание Аденауэра, боровшегося всеми силами против Аленской программы, сделанное еще в то время: — Ален может по крайней мере пригодиться, чтобы на предстоящих выборах обеспечить ХДС большинство голосов.

Во время выборов в ландтаг в Нижней Саксонии, состоявшихся в апреле 1947 года, я был кандидатом от ХДС в избирательном округе Юльцен. Меня избрали в первом туре значительным большинством голосов.

В Нижней Саксонии вновь было образовано правительство, в которое вошли все партии под руководством министр-президента Коппфа. Я на этот раз не вошел в кабинет, так как все еще продолжались заседания комиссии по расследованию. Пост министра внутренних дел остался свободным. Правительственное заявление, оглашенное в начале июня 1947 года в ландтаге, основывалось главным образом на программе СДПГ, но содержало также элементы Аленской программы. Оно было так составлено, что его могли одобрить все партии. КППГ вновь была представлена в кабинете министром Абелем. Сотрудничество партий в новом кабинете было уже не столь гармоничным, как раньше, усилились разногласия при проведении в жизнь правительственной программы. К этому прибавлялись усиливающиеся противоречия между оккупационными державами и начало антикоммунистической кампании в западных оккупационных зонах.

Британские власти решили в то время расширить зональный совет Английской оккупационной зоны, созданный в 1946 году, за счет включения в него представителей отдельных земельных парламентов. Этот совет должен был помогать британским оккупационным властям управлять Английской зоной и состоять из лиц, избираемых земельными парламентами. Отдельные пар-

тии были представлены в совете пропорционально количеству мест, которыми они располагали в парламенте. В Английской зоне были тогда следующие земли: Северный Рейн-Вестфалия, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн и Гамбург. (Маленькая западногерманская земля Бремен была отнесена к Американской зоне оккупации, так как американцы настояли, чтобы в их зону был включен хотя бы один порт.)

Я стал членом совета Английской зоны. На одном из заседаний правления ХДС Аденауэр резко высказался против того, чтобы Берлин стал когда-нибудь в будущем германской столицей. Он внес предложение, которое примерно гласило так: зональный совет должен принять решение, что Берлин никогда не станет германской столицей. Будущая германская столица, аргументировал Аденауэр, должна находиться под виноградными лозами на Рейне и окна ее должны быть раскрыты в сторону Франции.

Принятие такого предложения, естественно, углубило бы раскол Германии. Будучи сепаратистом, Аденауэр именно к этому и стремился. Я и мои друзья по партии решительно выступили против планов Аденауэра. Поэтому Аденауэр не смог добиться принятия своего предложения зональным советом, но горячие дискуссии вокруг этого предложения внутри партии еще долго продолжались.

Для Аденауэра Берлин и Восток Германии были областями, подпавшими под власть «еретиков», землями, на которых господствуют «красные» и где царит полная анархия; таковы были установки, которые легли в основу практической политики ХДС, хотя впоследствии она и была несколько модифицирована. Для наследников Аденауэра, проводивших более гибкий курс, любимым детищем стала особая политическая единица — Западный Берлин.

На содержание Западного Берлина отпускали большие субсидии, его превращали, как об этом открыто писали на Западе, в «занозу в теле ГДР».

Дискуссии в зональном совете вращались главным образом вокруг вопроса о демонтаже промышленных предприятий. В то время западные державы, пытаясь добиться преимуществ в конкурентной борьбе, проводили политику всемерного экономического ослабления Германии. Против этого единодушно выступили пред-

ставители всех партий, включая КПП, хотя руководствовались они различными мотивами.

Между тем противоречия между бывшими союзниками во второй мировой войне все более усиливались. В западных зонах сознательно разжигали антикоммунизм, получивший широкое распространение. Это приводило к тому, что представители КПП постепенно были удалены из всех зональных правительств. Одновременно статс-секретари и прочие государственные служащие, принадлежавшие к КПП, должны были покинуть свои посты. Инициаторами этих мер были главным образом американцы; по этому поводу существовала негласная договоренность между западными оккупационными властями и политическими партиями в Западной Германии.

В январе 1948 года в Нижней Саксонии произошли события, которые привели к кризису правительства и отставке кабинета. Авторитету министр-президента был нанесен тяжелый удар. Дело в том, что Польская Народная Республика обратилась к британской военной администрации с ходатайством о выдаче министр-президента Хинриха Копфа, который участвовал в ограблении имущества частных граждан и государства в так называемом генерал-губернаторстве во время нацистской оккупации Польши. Копф отрицал правильность польских обвинений и заверил кабинет, что они лишены всяких оснований, министр-коммунист Абель дал решительный отпор этой попытке оправдания и внес предложение в ландтаг о том, чтобы удовлетворить ходатайство Польши.

Окончательное решение по этому поводу должны были принять англичане. Но они сначала колебались. Последовали многочисленные заседания фракций, посвященные тому же вопросу. Я просил представителя оккупационных властей дать мне возможность ознакомиться с документами. Английская военная администрация через некоторое время объяснила наконец, что поляки якобы перепутали имена: в польском ходатайстве говорится о том, что разыскивается Генрих Копф, а имя министр-президента Хинрих. Следовательно, речь идет не о личности министр-президента и польское ходатайство беспредметно.

Я просил показать мне соответствующее место в польском ходатайстве; действительно там значилось имя Генрих. Конечно, не исключено, что это была просто

ошибка машинистки. Должен сознаться, что для меня самого такой оборот событий был неожиданностью; я не был полностью убежден в правоте англичан, но не видел возможности действовать на собственный страх и риск. Для этого Копф пользовался слишком большим авторитетом у английских оккупационных властей.

Во всю эту аферу включился в конце концов и доктор Аденауэр. Хотя Аденауэр о социал-демократах был весьма невысокого мнения, он полагал, что данную ситуацию можно использовать, чтобы заставить социал-демократов следовать курсу ХДС. Для этого нужно было дать понять Копфу, что руководители ХДС сами-то не очень верят в то, что поляки действительно просто перепутали имена.

К сожалению, одним из последствий кризиса явилось то, что министр-коммунист вынужден был подать в отставку. Коммунистическая партия, естественно, не могла позволить себе остаться в составе кабинета, которым руководил военный преступник.

Переговоры об образовании коалиционного правительства

Выход из создавшегося положения можно было найти путем образования, так сказать, чисто буржуазного правительства, то есть кабинета, в котором не была бы представлена СДПГ. Другая возможность состояла в том, чтобы создать коалицию социал-демократов еще с какой-либо партией. Как председатель земельной организации ХДС, я выступил за создание большой коалиции в составе двух сильнейших партий: Социал-демократической и Христианско-демократической под руководством социал-демократов. Я об этом вел переговоры с председателем СДПГ доктором Куртом Шумахером, проживавшим в то время в Ганновере, и с его близким советником Эрихом Олленхауэром. Я хорошо знал доктора Шумахера со времени нашего сотрудничества в рейхстаге в период Веймарской республики и особенно нашей совместной деятельности в комитете по избранию Гинденбурга. Шумахер пострадал физически от нацистских преследований. Только воля поддерживала его физические силы, давала ему возможность работать.

Без сомнения, доктор Шумахер был противником Аденауэра. По этим пунктам наши взгляды совпадали полностью.

Курт Шумахер критиковал капитализм, но поддерживал буржуазный правопорядок, поэтому неизбежно должны были возникнуть крупные разногласия между ним и коммунистами, которые выступали за изменение старого общественного строя. Придерживаясь установок, которые были характерны для социал-демократического руководства еще в период Веймарской республики, доктор Шумахер становился все более ярким сторонником антикоммунизма, идеологии, которая всегда была мне чужда.

Большое впечатление на меня произвело письмо, которое некоторое время спустя направил доктору Шумахеру теолог Эмиль Фукс, член СДПГ, принявший решение перебраться из Западной Германии в Восточную — в город Лейпциг. В нем говорилось о позиции Шумахера:

«Размежевание с коммунизмом произошло в СДПГ в такой форме, что попытки разобраться в его учении стали невозможными... Я согласен, что необходимо сделать все, чтобы преобразование общества совершалось демократическим путем. Но такой путь преобразования общества, то есть не силой, а убеждением, нигде еще не был испытан, в то время как путь, по которому пошла Россия, привел действительно к освобождению масс. Это и привлекло к России симпатии миллионов».

Позиция малочисленной партии свободных демократов характеризовалась тем, что они одновременно заигрывали и с социал-демократами, и с христианскими демократами, и с Нижнесаксонской земельной партией. Последняя к тому времени приняла название Германской партии; этим подчеркивалось, что она намерена распространить свое влияние и за пределами Нижней Саксонии. Свободные демократы хотели играть роль «третьей решающей силы» и пытались избежать каких-либо принципиальных, последовательных решений. Во время переговоров в Ганновере между мной и ведущими лидерами социал-демократов было достигнуто соглашение — впервые в истории Западной Германии — о целесообразности создать в Нижней Саксонии коалицию между СДПГ и ХДС. Но доктор Аденауэр считал, что он не нуждается пока в создании коалиции с СДПГ

и из Рендорфа прислал директиву образовать чисто буржуазный кабинет. Он пригласил меня приехать в Рендорф для переговоров. Но я отказался от приглашения, зная, что по вопросу о характере будущего правительства мы все равно не сможем прийти к согласию. Поэтому Аденауэр начал переговоры с представителем фракции ХДС в земельном парламенте, церковным советником Циллином, а также с председателем Германской партии Хелльwege и с доктором Зеебомом. Аденауэр прислал две телеграммы, в которых просил меня воздержаться от переговоров о коалиции с социал-демократами. Меня посетили также в Марведе, в доме Вильгельма Брезе, где я жил, Хелльwege и доктор Зеебом. Они всячески уговаривали меня, как председателя земельной организации ХДС, не вступать в коалицию с социал-демократами. Но мне удалось склонить на свою сторону правление партии и фракцию. Я опирался при этом на левое крыло ХДС. Я знал, что меня поддерживает большое число переселенцев и особенно ряд депутатов, которые раньше состояли в христианских профсоюзах.

Так в июне 1948 года был создан первый в истории Западной Германии кабинет, который опирался на сильное парламентское большинство, состоявшее из депутатов ХДС и СДПГ. Конечно, этот кабинет носил совершенно иной характер, чем правительство «большой коалиции» в 60-х годах. Я вел переговоры с Хинрихом Копфом, который как представитель самой сильной партии должен был стать министр-президентом, а также с доктором Дидерихсом, тогдашним делопроизводителем земельной фракции СДПГ, владельцем аптеки в Ганновере, будущим министр-президентом Нижней Саксонии. К моему удивлению, переговоры с председателем земельной фракции СДПГ Робертом Хофмейстером прошли весьма конструктивно. Я не удержался, чтобы спросить, не захватить ли мне с собой фотографию, опубликованную в «Фелькишер беобахтер», где был изображен я вместе с Гитлером, и поинтересовался, как он вообще может мириться с мыслью, что вступит в коалицию с «нацистом». Хофмейстер ответил, что учиться никогда не грех и за прошедшее время он опять многому научился. Из всех возможных партнеров по коалиции он отдает предпочтение мне. Мы хорошо сотрудничали с ним в последующие годы и лишь

один раз резко столкнулись, правда по решающему вопросу, когда я принял официально в своем министерстве представителей Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства из ГДР.

В новом кабинете Копфа я стал заместителем министр-президента и одновременно министром по делам продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства. От ХДС в правительство вошли, далее, министр финансов доктор Штрикродт. Долгие споры развернулись вокруг того, представитель какой партии должен занять пост министра хозяйства. Он достался в конце концов также представителю ХДС доктору Отто Фрикке из Гослара. Вернер Хофмейстер, также представитель ХДС, получил пост министра юстиции. Министром внутренних дел стал Рихард Боровский (СДПГ), министром культов — бывший прусский министр культов Адольф Гримме (СДПГ). В свое время его привлек в свой кабинет Отто Браун, считая его человеком выдающихся способностей. Гримме был так называемым «религиозным социалистом» (он, кстати, был другом Адама Кукхофа). Я хорошо знал Гримме еще со времени совместной деятельности в Союзе земельных общин. Кроме традиционных министерств, в кабинете было создано еще одно министерство — по делам беженцев. Во время переговоров об образовании коалиционного правительства я предложил, чтобы на этот пост был назначен бывший евангелический пастор из Верхней Силезии Генрих Альбертц (СДПГ), которому я лично очень симпатизировал.

Кабинет в таком составе дружно работал в течение определенного времени. Он опирался на широкое парламентское большинство, однако позже это сотрудничество дало трещину в связи с моим исключением из ХДС. Выходивший в Ганновере журнал «Дер шпигель» в связи с образованием коалиционного кабинета писал обо мне следующее: «Во всей зоне нет человека, который имел бы такой опыт в коммунальных делах, как доктор Гереке. Худощавый мастер верховой езды — один из немногих оставшихся в живых политиков крупного масштаба, да к тому еще и сравнительно молодой. Еще в Веймарской республике, будучи членом Немецкой национальной партии, он считался левым. Теперь в составе ХДС он также стоит на левых позициях».

Мне приходилось часто выступать на больших митингах вместе с Генрихом Альбертцем; он в качестве министра по делам беженцев, а я в качестве заместителя министр-президента. Мы хорошо дополняли друг друга, и непосвященный легко мог впасть в ту же ошибку, в которую в свое время впал британский министр иностранных дел Бевин — перепутать партийную принадлежность каждого из нас. Большое число беженцев, прибывших из Восточной Пруссии, Померании и Силезии, частично жили в наспех сделанных хибарах. В этих условиях среди них раздавались требования о возвращении на старую родину, воспоминания о которой еще были так свежи в памяти. Я разъяснял без усталости этим людям, что виноваты в страданиях, которые они вынуждены испытывать, лишь нацисты, развязавшие преступную войну. Даже если некоторые из них раньше были противниками нацизма, все равно создавшееся положение изменить нельзя. Никогда наши польские соседи в отличие от нацистов не имели намерения путем агрессивной войны захватывать германские провинции. Теперь же, указывая на это, нам приходится расплачиваться за нацистские преступления.

Каждое требование о возвращении старых земель означает не что иное, как призыв к применению силы, а третья мировая война закончилась бы для нас еще более трагически, чем та, которую мы только что пережили. Наша немецкая родина после такой войны, возможно, вообще перестала бы существовать. Никто из здравомыслящих людей не может желать новой войны, новых, еще больших страданий. Поэтому задача заключается теперь в том, чтобы заботиться о будущем, восстановить то, что было разрушено, создавать действительно миролюбивое государство, которое пользовалось бы уважением во всем мире. Мы попытаемся, заявляя я далее, предоставить всем переселенцам работу по специальности. Бывшие сельские жители смогут воспользоваться плодами аграрной реформы, которая даст им землю. Для этого мы должны перераспределить так называемые «покинутые дворы» в Нижней Саксонии и щедро предоставить кредиты на их восстановление.

Так я пытался подействовать на сознание этих людей. Конечно, если бы я выступал с речами по образцу Зеебома, то есть с требованиями о возвращении «старой родины», я легко мог бы завоевать среди них деше-

вую популярность. Я всегда был против того, чтобы из страданий переселенцев извлекать политический капитал, как это делали Зеебом и Катер, а также другие деятели из ХДС. Важно для меня было оказать им практическую помощь, чтобы обеспечить переселенцам и беженцам сносное существование на их новой родине. Этим лучше всего можно было отвлечь их от бесплодных мыслей об «освобождении» их «старой родины». Важно подчеркнуть, насколько опасным был уже тогда реваншизм Зеебома и Катера. Ведь именно после подобной пропагандистской подготовки реваншистские требования могли стать в 1949 году правительственной программой.

Опыт прошлого и реальность

Ничего нет хуже пустых обещаний. Руководствуясь этой истиной, я стремился как можно быстрее разработать закон об аграрной реформе. В первую очередь я настоял на том, чтобы покинутые двory были заселены переселенцами. На землях, которые не обрабатывались больше владельцами, переселившимися в город, возникли большей частью мелкие хозяйства или хутора. Я привлек на работу в каждый округ нескольких квалифицированных агрономов из бывшей Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Задача их состояла исключительно в том, чтобы помогать советами крестьянам и сельскохозяйственным рабочим, выразившим намерение переселиться на покинутые двory с тем, чтобы они прочно осели на новых землях и смогли работать по специальности. Мы с радостью отметили знаменательное событие — заселение тысячного покинутого своими старыми хозяевами двора новым владельцем — арендатором. Праворадикальная Германская партия, которая относилась к моей деятельности весьма неодобрительно, называла меня в своей прессе «дикий хофратом» *.

* «Дикий хофрат» (Wüster Hofrat) — игра слов: дикий и пустующий по-немецки обозначаются одним словом.

Я в свою очередь не остался в долгу: по моей инициативе были опубликованы статьи, в которых Германская партия квалифицировалась как «союз защиты интересов туземцев» и в которых разоблачалась антиобщественная позиция многих ее членов в вопросе передачи пустующих дворов новым владельцам.

Вскоре с нападками на меня выступили и некоторые члены парламента. На заседании правления земельной организации ХДС я не смог добиться решения о необходимости конфискации земель размером свыше 150 гектаров за определенную компенсацию. Мое предложение не было поддержано ни министрами ХДС в кабинете, ни социал-демократическим министр-президентом Хинрихом Коффом. Согласился со мной, собственно говоря, лишь один министр по делам переселенцев. Он в то время заставил заговорить о себе в связи с рядом выступлений, прозвучавших весьма «революционно». Хотя существовало распоряжение британской военной администрации о проведении земельной реформы и хотя о земельной реформе прямо говорилось в правительственной декларации, мне чинили препятствия в деле практического ее осуществления. Я был очень недоволен создавшимся положением, но, не имея в своих руках ясной директивы правительства по этому вопросу, не был в состоянии достаточно решительно и веско отстаивать свою точку зрения на заседании ландтага, когда обсуждали там вопрос о земельной реформе. Как председатель земельной организации ХДС, я не мог позволить себе из тактических соображений вступить в прямое противоречие с мнением большинства членов собственной партии. Я также не имел права, как партнер по коалиции, выступить с нападками на министр-президента, так мне пришлось отказаться от внесения каких-либо конкретных предложений по вопросу о земельной реформе, хотя такие предложения были заранее разработаны моим министерством. Неприятная для меня ситуация осложнялась также рядом язвительных реплик со стороны представителей КПП по моему адресу. Ко всему этому со мной еще приключилось несчастье: я в середине своего выступления в ландтаге упал в обморок. Я помню лишь, что сильно стукнулся головой о трибуну. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что нахожусь в комнате фракции Германской партии, которая так резко меня атаковала. Вокруг меня

хлопотали церковный советник Цилиен и, как назло, Зеэбом. Тут же был врач. Мне сделали укол и отвезли домой. Благодаря заботам Лотты Тиле я уже на следующий день был на ногах.

Мои взгляды на аграрную реформу формировались давно: как в результате моей деятельности в период Веймарской республики, так и опыта, приобретенного в Галле. Я не мог на новом поприще своей деятельности просто отбросить то, что мне казалось правильным тогда. Я считал решение аграрной проблемы первоочередной задачей, хотя бы в интересах тех сотен тысяч переселенцев, которые прибыли в Нижнюю Саксонию. Правда, мне также казалось, что в Нижней Саксонии существуют совершенно иные предпосылки для осуществления аграрной реформы, чем в Галле, и поэтому необходимы совершенно иные методы для решения этого вопроса.

Я должен был, если вообще хотел добиться успеха в деле заселения пустующих земель малоземельными или безземельными крестьянами, выступать за выплату компенсации владельцам земельной собственности, подлежавшей конфискации.

Я должен был также ввиду сильной оппозиции к аграрной реформе со стороны правого крыла в собственной партии и со стороны ведущих деятелей СДПГ (Хинрих Копф был противником аграрной реформы) с большим тактом вести дискуссии в ландтаге по аграрному вопросу, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы меня заподозрили, будто я добиваюсь коренного переворота путем отстранения от власти определенной социальной прослойки. Это дало бы в руки моих противников оружие против меня. Поэтому я особенно подчеркивал мысль о необходимости заселения пустующих земель и шел на компромиссы по вопросу о размерах сельскохозяйственных угодий, не подлежащих обобществлению. Но даже такая не до конца последовательная реформа, к которой я стремился, обречена была с самого начала на провал в связи с начавшимся процессом реставрации старых порядков.

После инцидента в ландтаге вопрос об аграрной реформе больше никогда не обсуждался на его заседаниях. Но в Нижней Саксонии, ни в Северном Рейне-Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейне не была проведена аграрная реформа в той форме, в какой я ее себе представлял.

Копф поддерживал довольно хорошие отношения с крупными помещиками в Нижней Саксонии. Как-то министр-президент высказал весьма странное пожелание назначить заседание кабинета в Мариенбурге, старом владении вельфов, вблизи Ганновера. Мы должны были гостить у герцога фон Брауншвейг и Люнебург, а также у герцогини Виктории Луизы, единственной дочери последнего германского кайзера. Я сказал Копфу, что меня, как председателя земельной организации ХДС, такое необычное место заседания кабинета не особенно смущает, но ему, как социал-демократу, придется выслушать критику тех его партийных друзей, которые вряд ли поймут его пристрастие к «традициям вельфов».

Мы согласились, что наши посещения Мариенбурга должны носить частный характер. Среди прочих проблем мы обсуждали там и вопросы конного спорта и организации конных заводов в Нижней Саксонии. Мне казалось настоятельно необходимым развернуть пропаганду за возобновление регулярных скачек в Нижней Саксонии.

В 1948 году я разослал приглашения на встречу от имени президиума Объединения конного спорта в Ганновере. На прием прибыли руководители конных заводов и представители организаций, занимавшихся поставкой лошадей для сельского хозяйства в Нижней Саксонии, а также председатели фракции отдельных партий в нижнесаксонском ландтаге, представители прессы, министр-президент Копф, члены его кабинета, президент ландтага Ольферс и герцог Эрнст Август. В моей приветственной речи я отметил, что все любители конного спорта независимо от партийной принадлежности должны заботиться о возрождении коневодства в Нижней Саксонии. Необходимо восстановить ипподромы в Ганновере, Вердене и Бремене, превратить их в места отдыха и развлечений для населения. Без роста количества и качества чистокровных лошадей не может быть улучшена и порода лошадей, необходимых для сельского хозяйства. Между тем этой породой всегда славился Ганновер. Правительство и парламент, о чем свидетельствует присутствие на приеме многочисленных депутатов ландтагов, будут делать все, чтобы содействовать расширению конных заводов и развитию конного спорта.

Представитель руководства Ганноверской ярмарки, обратившийся ко мне с рядом просьб организационного характера, согласился предоставить значительные средства для учреждения приза победителю скачек; этот приз существует и поныне и считается одной из высших наград на ганноверском ипподроме.

В то время отдельные оккупационные зоны еще строго были разграничены друг от друга. Более крупные аграрные области в Английской зоне оккупации, как Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн, должны были поставлять определенное количество продовольствия таким индустриальным областям, как Северный Рейн-Вестфалия и Гамбург. Следствием этой само по себе разумной меры был разгул спекуляции в Английской зоне. Ежедневно в Рейнско-Рурскую область отправлялись грузовики, наполненные большим количеством мяса, сала, масла, яиц и муки, закупленных главным образом в Ольденбургском округе. Продукты тайно распродавались в крупных городах по спекулятивным ценам.

Спекуляция приняла такие размеры, что грозила выполнению наших обязательств по поставкам продовольствия крупным городам. Так не могло долго продолжаться. Я встретился с министром продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства земли Северный Рейн-Вестфалия Генрихом Любке, чтобы обсудить создавшееся положение. Любке, занимавший впоследствии в течение многих лет пост федерального президента, оказался человеком очень нерешительным, неспособным высказать собственное мнение, не согласовав его предварительно со своими сотрудниками. Он без энтузиазма выслушал мои предложения усилить контроль грузов на земельных границах и принять меры к ликвидации спекулятивной торговли продовольствием. По существу, Любке был заинтересован в том, чтобы наряду с легальными поставками большое количество продовольствия переправлялось бы и нелегальным путем в Рейнско-Рурскую область. Я должен был поэтому сам принять меры против спекуляции продовольствием*.

* Генрих Любке в годы гитлеровской диктатуры, как это было неоспоримо доказано при помощи обнаруженных в архивах гестапо документах, являлся строителем концлагерей. Под давлением западногерманской общественности вынужден был уйти в отставку.

По моей инициативе ландтаг принял решение отпустить средства на закупку большого количества машин «Фольксваген». Затем я мобилизовал молодых людей из числа переселенцев, живших раньше в деревне, образовал из них нечто вроде вспомогательной полиции, которая на машинах должна была контролировать коммуникации между Нижней Саксонией и Северным Рейн-Вестфалией и конфисковывать контрабанду. Эти меры уже в первые дни оказались исключительно эффективными. Выручка от конфискованных товаров, которые затем переправлялись в Северный Рейн-Вестфалию уже легальным путем в счет наших обязательств по поставкам продовольствия, составила за одну лишь неделю сумму, в два раза превосходившую стоимость закупленных машин «Фольксваген». Генрих Любке назвал мои мероприятия «недружелюбным актом», и пресса Северного Рейн-Вестфалии яростно нападала на «черных гусаров Гереке», которые якобы препятствовали на границе продовольственному снабжению земли. Но я на это внимания не обращал. Мы достигли того, что спекуляция продовольствием в больших масштабах прекратилась. Мы смогли выполнить наши обязательства по поставкам продовольствия, и нелегальные закупки его по спекулятивным ценам постепенно прекратились.

Продовольственное положение, однако, с течением времени значительно улучшилось. Поэтому мое министерство не должно было более заниматься исключительно лишь продовольственным снабжением населения. Я мог больше уделять внимания тем обязанностям, которые были связаны с проблемами сельского хозяйства и лесоводства, поддерживал инициативу по выведению новых, более урожайных сортов картофеля, которые особенно хороши для песчаной почвы Люнебургской пустоши, а также по выращиванию новых сортов злаковых. Известным специалистам по выращиванию картофеля среди переселенцев я предоставил подходящие для этой культуры земли, они сумели закрепить добрую славу нижнесаксонского сорта картофеля, который начал экспортироваться в больших размерах в соседние области.

По пути раскола

Отношения между оккупационными властями тем временем все ухудшались из-за усилившейся антисоветской политики Соединенных Штатов. Западные страны все более открыто стали нарушать Потсдамские соглашения.

В июне 1947 года впервые собрался во Франкфурте-на-Майне Экономический совет, созданный по приказу американских и английских оккупационных властей. Члены этого совета избирались отдельными земельными парламентами, а директоров департаментов, ведавших различными отраслями хозяйства, тогда еще назначали военные администрации. Директором департамента экономики был назначен доктор Иоганнес Землер, его сменил затем — с марта 1948 года — Людвиг Эрхард. Директором департамента продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства был назначен мой друг еще со времени Веймарской республики Ганс фон Шланге-Шенинген. В помощь ему был создан аграрный отдел, руководителем которого представителями отдельных земель Бизонии был избран я. Заседания отдела происходили регулярно во Франкфурте-на-Майне. Как его председателю, мне часто приходилось отлучаться из Ганновера.

Представителем сельского хозяйства Нижней Саксонии в Экономическом совете был избран Вильгельм Брезе из Марведе. На его избрание я, как председатель земельной организации ХДС, смог оказать решающее влияние.

Дискуссии в Экономическом совете вращались главным образом вокруг проблемы экономики и продовольственного снабжения населения. Все решения и рекомендации в первое время подлежали утверждению оккупационных властей. Мы поддерживали тесный контакт с губернаторами Американской и Английской зон оккупации. Уже тогда было ясно, что американцы далеко превосходят по силе и влиянию англичан.

Создание Бизонии противоречило Потсдамскому соглашению. В ходе работы Экономического совета все большую озабоченность у меня вызывало открытое стремление западных держав и сторонников Аденауэра поощрять тенденции к расколу Германии.

На заседаниях правления ХДС, где председательствовал Аденауэр и в которых я принимал участие как председатель земельной организации ХДС, все яснее обнаруживался курс Аденауэра на то, чтобы, войдя в односторонний сговор с американцами, создать прочный политический и экономический союз Западной Германии с западными державами.

Доктор Аденауэр многократно указывал в это время на то, что позиции американцев изменились. Так, например, бывший американский президент Гувер после своей поездки по Европе весной 1947 года выступил с отчетом, в котором указывал, что европейская экономика не может быть восстановлена без «оздоровления Германии». Одновременно доктор Аденауэр искажал позицию Советского Союза и политических партий Советской оккупационной зоны по германскому вопросу. Это говорит о том, насколько далеко он уже в то время зашел в своих расчетах на раскол между Западом и Востоком.

Когда Аденауэр говорил о «Европе» и «Германии», он всегда имел в виду лишь «Западную Европу» и «Западную Германию». Интеграция западных оккупационных зон с Западной Европой, естественно, могла привести лишь к дальнейшему расколу Германии. Этот курс был явно направлен против Востока.

Еще в первую мировую войну доктор Аденауэр выступал за создание сепаратной Рейнской республики для того, чтобы спасти тяжелую индустрию от грозившей ей национализации. Теперь, в более широких масштабах, он преследовал те же цели. Он хотел спасти власть крупного капитала. Так Аденауэр приобрел печальную славу человека, предавшего интересы нашего народа, и в этом смысле его историческая роль не вызывает сомнений...

В своих выступлениях на заседаниях правления земельной организации ХДС Нижней Саксонии я постоянно указывал на эту угрозу. Тогда меня еще поддерживало большинство правления. В этой связи нижнесаксонская организация ХДС прочно приобрела репутацию оппозиционной силы, противостоявшей внутри ХДС Аденауэру и его политике. До определенного времени мои друзья из профсоюзов и кругов крестьянства продолжали поддерживать меня.

Встреча с Отто Нушке

Внутри партии ХДС в первое время продолжали существовать общегерманские связи. Руководящими деятелями ХДС в тогдашней Советской зоне оккупации были Якоб Кайзер, Эрнст Леммер и Отто Нушке. В 1947 году в Берлине состоялось одно из последних Совместных совещаний с участием представителей ХДС и ХСС западных оккупационных зон и вышеупомянутых представителей ХДС советской оккупационной зоны. На совещании я представлял ХДС Западной Германии, а Иозеф Мюллер — западногерманский ХСС. Доктор Аденауэр, демонстрируя еще раз свое стремление прервать отношения с ХДС восточной зоны, отказался участвовать в совещании, которое он назвал бесплодным.

На совещании обнаружились резкие разногласия. Якоб Кайзер стал на сторону Аденауэра и западногерманского ХДС, хотя он как бывший профсоюзный деятель критиковал вместе со своими друзьями политику Аденауэра в ряде областей, особенно социально-политической. Эрнст Леммер, как обычно, колебался, и один лишь Отто Нушке твердо защищал Потсдамское соглашение и решительно выступал за демократическое воссоединение Германии на основе Потсдамских соглашений.

На берлинском совещании я был единственным представителем западногерманского ХДС, целиком разделявшим точку зрения Отто Нушке. Сотрудничество между западногерманским и восточногерманским ХДС практически, однако, было уже невозможным.

Мы простились с Отто Нушке очень сердечно, обещав друг другу, что каждый на своем месте будет делать все от него зависящее, чтобы поддерживать контакты между организациями ХДС на Западе и Востоке и добиться победы курса, соответствующего принципам Потсдамских соглашений. Мне достигнуть этого было, конечно, гораздо труднее, чем Отто Нушке, который с 1948 года руководил организацией ХДС в Советской зоне оккупации.

В 1948 году ко мне приехал бывший рейхсканцлер доктор Брюнинг. Он покинул Германию в 1933 году, эмигрировав в США, чтобы избежать преследований со стороны нацистов и возможного ареста. Поэтому он не

смог выступить свидетелем — как это сделал Шлейхер — на моабитской комедии процесса. В Америке он стал профессором и в течение многих лет занимался преподавательской деятельностью. Доктор Брюнинг казался мне единственно возможным кандидатом на пост председателя ХДС взамен Аденауэра. Брюнинг обладал огромным политическим опытом: он был раньше руководителем исполнительного комитета христианских профсоюзов, затем долголетним членом рейхстага, занимал пост председателя фракции Центра в рейхстаге, а с 1930 по 1932 год — пост рейхсканцлера. У меня с ним сложились дружественные отношения еще со времен нашего многолетнего сотрудничества в рейхстаге. Его кабинет пользовался в свое время поддержкой Сельскохозяйственной партии.

Я знал, что Брюнинг на протяжении всей своей деятельности в партии Центра был решительным противником доктора Аденауэра. Поэтому я полагал, что он согласится с моим предложением. Имелись реальные шансы на то, что при поддержке католических кругов профсоюзов и моих евангелистических друзей Брюнинг на предстоящем съезде ХДС будет избран председателем партии. В моих переговорах с Брюнингом участвовал тайный советник доктор фон Дриандер, бывший депутат прусского ландтага от Немецкой национальной партии, а затем также член ХДС. К сожалению, Брюнинг не согласился с моими аргументами и доводами. Он заявил, что устал от политической борьбы, которую ему пришлось вести в прошлом, и вообще не склонен ни к каким интригам. Доктор Брюнинг произвел впечатление человека усталого и больного. Во время нашей беседы, длившейся много часов, он лежал в пезлонге, закутанный в одеяла. Для борьбы с Аденауэром нужна была энергичная, боевая личность. К моему огорчению, я должен был признать, что Брюнинг не подходил уже для роли политического деятеля, который мог бы вести решительную борьбу с Аденауэром и его монополистическими друзьями. Ведь в руках этих людей была мощная пресса, и борьба предстояла тяжелая.

Бывший имперский министр Тревиранус, друг Брюнинга, во время встречи в Ганновере, состоявшейся вскоре после наших бесед с бывшим канцлером, подтвердил, что Брюнинг не намерен включиться в борьбу против Аденауэра, да в своем нынешнем состоянии и не

сможет вести ее. Через некоторое время Брюнинг покинул Западную Германию и вновь поселился в США.

Позже Брюнинг стал профессором Кёльнского университета. В 1954 году он своим выступлением в «Рейнско-Рурском клубе» вызвал сенсацию: в нем он резко критиковал Аденауэра за его позицию в вопросе подготовки к созданию Европейского оборонительного сообщества. Германская внешняя политика, писал Брюнинг, может быть успешной лишь в том случае, если геополитическое положение Германии будет использовано для стабилизации политического равновесия в Европе и тем самым для укрепления мира.

«Лондонские приказы» и сепаратная денежная реформа

В феврале 1948 года в Лондоне собрались представители США, Великобритании и Франции, к которым затем присоединились представители стран Бенилюкса, для того чтобы в одностороннем порядке открыто ревизовать ряд положений Потсдамских соглашений. На конференции было решено включить три западные зоны оккупации в план Маршалла. В коммюнике об итогах конференции говорилось также о том, что страны — участницы ее намереваются «создать основу для включения демократической Германии в семью свободных народов». Иными словами, вопрос о создании сепаратного западногерманского государства открыто был поставлен в порядок дня. В начале июня 1948 года западные державы опубликовали второе коммюнике — так называемые «лондонские рекомендации». (Отто Нушке называл их «лондонскими приказами».)

Самым важным пунктом этого коммюнике было решение уполномочить министр-президентов одиннадцати западногерманских земель начать подготовку к созыву учредительного собрания. На заседании правления ХДС в Бад-Кенигштейне в начале 1948 года эта рекомендация вызвала резко критические замечания многих участников. Я и мои близкие друзья неоднократно выступали против тех решений Лондонской конференции, которые были направлены на углубление раскола Герма-

нии. 29 июня 1948 года, в последний раз перед роспуском, собрался Экономический совет. На этом заседании мы еще раз в присутствии британского губернатора генерала Робертсона выступили с возражениями против лондонских рекомендаций.

К углублению раскола Германии было направлено и включение Западной Германии в план Маршалла. Первоначально в 1947 году американский государственный секретарь провозгласил свой план «экономической помощи» Европе, точнее, Западной Европе, не упоминая при этом Западную Германию. Но некоторые высказывания его по поводу того, что «политические предубеждения не должны играть роли при разработке плана помощи», уже тогда содержали намек на возможность распространения плана на Западную Германию. Лондонские рекомендации и сепаратная денежная реформа привели к тому, что американские монополии начали вкладывать капиталы в западногерманскую крупную промышленность. Было создано Общество кредитования восстановительных работ, в наблюдательный совет которого в Нижней Саксонии вошел Генрих Альбертц. Оно направляло американские капиталы главным образом на восстановление бывших крупных концернов.

Доктор Аденауэр активно поддерживал этот курс, хотя он противоречил не только Потсдамским соглашениям, но и принятой нами Аленской программе ХДС.

Для оздоровления экономики необходимо было провести денежную реформу во всех четырех зонах оккупации. Осуществление планов общей денежной реформы, которые обсуждались в Контрольном совете для Германии, было сорвано западными державами под руководством США. В июне 1948 года при активной поддержке Аденауэра и Эрхарда западные власти провели сепаратную денежную реформу в западных зонах оккупации. Реформа была проведена без согласования с Советской военной администрацией. Эта мера, ответственность за которую несут западные страны, была самым тяжелым ударом против Потсдамских соглашений и решающим шагом по пути раскола нашего отечества.

После экономического раскола Германии все яснее обнаружилось стремление Аденауэра расколоть Герма-

нию и в политической области и образовать из трех западных зон оккупации западногерманское сепаратное государство.

Я не входил ни в один из комитетов Парламентского совета, хотя был его членом. Дело в том, что Аденауэр, как президент Совета, сам определял, кто из членов ХДС будет работать в том или ином комитете, и выбирал, естественно, людей, которые были сторонниками его политического курса. Но на заседаниях правления ХДС я всегда выступал против любых положений проекта конституции, которые могли бы затруднить дело воссоединения Германии. Я не смог, однако, добиться того, чтобы моя точка зрения была одобрена большинством членов правления.

В начале мая комитеты Парламентского совета закончили свою работу. Они приняли проект Основного закона, который обсуждался на пленуме правления ХДС. Я и Шланге-Шенинген решительно выступили против всех положений, которые, по нашему мнению, могли бы служить препятствием на пути воссоединения Германии в будущем. В какой-то степени эта позиция оказала влияние на окончательные формулировки Основного закона; в него, в частности, был включен пункт о том, что западногерманское государство будет носить временный характер, что оно должно быть заменено в дальнейшем общегерманским государством. Поэтому я и мои друзья решили, что можем голосовать за Основной закон. 8 мая Основной закон был утвержден Парламентским советом.

В середине августа 1949 года состоялись выборы в первый бундестаг. Система выборов сочетала пропорциональный и мажоритарный принципы. Согласно избирательному закону, действующему и поныне, в отдельных избирательных округах считается избранным тот кандидат, который получает наибольшее количество голосов, голоса же, поданные за других кандидатов, идут в счет партийных списков отдельных политических партий, и места в парламенте распределяются по принципу пропорционального представительства. Поэтому, чем выше в партийном списке стоит фамилия того или иного кандидата, тем больше шансов он имеет быть избранным. Кандидаты, фамилии которых стоят на первых местах, наверняка попадают в бундестаг даже в том случае, если они потерпели поражение в отдельных изби-

рательных округах; многие из них на выборах в отдельных округах свои кандидатуры вообще не выставляют. Избиратели при такой системе общаются гораздо меньше с теми, кто значится в партийных списках на первых местах, чем с кандидатами, которые выставлены непосредственно в избирательных округах. Члены партии могут оказать определенное влияние на отбор кандидатов, которые выставляются на местах, но на очередность фамилий, значившихся в партийном списке, они влиять не могут. Это место определяет правление соответствующей партии.

Поскольку организация предвыборной кампании стоила много денег, в партийные списки включались преимущественно те кандидаты, которые могли дать наиболее крупные суммы на предвыборные нужды. Иначе говоря, тот, кто даст больше денег, будет занимать в партийном списке лучшие места. Я лично вел соответствующие переговоры от имени земельной организации Нижней Саксонии с различными «пожертвователями» и по собственному опыту знаю, какое огромное значение имела сумма пожертвований. Так, например, представитель оптовой торговли, давший больше денег на предвыборную борьбу, чем представитель розничной торговли, получил соответственно лучшее место в земельном списке ХДС. Наиболее крупные пожертвования получало центральное правление, ими распорядился доктор Аденауэр. Кандидатами в отдельных избирательных округах обычно выставлялись наиболее популярные в данном округе фигуры: мужчины или женщины из числа профсоюзных деятелей или крестьян, которые могли бы привлечь голоса избирателей. Фамилии же руководителей крупных концернов, банков и прочих организаций значились лишь в земельных партийных списках. Конечно, все они давали большие суммы денег на предвыборную борьбу. Так, например, известный банкир Пфердменгес, кстати, личный банкир Аденауэра, конечно, не смог бы привлечь голоса в пользу ХДС, если бы его кандидатура была выставлена в определенном избирательном округе, поэтому его фамилию, как и фамилии многих других руководителей концернов, банков и других объединений, включили в земельный список.

Аденауэр выдвигает свою кандидатуру в канцлеры

Права западногерманского президента, которого предстояло избирать, были значительно ограничены по сравнению с полномочиями президента во времена Веймарской республики. Политической властью должен был обладать в первую очередь федеральный канцлер, который, согласно Основному закону, определяет «главные направления политики».

Учитывая важную роль федерального канцлера, большое значение приобрел вопрос о том, кто будет избран на этот пост. Доктор Аденауэр на ряде заседаний федерального правления ХДС и во время переговоров в более узком кругу, в которых я принимал участие как председатель земельной организации ХДС, развил бурную деятельность, чтобы добиться утверждения своей кандидатуры на пост канцлера. Мне вспоминаются его слова на одном из таких заседаний:

— Федеральным канцлером должно быть избрано лицо, которое обладало бы большим политическим и административным опытом. Дамы и господа,— так Аденауэр обращался к аудитории чаще всего тогда, когда тщательно обдумывал последующие свои слова,— такой опыт можно приобрести лишь долголетней работой. Надо стремиться к тому, чтобы найти такого кандидата на пост федерального канцлера, который имел бы опыт деятельности в парламентах — либо в рейхстаге, либо в прусском ландтаге или прусском Государственном совете,— а также опыт работы на крупной административной должности. Неплохо, конечно, если бы можно было бы найти на этот пост человека помоложе. Но, дамы и господа, учтите, что молодые люди могут приобрести такой опыт только через много лет. Я же в свои семьдесят лет чувствую себя достаточно здоровым и бодрым, чтобы по крайней мере на первый срок выполнять функции канцлера. Мне поможет в этом весь опыт моей жизни. Согласно нашему новому Основному закону, решающее слово в государстве будет принадлежать не президенту, как это было в веймарское время, согласно параграфу 48 Веймарской конституции, а федеральному канцлеру. Когда работа будет налажена, более молодые кандидаты могут меня заменить.

Такого рода веско сформулированными аргументами Аденауэр обосновывал выдвижение своей кандидатуры на пост канцлера. Как известно, он в конце концов в сентябре 1949 года добился избрания на пост канцлера большинством в один голос, причем это был его собственный голос.

В отличие от Веймарской конституции, согласно которой президент избирался прямым голосованием, по новому Основному закону выборы президента производились не прямым путем, а членами бундестага и бундесрата, в том числе и представителями земель. Функции президента, как уже отмечалось, носили преимущественно представительный характер; все же по конституции ему надлежало назначить по предложению федерального канцлера отдельных членов кабинета. Поэтому энергичный человек, имея даже такие полномочия, значительно ограниченные по сравнению с веймарским временем, мог бы оказать определенное влияние на политику.

Вокруг кандидатуры первого федерального президента в ХДС разыгралась ожесточенная борьба. Аденауэр не выдвигал на этот пост, как можно было бы ожидать, кандидата из среды ХДС, то есть самой сильной партии, а предложил избрать президентом представителя Свободной демократической партии. Кандидатом Аденауэра оказался профессор доктор Теодор Хейсс, который в свое время на заседании рейхстага в опере Кролль среди прочих голосовал за предоставление нацистам чрезвычайных полномочий.

Аденауэр пригласил председателей земельных организаций ХДС к себе домой, на виллу Рендорф. Там он убеждал нас в необходимости выдвинуть кандидатом на пост президента представителя СвДП, так как он намеревался образовать кабинет с участием СвДП. Я был единственным председателем земельной организации, который возразил Аденауэру. Я считал, что кандидата на пост президента должна выдвинуть самая сильная партия в бундестаге, то есть ХДС. Я предложил выдвинуть на пост федерального президента кандидатуру моего старого друга Ганса фон Шланге-Шенингена. Шланге-Шенинген своей успешной деятельностью на посту одного из директоров департамента Экономического совета во Франкфурте снискал симпатии представителей

профсоюзов и социал-демократов. Он считался внутри ХДС противником доктора Аденауэра.

Социал-демократы не могли рассчитывать на успех собственного кандидата на пост президента. Для этого они были слишком слабы. Поэтому я начал переговоры с доктором Шумахером, Олленхауэром и с моими социал-демократическими коллегами в Нижней Саксонии, чтобы заручиться поддержкой с их стороны кандидатуры Шланге-Шенингена, обеспечив ему таким образом большинство голосов. Рассчитывал я и на то, что депутаты из ХДС вряд ли будут голосовать против кандидата из их собственной среды. Многие социал-демократы в свою очередь, несомненно, были бы только рады, если на посту федерального президента окажется не человек, которого выбрал сам Аденауэр и о котором знали, что он выполнит все его пожелания относительно состава будущего кабинета, а такая фигура, как Шланге-Шенинген. Шланге-Шенинген выступал против американизации Западной Германии, он обладал достаточной энергией и гибкостью, чтобы, не выходя за рамки своих полномочий, сыграть самостоятельную роль при таком канцлере, как Аденауэр, если тот будет избран на этот пост. Мою точку зрения разделяли много депутатов бундестага из Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейна, Гамбурга, особенно представители евангелических кругов. Сам Шланге-Шенинген был согласен на выдвижение своей кандидатуры.

Но на заседании фракции СДПГ, на котором решался этот вопрос, одержала верх иная точка зрения: выдвинуть собственного кандидата, председателя партии доктора Шумахера. Шумахер тут же сообщил мне об этом решении. Поэтому кандидатура Шланге-Шенингена не имела уже никаких шансов на успех. Во время заседания Федерального собрания за Шланге-Шенингена было подано лишь немного голосов депутатов ХДС. Это имело чисто символическое значение как свидетельство того, что действительно существовал план избрать его президентом вопреки желаниям старого сепаратиста доктора Аденауэра.

Ганс фон Шланге-Шенинген считался в Веймарской республике крайне консервативно настроенным деятелем; его никак нельзя было во внутриполитической расстановке сил причислить к прогрессивным кругам Германии. Курс, который проводил Аденауэр после 1948 го-

да, заставил его изменить позиции, он стал на сторону тех, кто ратовал за проведение Западной Германией разумной национальной политики. В 1950 году Аденауэр удалил его из Бонна, назначив генеральным консулом в Лондоне. Это не помешало ему, однако, в конце 50-х годов выступить с критикой политики Аденауэра, осудив роковой союз Аденауэра с Даллесом и решительно предупредив против угрозы развязывания атомной войны. Характерно, что Аденауэр в первом томе своих воспоминаний полемизирует со взглядами Шланге-Шенингена, но не упоминает о разногласиях с ним и со мной в период, о котором сейчас идет речь.

Итак, первым федеральным президентом стал Теодор Хейсс. Ко мне Хейсс относился плохо, ибо хорошо знал о планах, направленных против его избрания президентом. Вскоре после того, как он приступил к исполнению своих обязанностей, Хейсс посетил нижнесаксонское земельное правительство в Ганновере. Ночью он возвращался в Бонн, и я поехал с ним в его салон-вагоне, так как на следующий день должен был участвовать в заседании бундесрата. Ночь напролет мы разговаривали за бутылкой вина о событиях и людях времен Веймарской республики. Мы расстались после прибытия в Бонн сравнительно мирно.

Помимо бундестага, члены которого избирались прямым голосованием, существовал бундесрат, своего рода верхняя палата парламента. Бундесрат состоял из представителей отдельных земельных правительств — членов кабинета, иными словами, из министров земель. Я входил в бундесрат как заместитель министр-президента и министр продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства Нижней Саксонии. Меня избрали председателем аграрной комиссии, то есть на тот же пост, который я когда-то занимал в Экономическом совете во Франкфурте. Моим первым заместителем стал министр сельского хозяйства земли Северный Рейн-Вестфалия Генрих Любке.

В аграрной комиссии бундестага довольно редко возникали осложнения или резкие столкновения, как это случалось в других комиссиях. Генрих Любке после последнего столкновения не стал мне чинить препятствия в работе и не выступал против меня. При нацистах он, как и я, сидел в тюрьме по обвинению в растрате. Но в противоположность мне он быстро сговорился с наци-

стами и через короткое время был выпущен на свободу. В начале 60-х годов из документов, опубликованных в ГДР, стало известно, что Любке не просто признавал нацистский режим, но активно участвовал в строительстве концентрационных лагерей для рабочих, вывезенных из оккупированных стран нацистами. Ввиду многочисленных протестов, раздававшихся в Западной Германии в течение ряда лет, Любке был вынужден в конце концов преждевременно покинуть пост бундеспрезидента.

Как председатель аграрной комиссии бундесрата, я стал представителем Федерации в только что созданном директорате по делам выведения чистокровных лошадей и конного спорта в Кёльне. Председателем директората был мой старый друг еще со времен студенческих лет в Мюнхене граф Рудольф Шпрети. После того как его тесть — тайный советник фон Вейнберг, был замучен нацистами в Освенциме, к нему по наследству перешел конный завод Вальдфрид. Генеральным секретарем директората был господин Болие. Таким образом, руководство директоратом осуществляли два превосходных гипполога. Работа в директорате в области выведения чистокровных лошадей и организации скачек доставляла мне большое удовольствие.

Встреча со старым другом

В перерывах между многочисленными заседаниями бундесрата в Бонне я встречался с моим другом Валентином Паолини, который был интендантом французской армии и проживал в районе Нейвида. Когда мне приходилось ездить из Ганновера в Бонн, чаще всего в сопровождении Лотты Тиле, мы никогда не отправлялись прямо в столицу, а предпочитали сделать крюк в 30 километров, чтобы заехать в Нейвид во Французской зоне оккупации, где нас ждал у себя дома Валентин Паолини. Там мы обычно ночевали. Первая встреча с Паолини состоялась еще в Ганновере.

Валентин Паолини узнал из газет, что я стал министром в Ганновере, и тут же прибыл в Ганновер. В моей приемной он с истинно корсиканским темпераментом

стал требовать, чтобы я немедленно принял его. Перепуганную секретаршу, которая хотела предупредить меня о появлении какого-то представителя оккупационных властей, он решительно, хотя и вежливо, отстранил и прямо без доклада вошел в комнату. Я вспоминаю выражение ужаса на лице секретарши, когда она, стоя в дверях, увидела, как меня обнимает и прижимает к груди Валентин. Такого она еще никогда не видела в кабинете министра. Радость встречи была огромна. Надо было тут же позвать Лотту Тиле. Валентин заявил, что переночует у нас. Он считал, что министр должен иметь по крайней мере не меньшую виллу, чем имел он сам в Нейвиде. Но при той нехватке жилья, которая ощущалась тогда в Ганновере, это было совсем не так. Все же мы хорошо устроили Валентина Паолини в нашей маленькой скромной квартире. До глубокой ночи мы говорили о совместно пережитом в нацистское время: о приятных часах охоты, которая официально была нам тогда запрещена, о поездках в Хоппегартең для сопровождения туда чистокровных лошадей. Словом, ничто не нарушало радость этой встречи. Мы должны были обещать Валентину неизменно бывать у него, когда окажемся поблизости от Нейвида. Это обещание мы точно выполняли. Из Нейвида мы нередко отправлялись на охоту. Охота тогда еще была привилегией оккупационных властей.

В то время дружба между немцем и французом была еще далеко не обычным явлением, французы предписывали своим военнослужащим проявлять сдержанность в отношениях с немцами. Но это не смущало Валентина. Французским друзьям, с которыми Валентин нас знал, он объяснил, что он, Валентин, и есть тот военнопленный, который чувствовал себя в Германии хорошо. Когда его удивленно спрашивали, как же это могло случиться, он отвечал:

— Кто из военнопленных может сказать о себе, что в течение почти всего времени, проведенного в плену, у него была отдельная комната, что он охотился во время плена на оленей, кабанов, сохатых, свободно разъезжал на чистокровных лошадях, часто ездил на скачки и на конные заводы? Кто может рассказать, что ему даже разрешили посетить своего брата в Баварии под предлогом закупки запасных частей для Винкельмюле, когда стало известно, что тот находится в тяжелом со-

стоянии на фабрике, где он работал? Кто может сообщить о себе, что, когда он заболел, его не переводили в тюремную больницу, а любовно ухаживали за ним, пока он не выздоравливал?

Никто из французов — друзей Валентина не усомнился в правдивости его слов. Об этой редкой дружбе, пережившей столь тяжелые времена, стало довольно широко известно. Со мной заговорил о ней, в частности, и французский Верховный комиссар Франсуа-Понсе, когда я его встретил в Бонне. Я хорошо знал Франсуа-Понсе с тех времен, когда он еще был французским послом в Берлине в период Веймарской республики. Франсуа-Понсе поблагодарил меня за все то, что я сделал для этого французского военнопленного. Он сказал, что с большой радостью выполнит любое мое пожелание. Я объяснил Франсуа-Понсе, что моим сокровенным желанием является способствовать улучшению немецко-французских отношений, остающихся еще напряженными. На это он ответил:

— Если бы все немцы были такими, как вы, и так обращались бы с нашими военнопленными, то это было бы очень легко.

Воспользовавшись случаем, я сказал:

— Полагаю, что для вашего превосходительства легко будет выполнить небольшую просьбу: недавно из Франции привезли к нам чистокровную лошадь, и мне хотелось бы, чтобы ее не вернули обратно на родину, а оставили здесь; это мне нужно здесь для возрождения коневодства в нашей стране.

Мое пожелание было выполнено. Французский дипломат с улыбкой заметил при этом:

— Вы, господин министр, всегда умели связывать политику с конным спортом.

Путь к взаимопониманию

Выполнение моих новых обязанностей в бундесрате, многочисленные заседания правления ХДС в Бонне и совещания директората по вопросам конного спорта в Кёльне требовали частых отлучек из Ганновера. Тем не менее моя административная работа в министерстве продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства протекала

нормально. У меня сложились хорошие отношения с крестьянскими организациями, с сельским населением. Напряженная работа, нередко длившаяся до глубокой ночи, не давала мне даже времени подумать о том, что вся моя деятельность, по существу, направлена на то, чтобы помочь системе, которая казалась мне во многих областях общественной жизни устаревшей, не говоря уже о неприемлемом для меня курсе в национальном вопросе.

Между партнерами по коалиции в Нижней Саксонии — ХДС и СДПГ — все еще существовали хорошие отношения. Поэтому при решении многообразных кадровых вопросов, касавшихся замещения менее ответственных постов в администрации, особых трудностей не возникало. Сравнительно нетрудно было также проводить в ландтаге совместные решения, с которыми не были согласны партии меньшинства. Когда обнаруживались разногласия, социал-демократический земельный президент, обер-бургомистр города Куксхафен Ольферс проявлял снисхождение, улаживая даже самые резкие столкновения. Лишь после того, как буря миновала, он обращался ко мне, заявляя, что собирался как раз сделать мне официальное предупреждение о недопустимости резких выражений, но ввиду того, что спор исчерпан, «на этот раз» от предупреждения воздерживается.

Председатель аграрной комиссии ландтага Шмальц, бывший тогда еще членом КППГ, поддерживал мои предложения по вопросам земельной реформы, хотя развивал более радикальные идеи, чем я. Фракция КППГ в нижнесаксонском ландтаге решила воздерживаться от нападок на меня в парламенте ввиду тех трудностей, с которыми я встречался при попытках проводить свой курс в этом вопросе в моей собственной партии и в кабинете.

Шмальц, будучи хорошим оратором, любил спровоцировать меня на словесную перепалку в парламенте. Как-то он стал критиковать, причем с полным основанием, медлительность правительства при проведении земельной реформы и при этом пространно начал распространяться на тему о «юс прима ноктис» — праве первой ночи, которое феодалы практиковали в своих владениях. Я подхватил эту тему и тут же ему ответил:

— Когда видишь вас, дорогой коллега Шмальц, в такой боевой позе, то можно подумать, что вы сами яв-

яетесь продуктом применения на практике каким-то разбойником-рыцарем права первой ночи.

И на этот раз меня не призвали к порядку, но Шмальц некоторое время сердился на меня.

Я часто разговаривал с депутатом Шмальцем о проблемах нашего национального развития. Он порекомендовал мне побеседовать при случае на эти темы с председателем КПП Максом Рейманом. Я не имел оснований не последовать приглашению, переданному мне коммунистическим депутатом ландтага.

Эта встреча состоялась в ресторане бундестага во время очередной сессии бундесрата. Рейман сидел один за столиком. Я присел к нему. Если бы взгляды могли убивать, то меня уже не было бы с тех пор в живых. Вспоминаю еще сейчас уничтожающий взгляд, который бросил на меня Аденауэр, случайно проходивший мимо.

Меня это ничуть не смущало. Некоторое время я обсуждал с Максом Рейманом возможности активных действий в интересах достижения взаимопонимания между всеми немцами.

В конце 1949 года меня посетил Шмальц и спросил, хватит ли у меня мужества принять в своем министерстве делегацию Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства из ГДР. Я ответил, что сделаю это с удовольствием. Такой шаг вполне соответствует моим убеждениям.

— Скажите этим господам, что я в любое время готов их принять в своем министерстве!

Еще будучи депутатом рейхстага, я всегда стремился поддерживать личные контакты с представителями других партий. Различия во взглядах по отдельным вопросам, какими бы глубокими они ни были, не должны были, по моему мнению, влиять на отношения между людьми.

Через некоторое время я принял в моем министерстве нескольких очень интересных посетителей из ГДР — представителей Объединения крестьянской взаимопомощи и Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства. Мы согласились с тем, что следует всемерно поощрять деятельность Общегерманского кружка, так как это содействовало бы взаимопониманию немцев в ГДР и в западногерманской Федеративной республике. Подобные же рабочие кружки возникли и в других землях Федератив-

ной республики. Центр их деятельности находился в Ганновере, так как здесь она развивалась при поддержке моего министерства. Наши усилия были особенно активно поддержаны тогдашним генеральным секретарем Объединения крестьянской взаимопомощи Куртом Фивегом, будущим заместителем председателя Совета Министров ГДР Паулем Шольцем, Фрицем Брауэром и известным во многих странах ученым профессором Мичерлихом. В этом я мог убедиться из множества разговоров с ними в Ганновере.

В 1950 году должен был состояться конгресс Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства в Эйзенахе. Я получил приглашение прибыть на этот конгресс в Тюрингию. С речами должны были выступать Фивег и я. Участвовать в конгрессе должны были также президент Германской Академии сельскохозяйственных наук профессор доктор Штуббе и вице-президент академии доктор Беккер из Кведлинбурга. Председатель социал-демократической фракции в ландтаге Роберт Хофмейстер, узнавший о приготовлениях к конгрессу в Эйзенахе, в категорической форме заявил мне, что нашей дружбе придет конец и коалиция окажется в опасности, если я поеду в Эйзенах и там выступлю с речью. Уже тогда в СДПГ и в ХДС, находившихся в плену антикоммунизма, считались чуть ли не государственной изменой любые попытки вступить в контакт с представителями ГДР в интересах взаимопонимания. Я не смог найти общего языка с Робертом Хофмейстером.

— Еще придет время, — сказал я ему, — когда вы сами будете страстно добиваться таких встреч, как эйзенахская!

Хофмейстер так и не смог мне ответить на вопрос, как вообще можно говорить о мирном воссоединении, когда не хватает мужества признать необходимость вступать в переговоры с авторитетными представителями правительства ГДР. Именно в таких переговорах я видел единственную возможность мирным путем достигнуть желанной цели.

Но антикоммунизм, усиленно разжигаемый американцами и Бонном, уже пустил слишком глубокие корни в сознании многих людей. В земельной организации ХДС часть моих друзей, которые до сих пор поддерживали меня, также выразила сомнение в целесообразности

сти моих действий. Поэтому я решил, что мне самому не стоит отправляться в Эйзенах. Меня там заменили два надежных друга — члены ХДС, среди них депутат ландтага Арндт.

Учитывая создавшееся положение, мы решили, что следующий конгресс Общегерманского рабочего кружка должен состояться в Ганновере. Здесь мое присутствие на конгрессе было бы более оправданным, и я смог бы, в частности, выступить на конгрессе с приветственной речью в качестве министра сельского хозяйства. Я еще не подозревал тогда, что мне так и не удастся осуществить и это намерение.

Взгляды мистера Макклоя

Политика «с позиции силы», которая усиленно пропагандировалась американским Верховным комиссаром Джоном Макклоем и его другом Аденауэром, принимала все более опасный характер. Я все еще был уверен, что большинство членов земельной организации ХДС поддерживает меня, но в Бонне в это время меня уже считали «паршивой овцой» в стаде. На меня смотрели как на замаскированного «коммуниста» и предателя дела экономического возрождения Федеративной республики. Хинрих Копф, которому уже давно не нравилась моя позиция, назвал меня «коммунистом в тоге ХДС». Теперь только я понял, каким иллюзиям я предавался относительно него самого и характера «большой коалиции»! Хинрих Копф знал, что «власть имущие» сидят в Бонне, и поэтому он вел себя «лучше» многих ведущих деятелей партии ХДС.

Мистер Биль, представитель Джона Макклоя в Нижней Саксонии, выходец из еврейской семьи бывших владельцев универсама в Бреславле, натурализовавшийся в Америке, разъяснил мне в ряде бесед точку зрения Макклоя: для того чтобы разговаривать с большевиками, надо иметь в кармане револьвер с большим количеством патронов, чем у них.

Все это были признаки наступления эры ремилитаризации Западной Германии. Американцы не жалели никаких усилий, чтобы добиться поворота в общественном мнении Западной Германии в пользу ремилитаризации.

зации и сепаратных соглашений с западными державами в военной, экономической и политической областях. Это были те же американцы, которые после крушения нацистского режима обращались к немцам с призывами: «Пусть никогда больше не будет войны!», «Пусть никогда больше немцы не возьмут в руки оружие!» В Западной Германии, правда, не было недостатка в людях, которые развернули большую активность в борьбе против любой формы перевооружения под видом создания «европейской армии». Это движение нашло поддержку во всех слоях населения, особенно среди молодежи. Но добиться решающего успеха ему не удалось.

Однажды Верховный комиссар Макклой посетил Ганновер. Через посредничество мистера Биля у меня состоялась с ним беседа с глазу на глаз. Макклою были известны мои взгляды, так же как мне его. Он знал, что я выступаю против политики «с позиции силы» и против ремилитаризации. Он знал также, что я отдаю предпочтение требованию о воссоединении перед всеми другими требованиями и особенно настаиваю на выполнении четырьмя оккупационными державами тех обязательств Потсдамских соглашений, которые вытекают из принципа воссоединения. Поэтому Макклой подчеркивал, что именно политика «с позиции силы» якобы будет служить этой цели. Когда речь зашла о тяжелой судьбе многих беженцев, Макклой цинично заметил:

— Эти беженцы должны стать передовым отрядом в борьбе с варварами!

Мы простились холодно, хотя и вежливо.

Я много думал о том, как предотвратить угрозу ремилитаризации. На публичном митинге в Люнебурге я резко выступил против ремилитаризации и политики «с позиции силы» и заявил при бурном одобрении собравшихся:

— Немецкая молодежь не должна стать пушечным мясом во имя защиты интересов иностранных империалистических держав!

Позже я прочитал в газетах, что Отто Нуске в это же время провозгласил лозунг: «Ни одного немецкого солдата на подготовку американской войны!»

Таким образом, я открыто отмежевался от антисоветской политики Макклоя и Аденауэра. Тем не менее мне при поддержке моих друзей еще раз удалось одержать победу в земельной организации ХДС.

У Семенова в Берлине

Тогдашний представитель советских оккупационных властей в Германии Семенов * дал мне знать, что охотно побеседовал бы со мной. Почему же я как немецкий политик не должен был принять такое приглашение? Я ведь вел самые обстоятельные беседы с английским губернатором в Нижней Саксонии, с американцем Макклоем и с французом Франсуа-Понсе, почему же не встретиться и с представителем советских оккупационных властей?

Кстати, я был лишь одним из многих западногерманских деятелей, которые в начале 50-х годов встречались с Семеновым. Клара Мария Фассбиндер посвятила целую главу своих мемуаров рассказу о встрече с Семеновым.

В начале 1950 года я на своей машине поехал к родственникам в Западный Берлин. Оттуда я отправился по советскому приглашению в Берлин-Карлсхорст. В отличие от холодной атмосферы, которая господствовала при беседе с Макклоем, встреча с Семеновым проходила в очень сердечной и откровенной обстановке. Я убедился в том, что Советский Союз не желал раскола Германии, что он отнюдь не против демократического воссоединения Германии.

Советский Союз, говорил мне Семенов, должен быть абсолютно уверен в том, что западная часть Германии не вступит в руководимую американцами систему союзов, которая будет направлена против Востока, то есть против Советского Союза.

Семенов подчеркнул также, что народы Советского Союза понесли настолько тяжелые потери в войне, связанной нацистами, что они не могут допустить, чтобы вновь, на этот раз под руководством американцев, путем ремилитаризации и реваншистской, антикоммунистической пропаганды была подготовлена война на германской территории.

Такая точка зрения была мне хорошо понятна. Я обратил вместе с тем внимание Семенова на ряд объективных трудностей, с которыми я сталкивался в своей политической деятельности в Западной Германии.

* В. С. Семенов — советский дипломат, в те годы являлся Верховным комиссаром СССР в Германии.

— Я твердо убежден в том, — сказал я Семенову, — что честная дружба, существовавшая раньше в отдельные периоды между двумя нашими народами и приносившая им большую пользу, совершенно необходима для будущего Германии.

Я указал при этом на такие исторические примеры, как соглашение между представителями Пруссии и России, заключенное в Таурогене, добрые отношения, существовавшие между двумя странами в период канцлерства Бисмарка, а также на Рапалльский договор, последовательное выполнение которого могло бы обеспечить благоприятное развитие советско-германских отношений и в дальнейшем.

Семенов ответил:

— Чем больше будет прямых контактов между благоразумно настроенными немцами на Востоке и на Западе в том смысле, в котором об этом говорится в воззвании Национального фронта демократической Германии, тем быстрее они придут к взаимопониманию. Тогда мир и единство, как и установление дружественных отношений с Советским Союзом, станут легко достижимыми целями.

Семенов пожелал мне больших успехов в политической борьбе, которую я веду в Западной Германии, и просил в любое время, которое я сочту для себя подходящим, вновь посетить его.

То, что не делали другие

Экономическое положение Федеративной республики заметно улучшалось в результате притока капитала после принятия плана Маршалла. Этот подъем, конечно, в первую очередь шел на пользу монополиям. Он сопровождался все большей интеграцией Западной Германии с Западом, процессом, развитие которого всячески поощрялось Бонном. Совершенно отчетливо эта линия политики обнаружилась, когда был выдвинут план Шумана. С течением времени такой курс привел к заключению Парижских соглашений и к вступлению Западной Германии в НАТО в 1955 году. Не возымели действия многочисленные предупреждения о тяжелых по-

следствиях такого развития, которые были сделаны Германской Демократической Республикой. Не дали результатов и многочисленные попытки достигнуть взаимопонимания между немцами, предпринятые правительством, Национальным фронтом и Народной палатой ГДР. Правительство Аденауэра отклоняло все предложения правительства ГДР с издевательскими комментариями.

Я понимал, что Германская Демократическая Республика, которая без плана Маршалла и без всяких займов, полученных у иностранных держав, собственными силами добивалась медленного, но постоянного подъема своего хозяйства, не могла просто отказаться от своих социальных достижений, дав, скажем, согласие на слияние с капиталистической Федеративной республикой под дулом «лучше заряженного револьвера», как об этом говорил мистер Макклой. По моему убеждению, успеха в деле воссоединения Германии можно было добиться лишь путем честных, открытых и равноправных переговоров.

Что же мог предпринять человек моего положения — представитель земли Нижняя Саксония и политический деятель ХДС, — чтобы содействовать успеху этого дела? Раскол Германии на два государства и на две независимые друг от друга экономические единицы, естественно, очень затруднял всякую деятельность в этом направлении. Раньше обмен товарами между Западом и Востоком развивался нормально, теперь же такой обмен в значительной мере прекратился. Так, например, в ГДР имелся избыток калийных удобрений, древесного угля и изделий оптики, в которых остро нуждалась Федеративная республика. В свою очередь в ФРГ существовал избыток стали, каменного угля, консервов, скота и рыбы, которые раньше при нормальном обмене сбывались в районы Берлина и в области, входящие ныне в ГДР.

По всем этим вопросам велись дискуссии на заседаниях Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства. Сельское хозяйство Нижней Саксонии, особенно овощеводство, а также консервная и рыбная промышленность испытывали большие затруднения в сбыте своей продукции, в то время как ГДР нуждалась в таких товарах. Что же могло быть более разумным, чем начать честные, взаимовыгодные переговоры о товарообмене?

Во время обсуждения этого вопроса в правительстве Нижней Саксонии я получил согласие на то, чтобы путем установления личных контактов с представителями ГДР добиться уравновешенного обмена товарами путем заключения разумного соглашения к взаимной выгоде обеих сторон. Кто-то из министров должен был в конце концов проявить мужество и начать переговоры с представителями ГДР хотя бы по хозяйственным проблемам, не ограничиваясь при этом, как это делали чиновники из так называемого министерства по общегерманским вопросам, демагогическими, лживыми декларациями.

Так, летом 1950 года я после соответствующей подготовки отправился с согласия нижнесаксонского кабинета и в качестве заместителя министр-президента Нижней Саксонии в Берлин. Федеральное правительство об этом шаге предварительно не было поставлено в известность.

Первоначально меня должен был сопровождать министр Генрих Альбертц, он хотел посетить знакомого евангелического пастора в Дрездене в то время, когда я буду вести переговоры в Берлине. Однако, запросив на это разрешение у своего председателя партии, доктора Шумахера, и не получив согласия, ему пришлось отказаться от своего плана.

В Берлине в начале июня 1950 года я вел переговоры с тогдашним заместителем председателя Совета Министров ГДР Вальтером Ульбрихтом. Мы мельком встречались друг с другом раньше во время нашей деятельности в рейхстаге, в период Веймарской республики. В последний раз мы виделись в январе 1933 года, когда состоялась дискуссия о моем плане трудоустройства в бюджетной комиссии рейхстага.

Берлинские переговоры о «межзональном» торговом соглашении и организации взаимовыгодного обмена товарами между Нижней Саксонией и ГДР протекали в дружественной атмосфере. Мы были убеждены в том, что переговоры по экономическим вопросам, выгодные для обеих сторон, явятся хорошим началом для ведения в дальнейшем политических переговоров в интересах демократического воссоединения нашей родины. Мы быстро, без излишних бюрократических проволочек пришли к согласию по вопросам организации желаемого обеими сторонами товарообмена между ГДР и Нижней Саксонией. Уже на следующий день я смог послать пред-

ставителя своего министерства в Берлин, чтобы оформить результаты наших переговоров в виде соответствующего соглашения.

Я вернулся в Ганновер очень довольным, так как полагал, что проделал хорошую работу, которая пойдет на пользу моей стране и делу достижения взаимопонимания между немцами.

Кампания травли

Нижнесаксонское правительство первоначально одобрило мою работу. Представители консервной и рыбной промышленности поздравили меня с успешным заключением выгодного для них соглашения. Однако со стороны доктора Аденауэра, его министра хозяйства Людвига Эрхарда я подвергся жесточайшим нападкам. Контролируемая ими печать величала меня предателем интересов правительства собственной страны и замаскировавшимся коммунистом. Аденауэр приказал начать против меня дело об исключении из партии — это была неслыханная мера, ибо в течение ряда лет я подавляющим большинством голосов избирался на пост председателя земельной организации ХДС Нижней Саксонии.

Во всей Федеративной республике против меня была развернута кампания клеветы. Ее поддерживала также часть социал-демократической фракции бундестага. «Никто не должен иметь дело с человеком, — шумела печать, — который пожал «предательскую руку Ульбрихта»».

Когда ведется со всех сторон кампания клеветы против какого-либо человека, то надо обладать большим мужеством, чтобы за него публично заступиться. Некоторые из моих друзей, членов ХДС, особенно из кругов крестьянства, нашли в себе такое мужество, но антикоммунизм и клевета против ГДР достигли таких размеров, что, за исключением немногих лиц, никто уже не осмелился выступить в мою защиту публично в прессе или на собраниях.

К тому же произошел еще один неожиданный случай в нижнесаксонском ландтаге. Председатель коммунистической фракции в бундестаге депутат Шмальц, который в свое время так просил меня принять участие в совещании в Эйзенахе, заявил:

— Лучше, если бы вы не ездили в Берлин!

Решение этой загадки не заставило себя долго ждать: оказалось, что за день до обсуждения вопроса в ландтаге Шмальц перешел в состав фракции СДПГ. Бывший коммунистический министр Абель, естественно, публично стал на мою сторону. Но это дало лишь новую пищу моим противникам в Бонне для нападок на меня.

Через некоторое время я должен был отправиться в Бонн на заседание аграрной комиссии бундесрата. По прибытии в Бонн я узнал, что федеральный канцлер запретил своему министру сельского хозяйства Вильгельму Никласу участвовать в заседании, если я буду руководить им. Заседание под моим руководством все же состоялось.

Можно, конечно, сейчас, оглядываясь назад, поставить вопрос, правильно ли я выбрал момент для своих действий, не слишком ли рано я перешел к практическим мерам? Могу лишь сказать в ответ, что по-прежнему считаю необходимым действовать в том направлении, которое считаешь правильным по существу, невзирая на возможные последствия и не тратя слишком много времени на подготовку. Может быть, не без основания мой друг Брезе сравнил мои действия с поведением скаковой лошади, которая мгновенно срывается со старта, но сразу же берет чересчур быстрый темп.

Для обсуждения требования Аденауэра исключить меня из партии была создана партийная комиссия. Она собралась под руководством Гельмута фон Амзика. Членами комиссии были назначены федеральный министр доктор Лер, бывший обер-бургомистр Дюссельдорфа и член Немецкой национальной партии, будущий федеральный министр доктор Шредер, представитель тяжелой промышленности, член штурмовых отрядов СА в гитлеровское время, и доктор Хольцапфель. По составу комиссии можно было судить о том, что, за исключением доктора Хольцапфеля, его члены будут делать все, чтобы выполнить пожелание Аденауэра исключить из партии своего главного противника.

Я энергично выступил в свою защиту, объясняя причины своего поведения. Я указал на то, что органы нижнесаксонской земельной организации всегда одобрительно относились к проводимой мною политике, особенно представители крестьянства и профсоюзов.

В партии, называющей себя демократической, должно быть разрешено придерживаться иных взглядов, чем придерживается ее председатель. Я всегда считал ханжеством говорить, с одной стороны, о необходимости воссоединения и, с другой стороны, делать практически все, чтобы углубить роковой раскол, будучи полностью в плену слепого антикоммунизма и проводя политику «с позиции силы» и интеграции Федеративной республики в одностороннем порядке с Западом. Если исключить применение силы, что могло бы привести к еще более ужасной, третьей мировой войне, то остается лишь один путь к воссоединению — вести переговоры с представителями ГДР. Обсуждение экономических проблем, в которых заинтересованы обе стороны, может служить хорошим началом для таких переговоров. Это я имел в виду. Чем дольше федеральное правительство будет отклонять многочисленные предложения ГДР начать переговоры — причем отклонять в обидной для ГДР форме, — тем острее станут противоречия между двумя частями Германии и тем труднее будет в дальнейшем вести разговоры с ГДР, которые действительно сулили бы успех.

Такой политикой, отметил я, ситуация все более будет ухудшаться, мне самому представляется к тому же неправильным ожидать решения всех наших проблем от оккупационных держав. Я считаю бессмысленным и клеветническим называть государственной изменой ведение честных переговоров немцев друг с другом, как это делала пресса ХДС после моего возвращения из Берлина. Еще придет время, когда все поймут, что претензия на «единоличное представительство», против которой я всегда выступал, была тяжелой национальной ошибкой, и будут жалеть об упущенных возможностях. Когда-то повесть о политике доктора Аденауэра озаглавят «Слишком поздно!». Ведь сразу после крушения нацистского режима, продолжал я, антифашистские партии очень неплохо сотрудничали в земельных правительствах, и это сотрудничество эффективно продолжалось бы и поныне, если бы — как это, к сожалению, произошло теперь в Федеративной республике — не были повсюду удалены с правительственных и административных постов коммунисты и ключевые позиции в общественной жизни страны не заняло бы большое число бывших членов нацистской партии и СА. Как антифашист, немало

пострадавший от нацистского режима, я категорически возражаю против того, чтобы мое дело разбирали бывшие члены НСДАП и СА.

Один лишь доктор Хольцапфель (который сам немало пострадал от интриг Аденауэра) отнесся с некоторым пониманием к моим объяснениям. Для остальных членов комиссии я был замаскировавшимся «коммунистическим предателем», недостойным состоять членом партии Аденауэра. Так Аденауэр добился своего: я был исключен из ХДС.

Свою позицию я пытался обосновать еще раз на заседании кабинета в Ганновере. Я указал на то, что нет такого распоряжения, запрещающего мне вести переговоры с представителями ГДР. Имеющиеся указания на этот счет относятся лишь к деятельности правительственных чиновников в Бонне, каковым я, как известно, не являюсь.

Хотя кампания против меня припала самые широкие размеры, не было недостатка в выступлениях, в которых предлагалось, чтобы я остался на посту министра. Так журнал «Дер шпигель» писал в середине июня, до того как было принято решение о моем исключении из ХДС, что десятки тысяч крестьян надеются получить земли в результате проведения «акции Гереке», как ее уже получили тысячи новых поселенцев, ставших владельцами пустующих дворов.

После исключения из ХДС дальнейшее мое пребывание в коалиционном правительстве стало невозможным. С согласия министр-президента я отказался от своих постов заместителя министр-президента и министра продовольствия, сельского хозяйства и лесоводства, но остался членом ландтага, так как был избран прямым голосованием в избирательном округе Юльцен, и мои друзья из крестьян и деятелей профсоюзов в округе на этом решительно настаивали. Мой друг, депутат ландтага Штоббе, представитель профсоюзов, а также крестьянский депутат Арндт в знак протеста против моего исключения из ХДС заявили о своем выходе из партии. Но они тоже сохранили свои мандаты в ландтаге, так что мы могли образовать в нем маленькую фракцию. Это стало возможным благодаря поддержке социал-демократов, добившихся принятия небольшого изменения в правилах ведения дел в ландтаге.

Создание Немецкой социальной партии

В это время в Шлезвиг-Гольштейне возник «Блок изгнанных и лишенных прав» (БХЕ), который добился в этой земле большого успеха главным образом за счет привлечения голосов, поданных ранее за ХДС. В Нижней Саксонии было образовано такое же объединение под руководством Фридриха фон Кесселя, бывшего агрария из Силезии; Кессель искал теперь контакта со мной и моими друзьями, вышедшими из ХДС, намереваясь включить нас в список своей партии на предстоящих выборах в ландтаг Нижней Саксонии. После моего выхода из ХДС вряд ли можно было рассчитывать создать новое коалиционное правительство из ХДС и СДПГ.

В ходе переговоров с «Блоком изгнанных и лишенных прав» обнаружилось, однако, что состав этой партии был очень неоднороден. Основная масса ее сторонников состояла из бывших переселенцев, которым я, будучи министром сельского хозяйства, очень помог своими мерами по заселению покинутых дворов и которые вполне могли считаться моими сторонниками. Они приветствовали мою политику оказания широкой экономической помощи переселенцам в форме перераспределения налоговых тягот и устройства переселенцев на работу в соответствии с их квалификацией. Но в партии были влиятельные круги, особенно в отдельных землячествах, которые поддерживали лозунг возвращения «потерянной родины».

Было поэтому логично, что переговоры о слиянии нашей фракции с «Блоком изгнанных и лишенных прав» оказались безуспешными. Передо мной и моими друзьями встал вопрос, что делать дальше: продолжать ли политическую борьбу на новой основе или просто устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Я получил из Бонна ряд выгодных предложений о занятии высоких постов в народном хозяйстве с большим годовым окладом — вплоть до 60 тысяч марок при условии, что полностью откажусь от политической деятельности. Но это не могло прельстить человека, который всю жизнь вел политическую борьбу, многому научился на собственном горьком опыте и рос вместе с накоплением этого

опыта, человека, который вместе с другими товарищами, подвергавшимися преследованиям в нацистское время, дал клятву никогда более не молчать, когда видишь, что путь, по которому хотят вести нацию, вновь ведет к катастрофе. Такой человек не мог считать задачей своей жизни просто жить в материальном достатке, отказавшись от того, чтобы по мере сил противодействовать всему тому, что могло углубить раскол Германии и что угрожало новой войной на германской территории.

Все это побудило меня в начале 1951 года вступить в контакт с пастором Нимеллером, президентом евангелической церкви. В Висбадене мы подписали «Призыв к миру», составленный мною, Нимеллером и доктором Хейнеманом (примкнувшим тогда к народному движению против ремилитаризации) и получивший одобрение многих политических и общественных деятелей. Наш призыв нашел широкий отклик не только в Федеративной республике, но и в ГДР. В нем мы, в частности, требовали, чтобы Западная Германия не связывала себя односторонне с такой блоковой системой, как НАТО. Мы настоятельно предупреждали против опасности, которую несет с собой пропаганда ненависти и войны, мы считали, что политика Аденауэра создала большую угрозу дальнейшему развитию Германии.

В это же время, в начале 1951 года, я и мои друзья основали Немецкую социальную партию (НСП). Она олицетворяла те идеи в области социальной, экономической и национальной политики, за которые я боролся уже в течение многих лет в Ганновере и Бонне. Оказалось, что во всех округах Нижней Саксонии — в Ганновере, Хильдесгейме, Брауншвейге, Люнебурге, Ольденбурге, Штаде, Аурихе и др. — нашлось достаточно верных моих сторонников. Поэтому мы смогли выставить во время очередных выборов в ландтаг Нижней Саксонии кандидатов Немецкой социальной партии в каждом округе. Все это требовало большой организационной работы. Основная тяжесть ее легла на мои плечи.

Многие из моих друзей пожертвовали крупные суммы на развитие партии. Но скоро все же обнаружилось, что без собственной прессы, даже при том, что почти ежедневно проводились собрания с целью вербовки новых членов, развертывание деятельности партии такими темпами, чтобы стало возможным участие ее в пред-

стоящих через короткое время выборах, было делом почти немислимым. Поэтому я начал издавать тоненький журнал «Дер дойче вег» («Германский путь»), для которого написал многочисленные статьи. Он привлек к себе внимание не только в Федеративной республике, но и в ГДР. «Дер дойче вег» мог существовать на продажу тиража, но прибыли он не давал.

«Остерегайтесь Гюнтера Гереке!»

Против Немецкой социальной партии была развернута ожесточенная кампания как аденауэровской прессы, так и Германской партией, Свободной демократической партией и «Блоком изгнанных и лишенных прав». Немецкую социальную партию пытались дискредитировать, назвав ее замаскированной коммунистической организацией, а меня — агентом Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта.

Как-то утром я в Ганновере паткнулся на плакат с лозунгом: «Кто отдает голос Гереке, голосует за Москву!» Почти на всех моих собраниях среди публики распространялись листовки с подобного рода клеветническими текстами. В них меня называли «агентом Москвы» и «предателем родины».

Под листовками стояла подпись издателя — некоего господина Юргена Хана-Бутри, члена Народного объединения борьбы за мир и свободу. Оно только что было создано при помощи больших денег, полученных из Бонна. Против меня были пущены в ход самые дикие измышления.

Так, например, на плакатах и листовках был помещен, в частности, следующий текст: «Сегодня Гереке бодрым голосом поет большевистскую песенку о единстве Германии! Поистине очень опасная песня! Ибо цель ее — прикрыть неуклюжим образом планы большевизации всей нашей родины!»

Мы знаем, что в распоряжении Гереке имеется много денег. Он не мог их получить ни от одной партии, ни от одного промышленного объединения, ни от одного земельного правительства. А не получил ли он их от коммунистов?

Кто расклеивает его плакаты? Коммунисты!

Кто организует охрану его митингов и поставляет людей для личной его когорты? Коммунисты!»

Пасквиль заканчивался следующими словами: «Остерегайтесь Гюнтера Гереке! Не давайте ему обмануть себя! Выступайте за то, чтобы он был лишен возможности продолжить свои темные делишки!»

Политик, занимающий определенное место в общественной жизни, не может мириться с подобного рода измышлениями, какими бы дикими и глупыми они ни были. Мне пришлось поэтому попытаться привлечь к суду издателя за клевету. Мне удалось добиться того, что обвинение против Хана-Бутри было выдвинуто ганноверской прокуратурой. Ведь я по-прежнему занимал видное положение в общественной жизни, во всех министерствах в Нижней Саксонии имелись люди, которые мне симпатизировали. Я подал жалобу лишь после того, как прокуратура выдвинула свои обвинения. Моим адвокатом был брат издателя журнала «Дер шпигель» доктор Йозеф Аугштейн.

Длительный процесс против Хана-Бутри, который вел земельный суд в Ганновере, закончился тем, что обвиняемый был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Но, несмотря на это, клевета все же частично привела к желаемым результатам: ожидаемого успеха на выборах добиться не удалось. Однако Немецкая социальная партия получила столько голосов, что я и мой друг Штоббе стали депутатами ландтага. Вместе с двумя депутатами КПГ нас посадили в так называемый «карлсхорстский угол»*.

Позже, уже будучи в ГДР, я узнал, что Хан-Бутри приобрел опыт для своей деятельности еще во времена нацизма. До 1939 года он был заместителем Объединения военных поэтов, потом состоял военным корреспондентом в пропагандистской роте № 691 и среди прочих его сочинений опубликовал пасквиль под названием «Танки на Балканах», представлявший собой попытку восхваления нацистской войны, выдержанной к тому еще в сильно антисемитском духе. В 1960 году он вновь

* Карлсхорст — район Берлина. В здании инженерного училища в Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. В этом здании в те годы находился штаб Советской военной администрации.

выплыл в качестве издателя «Африканского бюллетеня» в Бонне, в 1969 году опубликовал, что достойно завершает его образ, под псевдонимом доктора Руфера биографию тогдашнего председателя неонацистской партии НДП Адольфа фон Таддена. Интересно также, что в то время Хан-Бутри состоял членом ХДС.

Исход выборов я воспринял как поражение, хотя и вполне понятное при тогдашнем положении. Но предвыборная борьба и успешное завершение процесса вызвали сильный отклик во всей печати, и поэтому посыпались многочисленные приглашения из разных западногерманских земель с предложением выступить с докладами о моих политических целях и задачах Немецкой социальной партии. С переменным успехом я выступал в многочисленных городах, причем везде защищал свое решение вести переговоры с Вальтером Ульбрихтом, давшие ощутимый успех. Придет время, говорил я, когда многие из моих нынешних критиков будут рады, если получат возможность вести в такой откровенной и дружественной атмосфере переговоры с представителями ГДР по вопросам обеспечения мира и взаимопонимания немцев.

Особенно бурно проходил большой митинг в Хельмштедте. Зал был переполнен, галерки ломились от людей. Я выступал примерно десять минут, причем почувствовал, что мои слова начинают производить впечатление на аудиторию, и я успел уже коснуться моих берлинских переговоров, как по сигналу с галерки в зал посыпались пустые консервные банки с надписями «Лейпцигская смесь!», «Пойдешь за ним — пропадешь!», «Гереке и Ульбрихт хотят большевизировать всю Германию!».

Мои сторонники были возмущены, но большинство аудитории состояло из фанатически настроенных моих противников, и мне пришлось несколькими крепкими словами прервать выступление и закончить митинг.

Тем не менее Немецкая социальная партия медленно, но успешно развивалась. В числе моих старых друзей тогда мне оказывал большую помощь бывший майор Дёрр, человек умный, полностью разделявший мою точку зрения.

Как-то Дёрр, отец которого имел чин старшего интенданта, рассказывал мне, что к нему обратился некий господин Тиммерман из Бонна с предложением устро-

ить его на выгодную должность при условии, что он откажется от деятельности в Немецкой социальной партии. Дёрр возмущенно ответил этому господину, явно действовавшему по поручению Ведомства по охране конституции *, что он не продает за деньги свои убеждения. Вскоре после этого Дёрр погиб во время автомобильной катастрофы на пути из Данненберга в Ганновер, причем машину вел не он сам. Раскрыть полностью причины трагического случая так и не удалось. Расследование его затянулось на месяцы, собранные дорожной полицией сведения были переданы политическому отделу полиции, затем в расследование включилось Ведомство по охране конституции. Но странным образом так и не могли установить, была ли вызвана эта катастрофа другой машиной сознательно или нет. Весьма интересно, что документы, касающиеся Дёрра, имел также и мистер Биль. Поэтому нельзя исключить, что лучший мой сотрудник умер насильственной смертью. В этой связи можно напомнить о загадочных обстоятельствах смерти оппозиционного политика из Свободной демократической партии Деринга в 1963 году.

Представители западных оккупационных властей в Ганновере стали меня подозрительно часто приглашать на чашку чая или на ужин. При этом они проявляли неожиданно большой интерес к деятельности маленькой Немецкой социальной партии и к ее целям. Местный представитель французских оккупационных властей, как и мой английский знакомый, в частных разговорах высказали определенное понимание моей точки зрения, что мирное соглашение между немцами должно иметь приоритет перед односторонней интеграцией ФРГ с Западом. Рост напряженности в отношениях между США и СССР особенно чреват дальнейшим углублением раскола Германии и, возможно, даже возникновением братоубийственной войны между немцами. В противоположность этому мистер Биль продолжал твердить песенку о «лучше заряженном револьвере». Активную поддержку своей точке зрения Биль нашел со стороны правящего бургомистра Западного Берлина Эрнста Рейтера. В этом я убедился во время разговора втроем в вилле Билия в Ганновере. Мне при этом броси-

* Ведомство по охране конституции — западногерманская разведка.

лось в глаза, что Биль очень сердечно приветствовал Рейтера. Рейтер пришел на нашу встречу с некоторым опозданием и сразу же спросил Биля, будет ли он жить в той же комнате, которую занимал раньше, и не может ли он на несколько минут туда удалиться, чтобы подготовиться к ужину. Антикоммунистические установки Биля и Рейтера полностью противоречили моим позициям. Совпадение их взглядов лишь подтвердило впечатление о позиции Рейтера, которое сложилось у меня раньше.

Мистер Биль очень интересовался моим «самочувствием». Он дал мне понять, что если я откажусь от своих политических воззрений, то он поможет мне устроиться на самых различных полуофициальных постах или на должностях в народном хозяйстве. Повторилось то, что однажды я уже испытал, когда мне предложили оклад в 60 тысяч марок в год. Это был тот же метод — обещать золотые горы взамен обязательства полного отказа от политической деятельности, а если это не поможет, прибегнуть к иным средствам давления. Столь же любезно, как он излагал мне всякого рода заманчивые предложения во время этой встречи, Биль в другой раз предупредил меня, что если я буду продолжать мои выступления против ремилитаризации и интеграции ФРГ с Западом, то должен буду считаться с возможностью ареста.

Угрозы и провокации

Политика, которую я защищал, резко противоречила целям Бонна. В этой связи мне вскоре пришлось убедиться, что за всеми моими поездками и выступлениями следили гораздо более пристально, чем я предполагал.

При этом отнюдь не ограничивались угрозами и заманчивыми предложениями, но применяли и значительно более утонченные методы. В частности, с очень странным предложением обратился ко мне председатель праворадикальной «Социалистической правой партии» доктор Дорльс. С этой целью он несколько раз навещал меня. Я знал Дорльса по совместной деятельности в ХДС, но все же был очень удивлен, когда он изложил мне просьбу выступить посредником в организации

встречи представителей его партии с теми деятелями в ГДР, которые были мне знакомы по переговорам в июне 1950 года.

Дальнейшей провокацией с его стороны была попытка поделиться со мной какими-то «строго конфиденциальными» сведениями. Они якобы были почерпнуты из кругов, близко стоящих к боннскому правительству, а в действительности, как оказалось позже, специально с этой целью были сфабрикованы.

Так, например, меня «снабдили сведениями», что в Потсдаме (ГДР) живет человек, который занимается передачей секретной информации «боннским кругам».

Мне удалось узнать, что одним из инициаторов этой провокации был генеральный судья Рёдер, который принадлежал к кругу руководителей «Социалистической правой партии». Замыслы инициаторов провокации нетрудно было разгадать: они надеялись, что я передам полученные сведения своим друзьям в ГДР, таким образом, им удастся доказать, что ГДР оказывает финансовую поддержку определенным политическим группировкам в Федеративной республике. Излишне подчеркнуть, что я не дал себя обмануть ни неуклюжими предложениями, ни чрезмерной «доверчивостью» доктора Дорльса. Иными словами, так и не удалось использовать меня в интересах разжигания «холодной войны» против ГДР.

Мой переход в ГДР

Когда я летом 1952 года в очередной раз прибыл в Берлин для переговоров с представителями Общегерманского рабочего кружка по вопросам сельского хозяйства и лесоводства, мои друзья в Германской Демократической Республике настоятельно посоветовали мне не возвращаться более в Ганновер. Они указали на то, что получили достоверные сведения о предстоящем моем аресте Ведомством по охране конституции. Несколько позже я получил подтверждение этих сведений из других доверительных источников. Так я оказался перед трудным решением. Вся моя работа в Немецкой социальной партии окажется напрасной, если я не вернусь в Федеративную республику. Многочисленные мои сто-

ронники в Западной Германии, которые надеялись, что можно еще кое-чего добиться политической борьбой, будут разочарованы. С другой стороны, моя деятельность изо дня в день становилась все более затруднительной и могла клеветой и преследованием в любой день быть вовсе прекращена.

Я решил последовать совету моих друзей и, таким образом, стал гражданином ГДР, где беспрепятственно мог продолжать борьбу за мир и демократию.

Многие мои друзья в Западной Германии не поняли мотивов, побудивших меня к этому шагу. В многочисленных письмах и открытках, которые я получал из ФРГ через посредство ХДС в ГДР и моего друга Отто Нушке, выражалось сожаление, а иногда и непонимание моего решения покинуть Западную Германию. Лишь несколько лет спустя, когда ФРГ еще теснее была интегрирована в западную систему и в конце концов, в 1955 году, вступила в НАТО, что на длительный исторический срок сделало невозможным достижение немецкого единства, некоторые старые друзья направили мне письма, в которых говорилось, что теперь мотивы моего поступка стали им более понятны.

Для меня это было еще одним доказательством того, что мое решение продолжить в ГДР борьбу, которую я вел раньше, было совершенно правильным.

Дальнейшее развитие событий в ФРГ еще яснее показало, что я поступил правильно — страна пошла по пути, против которого я одним из первых настоятельно предупреждал.

На смерть автора

Вечером 1 мая 1970 года в Нейенхагене близ Берлина умер после тяжелой болезни автор этой книги доктор Гюнтер Гереке. Центральный комитет Социалистической единой партии Германии опубликовал 5 мая 1970 года некролог, в котором, в частности, говорилось: «В лице доктора Гереке граждане ГДР, объединенные в Национальном фронте демократической Германии, потеряли стойкого патриота и борца, глубоко убежденного и честного человека, который весь отдался служению делу мира и гуманизма, делу всемерного укрепления ГДР и роста ее международного престижа.

Правильно осознав уроки прошлого и учась на опыте собственной жизни, доктор Гереке всецело включился в борьбу за то, чтобы навсегда покончить с тяжелым прошлым, против вовлечения немецкого народа в чуждые его интересам войны. Он был истинным патриотом и демократом. Вопреки клевете, преследованиям и репрессиям, которым он подвергался при гитлеровской диктатуре и при правительстве Аденауэра, Гереке непоколебимо продолжал выступать за мир, демократию и социальный прогресс.

После освобождения немецкого народа от фашизма доктор Гереке всегда решительно отстаивал свои демократические и прогрессивные идеалы в борьбе против поднявших голову реакционных сил. Не считаясь со своим здоровьем и много раз рискуя своим положением видного деятеля ХДС и заместителя министр-президента земли Нижняя Саксония, доктор Гереке активно выступал за установление нормальных отношений с ГДР.

Его мужественная позиция не только привела к тому, что его глубоко возненавидело правительство Аденауэра, но и сделала в итоге невозможной его дальнейшую политическую деятельность в Западной Германии.

Его решение продолжать борьбу против губительной политики правительства Аденауэра, опираясь на помощь и поддержку всех сил, объединенных в Национальном фронте демократической Германии, было логическим выводом из всей его жизни и борьбы. Здесь, в ГДР, доктор Гереке не только нашел новую родину и широкое поле для развертывания политической деятельности в рамках народного движения, но смог также использовать на благо нашей социалистической родины свой богатый опыт в специальной области — коневодстве.

В своей деятельности как политик он руководствовался стремлением всемерно укреплять наше социалистическое государство активным участием всех граждан в движении Национального фронта.

Как член Национального совета и его президиума и как председатель окружного отделения Национального фронта во Франкфурте-на-Одере он неустанно заботился о том, чтобы в сознании и деятельности многих наших граждан произошел поворот, нашедший свое замечательное выражение в общей борьбе за мир и строительстве развитой общественной системы социализма. Центральный комитет СЕПГ и все силы, объединенные в Национальном фронте, выражают свою скорбь по поводу кончины стойкого патриота и заслуженного соратника. Они всегда высоко будут чтить память о нашем уважаемом друге докторе Гюнтере Гереке».

Оглавление

Свидетельство перед лицом истории	
Вступительная статья	5
Борьба за пост ландрата в Торгау	21
Детство в Груна и Пресселе	23
Затянувшееся учение	26
Из аудитории на войну	29
Двойной экзамен	34
Нелюбезный прием в Мейенбурге	40
Винтерфельд ретируется	46
Осуществление юношеской мечты	51
Первый опыт	56
Я становлюсь членом Земельного союза	62
Безуспешные поиски	68
Новые препятствия и интриги	72
Зеленые и серые конверты	76
Звонок обер-президента	78
Новый противник	80
Показания свидетелей	83
Приговор предопределен	86
Приглашение к министру внутренних дел	91
Револьвер на письменном столе	95
Берлин — Потсдамерштрассе	98
Визит, имевший серьезные последствия	102
Трудные времена	104
Земельная община — «пасынок»	108
Выборы в рейхстаг	111
Разговоры со Шлейхером и Штресманом	115

Свободные министерские посты	119
Возня вокруг кандидатуры Гинденбурга	121
«За» и «против» Советской России	124
Заботы объединения	128
«Королева красоты»	132
Там, где правил Ольденбург-Янушау	133
Неудачливый проситель и проблема залога	138
В комиссии рейхстага по налогам	140
Долги крупных аграриев	144
Полет на «Графе Цепелин»	151
Разрыв с Гугенбергом	152
Обед в «Унион-клубе»	156
В тени Шлейхера	160
Падение в бездну	163
Генрих Брюнинг и кризис	165
Нацисты сплываются	167
Обеспечение работой «на государственных началах»	174
Предвыборная борьба и наши иллюзии	177
Подарок в один миллион	186
Дело с подменной листовок	187
На сцене появляется фон Папен	190
20 июля 1932 года	194
Шлейхер не информирован	195
Программа становится достоянием общественности	197
Успехи и неудачи	203
В кабинете Шлейхера	212
Противоречия обостряются	219
Конец приближается	223
Перед 30 января 1933 года	225
Горькие размышления	229
Горит рейхстаг	232
Под слежкой. Арест	235
Судебная комедия	239
В одиночной камере	244
Сопrotивление фашизму и освобождение	253
Смерть матери	254
Под усиленным наблюдением	256
Сельский хозяин и конозаводчик	262
Новые встречи со старыми знакомыми	265
Поворот намечается	270

Путешествия и размышления	272
В день 19 июля 1944 года	276
Допросы в гестапо	279
Встреча на Эльбе	285
Снова свободный человек	286
Первые шаги на новом пути	288
Звонок доктора Хюбнера	290
В Нижней Саксонии: борьба в одиночестве	298
Поиски нового пути	301
Что немило «сердцу вельфа»	302
Встреча со старыми нацистами	305
Подозрения и реабилитация	308
Совещание в Алене	309
Переговоры об образовании коалиционного правительства	315
Опыт прошлого и реальность	320
По пути раскола	326
Встреча с Отто Нушке	328
«Лондонские приказы» и сепаратная денежная реформа	330
Аденауэр выдвигает свою кандидатуру в канцлеры	334
Встреча со старым другом	338
Путь к взаимопониманию	340
Взгляды мистера Макклоя	344
У Семенова в Берлине	346
То, что не делали другие	347
Кампания травли	350
Создание Немецкой социальной партии	354
«Остерегайтесь Гюнтера Герекке!»	356
Угрозы и провокации	360
Мой переход в ГДР	361
На смерть автора	863

Гюнтер Герек

**Я БЫЛ КОРОЛЕВСКО-ПРУССКИМ
СОВЕТНИКОМ**

**Мемуары
политического
деятели**

Младший науч. редактор
Э. В. РАСШИВАЛОВА

Художник
И. С. КЛЕЙНАРД

Художественный редактор
В. А. ПУЗАНКОВ

Технический редактор
М. Г. АККОЛАЕВА

Корректор
Р. М. ПРИЦКЕР

Сдано в набор 1.04.76. Подписано в печать
13.09.76. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 2. Условн. печ. л. 19,32+0,42 печ. л.,
вклеек. Уч.-изд. л. 19,73. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 387. Цена 81 коп. Изд. № 16760

Издательство «Прогресс» Государственного ко-
митета Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Г-119021, Zubовский бульвар, 21

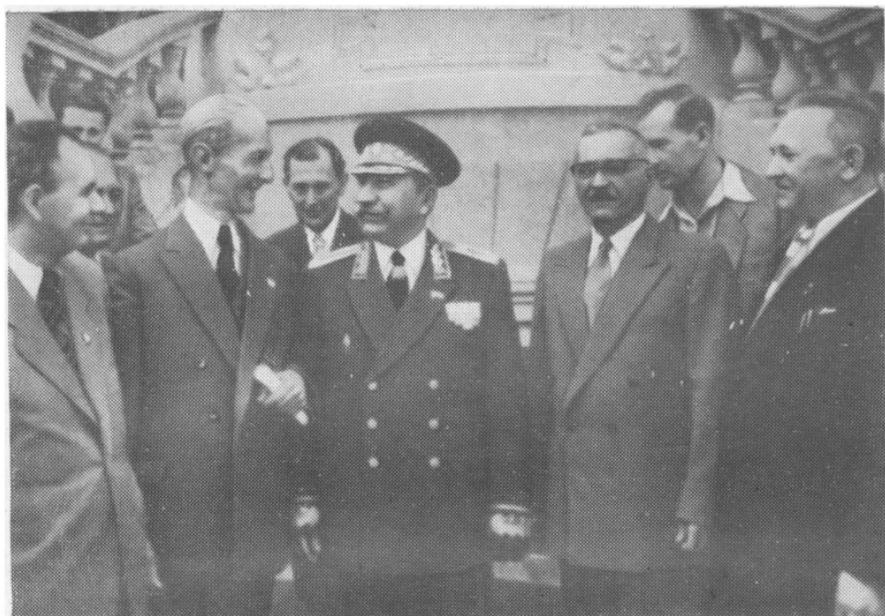
Отпечатано в ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградской типографии № 2 имени
Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 198052, Ленинград, Л-52,
Измайловский проспект, 29 с матриц ордена
Трудового Красного Знамени Первой Образцо-
вой типографии имени А. А. Жданова Союзпо-
лиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54,
Валовая, 28

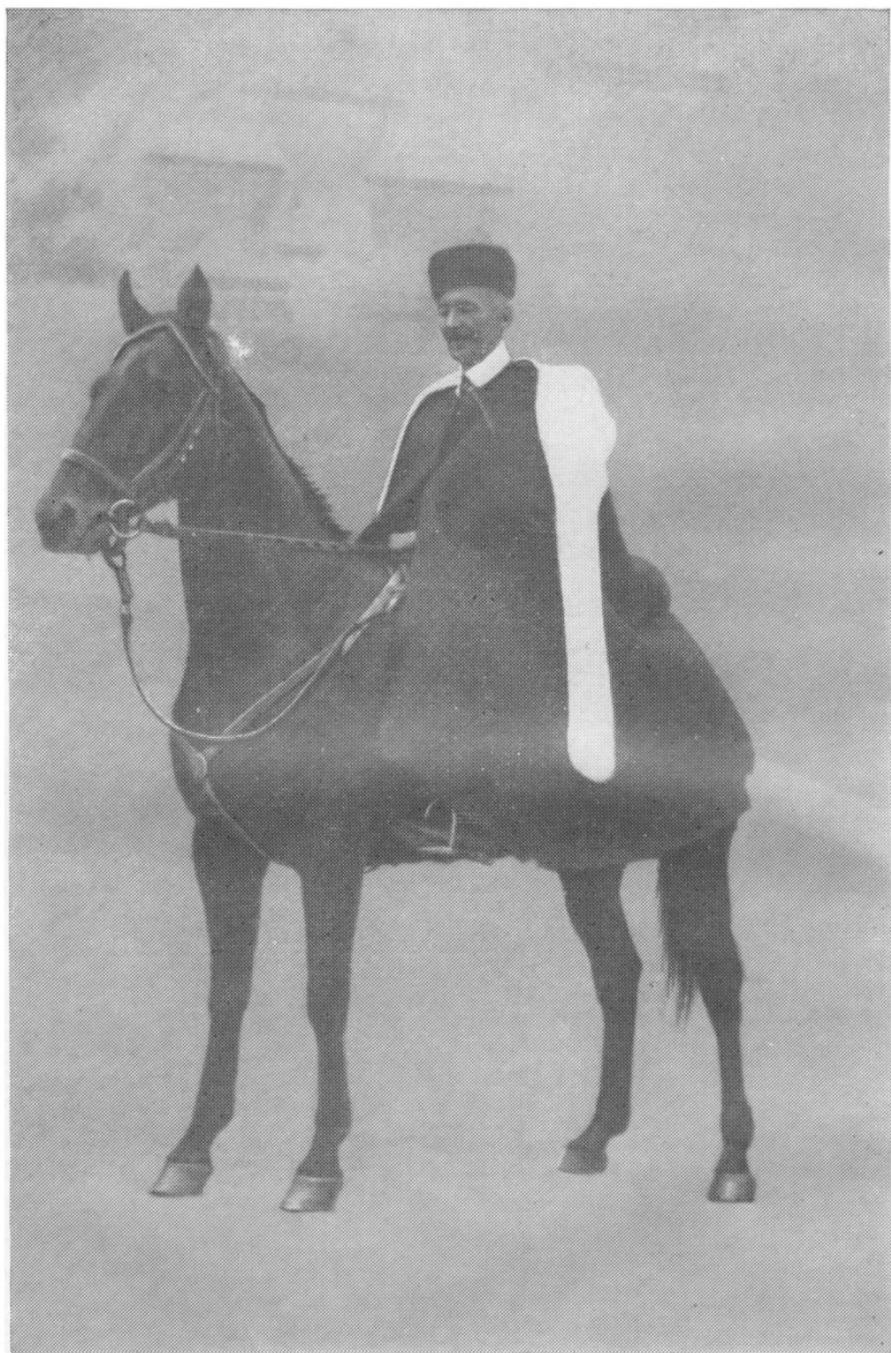
Гюнтер Гереке — президент Центрального ведомства коневодства ГДР.

На бегах в Хошепартене. Второй слева — Президент ГДР Вильгельм Пик, рядом — Гюнтер Герреке, крайний справа — Отто Винцер.

Встреча с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным в Москве. 1955 год.

Во время пребывания в СССР Г. Гереке посетил Кавказ. 1960 год.

ГЮНТЕР ГЕРЕКЕ • МЕМУАРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ